

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМЪ,

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

БЪ

ПРАВОСЛАВІЮ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ, ВЪРОУЧЕНІЯ, БОГОСЛУЖЕНІЯ, ВНУТ-
РЕННАГО УСТРОЙСТВА РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, И
ЕЯ ОТНОШЕНІЙ БЪ ПРАВОСЛАВНОМУ ВОСТОКУ.

СВЯЩЕННИКА

А. М. Иванцова-Платонова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА.

Печатня С. П. Яковлева, Спиридоновка, д. гр. Бобринскаго.

1869.

Печатать дозволяется. Московская духовная Академія. Іюня
9-го дня 1869 года.

Цензоръ Архимандритъ *Михаилъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русской литературѣ есть много сочиненій, съ различныхъ сторонъ касающихся исторіи и ученія Римско-Католической Церкви, отношеній ея къ Православному Востоку, различныхъ попытокъ къ соединенію Церквей и. т. д. Таковы изъ сочиненій полемическаго характера: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ“ покойнаго высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго; „Правда Вселенской Церкви“ А. Н. Муравьева; „Обличительное богословіе“ архимандрита Иннокентія; „Объ отношеніяхъ Римской Церкви къ другимъ Христіанскимъ Церквамъ“ Авдія Востокова; „Разборъ римскаго ученія о главенствѣ папы“ архимандрита Никанора; „О Римско-Католическомъ богослуженіи“ Серединскаго. Изъ сочиненій чисто историческаго характера можно указать замѣчательныя изслѣдованія: „О Флорентійскомъ Соборѣ“ (сочиненіе изданное при Московской духовной академіи); „О Ліонской уніи“

(сочиненіе архимандрита Владиміра, напечатанное въ „Православномъ Обзорѣніи“); „О тридентскомъ Соборѣ“ (въ „Трудахъ Кіевской академіи“ и въ „Чтеніяхъ московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія“); „Исторія попытокъ къ соединенію Церкви въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи“ Катанскаго; „О владычествѣ латынянъ на Востокъ“, отдѣльное изслѣдованіе Медовикова и статьи въ „Православномъ Собесѣдникѣ“; „Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ“ и „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“; „О патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ и латинской пропагандѣ на Востокъ послѣ паденія Константинополя“; статьи въ „Духовной Бесѣдѣ“; „Христіанскомъ чтеніи“; „Трудахъ кіевской академіи“; „О патріархѣ Фотіѣ и первомъ раздѣленіи Церкви“; статьи въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей“; въ „Православномъ обзорѣніи“; „Христіанскомъ чтеніи“; „Духовной бесѣдѣ“; „Странникѣ“; „О Михаилѣ Керулларіѣ и окончательномъ разрывѣ Церкви“, отдѣльное изслѣдованіе, изданное при кіевской академіи и статьи въ „Христіанскомъ чтеніи“; „Объ отношеніи Римской Церкви къ славянскимъ Церквамъ: сербской и болгарской“ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“; „Объ искорененіи православія латинствомъ у Западныхъ сла-

вянь въ Чехіи и Венгріи“; статьи въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей“ и „Русской Бесѣдѣ“. По исторіи отношеній папства къ Россіи у насъ есть капитальныя изслѣдованія объ исторіи католицизма въ Россіи графа Толстаго; о Западно-Русской уніи Бантышъ-Каменскаго и Кояловича; о іезуитахъ и ихъ отношеніяхъ къ Россіи о. Морошкина и Самарина; „О послѣднихъ сношеніяхъ римскаго двора съ Россіей“ А. Попова; и много статей въ „Вѣстникѣ Югозападной Россіи“; „Православномъ Обзорѣніи“; „Православномъ Собесѣдникѣ“; „Трудахъ кіевской академіи“; „Христіанскомъ Читаніи“ и др. журналахъ. Для общей характеристики сего духа латинства, основныхъ его принциповъ и отношеній къ православнымъ восточнымъ племенамъ, много сдѣлали писатели славянофилы—Хомяковъ, Киреевскій, Гильфердингъ. Въ иностранной литературѣ, при всемъ ея небезпристрастномъ отношеніи къ вопросу о католицизмѣ и православіи, также много есть замѣчательныхъ изслѣдованій по этому вопросу; изъ нихъ у насъ въ послѣднее время обращали на себя болѣе вниманія сочиненія Пихлера, Гергенретера, Овербека, о. Владиміра, Гетте и др.

Задача нашего труда, при множествѣ матеріала,

источниковъ, русскихъ и иностранныхъ пособій и предметовъ изслѣдованія, состоитъ въ томъ, чтобы свести результаты частныхъ работъ по вопросу о католицизмѣ въ одно цѣлое, обобщить частные взгляды и факты, провести чрезъ нихъ цѣльное и твердо опирающееся на историческую почву православное воззрѣніе, въ иныхъ мѣстахъ дать болѣе твердую и согласную съ современными научными требованіями постановку нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, наметить въ нихъ новыя мало изслѣдованныя, но заслуживающія серьезнаго изслѣдованія стороны,—и въ сжатомъ, популярномъ, но серьезно захватывающемъ всѣ существенныя стороны дѣла, очеркѣ, дать читателямъ возможно полное, ясное и отчетливое представленіе о Римско-Католической Церкви въ ея исторіи, въ ея ученіи, богослуженіи, внутреннемъ устройствѣ, въ ея отношеніяхъ къ православной Восточной Церкви. Мы предназначаемъ свой трудъ не для ученыхъ спеціалистовъ, которые, конечно, мало могутъ найти въ немъ новаго для себя; а для большинства образованныхъ читателей, которые сами не имѣютъ возможности перечитывать спеціальныя изслѣдованія по этому предмету, свѣрять ихъ одни съ другими, составлять изъ нихъ общіе, твердые

выводы, но которые желали бы имѣть серьезное и отчетливое представленіе о римскомъ католицизмѣ. Думаемъ, что такая книга не будетъ лишнею въ русской литературѣ. Папство, въ настоящее время, само чувствуетъ потребность подвести итоги исторіи, доктринѣ и всѣмъ стремленіямъ католицизма, и предполагаетъ это сдѣлать на предстоящемъ въ Римѣ *Вселенскомъ* Соборѣ. Православному русскому обществу также не бесполезно, и въ видахъ простой любознательности, и по многимъ практическимъ нуждамъ и соображеніямъ, изъ разрозненныхъ, и при этой разрозненности нерѣдко не отчетливыхъ, не твердыхъ и одностороннихъ представленій о католицизмѣ, вывести общіе итоги, и составить себѣ о немъ твердое, ясное, по возможности, отчетливое понятіе.

Свое изслѣдованіе о римскомъ католицизмѣ мы раздѣляемъ на три части. Въ первой части представляется очеркъ раздѣленія Церквей и обзоръ дальнѣйшихъ отношеній Западной Церкви къ Православнымъ Восточнымъ Церквамъ—Греческимъ и Славянскимъ, начиная со времени раздѣленія до новѣйшаго времени. Сюда относятся извѣстія о латинской пропагандѣ на Востоцѣ, о различныхъ попыткахъ и замыслахъ къ соединенію

Церквей и т. д. Въ концѣ этой части прилагаются два важнѣйшіе документа, характеризующіе отношенія Православной Восточной Церкви къ Западной Римско-Католической: при самомъ раздѣленіи Церквей окружное посланіе Константинопольскаго патріарха Фотія о заблужденіяхъ и не законныхъ притязаніяхъ латинства, и въ новѣйшее время—окружное посланіе восточныхъ патріарховъ, писанное въ отвѣтъ на папское приглашеніе къ соединенію Церквей въ 1848 году.

Во второй части содержится очеркъ исторіи развитія папства и важнѣйшихъ событій соприкасавшихся съ нимъ и развившихся подъ его вліяніемъ въ западно-европейской жизни—послѣ отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной до новѣйшаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ критико-догматическое разсмотрѣніе самаго римскаго ученія о папской власти духовной и свѣтской.

Въ третьей части будутъ разсмотрѣны другія особенности римскаго-католицизма, отличающія его отъ истиннаго православія—латинскіе догматы объ исхожденіи Св. Духа, о сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлахъ, о чистилищѣ и индульгенціяхъ, непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, важнѣйшія особенности въ римской Церковномъ устройствѣ и уч-

равленіи, важнѣйшія особенности въ римско-католическомъ Богослуженіи, преимущественно въ совершеніи таинствъ и т. д.

Вторая часть ея будетъ печататься въ слѣдъ за первою; третья выйдетъ послѣ. ✓

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМЪ,

И

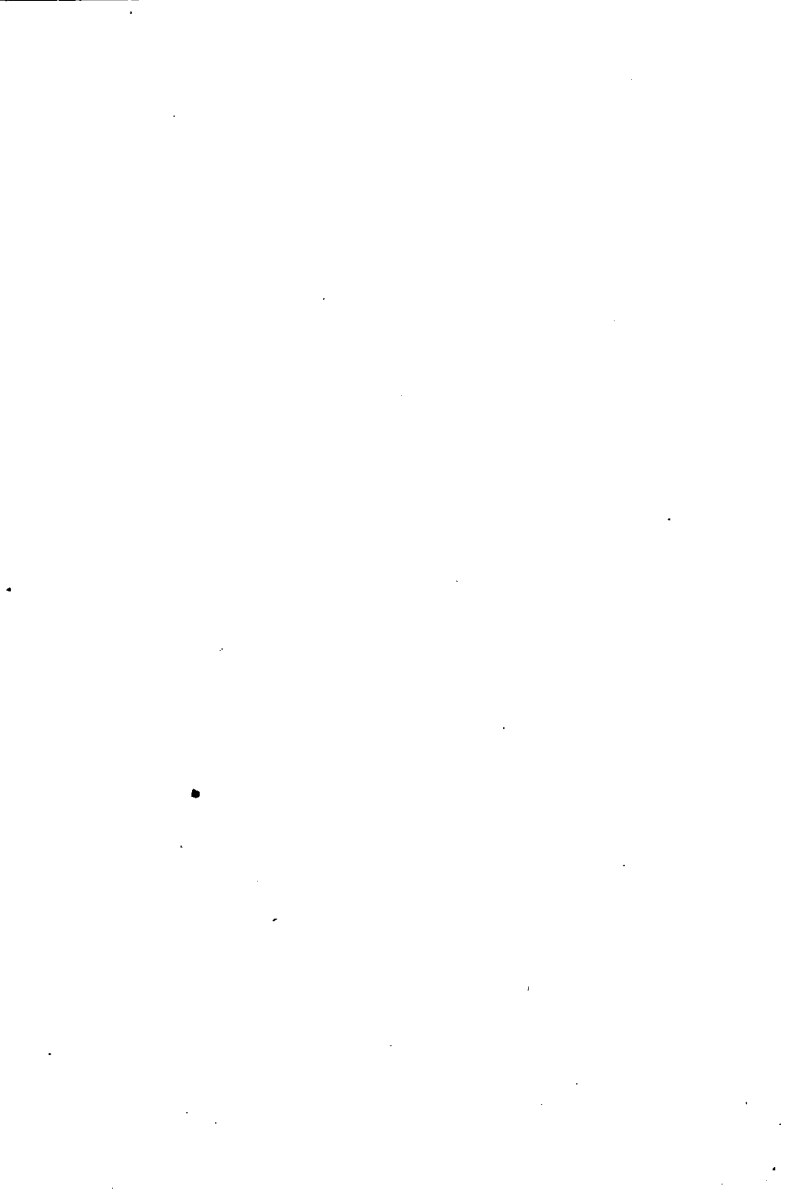
ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ

П Р А В О С Л А В І Ю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

**ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ, И ОТНОШЕНІЯ
ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ КЪ ВОСТОЧНЫМЪ ЦЕРКВАМЪ ПОСЛѢ
РАЗДѢЛЕНІЯ.**

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Очеркъ исторіи раздѣленія церквей.

I.

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ И ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРВЫЯ ВѢКА ХРИСТИАНСТВА.

Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанской исторіи, міръ христіанскій, по общимъ понятіямъ, раздѣлялся на двѣ главныя части: на Восточную и Западную. Къ послѣдней причислялись Церкви, находящіяся въ западной Европѣ и сѣверо-западной Африкѣ: римская, испанская, галликанская, британская, карфагенская; къ первой—Церкви въ странахъ около восточныхъ береговъ Средиземнаго моря,—въ сѣверо-восточной Африкѣ, юго-западной Азии и юго-восточной Европѣ, Церкви египетскія, мало-азійскія, собственно греческія. Восточная половина христіанскаго міра, по преобладающему составу населенія, языку, нравамъ и характеру цивилизаціи, называлась преимущественно Греческою, Западная—Латинскою.

Между Восточными и Западными Церквами, при всемъ единствѣ ихъ вѣрованій и основныхъ началъ церковнаго устройства, при всей братской любви, одушевлявшей древній христіанскій міръ, не было такой близости, такой общности интересовъ, задачъ и стремленій, такихъ частыхъ сношеній, какія можно было замѣтить между Восточными Церквами—отдѣльно и Западными—отдѣльно. Самая географическая разобщенность,—дальность разстоянія,—препятствовала Восточнымъ и Западнымъ Церквамъ имѣть частыя сношенія между собою. Оттого и на самые Вселенскіе Соборы, которые были главнымъ выраженіемъ церковнаго единства, и на которыхъ рѣшались важнѣйшіе, касавшіеся всего христіанства вопросы и дѣла, представители Западной Церкви, по дальности разстоянія, могли являться только десятками, а иногда единицами; между тѣмъ какъ Восточныхъ епископовъ здѣсь бывали сотни. Для рѣшенія же болѣе частныхъ дѣлъ и вопросовъ, Восточная Церковь имѣла свои помѣстные Соборы, Западная—свои и на Востокъ всегда были болѣе извѣстны опредѣленія помѣстныхъ Соборовъ Восточныхъ—антіохійскихъ, лаодикійскихъ, неокесарійскихъ, константинопольскихъ, на Западѣ же опредѣленія западныхъ-римскихъ, равеннскихъ, арелатскихъ, ахенскихъ, ельвирскихъ, толедскихъ.

Разнообразіе племеннаго состава—преданій, нравовъ, воззрѣній и характеровъ народныхъ, разность судебъ исторической жизни, преимуще-

ственно начавшая обнаруживаться въ восточной и западной половинѣ христіанскаго міра съ V вѣка, со времени раздѣленія Греко-Римской монархіи на Восточную и Западную Имперію, и особенно со времени утвержденія новыхъ *варварскихъ* племенъ въ Европѣ и паденія Западной Имперіи, наконецъ самая разность образованія, которое на Востоцѣ между Греками стояло въ древности несравненно выше, нежели на Западѣ между латинцами — все это естественно сказывалось разнообразіемъ на-правленій, задачъ и интересовъ въ самой церковной жизни Восточнаго и Западнаго христіанства.

Направленіе и дѣятельность Восточной Церкви отличались по преимуществу высшимъ богословскимъ догматическимъ характеромъ. Здѣсь раскрывались и выяснялись основныя начала христіанской вѣры и жизни, устанавливались основныя правила церковнаго благоустройства. Здѣсь были великіе учителя Церкви, оставившіе въ своихъ произведеніяхъ для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ богатый неистощимый источникъ разумѣнія и точнаго, выразительнаго, художественнаго изложенія истинъ вѣры. Здѣсь самый народъ принималъ большое участіе въ разъясненіи высшихъ вопросовъ вѣры. Самыя ереси, появлявшіяся здѣсь, имѣли своимъ предметомъ возбужденіе высокихъ и глубокихъ вопросовъ религіознаго и философскаго вѣдѣнія.

Направленіе западной церковной жизни имѣло другой характеръ. Здѣсь высшими вопросами религіознаго знанія мало интересовались, и мало

ихъ понимали. Лучшіе учителя Западной Церкви въ своихъ произведеніяхъ слѣдовали образцамъ восточнаго богословія; и чѣмъ ближе держались ихъ, тѣмъ точнѣе были въ пониманіи и толкованіи истинъ вѣры; чѣмъ болѣе пускались въ самостоятельныя мудрствованія, тѣмъ болѣе подвергались опасности неточнаго и односторонняго толкованія. Народъ—міряне въ Западной Церкви мало принимали самостоятельнаго участія въ дѣлахъ Церкви, болѣе довѣрялись и слѣдовали своему духовенству, которое избиралось большею частію изъ вліятельнѣйшихъ классовъ народа и представляло собою всю образованность тогдашняго западнаго міра. Западная Церковь отличалась твердостью въ сохраненіи преданій, строгимъ наблюденіемъ внѣшняго порядка, духомъ еднomyслия и церковнаго послушанія. Западная іерархія держалась болѣе независимо по отношенію къ государственной власти и имѣла болѣе вліянія на народъ, не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Замѣчательнѣйшіе представители Западной Церкви отличались богатыми практическими способностями; они не были высокіе богословы,—за то были замѣчательные политики и администраторы, умѣвшіе держать церковный порядокъ и утверждать вліяніе Церкви при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и политическихъ переворотахъ, въ тѣ времена часто волновавшихъ западъ.

Отъ того самыя задачи и направленія церковной дѣятельности на Востокъ и Западъ были раз-

личны. Въ то время, какъ представители Восточной Церкви напрягали свои умственные силы въ борьбѣ со множествомъ ересей и разъясненіи христіанскаго ученія,—представители Западной Церкви изобрѣтали всевозможныя практическія средства для того, чтобы сохранить непоколебимымъ преданіе вѣры и порядокъ церковный среди политическихъ колебаній и переворотовъ, потрясавшихъ западную Европу, — удержать, по возможности, и усилить вліяніе Церкви среди множества племенъ и владѣній, утвердившихся на развалинахъ Западной Римской Имперіи и въ началѣ относившихся непріязненно къ римскому христіанству. Отъ того замѣчательнѣйшія событія и волненія Восточной Церкви не такъ сильно отзывались на судьбѣ Западной, и наоборотъ. Аріанство волновало собою весь христіанскій Востокъ въ продолженіи IV вѣка; въ это время оно было слабо на Западѣ; тамъ оно получило большое значеніе къ концу IV и преимущественно въ V и VI вѣкахъ, когда на Востокъ совершенно ослабѣло; когда теоретически оно было уже опровергнуто восточными учителями, и борьба съ нимъ должна была принять практическій характеръ. Несторіанскіе, монофизитскіе и моноелитскіе споры, наполняющіе собою не только церковную, но и политическую исторію Востока въ V, VI и VII вѣкахъ, не имѣли почти никакого значенія для Запада. Иконоборческія волненія VIII и IX вѣковъ также не имѣли такого значенія на Западѣ,

какъ на Востокѣ. И наоборотъ, такія событія, какъ паденіе Западной Римской Имперіи, распространеніе вліянія церкви на Франковъ, Вестготовъ, Лонгобардовъ и другія замѣчательнѣйшія событія Западной исторіи, конечно, не имѣли такого значенія для Восточной Церкви, какъ для Западной.

Такимъ образомъ характеръ и направленіе жизни и дѣятельности въ Восточной и Западной Церквахъ, во многихъ отношеніяхъ были различны между собою. Тѣмъ не менѣе самый источникъ, самыя основы Церковной жизни на Востокѣ и Западѣ—во всемъ православномъ мірѣ были одни и тѣ же. Одни и тѣ же были въ Восточной и Западной Церкви догматы вѣры, нравственные начала христіанской жизни, св. таинства, основныя правила Церковнаго благоустройства. Восточная и Западная Церковь не считали себя отдѣльными Церквями, — тѣмъ болѣе далеки были отъ того, чтобъ обвинять другъ друга въ неправославіи, или въ чемъ-либо превозноситься одной предъ другою; но взаимно считали себя равнодостоинными и святыми членами Единой Православной Вселенской Церкви и находились въ тѣсномъ братскомъ общеніи между собою. Разобщенность географическая, разности судебъ исторической жизни, разнообразіе племенъ, языковъ, степеней образованности, народныхъ характеровъ и направленій жизни не мѣшали внутреннему единенію Церкви; напротивъ, при единствѣ основныхъ началъ и братскомъ духѣ любви, жизнь Церковная чрезъ такое разнооб-

разіе силъ и направленій могла раскрываться богаче, полнѣе, разностороннѣе. Самостоятельное раскрытіе духовныхъ силъ въ одной части христіанскаго міра восполнялось плодами дѣятельности другихъ частей; одна Церковь, въ чемъ оказывалось нужнымъ, помогала и служила другой. Западная Церковь получала съ Востока свѣтъ духовнаго просвѣщенія, разъясненіе высшихъ вопросовъ христіанской вѣры и жизни, — въ свою очередь и сама, при ея преданности древнимъ преданіямъ, при твердомъ, независимомъ характерѣ, крѣпкомъ іерархическомъ строѣ и широкомъ практическомъ смыслѣ, нерѣдко являлась для Восточной Церкви крѣпкою опорой во времена религіозныхъ и политическихъ смутъ, волновавшихъ православный Востокъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя существенныя основы вѣры и жизни въ Восточной и Западной Церкви были однѣ и тѣ же, въ частныхъ проявленіяхъ церковной жизни, въ церковныхъ обрядахъ, при разобшенности географической, при рѣдкости и неудобствѣ сношеній, при различныхъ условіяхъ исторической жизни, естественно должны были обнаруживаться нѣкоторыя разности у Восточныхъ и Западныхъ христіанъ. Разности эти давали поводъ къ временнымъ недоразумѣніямъ: совѣщаніямъ, спорамъ; но эти временныя недоразумѣнія, когда не были усиливаемы вліяніемъ какихъ либо личныхъ страстей, мирно разрѣшались и не нарушали союза христіанскихъ Церквей. Такъ еще со II вѣка между

Римскою, Мало-Азійскими и другими Церквами, начался споръ о томъ, въ какой день нужно праздновать Пасху; различіе мнѣній относительно этого предмета, существовавшее въ различныхъ Церквахъ, не препятствовало единенію христіанскаго міра, а потомъ и совершенно было прекращено и умиротворено на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ. Въ III вѣкѣ между Римскою и Карфагенскою Церквами возникъ сильный споръ о томъ, нужно или ненужно перекрещивать еретиковъ, обращающихся въ православную вѣру. Относительно этого представители различныхъ Церквей также держались различныхъ мнѣній, пока не установлено было на этотъ предметъ одного опредѣленнаго мнѣнія на 2-мъ Вселенскомъ Соборѣ.

Съ IV и особенно съ V вѣка, когда въ политическомъ отношеніи Востокъ и Западъ раздѣлились—и историческая жизнь въ той и другой части христіанскаго міра пошла особыми путями, естественно стало образовываться больше разностей и въ жизни церковной. И, дѣйствительно, съ IV до IX вѣка въ Западномъ христіанствѣ, отъ время до времени, обозначаются нѣкоторыя новыя разности съ Восточною Церковію въ мнѣніяхъ и обрядахъ. Являются, напр. разности въ соблюденіи постовъ. На Западѣ утвердился постъ въ субботу въ память погребенія Христова; между тѣмъ, на Востокѣ поститься въ субботу, кромѣ одной Великой Субботы, строго воспрещалось, вѣроятно, потому, что этотъ постъ первоначально установленъ былъ

нѣкоторыми еретиками съ злонамѣренною еретическою мыслію. Напротивъ, въ среду и пятницу каждой недѣли, и во всю первую седмицу великаго поста, на Западѣ разрѣшалось ѣсть молоко, сыръ и яйца. Явилась разность въ совершеніи тайинства муропомазанія. На Западѣ прежде, какъ и на Востоцѣ, совершали муропомазаніе священники; потомъ священникамъ предоставлено было помазывать только очи, ноздри, уши, уста, перси, руки и ноги, а высшее запечатлѣніе чела предоставлено епископамъ; потомъ мало по малу священническое помазаніе совсѣмъ потеряло значеніе и вывелось изъ употребленія; осталось одно епископское помазаніе чела. Жизнь Западнаго духовенства, соотвѣтственно особенному положенію его среди западныхъ народовъ, также много отличалась отъ жизни Восточнаго духовенства. Западное духовенство и въ Италіи, и въ Галліи, и въ Германіи было болѣе Восточнаго вліятельно въ высшихъ классахъ общества, при дворахъ, въ дѣлахъ политическихъ. Его положеніе было болѣе независимо; напр., чтобъ осудить духовное лицо, для этого, по самымъ церковнымъ правиламъ, на Западѣ требовалось несравненно больше условій, чѣмъ на Востоцѣ (на Востоцѣ противъ духовнаго лица требовалось 3 свидѣтеля на судѣ, на Западѣ 72). По своему происхожденію, вліянію и занятіямъ, ближе стоящее къ высшему свѣтскому обществу, высшее западное духовенство вело и болѣе свѣтскій образъ жизни. По самому внѣшнему виду, западное духовенство

отличалось отъ восточнаго; на Западѣ духовные брили бороду, стригли волосы, на Востокѣ это запрещалось. Слишкомъ высокое понятіе о духовномъ санѣ сдѣлалось на Западѣ источникомъ мысли, что духовные должны вести и жизнь не такую, какъ простые люди, а высшую—ангельскую, что они должны быть свободны отъ всякихъ семейныхъ и общественныхъ связей и заботъ, что имъ не прилично вести брачную жизнь. Такимъ образомъ, на Западѣ еще съ IV вѣка замѣчается и въ послѣдующіе вѣка болѣе и болѣе распространяется и утверждается обычай безбрачія духовныхъ лицъ. На Востокѣ же предоставлено было свободѣ каждаго изъ духовныхъ лицъ—вступать въ бракъ до рукоположенія, или вести безбрачную жизнь. И когда на первомъ Вселенскомъ Соборѣ нѣкоторые, вѣроятно, представители Западной Церкви, предложили вездѣ ввести безбрачіе духовенства, это предложеніе было отвергнуто Соборомъ. А такихъ людей, которые гнушались принимать таинства отъ женатыхъ священниковъ, какъ отъ недостойныхъ, правилами Восточныхъ Соборовъ предписано было отлучать отъ Церкви.

Всѣ означенныя разности до времени не подавали повода къ раздорамъ и не нарушали союза Церквей. Всѣ эти разности касались внѣшности церковной—обрядовъ, внѣшняго положенія духовенства. Въ древней Церкви допускалась значительная свобода и разнообразіе во внѣшнихъ обрядахъ; требовалось только, чтобы существенныя основы

церковной жизни—догматы вѣры, основныя начала церковнаго благоустройства — вездѣ были однѣ и тѣ же, и чтобы былъ во всѣхъ Церквахъ одинъ братскій христіанскій духъ. Каждая помѣстная Церковь, кромѣ общихъ христіанскихъ правилъ и обрядовъ, могла имѣть свои мѣстныя правила и обряды, съ тѣмъ только, чтобы эти мѣстные обряды не заключали въ себѣ чего-либо недостойнаго — неприличнаго, не покрывали собою какой-нибудь ложной еретической мысли, и чтобы одна какая-либо Церковь не заявляла неумѣстныхъ притязаній къ насильственному распространенію своихъ частныхъ правилъ и обычаевъ въ другихъ Церквахъ. При томъ же можно было надѣяться, что и эти внѣшнія разности, при дальнѣйшемъ общеніи между Церквами, при здоровомъ и мирномъ обсужденіи дѣла, по времени будутъ сглаживаться и приводиться къ единству, подобно тому, какъ были умиротворяемы на соборахъ Церковныхъ и многія другія разномѣнія и несогласія, по временамъ возникавшія въ различныхъ помѣстныхъ Церквахъ. Восточная Церковь, при всей разобщенности отъ Запада, не упускала изъ виду Западную Церковь и старалась предостерегать ее отъ излишнихъ и неумѣстныхъ нововведеній въ самыхъ внѣшнихъ обычаяхъ церковныхъ. Такъ на трульскомъ соборѣ сдѣлано было Западной Церкви внушительное предостереженіе относительно поста въ субботу и безбрачія духовенства. Но Восточная Церковь не считала себя въ правѣ изъ-за обрядовыхъ разностей

прерывать союзъ съ Западною Церковью, и про-
износить на нихъ строгое и рѣшительное осужде-
ніе до тѣхъ поръ, пока Западная Церковь не стала
придавать своимъ мѣстнымъ правиламъ и обрядамъ
особеннаго общеобязательнаго значенія и заявлять
притязаній къ распространенію ихъ на самомъ Во-
стоцѣ, съ униженіемъ правъ, свободы и древнихъ
обычаевъ Восточной Церкви.

Съ VI вѣка начала обозначаться между Восточ-
ною и Западною Церквами нѣкоторая разность въ
самомъ ученіи вѣры. На Востоцѣ, согласно съ сло-
вами Самаго Господа Іисуса Христа (Іоан. гл. XV,
ст. 26), всегда учили, что Духъ Святый исходитъ,
т. е. имѣетъ бытіе отъ Бога Отца, и такъ испо-
вѣдывали въ Символѣ Вѣры, согласно съ поста-
новленіями Вселенскихъ Соборовъ. На Западѣ нѣ-
которые богословы стали учить, что Духъ Святый
исходитъ отъ Отца и Сына (Filioque). Здѣсь дѣло
касалось уже не простыхъ обрядовъ, а высокаго,
таинственнаго догмата, и въ будущемъ могло по-
вести къ разности исповѣданій Восточной и За-
падной Церкви; но на первыхъ порахъ и эта раз-
ность не обращала на себя большаго вниманія и
не нарушала союза Церквей. До IX вѣка она не
была Римскою Церковію вносима въ Символъ Вѣры,
не была признаваема самими папами, не была об-
щимъ вѣрованіемъ Западной Церкви, а держалась
только, какъ частное мнѣніе, нѣкоторыми богосло-
вами (преимущественно въ Испаніи и Галліи). И
притомъ на первыхъ порахъ въ Западной Церкви

не представляли ясно, въ какомъ смыслѣ нужно разумѣть исхожденіе Духа Святаго отъ Сына—въ томъ ли, что Онъ предвѣчно исходитъ, т. е. по самому существу своему имѣетъ бытіе отъ Сына также, какъ отъ Отца,—или въ томъ, что Онъ временно является въ міръ—на людей нисходитъ въ благодатныхъ дарахъ Своихъ отъ Сына или чрезъ Сына, т. е. ради искупительныхъ заслугъ и ходатайства Сына Божія. Въ послѣднемъ смыслѣ выраженіе—„отъ Сына или чрезъ Сына“ не заключало въ себѣ ничего противнаго православному ученію Восточной Церкви. А въ такомъ именно смыслѣ и объясняли Западное ученіе объ исхожденіи Святаго Духа нѣкоторые римскіе богословы не только въ VII вѣкѣ, какъ свидѣлствуетъ объ этомъ знаменитый учитель церковный св. Максимъ Исповѣдникъ, но даже и въ IX вѣкѣ, какъ свидѣлствуетъ писатель, непріязненный къ Восточной Церкви и имѣвшій большое значеніе въ Римской Церкви,—Анастасій библіотекарь *). Вообще же можно было надѣяться, что эта разность, при дальнѣйшемъ общеніи церквей, будетъ разъяснена и устранена мирнымъ братскимъ обсужденіемъ и соглашеніемъ. Сама по себѣ эта разность не могла бы быть причиною разрыва Церквей, еслибы личная притязательность и честолюбіе не

*) См. въ „Обличительномъ богословіи“ архимандрита Иннокентія, ч. II стр. 24, 25, 48—54.

обратили ее въ видимый предлогъ для церковныхъ споровъ—по соображеніямъ, чуждымъ искренняго стремленія къ изслѣдованію истины.

II.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВОВАВШІЯ ВОЗВЫШЕНІЮ ПАПЪ И ПЕРВЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ПАПСКАГО ВЛАСТОЛЮБІЯ ДО ПОЛОВИНЫ IX ВѢКА.

Существенною причиною разрыва между Восточною и Западною Церквами были іерархическія несогласія Римскихъ папъ съ Константинопольскими патріархами. Папы, вопреки самому духу христіанства и прямымъ завѣщаніямъ Христа Спасителя *), стали мечтать о верховномъ господствѣ надъ христіанскимъ міромъ и простирали свои властолюбивыя притязанія не только на всѣ Западныя, но и на Восточныя Церкви. Константинопольскіе патріархи, какъ главные представители православнаго Востока, видя въ притязаніяхъ папскихъ оскорбленіе и большую опасность для свободы и правъ всей Церкви, сочли своимъ долгомъ дать имъ рѣшительный отпоръ. Изъ-за этого возникли

*) См., напр., Еванг. Маттея, глав. XX ст. 25—27, Луки гл. XXII ст. 24—27 и под.

вѣковѣ споры между Римскою и Восточною Церквами, которые и кончились рѣшительнымъ разрывомъ ихъ взаимнаго союза.

Властолюбивыя стремленія Римскихъ папъ начали обнаруживаться весьма рано,—еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, и до IX вѣка, при различныхъ историческихъ обстоятельствахъ, благоприятствовавшихъ Риму, развивались все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не сдѣлались невыносимыми для Церкви.

Римская Церковь съ первыхъ вѣковъ христіанства пользовалась въ христіанскомъ мірѣ большимъ уваженіемъ, какъ Церковь верховной и славнѣйшей столицы міра, (какъ церковь, основанная первоверховными апостолами Павломъ и Петромъ и славившаяся твердостію своего исповѣданія вѣры; множествомъ (пострадавшихъ въ ней мучениковъ, (самою своею) многолюдностію; богатствами и благоустроенностію. Въ особенности, Римская Церковь славилась на всемъ христіанскомъ Западѣ. На Востоцѣ было много Церквей древнихъ, основанныхъ самими Апостолами, прославленныхъ св. Мучениками и знаменитыми учителями церковными,—напр. александрійская, іерусалимская, антиохійская, ефесская и другія. На Западѣ же Римская Церковь не имѣла себѣ равныхъ; самыя знаменитыя Церкви Запада, напр. карагенская и ліонская, относились къ Римской Церкви съ особеннымъ уваженіемъ. Это давало поводъ еще въ первые вѣка нѣкоторымъ папамъ высказывать властолюбивыя

и ч. восточная церковь! Римской Римской Максвелл

притязанія, и повелительно относиться къ епископамъ другихъ Церквей. Такъ, во II вѣѣ Римскій папа, Викторъ, въ спорѣ о празднованіи Пасхи, настоятельно, собственною властію, сталъ требовать, чтобы мало-азійскіе епископы слѣдовали въ этомъ дѣлѣ обычаю Римской Церкви, подъ опасеніемъ отлученія церковнаго. Въ III вѣѣ,—во время спора о крещеніи еретиковъ, папа Стефанъ съ подобною же притязательностію отнесся къ кареагенской церкви, требуя повиновенія себѣ, какъ епископу епископовъ. (Но, разумѣется, подобныя властолюбивыя притязанія не могли быть терпимы въ древней Церкви, одушевленной духомъ братства и свободы, и папамъ дали рѣшительный отпоръ другіе епископы, не только восточные, но и западные: папѣ Виктору—Поликратъ ефесскій и св. Ириней ліонскій, папѣ Стефану—св. Кипріанъ кареагенскій и Фирмилианъ каппадокійскій. Имъ замѣчено было, что никто изъ епископовъ не долженъ усвоить себѣ имени и власти епископа епископовъ или перваго между епископами; относиться высокоумно къ другимъ равнымъ епископамъ; дѣлать имъ предписанія и повелѣнія; собственною властію отлучать отъ общенія церковнаго члѣны Церкви, подвергая тѣмъ себя самого опасности лишиться общенія церковнаго.

Съ IV вѣка, со временъ св. Константина Великаго, столица Римской Имперіи была перенесена на Востокъ, и съ этого времени стало возвышаться значеніе константинопольскихъ епископовъ.

правильно!

Константинополь названъ новымъ Римомъ и за константинопольскимъ патріархомъ на 2, 4 и 6-мъ Вселенскихъ Соборахъ *) признаны права чести, равныя съ правами римскихъ епископовъ. Съ этого времени римскіе епископы стали смотрѣть на константинопольскихъ, какъ на своихъ соперниковъ и по временамъ пользоваться случаемъ къ униженію ихъ. Подобные случаи представлялись, когда у константинопольскихъ епископовъ возникали неблагопріятныя столкновенія съ Императорами или съ другими старѣйшими епископами на Востокѣ, — особенно съ alexandрійскими, которые также неблагоклонно смотрѣли на возвышеніе константинопольскихъ епископовъ, потому что до этого времени сами считались старѣйшими епископами на Востокѣ. Искусно вмѣшиваясь въ распри восточныхъ епископовъ между собою и въ столкновенія ихъ съ свѣтскою властію, принимая, по обстоятельствамъ дѣла, то ту, то другую сторону, папы старались утвердить за собою авторитетъ высшихъ судей и рѣшителей всякаго спора.

На Западѣ, съ перенесеніемъ императорской столицы на Востокъ, и, еще болѣе, съ послѣдовавшимъ скоро за тѣмъ паденіемъ Западной Имперіи, папа остался первымъ лицомъ, главнымъ представителемъ христіанскаго народа не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Сво-

*) 2-го Вселенскаго Собора правило 3-е; 4-го Вселенскаго Собора правило 28-е; Трульскаго Собора правило 36-е.

имъ политическимъ благоразуміемъ и мужествомъ, папы съумѣли снискать себѣ любовь и довѣріе христіанъ Западныхъ въ тяжкое для нихъ время паденія Западной Имперіи и внушить уваженіе къ себѣ самымъ варварскимъ племенамъ, разрушившимъ Имперію и утвердившимся на развалинахъ ея. Съ теченіемъ времени всѣ эти варварскія племена изъ грубаго язычества или изъ аріанской ереси, которой многіе изъ нихъ были преданы, стараніями папъ и преданныхъ имъ лицъ были обращаемы къ Церкви и признавали надъ собою духовное владычество папъ. Вслѣдствіе этого духовная область папъ и ихъ нравственное вліяніе болѣе и болѣе распространялись на всемъ Западѣ Европы.

Между тѣмъ знаменитѣйшія Церкви Востока въ это время много были возмущаемы и ослабляемы частыми еретическими волненіями, незаконнымъ вмѣшательствомъ государственныхъ властей въ церковныя дѣла, взаимными распрями іерарховъ и, наконецъ, сильнымъ напоромъ внѣшнихъ враговъ христіанства, сначала персовъ, потомъ, въ особенности, арабовъ—магометанъ, распространившихъ на Востокъ свое ученіе и господство въ VII и VIII вѣкахъ. Изъ древнихъ знаменитыхъ патріархатовъ Востока три—іерусалимскій, антиохійскій и александрійскій—были совершенно обезсилены и подчинены игу невѣрныхъ. Константинопольскій патріархатъ оставался сильнѣе и обширнѣе другихъ, но и онъ постоянно былъ воз-

мущаемъ религіозными и политическими волненіями. Всѣ эти обстоятельства давали поводъ возраставшему въ своей силѣ Западу къ превозношенію надъ слабѣвшимъ Востокомъ.

Съ V вѣка столкновенія римскихъ папъ съ Восточными епископами стали повторяться чаще и чаще. Уже въ половинѣ V вѣка, на Соборѣ халкидонскомъ, представители римской Церкви, въ виду того, что всѣ старѣйшіе епископы Востока были занутаны и обезсилены въ монофизитскихъ спорахъ, а на Римскомъ престолѣ былъ тогда папа Левъ Великій, славившійся твердостью своихъ православныхъ убѣжденій, высокими нравственными и политическими качествами (пользуясь такимъ положеніемъ дѣла, представители римской Церкви публично) заявили, что римская Церковь, какъ глава всѣхъ Церквей, должна быть признана верховною рѣшительницею возникающихъ въ христіанствѣ распрей. Восточные епископы дали отпоръ этимъ притязаніямъ, и, чтобъ они не могли повторяться на будущее время, подтвердили равенство правъ константинопольской кафедры съ римскою; тѣмъ не менѣе властолюбіе римское, время отъ времени, высказывалось все съ большею настойчивостію. Въ концѣ V вѣка возникъ сильный споръ между римскимъ папою Феликсомъ и константинопольскимъ патріархомъ Акакіемъ; каждый изъ нихъ подозрѣвалъ другаго во властолюбивыхъ замыслахъ—въ намѣреніи незаконно распространить свою власть на другія Церкви. Феликсъ

сталъ вызывать на судъ въ Римъ старѣйшихъ Восточныхъ патріарховъ; Акакій протестовалъ противъ этаго; и изъ-за этого возникла вражда, продолжавшаяся и при преемникахъ Акакія и Феликса. Цѣлыхъ 35 лѣтъ имя римскаго папы не упоминалось въ греческихъ Церквахъ и константинопольскаго патріарха въ римскихъ. Церковь Западная не имѣла общенія съ Восточною. Въ VI вѣкѣ константинопольскіе патріархи, по волѣ Императора и съ согласіемъ другихъ Восточныхъ епископовъ, стали именоваться вселенскими патріархами. Хотя съ этимъ наименованіемъ, кромѣ высокой почести, не соединялось никакихъ особенныхъ правъ и притязаній на вселенское владычество,—папы Пелагій, Григорій Великій, Бонифаций увидѣли въ этомъ наименованіи духъ противохристіанскаго властолюбія, оскорбленіе правъ другихъ епископовъ, посягательство на свободу Церкви, опасность для самой вѣры,—и горячо протестовали противъ него. А когда, скоро за тѣмъ, похититель византійскаго императорскаго престола, Фока, за возмущеніе и цареубійство отлученный отъ Церкви константинопольскимъ патріархомъ Кириакомъ, обратился за разрѣшеніемъ и благословеніемъ къ папѣ Бонифацию и далъ обѣщаніе за однимъ римскимъ епископомъ утвердить названіе Вселенскаго и главы Церкви,—тотъ же Бонифаций съ радостью принялъ эти права отъ лишеннаго общенія съ Церковію узурпатора и цареубійцы. И хотя указъ Фоки, скоро низвергнута-

го съ престола народомъ, не могъ имѣть никакого значенія для Восточной Церкви, папы послѣдующихъ вѣковъ стали ссылаться на него въ подтвержденіе своихъ властолюбивыхъ притязаній на Восточную Церковь.

Въ VIII и IX вѣкахъ открылись новыя обстоятельства, способствовавшія возвышенію римскихъ папъ на Западѣ Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще рѣшительнѣе стали высказываться въ папахъ властолюбивыя стремленія къ распространенію власти на всю Церковь. Иконоборческія волненія, возникшія въ то время на Востокѣ, дали поводъ папамъ со всею Италіею совершенно отдѣлиться и сдѣлаться независимыми отъ византійскихъ Императоровъ, которые со временъ Юстиніана въ VI и VII вѣкахъ все еще считались верховными властителями Италіи. Въ то же время папы сблизились съ сильными на Западѣ владѣтелями Франціи, съ династіею Карловинговъ, способствуя въ свою очередь ихъ возвышенію. Папы Захарія и Стефанъ, своимъ авторитетомъ, незаконно утвердили за родоначальникомъ этой династіи, Пипиномъ Короткимъ, королевскую корону, а Левъ III на сына его, Карла Великаго, возложилъ корону Западной Римской Имперіи, по древнему праву принадлежавшую византійскимъ Императорамъ. Для папъ въ этомъ обстоятельствѣ особенно важно было то, что за ними, такимъ образомъ, de facto утверждалось право раздавать царскіе вѣнцы. Кроме того, Карловинги, въ благодарность, подарили

папамъ обширныя земли въ Италиі, (такъ называемый равеннскій екзархатъ, положившій основаніе свѣтской власти папъ), и объявили себя преданными сынами и защитниками Римской Церкви. Такимъ образомъ, папы сдѣлались не только духовными, но и свѣтскими властителями, и утвердили свое вліяніе надъ сильнѣйшими государствами Западной Европы.

Чтобы прочнѣе, на законномъ основаніи, утвердить за собою, на будущія времена, случайно доставшіяся имъ преимущества высокаго положенія, папы стали искусно пользоваться различными подложными документами, распространившимися въ пользу ихъ въ VIII и IX вѣкахъ. Въ концѣ VIII вѣка была сочинена подложная царственная записъ Константина Великаго папѣ Сильвестру, которю будто бы Св. Константинъ, принявъ крещеніе отъ Сильвестра и, рѣшившись, перенести свою столицу на Востокъ,—Римъ и Западъ отдавалъ въ духовное и свѣтское владѣніе папѣ. Этимъ актомъ выражалась мысль, что Пипинъ и Карлъ не вновь подарили папамъ извѣстныя земли въ Италиі, а только возвратили имъ древнее достоинство, завѣщанное римскому престолу отъ перваго христіанскаго Императора. Около половины IX вѣка распространился въ Западныхъ Церквахъ—во Франціи, Германіи и Италиі цѣлый сборникъ церковныхъ постановленій, состоящій изъ 3-хъ частей, въ которомъ, на ряду съ подлинными грамотами и опредѣленіями древнихъ папъ и Собо-

ровъ, находилось около 100 документовъ подложныхъ, вновь сочиненныхъ, но приписанныхъ, по происхожденію, къ самымъ первымъ вѣкамъ христіанства. Сборникъ этотъ былъ названъ уважаемымъ на Западѣ именемъ епископа севильскаго Исидора, который дѣйствительно занимался собраніемъ церковныхъ законовъ въ VII вѣкѣ, но который не могъ имѣть никакого участія въ подложѣ, распространенномъ въ IX вѣкѣ. Главною цѣлію этого лжеисидорскаго сборника было возможно болѣе возвысить духовенство надъ мірянами, возможно болѣе дать свободы и вліянія духовенству, и сосредоточить власть надъ нимъ въ рукахъ одного папы. Большая часть этихъ подложныхъ грамотъ составлены были на ту тему, что надъ правами и имуществомъ духовенства, въ особенности епископовъ, не должны имѣть никакой власти, не только свѣтскіе владѣльцы и государи, но и мѣстные архіепископы, митрополиты и областные Соборы, что верховная власть надъ всею Церковью принадлежитъ папѣ, и безъ его воли, нельзя рѣшить никакого важнаго дѣла: созвать Собора, поставить, осудить, или низложить епископа, — что папа долженъ заботиться о сохраненіи закона и справедливости не только въ церковныхъ, но и въ государственныхъ дѣлахъ, блюсти за нравственностію государей и т. д. Подложность этого сборника была весьма очевидна; подѣлка слишкомъ груба и неискусна. Большая часть документовъ, приписанныхъ различнымъ и

самымъ древнимъ вѣнамъ, была писана однимъ языкомъ—варварскою латынью IX вѣка. Въ нихъ встрѣчаются самыя поразительныя историческія и хронологическія несообразности. Папа Викторъ II вѣка переписывается о празднованіи Пасхи съ александрійскимъ архіепископомъ Теофиломъ, жившимъ въ концѣ IV вѣка. Писатели первыхъ трехъ вѣковъ приводятъ тексты по латинскому переводу Библии, сдѣланному блаженнымъ Иеронимомъ въ концѣ IV вѣка, приводятъ отрывки изъ сочиненій, составленныхъ въ позднѣйшія вѣка, рассказываютъ о порядкахъ, утвердившихся въ Церкви, и событіяхъ, случившихся гораздо позднѣе ихъ смерти. Но такъ какъ въ то время было на Западѣ мало ученыхъ людей, способныхъ разоблечь подлогъ, и подлогъ этотъ былъ весьма выгоденъ для Западнаго духовенства,—то лжеисидоровскій сборникъ быстро распространился по всѣмъ Церквамъ Западнымъ, и сдѣлался тамъ главнымъ основаніемъ церковнаго права. Папы съ радостію воспользовались этимъ обманомъ, столько благопріятнымъ для ихъ интересовъ.

Около половины IX вѣка на Римскій престолъ вступилъ папа Николай I, человекъ энергическій, рѣшительный и болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ мечтавшій о высокихъ преимуществахъ римской кathedры. На основаніи лжеисидоровскихъ декреталій, онъ сталъ повелительно относиться ко всѣмъ старѣйшимъ Западнымъ архіепископамъ и митрополитамъ, доселѣ еще пользовавшимся

ся самостоятельностью въ своихъ мѣстныхъ Церк-
вахъ, какъ бы онъ былъ ихъ верховнымъ главою,
сталъ требовать, чтобъ они безъ его вѣдома и со-
изволенія не осмѣливались предпринимать ничего
важнаго въ своихъ Церквахъ, судить подчиненныхъ
имъ епископовъ, собирать соборовъ и т. д.; началъ
всюду разсылать своихъ легатовъ, т. е. полномо-
чныхъ пословъ для надзора за дѣлами и состояні-
емъ различныхъ помѣстныхъ Церквей, учреждать
въ различныхъ странахъ примасовъ, т. е. постоян-
ныхъ представителей папской власти въ извѣстной
странѣ, которымъ бы повиновались всѣ другіе са-
мые старѣйшіе епископы страны. Тогдашній ста-
рѣйшій французскій архіепископъ Гинкмаръ реймс-
скій, человѣкъ энергичный, сравнительно съ дру-
гими западными епископами, очень образованный
и вліятельный при французскихъ государяхъ, ста-
рался отстаивать права свои и своей національной
Церкви отъ притязаній папскихъ, долгое время спо-
рилъ съ Николаемъ I и его преемниками, Адри-
аномъ II и Іоанномъ VIII, пытался заподозрить по-
длинность самыхъ лже-исидоровскихъ декреталій,
на которыхъ папы утверждали свои права. Но папы
стужѣли поселить раздоръ внутри самой француз-
ской Церкви, привлечь на свою сторону и воспита-
новить противъ Гинкмара многихъ подчиненныхъ
ему епископовъ, склонить французскихъ государей
къ тому, что они сами стали обращаться въ Римъ
за королевскою и императорскою коронами, — осо-
бенно въ такихъ случаяхъ, когда права ихъ на

полученіе этихъ коронъ оказывались не совсѣмъ законны. При такихъ мѣрахъ, папы успѣли скоро подчинить себѣ стоявшую за свою самостоятельность галликанскую Церковь. Еще безпрепятственнѣе имъ удалось утвердить свое полное господство въ другихъ странахъ Западной Европы, не имѣвшихъ такой политической силы, какъ Франція, ни такихъ умныхъ и энергическихъ представителей, какъ Гинкмаръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, папы стали заявлять свои притязанія и на то, чтобъ имъ покорялись самые свѣтскіе государи Западной Европы. Лотарь, король лотарингскій, развелся съ своею женою Титбергою и женился на другой, Вальрадѣ. Разводъ Лотаря съ Титбергою и новый бракъ съ Вальродою, хотя и не справедливо, въ угоду властителю, но съ видимыми законными основаніями, были утверждены мѣстными лотарингскими епископами и цѣлыми Соборами. Но папа Николай I вступился въ это дѣло, низложилъ епископовъ, утвердившихъ разводъ и новый бракъ Лотаря, осудилъ постановленія Соборовъ, дѣйствовавшихъ въ угожденіе произволу и страсти, потребовалъ Лотаря съ Вальродою въ Римъ на публичное покаяніе съ тѣмъ, чтобъ они потомъ разлучились, и Лотарь опять принялъ бы къ себѣ отвергнутую жену Титбергу. Нѣсколько лѣтъ Лотарь и приверженные къ нему епископы сопротивлялись приговору папы, спорили противъ него, просили о снисхожденіи, грозили папамъ насиліемъ и войною. Но папа Николай остался твер-

дымъ и непреклоннымъ при всѣхъ противорѣчiяхъ, искательствахъ и угрозахъ,—онъ привлекъ на свою сторону сочувствiе народа, которому прiятно было видѣть дѣйствiе духовной власти, могущей обузывать произволъ и безнравственность самыхъ сильныхъ властителей земли; противъ Лотаря и его приверженцевъ вездѣ возбуждены были ропотъ и озлобленiе,—и такимъ образомъ, послѣ долгаго сопротивленiя, они вынуждены были смириться съ ~~своею~~ ^{своею} палкою и подчиниться всей строгости его приговора, по крайней мѣрѣ наружно.

Достигши такой власти на Западѣ, папы стали простираť свои властолюбивыя притязанiя и на Восточную Церковь. Тогдашнее положенiе этой Церкви—сильныя замѣшательства iерархическiя, происходившiя въ Константинополѣ, давали папамъ поводъ къ вмѣшательству въ дѣла константинопольской Церкви и надежду на подчиненiе ея своему влiянiю. *см. 61^е*

СПОРЫ МЕЖДУ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЮ И РИМСКОЮ ЦЕРКВАМИ ПРИ ПАТРИАРХѢ ФОТІѢ ВЪ ПОЛОВИНѢ IX ВѢКА.

Въ Константинополѣ царскiй престолъ въ половинѣ IX вѣка занималъ молодой Императоръ Михайлъ III, сынъ послѣдняго Императора иконоборца, Теофила. Дѣлами Имперiи, за молодостью,

безпечною и неспособностію Михаїла III; управляла мати його, строга и благочестива Імператрица Теодора, желявши и сына своего держати въ строгомъ благочестіи; и братъ ея, Кесарь Варда, человѣкъ энергичный, даровитый, но слишкомъ властолюбивый и безнравственный, намѣренно развращавшій молодаго Императора, чтобы лучше привлечь и подчинить его себѣ. Между партіями Теодоры и Варды возникла вражда. Варда, приобрѣтши вліяніе на Императора, успѣлъ заточить въ монастырь Императрицу Теодору и дочерей ея, и, вслѣдъ за тѣмъ, низложилъ съ престола и сослать въ ссылку избраннаго Теодорой и приверженнаго къ ней благочестиваго патріарха Игнатія; Варда видѣлъ въ немъ противника своимъ политическимъ планамъ и строгаго обличителя своей безнравственной жизни. (Игнатій однажды публично отлучилъ Варду отъ причащенія Св. Таинъ за безнравственную жизнь.) На мѣсто низверженнаго Игнатія, согласно съ желаніемъ Варды, избранъ былъ патріархомъ Фотій, знаменитый государственныи сановникъ и образованнѣйшій человѣкъ своего времени; онъ былъ главою константинопольскихъ ученыхъ того времени, которые обыкновенно въ его домѣ и собирались для разныхъ занятій высшими науками; самъ Фотій оставилъ по себѣ много сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ; самый вѣкъ, въ который онъ жилъ, въ исторіи византійскаго просвѣщенія называется по его имени—вѣкомъ Фотія. Фотій самъ по себѣ былъ вполне достоинъ патріаршаго престола, но

такъ какъ въ средѣ константинопольскаго духовенства и народа было много людей, недовольныхъ незаконнымъ низверженіемъ прежняго, уважаемаго за благочестивую жизнь, патріарха, и такъ какъ Фотій избранъ былъ въ патріархи по мимо всѣхъ высшихъ духовныхъ лицъ, почти прямо изъ свѣтскихъ людей, въ самое короткое время (въ 5 дней), прошедши всѣ низшія степени церковныя, то, противъ него, въ средѣ константинопольскаго духовенства и народа, образовалась довольно сильная партія сторонниковъ патріарха Игнатія. Варда хотѣлъ насильственными средствами подавить эту партію, и сталъ подвергать новымъ посѣдованіямъ самаго Игнатія; но этимъ только возбудилъ между его приверженцами еще большія волненія. Въ константинопольской Церкви открылись сильныя смуты и открытый расколъ; одни признавали законнымъ патріархомъ Игнатія, другіе Фотія; тѣ и другіе взаимно осыпали другъ друга отлученіями и проклятіями.

Для прекращенія этихъ неурядицъ, а также ради другихъ дѣлъ церковныхъ, положено было созвать въ Константинополь большой Церковный Соборъ (въ 861 году). На этотъ Соборъ пригласили и римскаго папу Николая I. Честолюбивый и притязательный Николай увидѣлъ здѣсь удобный случай воспользоваться замѣшательствомъ Церкви константинопольской для своихъ цѣлей, чтобы подчинить ее своему вліянію. Но не таковъ былъ патріархъ Фотій, чтобы можно было ожидать отъ

него униженія правъ константинопольской кафедрѣ предъ римскою; въ немъ Николай нашелъ себѣ сильнаго, умнаго и энергичнаго соперника. Поэтому-то, хотя папа, на первыхъ порахъ, не прочь былъ признать Фотія константинопольскимъ патріархомъ и, хотя легаты его, посланные въ Константинополь на Соборъ, вмѣстѣ съ другими членами Собора, бывшаго въ 861 году, утвердили низложеніе Игнатія и избраніе Фотія на константинопольскій престолъ, но какъ скоро изъ различныхъ слуховъ, доходившихъ до Рима и собственныхъ писемъ Фотія, папа убѣдился, что Фотій человекъ искусный, самостоятельный и непреклонный, онъ сталъ горячо возставать противъ Фотія, осудилъ дѣйствія Собора константинопольскаго и своихъ легатовъ, бывшихъ на немъ, собралъ въ Римъ новый Соборъ (въ 863 году) изъ покорныхъ ему Западныхъ епископовъ и на немъ опредѣлилъ—Фотія низложить и Игнатія опять возвести на константинопольскій престолъ. Въ Константинополѣ, разумѣется, не послушались рѣшенія папы, и по этому случаю между Константинополемъ и Римомъ началась горячая полемическая переписка, положившая начало разрыву между Церквами. Патріархъ Фотій съ силою и искусствомъ обличалъ опиравшіяся на ложныхъ основаній притязанія папы—подчинить римской кафедрѣ другія, издревле независимыя отъ нея Церкви.

Къ этому присоединились еще новые споры изъ-за управленія болгарскою Церковію, которые, об-

наруживъ еще болѣе притязательный характеръ римской Церкви и самыя ея уклоненія отъ древняго православія въ догматахъ и обрядахъ, тѣмъ глубже укореняли начинавшееся раздѣленіе между Церквами.

Около половины IX вѣка утвердилось христіанство между Болгарами, при Царѣ болгарскомъ Борисѣ. Христіанство было издавна распространяемо у Болгаръ греческими миссіонерами и въ окончательномъ утвержденіи его при Царѣ Борисѣ принималъ большое участіе патріархъ Фотій. По этому Церковь константинопольская могла съ полною справедливостью усвоить себѣ право верховнаго управленія новоустроенною болгарскою Церковію. Но и римская Церковь простирала свои притязанія на Болгарію, на основаніи того, что страна эта, по древнему, давно уже потерявшему свое значеніе и забытому раздѣленію областей Римской Имперіи, причислялась къ Западному Церковному округу. Во время начавшихся при патріархѣ Фотіѣ споровъ между константинопольскою и римскою Церковію, Болгарамъ внушено было предубѣжденіе противъ Грековъ. Имъ внушено было, что церковныя связи съ Византіею могутъ быть опасны для политической и церковной самостоятельности Болгаріи, — и что, напротивъ, Болгары могутъ ожидать себѣ болѣе покровительства и самостоятельности отъ Рима. Вслѣдствіе этого царь Борисъ прервалъ сношенія съ Константинополемъ и обратился къ папѣ Николаю съ просьбою, чтобъ

онѣ прислать изъ Рима духовныхъ для устроения новообразованной Церкви болгарской. Прибывшіе въ Болгарію латинскіе епископы и священники всюду старались укоренить предубѣжденіе противъ Грековъ и распростонять между Болгарами римскія Церковныя нововведенія. Они вторично перемазывали Болгаръ Св. муромъ, на томъ основаніи, что муропомазаніе, совершенное надъ ними, простыми и, при томъ, женатыми греческими священниками — не дѣйствительно, устанавливали повсюду безбрачіе духовенства, постъ въ субботу и вводили другіе свои обычаи. Стали распространять и чтеніе Символа Вѣры съ римскимъ прибавленіемъ „*Filioque*“ (и отъ Сына). Патріархъ Фотій, узнавши объ этомъ совращеніи утвержденнаго имъ въ христіанствѣ народа Болгарскаго, объ искаженіи древнихъ православныхъ преданій и самаго Символа Вѣры, разослалъ ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ и другимъ епископамъ обширное окружное посланіе, въ которомъ торжественно предъ всею Церковію обличалъ римскія нововведенія, своеволіе и властолюбіе папы Ніколая и для рѣшительнаго суда надъ ними приглашалъ восточныхъ патріарховъ и другихъ епископовъ на Соборъ въ Константинополь *).

*) Русскій переводъ этого замѣчательнаго въ исторіи православія памятника печатается въ приложеніи къ настоящей книжкѣ, подъ буквою А.

Въ 867 году, по приглашенію Фотія, собрался въ Константинополь многочисленный Соборъ, въ присутствіи Императора Михаила и его новаго соправителя (заступившаго мѣсто убитаго Императоромъ Варды), Кесаря Василія Македонскаго, множества епископовъ и знатныхъ свѣтскихъ сановниковъ. На этомъ Соборѣ римскія нововведенія были осуждены; папу Николая опредѣлено низложить съ престола. Такое опредѣленіе положено было сообщить на Западъ, гдѣ нѣкоторые епископы уже сочувствовали борьбѣ Фотія противъ папскаго деспотизма; для приведенія въ исполненіе Соборнаго опредѣленія надъ Николаемъ послали просить содѣйствія западнаго Императора Людовика, также находившагося въ это время въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ папой по дѣлу брата своего Лотаря Лотарингскаго.

Рѣшительныя дѣйствія Фотія встревожили папу Николая. Но, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ незаконныхъ притязаній и распространившихся въ Западной Церкви заблужденій, папа началъ усиленно защищать ихъ. По его порученію, нѣсколько ученыхъ французскихъ богослововъ написали сочиненія, въ которыхъ защищали римское ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Съ тѣхъ поръ это нововведеніе стало болѣе и болѣе утверждаться на Западѣ; изъ частнаго, многими еще не признаваемаго на самомъ Западѣ мнѣнія, оно скоро сдѣлалось общепринятымъ догматомъ римской Церкви, и въ Западныхъ Цер-

квахъ начали всюду присовокуплять его къ Символу Вѣры.

Между тѣмъ борьба между Римомъ и Константинополемъ въ самомъ разгарѣ должна была нѣсколько пріутихнуть. Оба главные дѣятели борьбы оставили свое поприще. Патріархъ Фотій въ сентябрѣ того же 867 года, по политическимъ ли разсчетамъ, или по личной неприязни, свергнуть съ престола новымъ Императоромъ Константинопольскимъ Василиемъ Македонскимъ, убившемъ Михаила III и занявшемъ престолъ его. На мѣсто Фотія опять возвращенъ былъ на престолъ константинопольскаго патріаршества престарѣлый Игнатій. Скоро затѣмъ умеръ и папа Николай I; мѣсто его занялъ Адріанъ II. Въ Римѣ торжествовали низложеніе Фотія; отъ Игнатія, покровительствуемаго папскимъ престоломъ, ожидали болѣе уступчивости и покорности.

На новомъ Соборѣ, созванномъ въ Константинополѣ въ 869 году, для восстановленія мира между константинопольскою и римскою Церквями, и подчинявшимся вліянію папскихъ легатовъ, патріархъ Фотій со всѣми его приверженцами былъ осужденъ и преданъ страшному проклятію (приговоръ проклятія подписанъ былъ перомъ, омоченнымъ въ кровь Христову, — и за тѣмъ Фотій подвергнутъ тяжкому заточенію); греческіе епископы признали верховный авторитетъ римскаго престола во всей Церкви. Но только что кончился Соборъ, имъ до того стало стыдно своего униженія предъ папски-

ми легатами, что они старались силою или хитростью отнять у легатовъ акты Собора. Какъ же скоро затѣмъ рѣчь коснулась управленія болгарскою Церковью (которая уже потеряла въ это время довѣріе къ Риму и опять обратилась къ Константинополю), патріархъ Игнатій оказался также не уступчивъ въ своихъ правахъ противъ римскихъ притязаній, какъ и самъ Фотій. Вслѣдствіе этого предполагаемый миръ не состоялся; кроткій и благочестивый Игнатій, также какъ и энергичный Фотій, подвергся угрозамъ и прещеніямъ римскимъ.

Еще менѣе можно было ожидать возстановленія мира между Церквами, когда умеръ этотъ патріархъ и мѣсто его занялъ опять давній противникъ папства Фотій (879 годъ). Тогдашній папа римскій Іоаннъ VIII, пріемникъ Адріана, склоненъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки константинопольской Церкви, дабы съ большимъ удобствомъ воспользоваться тѣмъ, что онъ особенно желалъ получить отъ нея. На новомъ многочисленномъ Соборѣ константинопольскомъ, созванномъ по этому случаю въ 879 году, легаты папскіе признали неприкосновенность древняго Символа Вѣры (т. е. отвергли римское прибавленіе „и отъ Сына“), признали также и равенство правъ Церкви константинопольской съ римскою, въ надеждѣ склонить Фотія на уступку болгарской Церкви. Но такъ какъ Фотій не думалъ отказаться отъ своихъ законныхъ правъ на нее, то опять на него посыпались проклятія изъ Рима, и это доходило, по счету одного запад-

наго ученаго, до восьми, а по счету другаго, до двѣнадцати разъ. Имя Фотія для римско-католическихъ писателей и до сихъ поръ служить предметомъ ненависти и всяческихъ клеветъ и порицаній. Мы же сохраняемъ память о немъ, какъ о разумномъ и твердомъ поборникѣ православія и защитникѣ правъ и свободы Вселенской Церкви.

IV.

РАЗРЫВЪ МЕЖДУ ВОСТОЧНОЮ И ЗАПАДНОЮ ЦЕРКВАМИ ВЪ ПОЛОВИНѢ XI ВѢКА ПРИ ПАТРИАРХѢ МИХАИЛѢ КЕРУЛАРИѢ; ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ И ПОСЛѢДСТВІЯ НЕПРІЯЗНИ, УТВЕРДИВШЕЙСЯ ВЪ ХРИСТИАНСКОМЪ МІРѢ СЪ РАЗДѢЛЕНІЕМЪ ЦЕРКВЕЙ; ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДЫ НА ВОССОЕДИНЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ СЪ ВОСТОЧНОЮ?

Послѣ патриарха Фотія, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ, отношенія между константинопольскою и римскою Церквами были довольно неопредѣленные. Не было еще полного разрыва, но не было и прежняго братскаго общенія между ними. Та и другая Церковь вела свои дѣла отдѣльно; сношенія между ними были весьма рѣдки. На Западѣ, въ продолженіи этого времени, при крайнемъ невѣжествѣ и нравственной распущенности духовенства, все болѣе и болѣе обнаруживались уклоненія отъ духа и преданій древней Вселен-

ской Церкви. Въ Восточной Церкви еще не было пропнесено рѣшительнаго осужденія на Западную. Впрочемъ, съ начала XI вѣка (со временъ патріарха Сергія) перестали поминать имя папы въ греческихъ церквахъ.

Наконецъ, въ половинѣ XI вѣка, послѣдоваль рѣшительный разрывъ между Восточною и Западною Церквами. На римскомъ престолѣ въ это время папою былъ воинственный, строгій и властолюбивый Левъ IX, у котораго секретаремъ и ближайшимъ совѣтникомъ былъ монахъ Гильдебрандъ, въ послѣдствіи знаменитый Григорій VII; въ Константинополѣ патріархомъ былъ Михаилъ Керуларій, также человекъ горячій и непреклонный. Папа Левъ сталъ распространять свое вліяніе въ подчиненныхъ константинопольскому патріарху греческихъ Церквахъ южной Италіи и возстановлять противъ Михаила Керуларія антиохійскаго патріарха. Патріархъ Михаилъ Керуларій приказалъ закрыть всѣ находящіеся въ его округѣ латинскія церкви и монастыри и сталъ обличать римскую Церковь въ нововведеніяхъ. Главнымъ предметомъ спора сдѣлался въ это время вновь распространившійся на Западѣ обычай совершать литургію на опрѣснокахъ. Въ Восточной Церкви противъ этого обычая было написано нѣсколько сочиненій. Одно изъ такихъ сочиненій, написанное архіепископомъ болгарскимъ Львомъ, переведенное на латинскій языкъ и представленное папѣ, подъ именемъ самаго патріарха Михаила Керуларія, произвело

большое волненіе въ Римѣ и подало поводъ къ полемикѣ. Императоръ греческій Константинъ-Мономахъ изъ политическихъ расчетовъ всячески старался примирить папу съ патріархомъ. Но прибывшее въ Константинополь для разьясненія недоразумѣній посольство отъ папы, во главѣ котораго находился высокопоставленный поборникъ римскихъ притязаній кардиналъ Гумбертъ, не только не способствовало миру, но довело вражду до конца. Своею гордостью и деспотическимъ произволомъ, папскіе послы до крайности раздражили греческое духовенство и народъ. Пользуясь покровительствомъ Императора, они оказывали явное неуваженіе патріарху, порицали греческую Церковь сжигали написанныя противъ римскихъ нововведеній сочиненія; требовали подъ страхомъ наказанія у авторовъ ихъ отреченія отъ своихъ мыслей; сами писали въ опроверженіе ихъ свои сочиненія и распространяли въ народѣ. Наконецъ, потерявъ надежду склонить къ покорности патріарха и греческое духовенство, они осмѣлились торжественно, во время богослуженія, взойти въ Софійскій соборъ и положить на престолъ грамоту съ страшными проклятіями на патріарха Михаила и на всю греческую Церковь и за тѣмъ оставили храмъ и городъ, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ. Такой дерзкій поступокъ до крайности раздражилъ грековъ. При всемъ покровительствѣ Императора, дерзкіе легаты едва успѣли спастись изъ Константинополя отъ оскорбленнаго народнаго чувства. Им-

ператоръ всячески старался успокоить народъ увѣреніями, что легаты папскіе дѣйствовали такъ не по полномочію отъ папы, а произвольно; что они даже не легаты, а самозванцы. Но трудно было обмануть и успокоить народъ и духовенство. Патріархъ Михаилъ собралъ Соборъ изъ подчиненныхъ ему епископовъ, предалъ проклятію папскихъ легатовъ, и затѣмъ по всѣмъ Восточнымъ Церквамъ разослалъ извѣщенія о своевольныхъ притязаніяхъ и отступленіяхъ римской Церкви. Съ тѣхъ поръ окончательно рушился союзъ между Восточною и Западною Церквами. Вслѣдъ за константинопольскою, скоро и въ другихъ Восточныхъ Церквахъ перестали поминать имя папы и стали считать римскую Церковь отступившею отъ Православія. *См. Пер. р.*

Болѣе тысячи лѣтъ прошло съ того времени, какъ начался разрывъ между Восточною и Западною Церквами при патріархѣ Фотіѣ, и болѣе восьми вѣковъ какъ онъ окончательно завершился при Михаилѣ Керуларіѣ. И до настоящаго времени этотъ несчастный разрывъ не только не прекратился — не ослабѣлъ, но еще болѣе закрѣпъ и закоренѣлъ, передаваясь изъ вѣка въ вѣкъ — отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ печальное наслѣдіе страстей и заблужденій порожденныхъ временами давно минувшими. Со времени отдѣленія Западной Церкви

5*

отъ Восточной случилось не мало новыхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ большому и большому закрѣпленію предубѣжденій и непріязни между Восточнымъ и Западнымъ христіанствомъ. Въ Западной Церкви, въ темные средніе вѣка—частію ненамѣренно, по недостатку твердаго, религіознаго пониманія, частію намѣренно, вслѣдствіе корыстныхъ и властолюбивыхъ расчетовъ западной іерархіи, образовалось много отступленій отъ древняго православія—нововведеній въ ученіи вѣры, обрядахъ церковныхъ и іерархическомъ устройствѣ. Превратная средневѣковая схоластическая наука—эти нововведенія привела въ систему, составила разными доказательствами и закрѣпила въ сознаніи католическаго міра. Позднѣйшіе Западные Соборы придали этимъ нововведеніямъ равное значеніе съ догматами и правилами древней Вселенской Церкви. Такимъ образомъ, въ Западной Церкви образовалась цѣлая особенная система вѣроученія и церковнаго устройства, которая еще болѣе отдалила ее отъ Восточной Церкви, оставшейся вѣрною древнимъ церковнымъ преданіямъ. Духъ римскаго властолюбія не престававшій еще съ большею безпрепятственностію и силою развиваться въ Западной Церкви, послѣ ея отдѣленія отъ Восточной, извратилъ въ ней внутреннія начала духовной жизни—начала свободы и братской любви, превратилъ ее изъ духовнаго царства Божія въ царство отъ міра сего, принявшее въ себя начала мірскаго государственнаго устройства

и мірскія государственныя цѣли, интересы и стремленія, а чрезъ это Западная Церковь, по внутреннему своему характеру, еще болѣе отдалилась отъ духовнаго союза съ Восточною Церковію, которая, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія внѣшняго состоянія, въ своихъ высшихъ стремленіяхъ всегда оставалась вѣрно духовному характеру и призванію, чужда^{о ю}го земныхъ политическихъ разчетовъ. Разрушеніемъ единства церковнаго, и искаженіемъ древнихъ преданій, Западная Церковь въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ положила начало для новыхъ раздѣленій, расколовъ, сектъ, изъ которыхъ большая часть дальнѣйшимъ развитіемъ ложныхъ началъ, принятыхъ римскою Церковію, или одностороннею реакціею противъ нихъ, еще дальше отошла отъ истинныхъ древнихъ началъ православія и отвлекла отъ нихъ цѣлую половину Западнаго Христіанскаго міра.

Въ самыхъ политическихъ отношеніяхъ римско-католическаго (и затѣмъ образовавшагося въ немъ протестантскаго) Запада къ православному Востоку было немало обстоятельствъ, усилившихъ религіозную неурязнь между ними и придавшихъ этой неурязни наслѣдственно—историческій, племенной, національный характеръ. По невѣдомымъ судьбамъ Промысла Божія, со времени отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной и до позднѣйшихъ вѣковъ, неправославный Западъ въ своихъ внѣшнихъ историческихъ судьбахъ былъ счастливѣе православнаго Востока. Западные народы поль-

зовались свободой, имѣли благопріятныя условія для внутренняго развитія, были главными дѣятелями на поприщѣ политическаго, умственнаго, и промышленнаго прогресса. А Восточныя православныя племена понесли много тяжелыхъ испытаній, много терпѣли отъ внутреннихъ распрей и междуусобій и отъ внѣшнихъ враговъ варварскихъ — нехристіанскихъ народовъ; цѣлыя вѣка находились подъ игомъ рабства, не имѣли благопріятныхъ условій для внутренняго развитія и потому много отстали отъ Западныхъ народовъ на поприщѣ политическаго, умственнаго и общественнаго развитія. Западные народы, пользуясь свободой и успѣхами въ жизни, не только, по чувству христіанскаго братства, не помогали православнымъ Восточнымъ племенамъ въ ихъ историческихъ несчастіяхъ, но даже, подѣ влияніемъ давнихъ племенныхъ предубѣжденій и вѣроисповѣдной непріязни, воспитанной въ нихъ римскою Церковію, относились съ злорадованіемъ къ несчастіямъ Востока, сами отягчали ихъ, стараясь изъ нихъ извлекать выгоды для себя. Западные народы изъ своихъ расчетовъ не рѣдко возбуждали и поддерживали распри между православными Восточными племенами, равнодушно отдавали ихъ на жертву варварскимъ нехристіанскимъ народамъ, сами закрѣпляли иногда господство невѣрныхъ надъ православными племенами и пользовались всякими случаями подчинить ихъ своему политическому, умственному и религіозному влія-

нію. Все это естественно болѣе и болѣе раздражало вѣроисповѣдную неприязнь между Восточнымъ и Западнымъ христіанскимъ міромъ и закрѣпляло раздѣленіе существующее между ними.

Раздѣленіе это, не ограничиваясь непосредственными проявленіями собственно религіозной жизни, отразилось во всѣхъ сферахъ общественной, умственной, и политической жизни христіанскаго міра, имѣло несчастное вліяніе на весь ходъ его исторіи. Подъ вліяніемъ вѣроисповѣдныхъ разногласій, православный Востокъ сталъ болѣе чуждаться неправославнаго Запада, а Западъ сталъ относиться къ Востоку съ враждебнымъ высокомеріемъ и презрѣніемъ. И это несомнѣнно принесло много вреда какъ для Востока, такъ и для Запада — для всей христіанской жизни. Востокъ, находясь въ разобщеній съ Западомъ, чрезъ то самое на нѣсколько вѣковъ лишалъ себя многихъ полезныхъ плодовъ вишней цивилизаціи, вырабатывавшихся въ западной жизни, и, съ ослабленіемъ своей политической силы, оставленный Западомъ въ неравной борьбѣ, Востокъ долженъ былъ на нѣсколько вѣковъ подпасть подъ ярмо враждебныхъ христіанству народовъ, и остановиться въ своемъ развитіи. Западъ, находящійся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, самымъ географическимъ положеніемъ своимъ болѣе обезпеченный отъ чуждыхъ нападеній, продолжалъ, и въ разобщеніи съ Востокомъ, жить свободно, и развиваться, по видимому, успѣшно. Но это развитіе,

оторванное отъ живаго корня, не утвержденное на твердыхъ религіозныхъ началахъ, которыя вѣздѣ и во всѣ времена были основными началами жизни и давали такой или другой характеръ ея развитію, — развитіе выходящее изъ началъ искаженныхъ не могло произвести вполне здоровыхъ и полезныхъ плодовъ. Такое развитіе естественно должно было оказаться вмѣстѣ и разложеніемъ жизни, раскрытіемъ несостоятельности ея основныхъ началъ. Самъ Западъ не рѣдко сознавалъ ненормальность развитія своей религіозно-нравственной, умственной и общественной жизни, и искалъ исхода въ различнаго рода реформахъ и революціяхъ. Но эти реформы и революціи, не касавшіяся основныхъ началъ жизни, давали только новый видъ застарѣлой болѣзни, не уничтожая ея. Между тѣмъ, гордая самоувѣренность, надежда на одни собственные силы и высокомерное презрѣніе къ коснѣющему Востоку, не позволяли западной мысли на Востокѣ искать здоровыхъ и крѣпкихъ началъ для обновленія своей жизни и новаго направленія къ развитію ея.

При всей непріязни, въ продолженіи многихъ вѣковъ существующей, между Восточнымъ и Западнымъ христіанствомъ, въ той и другой части христіанскаго міра всегда бывали однакожъ люди искренніе, чуждые предубѣжденій, которые сознавали неестественность отношеній, утвердившихся между двумя великими Церквями, болѣли сердцемъ о несчастномъ разрывѣ христіанскаго міра, и желали

и чаяли прекращенія этого разрыва Въ Православной Церкви вмѣстѣ съ молитвою о соединеніи Церквей, всегда жила надежда, что это соединеніе благодатію Божіею будетъ когда нибудь восстановлено. Но, разумѣется, такое важное дѣло, какъ воссоединеніе двухъ величайшихъ и уже цѣлое тысячелѣтіе находящихся въ разрывѣ Церквей, можетъ совершиться не безъ (ольшихъ затрудненій и усилій съ человѣческой стороны. Оно можетъ совершиться тогда, когда въ той и другой части христіанскаго міра окрѣпнетъ искреннее стремленіе къ соединенію и станетъ живою потребностью не отдѣльныхъ личностей, а самихъ Церквей во глубинѣ ихъ жизненнаго сознанія; когда вмѣстѣ съ тѣмъ въ той и другой части христіанскаго міра явится и искренняя готовность употребить всѣ усилія, принести всѣ потребныя жертвы для такого великаго дѣла. Соединеніе можетъ совершиться тогда, когда будутъ безпристрастно выяснены и устранены причины, положившія начало несчастному разрыву и поддерживающія его; когда будетъ восстановлено единство жизненныхъ началъ, единство убѣжденій во всѣхъ существенныхъ предметахъ вѣры, и братскія равноправныя отношенія между двумя великими Церквями. Безъ этого, при разности жизненныхъ началъ и стремленій, при разногласіи въ существенныхъ предметахъ вѣры, при недостаткѣ вполне искреннихъ братскихъ отношеній, одинъ наружный, условный союзъ между Церквями не могъ бы быть.

прочень, — если бы и могъ быть достигнуть какими-нибудь искусственными средствами (чего, однакожь, по вѣрѣ въ благодать Духа Божія, охраняющаго чистоту своей Церкви, предположить нельзя). Такой союзъ былъ бы неискреннимъ примиреніемъ, а условною, фальшивою сдѣлкой, которая была бы несообразна съ требованіями христіанской истины — съ достоинствомъ Церквей, и которая, во всякомъ случаѣ, не могла бы продержаться долго, а для будущаго могла бы только повредить великому дѣлу соединенія Церквей, запутать въ большихъ недоразумѣніяхъ самый вопросъ о соединеніи.

Къ сожалѣнію въ Римской Церкви, не смотря на то, что въ ней всегда даже болѣе, чѣмъ въ Восточной, высказываемо было стремленій къ воссоединенію Церквей, никогда не было замѣтно искренняго расположенія къ этому дѣлу—готовности безпристрастно обсудить причину разрыва, сознаться въ тѣхъ отступленіяхъ отъ древняго преданія, которыя разрушили единство убѣжденій въ христіанскомъ мірѣ, отказаться отъ властолюбивыхъ стремленій и высокоумныхъ притязательныхъ отношеній къ Восточной Церкви, которыя всегда были главною причиною разрыва. Римская Церковь всегда старалась привлекать къ союзу съ собою Восточную Церковь не иначе, какъ на условіяхъ подчиненія ихъ верховному авторитету, а иногда и неправымъ мнѣніямъ ея. На такихъ условіяхъ соединеніе Церквей никогда не могло состояться, и самыя перегово-

воры о соединеніи, сколько разъ ни были возбуждаемы со стороны римской Церкви, никогда не могли быть искренни. Высокомѣріе и упорство римской Церкви доселѣ были главнымъ препятствіемъ къ возстановленію мира церковнаго.

Бывали случаи, когда при неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствахъ православнаго Востока, чрезъ посредство свѣтскаго правительства, римская Церковь надѣялась установить союзъ съ Восточною Церковью по своимъ расчетамъ т. е. безъ исправленія нововведеній, нарушившихъ единство церковное, съ условіемъ подчиненія Восточныхъ Церквей римскому авторитету. Если не сама Восточная Церковь, то свѣтское правительство, по политическимъ соображеніямъ, дѣйствовавшее отъ имени Церкви съ нѣсколькими изъ ея представителей, въ крайнихъ случаяхъ готово было склониться къ союзу съ римскою Церковью на предлагаемыхъ ею условіяхъ и принимало для этого извѣстныя мѣры. Но такія попытки къ соединенію Церквей, вынужденныя крайностью, предпринимавшіяся по чуждому интересу Церкви политическимъ расчетамъ, приводимыя въ исполненіе нѣсколькими личностями, произвольно дѣйствовавшими отъ имени Церкви и нерѣдко съ обманомъ и насиліями, не могли имѣть успѣха. Они не только не возстановляли мира, но еще болѣе усиливали раздраженіе между Восточнымъ и Западнымъ христіанствомъ, и даже подрывали въ глазахъ многихъ искреннихъ людей надежду на соединеніе Церквей когда либо

и въ будущемъ времени. Для вѣковъ послѣдующихъ эти неискреннія и неудачныя попытки къ соединенію Церквей остались только печальнымъ урокомъ о томъ, какъ несообразно въ великомъ дѣлѣ церковномъ водиться какими либо чуждыми Церкви интересами и побужденіями, полагаться на внѣшнія силы, дѣйствовать мѣрами принужденія и обмана.

Не принимая во вниманіе этихъ фальшивыхъ и неудачныхъ попытокъ къ соединенію, можно сказать, что со времени раздѣленія Церквей и до настоящаго времени не было еще объ этомъ великомъ дѣлѣ вполнѣ искреннихъ и серьезныхъ переговоровъ между Восточною и Западною Церквами.

Въ новѣйшія времена, съ большимъ развитіемъ образованности и международнаго общенія между европейскими христіанскими племенами, и вслѣдствіе того, что при новомъ направленіи европейской цивилизаціи, вмѣстѣ съ большимъ проникновеніемъ практическихъ христіанскихъ началъ въ жизнь общественную, участіе собственно къ догматическимъ и іерархическимъ интересамъ значительно ослабѣваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ замѣтно ослабѣвать и та крайняя непріязнь между Восточнымъ и Западнымъ христіанскимъ міромъ, которая утвердилась преимущественно въ средніе вѣка. Само палство въ позднѣйшія времена много утратило той своей крѣпости и исключительности направленія, какими оно отличалось въ средніе

вѣка. Главное его основаніе—непомѣрно высокая идея о значеніи папской власти, крайнее развитіе которой было главною причиною раздѣленія Церквей, уже нѣсколько вѣковъ продолжаетъ болѣе и болѣе колебаться. Въ настоящее время папство, какъ будто, переживаетъ послѣднія времена своего мірскаго могущества и даже нравственнаго вліянія. Такимъ образомъ тѣ преграды, какія въ былыя времена отдѣлили Западный христіанскій міръ отъ Восточнаго, въ позднѣйшія времена, какъ будто, болѣе и болѣе слабѣютъ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время эти преграды далеко еще не потеряли совсѣмъ своего прежняго значенія. Папство, при всѣхъ своихъ невзгодахъ, при всемъ своемъ ослабленіи, и до нынѣ не хочетъ еще совсѣмъ отказаться отъ своихъ гордыхъ притязаній на верховное господство не только въ римско-католической Церкви, но во всемъ христіанскомъ мірѣ. Въ римско-католической Церкви, хотя и съ утратою своего прежняго значенія, но все еще, по крайней мѣрѣ, механически, по преданію, держится та система нововведеній въ ученіи вѣры, обрядахъ и устройствѣ Церковномъ, которая образовалась въ средніе вѣка и которая, отдаливъ Западную Церковь отъ преданій древней Вселенской Церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ отдалила ее и отъ единомыслія съ вѣрною древнимъ преданіямъ Православною Восточною Церковію. Такимъ образомъ и до нынѣ въ римско-католической Церкви остается еще много преградъ, отдѣляющихъ ее отъ союза съ православ-

нымъ Востокомъ. А вмѣстѣ съ прежними преградами не престають въ Западномъ христіанскомъ мірѣ возвышаться новыя преграды къ единенію въ распространеніи различныхъ ученій, еще болѣе римско-католическаго ученія не согласныхъ съ духомъ и древними преданіями Православной Восточной Церкви. Въ самыхъ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ европейскаго Запада къ Православному Востоку, при всемъ видимомъ ослабленіи прежнихъ племенныхъ непріязней и вѣроисповѣдныхъ предубѣжденій, далеко еще не изгладилась слѣды той глубокой розни, которая утвердилась между Восточнымъ и Западнымъ христіанскимъ міромъ въ средніе вѣка. Она и доселѣ сказывается напр. въ томъ высокомѣріи, съ какимъ европейскій Западъ относится ко всему православному Востоку; въ томъ равнодушіи, съ какимъ на Западѣ смотрятъ на несправедливую и несчастную судьбу православныхъ южныхъ славянъ и грековъ, угнетаемыхъ магометанскимъ владычествомъ; наконецъ, въ той боязни и ненависти, съ какими европейскій Западъ тайно, а иногда и явно относится къ усиленію могущества Россіи—сильнѣйшаго и единственно сильнаго Православно-Восточнаго племени и государства. Такъ, даже до настоящаго времени несчастные плоды разрыва христіанскаго союза глубоко отзываются не только въ религіозной, но и въ общественной жизни, и въ политическихъ отношеніяхъ христіанскихъ народовъ, и, судя по человѣческимъ соображеніямъ, нельзя въ

близкомъ будущемъ даже и предвидѣть прекращенія этой несчастной розни, существующей въ христіанскомъ мірѣ вотъ уже тысячу лѣтъ.

Но Святая православная Церковь, матерински болящая о разрывѣ братскаго союза въ христіанскомъ мірѣ, всегда молится о соединеніи Церквей, и каждому вѣрному сыну православной Церкви, соединяя свою молитву съ молитвою Церкви, естественно желать и надѣяться, что это соединеніе, при всей необыкновенной важности и трудности этого дѣла для человѣческихъ соображеній, наконецъ, состоится, хотя невѣдомо пока, когда и какъ, какими путями и въ какомъ видѣ. Господь управляетъ судьбами міра и преимущественно Святой своей Церкви. Онъ силенъ возставить и въ средѣ смерти—жизнь, изъ раздѣленія—единство, изъ вражды—любовь тамъ гдѣ есть хотя малые залоговъ къ тому въ свободной человѣческой волѣ.

рону государей Восточныхъ различными союзами, политическими выгодами и обѣщаніями, не совѣмъ вѣрно рассчитывая на то, что на Востокѣ Церкви находятся въ большой зависимости отъ свѣтскаго правительства, и, такимъ образомъ, надѣясь подчинить себя ихъ чрезъ посредство свѣтскаго правительства. Когда православные государи оказывались не податливыми на прельщенія латинства, папы возбуждали противъ нихъ Западныхъ государей, заводили политическія интриги, созывали противъ православныхъ странъ крестовые походы, мечтали силою орудія и хитростями политики подчинить себѣ православный Востокъ.

Когда не оказывалось возможности сразу подчинить своему вліянію цѣлую Церковь или цѣлую страну, папы старались дѣйствовать постепенно, отторгать на свою сторону членовъ православной Церкви по частямъ. Для этого они старались имѣть въ православныхъ странахъ своихъ миссіонеровъ, — пропагандистовъ, которые бы тайными и явными — религіозными и политическими, и нравственными безнравственными средствами вездѣ приобрѣтали новыхъ прозелитовъ римской Церкви, съ тѣмъ чтобы чрезъ нихъ постепенно можно было распространять вліяніе латинства на цѣлую страну. Условія на какихъ папы привлекали къ союзу съ римскою Церковію другія Церкви, бывали также весьма различны. Одно главное требованіе, на которомъ всегда твердо стояла римская Церковь, состояло въ томъ, чтобы всякая другая Церковь, вступающая въ союзъ

съ нею, непремѣнно признала верховный авторитетъ папы. За тѣмъ, если встрѣчались другія разномыслія Церковныя, разности въ догматахъ, обрядахъ и дисциплинѣ Церковной, римская Церковь дѣйствовала смотря по обстоятельствамъ. Иногда, когда это представлялось возможнымъ, папы настоятельно требовали отъ другихъ Церквей ^{или отъ епископовъ} принятія латинства, т. е. принятія всѣхъ догматовъ, обрядовъ, Церковныхъ правилъ и (латинскаго) богослужебнаго языка римской Церкви. Въ большей части случаевъ, когда не представлялось возможности сразу олатинить извѣстную Церковь или страну, они довольствовались только такъ называемою унією, т. е. требовали, чтобы въ извѣстной Церкви или странѣ признанъ былъ верховный авторитетъ папскій, и за тѣмъ всѣ остальные догматы, обряды и правила Церковныя могли оставаться до времени неприкосновенными, или нѣкоторые изъ нихъ были оставляемы неприкосновенными, а другіе уничтожались или приводимы были къ согласію съ римскою Церковію. Такая унія, впрочемъ, всегда допускалась папствомъ болѣе или менѣе неискренно, по необходимости, до времени, чтобы только привлечь какой нибудь народъ къ союзу съ римскою Церковію и не запугать его сразу слишкомъ строгими требованіями. Такая унія, по времени, должна была служить переходомъ къ чистому и полному латинству. Постепенно въ Церквахъ, принимающихъ унію, были уничтожаемы обрядъ за обрядомъ, догматъ за догматомъ, богослуженіе приводилось въ

большее и больше согласіе съ латинскимъ и, наконецъ вполнѣ замѣняемо было латинскимъ, такъ что народъ нерѣдко совершенно забывалъ объ особенностяхъ своего прежняго Церковнаго быта и о томъ, на какихъ условіяхъ онъ первоначально согласенъ былъ вступить въ общеніе съ римскою Церковью. Чтобы достигнуть этого, папы нерѣдко намѣренно старались о томъ, чтобы народъ и нисшее духовенство въ Церквахъ, принимающихъ унию, были невѣжественны, а на высшихъ церковныхъ мѣстахъ епископскихъ старались имѣть людей искусныхъ и вполнѣ преданныхъ имъ. Эти епископы, втайнѣ придерживаясь чистаго латинства, но не показывая этаго явно, старались вездѣ поставлать такихъ священниковъ, которые бы или были вполнѣ единомысленны съ ними, или по своему невѣжеству могли служить слѣпымъ орудіемъ ихъ замысловъ; съ такими священниками, при невѣжествѣ народа въ дѣлахъ вѣры, имъ удобно было, мало-по-малу, вводить въ народъ новыя молитвы и обряды, учреждать новые праздники въ честь латинскихъ святыхъ, перепечатывать богослужебныя книги съ измѣненіями въ пользу латинства и т. д. И такимъ образомъ случалось, что иной народъ, нѣкогда принадлежавшій къ православной Восточной Церкви, дѣлался латинствующимъ, самъ того не замѣчая и продолжая искренно считать свою вѣру древнею, православною, Восточною вѣрою. Искоренивъ въ извѣстной странѣ прежніе обряды и утвердивъ въ ней латинство, папскіе

агенты старались истреблять въ ней и всѣ историческіе памятники, напоминающіе о томъ, что страна эта нѣкогда не принадлежала латинству.

При такой широкой свободѣ и разнообразныхъ средствахъ пропаганды, владѣя въ средніе вѣка большимъ политическимъ могуществомъ и пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ, политическими невзгодами православныхъ Восточныхъ странъ греческихъ и славянскихъ, римская Церковь въ различные времена успѣла оторвать отъ православной Восточной Церкви въ унію или латинство цѣлыя племена и страны, цѣлые милліоны бывшихъ сыновъ православія. Въ другихъ православныхъ племенахъ и странахъ она производила великіи смуты, сопровождавшіяся тяжелыми бѣдствіями для цѣлыхъ народовъ. Но при всемъ томъ римской Церкви никогда не удавалось совершенно поколебать и подчинить себѣ православную Восточную Церковь. Въ самыя тяжелыя времена своей исторической жизни, Восточная Церковь, охраняемая и руководимая Промысломъ Божиимъ, удерживая свою самостоятельность, оставалась вѣрною хранительницею древнихъ преданій и живою обличительницею неправды римской Церкви. И до настоящаго времени папство не оставляетъ своихъ прежнихъ притязаній на Восточную Церковь. Но въ послѣднія времена, при ослабленіи самаго папства и болѣе твердомъ, сравнительно съ прежними временами, политическомъ положеніи православнаго Востока, папству все менѣе и менѣе

остається надеждъ достигнуть своей цѣли подчиненія православнаго Востока. Таковъ общій характеръ отношеній римской Церкви къ православнымъ Восточнымъ Церквамъ, со времени ея отдѣленія отъ нихъ до позднѣйшихъ вѣковъ.

II.

ОТНОШЕНІЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ЦЕРКВАМЪ
ВЪ XI И XII ВѢКАХЪ; ИСКОРЕНЕНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ
ЮЖНО-ИТАЛІЙСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ; НАСИЛІЯ КРЕСТНОСЦЕВЪ
НА ВОСТОКЪ ВЪ АНТІОХІЙСКОМЪ И ІЕРУСАЛИМСКОМЪ ПА-
ТІАРШЕСТВАХЪ; СНОШЕНІЯ ПАПЪ СЪ ГРЕЧЕСКИМИ ИМ-
ПЕРАТОРАМИ ДИНАСТІИ КОМНИНОВЪ.

Притязательныя стремленія папства, послѣ раздѣленія Церквей, прежде всего обращены были на тѣ изъ православныхъ греческихъ Церквей, которыя была ближе къ папскому господству. Въ южной Италіи (въ Апуліи, Калабріи и Сициліи) жили греки, признававшіе надъ собою власть византійскихъ Императоровъ долгое время и послѣ того, какъ Римъ и вся верхняя Италія отложились отъ нея. Въ церковномъ отношеніи Греко-Италійскія Церкви до VIII вѣка находились въ зависимости отъ папы. Но когда папы во время смутъ иконоборческихъ при Львѣ исаврійскомъ отложились отъ Византій-

ской Имперіи, Императоры греческіе перечислили Южно-Италійскія Церкви въ округъ константинопольскихъ патріарховъ. Въ то время какъ римская Церковь начала уже значительно отступать отъ древнихъ преданій, въ Церквахъ южной Италіи строго держались греческіе обряды, и совершалось богослуженіе на греческомъ языкѣ. Папамъ, конечно, это было непріятно, и они старались распространить свое вліяніе въ Южно-Италійскихъ Церквахъ. Въ X и въ XI вѣкахъ власть византійскихъ Императоровъ въ южной Италіи стала слабѣть; вмѣстѣ съ тѣмъ стало болѣе и болѣе усиливаться здѣсь вліяніе латинства. Въ половинѣ XI-го вѣка въ южной Италіи и Сициліи утвердились Норманны. Норманнскіе князья на первыхъ порахъ находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ папами, но потомъ (со временъ папъ Николая II-го и Григорія VII) сдѣлались самыми вѣрными союзниками и даже ленниками римской Церкви. Въ это время папамъ стало удобно отторгнуть Южно-Италійскія Церкви отъ союза съ Православно-Восточными Церквами. Въ 1098 году папа Урбанъ II-й самъ путешествовалъ въ южную Италію и здѣсь держалъ Соборъ въ городѣ Бари, съ цѣлю убѣдить южно-италійскихъ грековъ въ правильности римскаго ученія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына. Главнымъ образомъ ораторствовалъ здѣсь въ пользу латинскаго догмата, знаменитый въ то время западный богословъ Анзельмъ, архіепископъ кентербурійскій, составившій послѣ Со-

бора и собственное сочиненіе объ этомъ предметѣ. Въ заключеніе Собора положено было проклятiе на всѣхъ неприемлющихъ римскаго ученiя о Духѣ Святомъ. Греки южной Италiи еще долго и послѣ того не хотѣли оставить своихъ древнихъ догматовъ и обрядовъ, и ввести въ свои храмы богослуженіе на латинскомъ языкѣ. Особенно твердо держалось греческое богослуженіе въ южно-италiйскихъ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ держался греческіе обряды даже до XVI вѣка. Но отторгнутые отъ живой связи съ Восточными Церквами и стѣсненные со всѣхъ сторонъ вліяніемъ латинства, Южно-Италiйскія Церкви должны были наконецъ принять латинское исповѣданіе и богослуженіе. вмѣстѣ съ тѣмъ стала упадать здѣсь и греческая народность. Греческіе поселенцы южной Италiи, принявши латинство, постепенно слились съ другими италiйцами, и въ настоящее время въ этихъ, нѣкогда православныхъ греческихъ странахъ, не осталось слѣдовъ православiя и греческой народности.

Въ концѣ XI вѣка начались, въ XII и въ XIII вѣкахъ продолжались такъ называемые крестовые походы съ Запада на Востокъ. Эти крестовые походы и вообще много послужили возвышенію напѣ на Западѣ, и, между прочимъ, содѣйствовали распространенію вліянія на Восточныя Церкви. Кре-

стовые походы предпринимались, какъ извѣстно, для освобожденія Святой Земли отъ невѣрной власти магометанъ — арабовъ и турокъ. Этой цѣли они не достигли; Іерусалимъ и другія Святія мѣста, лишь на недолгое время завоеванные крестоносцами, опять остались и до сихъ поръ остаются въ рукахъ турокъ. Но восточнымъ христіанамъ крестоносцы принесли болѣе зла, чѣмъ туркамъ. Восточные христіане въ началѣ радовались возникшему на Западѣ движенію къ освобожденію Святой Земли, но скоро они должны были убѣдиться, что власть латинъ для нихъ еще болѣе тяжела, чѣмъ самое иго турокъ. Проходя въ Палестину черезъ Грецію, полчища крестоносцевъ, вопреки всякому международному праву и братскому христіанскому чувству, оскорбляли и грабили православныхъ грековъ. Это послужило первымъ поводомъ къ непріязни между крестоносцами и греками. Императоры византійскіе вступили въ мирные переговоры съ вождями крестоносцевъ; но вожди отказались отвѣчать за насильственные дѣйствія беспорядочнаго войска. А духовенство латинское оправдывало грабежи крестоносцевъ тѣмъ, что крестоносцы, какъ воины Бога, имѣютъ право во всякой землѣ брать, что имъ нужно, потому что вся земля достояніе Божіе. Когда крестоносцы перебрались въ Азію, и стали утверждать свою власть въ городахъ Сиріи и Палестины, они всюду вмѣстѣ съ тѣмъ старались утверждать и господство папы. Въ Антиохіи и Іерусалимѣ, не обращая вниманія

на то, что эти города издревле имѣли своихъ равныхъ, по правамъ, римскому папѣ православныхъ патріарховъ, крестоносцы вновь поставили своихъ латинскихъ патріарховъ. А православные патріархи, которые даже во время магометанскаго владычества жили на своихъ кафедрахъ, при владычествѣ крестоносцевъ должны были удалиться отъ нихъ и искать убѣжища и защиты у византійскихъ Императоровъ. Когда одинъ изъ византійскихъ государей, Іоаннъ Комнинъ, ходатайствовалъ предъ крестоносцами о томъ, чтобы въ Антіохіи позволено было жить православному патріарху, хотя совмѣстно съ латинскимъ патріархомъ, и хотѣлъ даже за большія деньги выкупить Антіохію у крестоносцевъ, папа Иннокентій II-й горячо протестовалъ противъ этого, какъ противъ святотатства и оскорбленія правъ римской Церкви. Подобнымъ образомъ и въ другихъ городахъ крестоносцы, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего владычества, поставляли латинскихъ епископовъ и митрополитовъ; монастыри наполняли латинскими монахами, а православныхъ монаховъ выгоняли изъ нихъ; древними памятниками православной святыни, св. мощами, особенно чтимыми иконами, разными драгоценностями церковными, распоряжались какъ своею собственностію, и многія изъ нихъ отправляли на Западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. При этомъ даже незамѣтно было со стороны латинскаго духовенства, находившагося между крестоносцами, какихъ-либо стараній разум-

ными убѣжденіями, проповѣдью, располагать восточныхъ христіанъ къ принятію латинства. Они считали здѣсь утвержденіе латинства дѣломъ уже поконченнымъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ самой политической власти крестоносцевъ, и во имя этого требовали отъ восточныхъ христіанъ подчиненія себѣ, какъ бы они издавна были покорныя чада или подданные римской Церкви. Тамъ гдѣ, встрѣчалось неповиновеніе или сопротивленіе, они обращались къ мѣрамъ насильственнымъ. Особенно, много приходилось терпѣть отъ насильственной пропаганды латинства жителямъ острова Кипра, гдѣ крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, держалось владычество крестоносцевъ. Здѣсь латинское духовенство сожигало на кострахъ и распинало на крестахъ православныхъ христіанъ, не хотѣвшихъ отступить отъ своей вѣры. Разумѣется, подобными дѣйствіями латинское духовенство и вообще крестоносцы не только не внушали Восточнымъ христіанамъ расположенія къ римской Церкви и къ папѣ, напротивъ еще болѣе усиливали непріязнь между Церквами.

Захвативъ подъ свою власть православные Восточные патріархаты, Антиохійскій и Іерусалимскій, крестоносцы съ завистью обращали свои взоры на Константинополь, главную опору православія и Восточной Церкви. Тѣмъ не менѣе, прямо заявить какія либо притязанія на Константинополь въ началѣ не представлялось ни благовиднаго повода, ни возможности. Византійская имперія въ XII-мъ вѣкѣ

подъ управленіемъ умныхъ и мужественныхъ Императоровъ династій Комниновъ была довольно сильна. Императоры византійскіе старались, по возможности, воздерживаться отъ враждебныхъ столкновений съ крестоносцами. По этому, не смотря на фанатическія воззванія нѣкоторыхъ латинскихъ епископовъ, которые еще въ половинѣ XII-го вѣка (во время II-го крестоваго похода при Людовикѣ VII-мъ) возбуждали крестоносцевъ овладѣть Константинополемъ—гнѣздомъ еретиковъ, долго не рѣшались обратить свое оружіе противъ Константинополя.

Папы въ началѣ надѣялись, что константинопольскіе греки, въ виду успѣшнаго распространенія латинскаго господства на Востокѣ, сами обратятся къ римской Церкви... Были нѣкоторыя частныя обстоятельства, усиливавшія въ папахъ эту надежду. У папъ въ XII-мъ вѣкѣ возникали не рѣдко столкновенія съ германскими Императорами (Генрихомъ V-мъ, Фридрихомъ Барбаруссой). Въ виду этихъ столкновений, у нѣкоторыхъ папъ, въ то время уже считавшихъ себя полноправными раздателями царскихъ вѣнцовъ и титуловъ, появилась мысль совсѣмъ уничтожить на Западѣ императорскій титулъ (имъ же обязанный своимъ происхожденіемъ при Карлѣ Великомъ), и утвердить этотъ титулъ за однимъ византійскимъ Императоромъ въ тѣхъ видахъ, что византійскіе Императоры будутъ надѣжнѣе, чѣмъ германскіе, вѣрными союзниками папства и помогутъ ему подчинить

своей власти греческую Церковь. Подъ вліяніемъ этой мысли, между папами и византійскими Императорами неоднократно начинались переговоры объ императорскомъ титулѣ и соединеніи Церквей (у папъ Урбана II-го и Пасхалиса II-го съ императоромъ Алексѣемъ Комнинымъ; у папъ Адріана IV-го и Александра III-го съ Еммануиломъ Комнинымъ). Честолюбивые Комнины, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ прельщались честію имѣть за одною византійскою короною императорскій титулъ и на мѣсто упраздненной Германской имперіи, распространять свое вліяніе на самую Западную Европу, а можетъ быть только опасались чрезъ прямое несогласіе съ папами навлечь на имперію непріятность отъ крестоносцевъ; во всякомъ случаѣ считали нужнымъ поддерживать добрыя отношенія съ папами, и даже ласкать ихъ надеждою на соединеніе Церквей. Въ сущности Комнины, сами близко входившіе въ церковные интересы своего народа, вовсе не имѣли намѣренія уступить папѣ самостоятельность греческой Церкви, но по наружности они старались вызывать большое расположеніе къ нему, писали льстивыя письма папамъ, посылали богатые вклады въ римскую Церковь и въ извѣстные Западные монастыри Клоньи и Монте-Кассино, позволяли въ своихъ владѣніяхъ строить латинскіе храмы и монастыри, возбуждали между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разсужденія о мѣрахъ къ соединенію Церквей. При дворѣ византійскихъ

Императоровъ устроились публичныя совѣщанія объ этомъ предметѣ между папскими посланниками и учеными греческими богословами; (изъ нихъ въ особенности извѣстны диспуты миланскаго архіепископа Хризолана съ Евстратіемъ, митрополитомъ никейскимъ при Алексіѣ Комнинѣ, и гавельберскаго епископа Ансельма съ Никитою, никомидійскимъ, при Іоаннѣ Комнинѣ). Папы присылали такъ же посланія къ греческимъ епископамъ, въ которыхъ приглашали ихъ соединиться съ римскою Церковью, сравнивая греческую Церковь съ погибшею овцою и потеренною драхмою, а себя съ любвеобильнымъ евангельскимъ пастыремъ, заботящимся о спасеніи каждой погибающей овцы. Епископы и богословы греческіе, не желая, вопреки видамъ своего правительства, раздражать папъ прямымъ противорѣчіемъ, давали папамъ и ихъ посланникамъ вѣжливыя отвѣты на всѣ приглашенія и увѣщанія, но тѣмъ не менѣе старались объяснить имъ, что такое великое дѣло, какъ соединеніе Церквей, не можетъ совершиться иначе, какъ послѣ безпристрастнаго изслѣдованія причинъ разрыва на Вселенскомъ Соборѣ, и только тогда, когда папы откажутся отъ своихъ деспотическихъ притязаній къ поработченію всѣхъ Церквей, перестанутъ считать греческую Церковь заблудшею овцою и потерянною драхмою, и когда римская Церковь оставитъ свои отступленія отъ древнихъ православныхъ преданій (извѣстны въ таковомъ духѣ

отвѣты Никиты Никодимійскаго и Василія Оесалонитскаго на приглашенія къ соединенію).

Въ большинствѣ народа и духовенства греческаго не было никакого расположенія къ соединенію съ римскою Церковью; напротивъ, въ виду насилій производимыхъ крестоносцами на Востокъ, усиливалась все болѣе и болѣе непріязнь къ латинству. Крестоносцы нерѣдко сами жаловались папѣ, что греки ихъ почти не считаютъ за христіанъ. Такое настроеніе противъ латинства поддерживали въ народѣ и многіе высшіе пастыри греческой Церкви и ученые греческіе богословы. Въ полемическіхъ сочиненіяхъ того времени, касавшихся латинства, выказывалось уже гораздо болѣе непріязненное отношеніе къ нему, нежели въ предшествовавшіе вѣка. Патріархи константинопольскіе Михаилъ Анхіаль, Никита Мунтанъ, александрійскій патріархъ ученый Теодоръ Вальсамонъ, прямо называли латинянъ злѣйшими еретиками. Подъ вліяніемъ раздраженнаго національнаго и религіознаго чувства у грековъ уже къ концу XII-го вѣка появился такой обычай, который служилъ крайнимъ выраженіемъ непріязни къ латинству, — обычай перекрещивать латинянъ при обращеніи въ православіе. Обычай этотъ не могъ быть оправданъ согласіемъ съ древними церковными правилами, но онъ естественно объясняется тѣми отношеніями, въ какія поставило себя къ Восточнымъ Церквамъ латинство своими притязаніями и насиліями. Въ послѣдующіе вѣка обычай этотъ-то былъ отмѣня-

емъ въ греческихъ Церквахъ, то опять возобновлялся, по мѣрѣ того, насколько ослабѣвало или опять усиливалось религіозное и національное раздраженіе грековъ противъ латинцевъ, возбуждаемое несправедливыми и насильственными дѣйствіями послѣднихъ.

Въ народѣ греческомъ были недовольны и тѣмъ двусмысленно—тонкими отношеніями къ Риму, въ какихъ держало себя правительство византійское къ политическимъ расчетамъ. Это недовольство, въ особенности, усилилось въ послѣдніе годы правленія Императора Еммануила Комнина, который, вступилъ въ бракъ съ дочерью антиохійскаго вожда крестоносцевъ Райнальда, Марією, ласкалъ латинцевъ при своемъ Дворѣ, давалъ имъ большія привилегіи въ торговлѣ, право стронуть свои церкви и монастыри въ его владѣніяхъ, въ слѣдствіе чего очень много латинцевъ поселилось въ Константинополѣ. Когда Императоръ Еммануиль умеръ, и правительницею государства, за малолѣтствомъ наслѣдника престола, сдѣлалась вдова его латинянка Марія, народъ взбунтовался. На престолъ былъ возведенъ двоюродный братъ умершаго государя, Андроникъ Комнинъ, состоявшій подъ опалою у прежняго государя, заклятый врагъ латинянъ. Возбужденные имъ, греки разграбили и сожгли въ Константинополѣ весь латинскій кварталъ, избili множество латинянъ, и, между прочимъ, папскаго легата, кардинала Іоанна, жившаго въ Константинополѣ для переговоровъ о соединеніи Цер-

квей; другихъ латинянъ схватили и продали въ рабство, самыя Церкви и больницы ихъ разграбили и разрушили. Это было въ 1180-мъ году. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1185-мъ году, крестоносцы отплатили грекамъ еще большими неистовствами и жестокостями, овладѣвъ греческимъ городомъ Θεσσαλονικίαν.

До такихъ крайностей развилась вражда между греческимъ и латинскимъ христіанствомъ въ XII-мъ вѣкѣ. Непріязнь эта сдѣлалась теперь уже не религіозною только, но и глубокою національною враждою; вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе, утвердившееся между Церквами, сдѣлалось еще болѣе крѣпко и глубоко

III.

Владычество латинянъ въ константинополѣ въ XIII вѣкѣ; сношенія папъ съ никейскими императорами

Въ концѣ XII вѣка (1195 г.) въ Византійской Имперіи произошелъ переворотъ. Императорская династія Комниновъ, въ слѣдствіе крайняго деспотизма и невыносимыхъ жестокостей послѣдняго изъ нихъ, Авдронина Комнина, была низвергнута. На престолъ взошла новая династія Императоровъ Ангеловъ. Византійская имперія въ самые первые годы управленія новой династіи начала показывать приз-

наки разслабленія. Между разнородными племенами, входившими въ составъ ея, возникали частныя возмущенія. На окраинахъ имперіи (въ Болгаріи, Эпирѣ) образовались новыя самостоятельныя государства. Въ самомъ семействѣ новой царской династіи открылись междуусобія. Императоръ Исаакъ Ангелъ (1201 г.) былъ низвергнутъ съ престола, ослѣпленъ и посаженъ въ тюрьму братомъ своимъ, который вступилъ на престолъ подъ именемъ Алексѣя III-го. Теперь открылись западному властолюбію возможность и поводъ осуществить свои притязанія на Константинополь.

Сынъ низверженнаго Императора Исаака, царевичъ Алексѣй, скитался по Европѣ, и просилъ западныхъ государей помочь ему возвратить престолъ, отнятый дядею. Просьбы его вначалѣ не имѣли успѣха. Наконецъ, крестоносцы, съ благословенія папы Иннокентія III-го, вновь собиравшіе свои дружины въ Венеціи для похода въ Св. Землю, согласились помочь ему. Царевичъ Алексѣй обѣщалъ имъ за это уплатить огромную сумму денегъ (200,000 марокъ серебра), поддержать ихъ для похода въ Палестину десятитысячнымъ войскомъ, доставлять имъ туда въ продолженіи года съѣсные припасы, и, наконецъ, даже способствовать подчиненію греческой Церкви римскому папѣ. Крестоносцы, обольщенные такими обѣщаніями, отправились съ царевичемъ Алексѣемъ; и въ іюлѣ 1203 года обложили осадой Константинополь—Императоръ Алексѣй III бѣжалъ изъ столицы. Кон-

стантинопольскіе греки явились къ крестоносцамъ съ мирными предложеніями, вывели изъ тюрьмы слѣпаго Исаака Ангела, и, вновь возвели его на престолъ, вмѣстѣ съ сыномъ Алексѣемъ IV-мъ. Теперь Алексѣю IV-му пришло время расплачиваться съ крестоносцами. Во всей казнѣ константинопольской не могло найтись столько денегъ, сколько онъ имъ обѣщалъ. Назначены были усиленные налоги, и самъ Алексѣй IV отправился по провинціямъ собирать деньги для крестоносцевъ. Для пополненія казны, онъ рѣшился коснуться церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, сталъ обращать въ деньги церковныя драгоценности. Это возбудило въ народѣ большое волненіе. Крестоносцы настойчиво требовали денегъ, и считая себя благодѣтелями Императора, небрежно и враждебно относились къ грекамъ, оскорбляли ихъ, грабили и жгли селенія и монастыри въ окрестностяхъ Константинополя. Между греками сдѣлалось извѣстнымъ и то, что царевичъ Алексѣй обѣщалъ предать греческую Церковь латынамъ и уже началъ склонять патріарха Іоанна Каматира къ подчиненію папѣ. Греки, выведенные изъ терпѣнія, убили Алексѣя IV-го; отецъ его Исаакъ умеръ съ горя и испуга; на престолъ возведенъ былъ одинъ изъ предводителей возмущенія Алексѣй V Мурцуфлъ, ожесточенный врагъ Латинянъ.

Крестоносцы рѣшились жестоко отмстить грекамъ за такое своеволие. Константинополь вновь былъ осажденъ, и не смотря на отчаянное сопро-

тивленіе грековъ, взяты латинянами 13-го апрѣля 1204 года. Императоръ и патріархъ константинопольскіе бѣжали изъ города. При взятіи Константинополя крестоносцы ознаменовали себя такими неистовствами и жестокостями, до какихъ рѣдко доходили самые варварскіе народы, самые заклятые враги христіанства—магометане, при завоеваніи христіанскихъ городовъ. Греки безъ всякаго состраданія были избиваемы, даже и тѣ, которые сами покорно отдавались во власть крестоносцевъ. Не было пощады ни званію, ни полу, ни возрасту; благородныя женщины, дѣвы, монахини подвергались безчестію; имущества константинопольскихъ гражданъ были разграблены; изъ церквей константинопольскихъ однѣ были обращены въ складочное мѣсто для награбленныхъ имуществъ, а другія сдѣлались мѣстомъ для буйныхъ оргій крестоноснаго воинства. Въ самомъ Софійскомъ Соборѣ крестоносцы пировали и фощунствовали съ развратными женщинами, плясали въ священныхъ одеждахъ, пили вино изъ священныхъ сосудовъ, ругались надъ святыми тайнами. Священники и монахи латинскіе расхищали изъ греческихъ церквей драгоценныя иконы, Св. мощи и другіе предметы благовѣйнаго почитанія грековъ, отнимали и перекрадывали ихъ другъ у друга и пересылали на Западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. Въ это время перевезены были въ Римъ мощи Св. апостола Андрея (по преданію основателя византійской Церкви), древнихъ великихъ іерарховъ и

учителей Константинопольскихъ: Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Милостиваго и другихъ святыхъ, часть Креста Господня, ризы Божіей Матери и другіе священные предметы. Точно также были разграблены, или совсѣмъ разрушаемы крестоносцами памятники наукъ и искусствъ, которыхъ много было въ Константинополѣ: древніе рукописи, дорогія книги, художественныя изваяніи, статуи, и т. под.

Разграбивши столицу Греческой имперіи, крестоносцы избрали одного изъ своихъ вождей Балдуина, графа Фландрскаго, Императоромъ Константинопольскимъ, венеціанскаго каноника Θому Мозорини патріархомъ, и послали папѣ донесенія о своихъ успѣхахъ съ богатыми подарками, прося его принять подъ свое покровительство новую державу и прислать на Востокъ новыя дружины, а также побольше священниковъ, монаховъ, ученыхъ богослововъ, церковныхъ книгъ для утвержденія въ Греціи политическаго и духовнаго господства латинства. Иннокентій III хотѣлъ показать видъ, что онъ очень недоволенъ крестоносцами за то, что они забыли о главной священной цѣли своего предпріятія, и вмѣсто Іерусалима, находящагося въ рукахъ турокъ, завоевали Константинополь, имѣвшій свое христіанское правительство. Онъ строго укорялъ ихъ за тѣ неистовства и насилія, какія они позволяли себѣ при завоеваніи Константинополя, главнымъ образомъ изъ опасенія, что эти неистовства и насилія могутъ повредить латинству

въ глазахъ грековъ. Впрочемъ папа здѣсь же успокоивалъ себя и крестоносцевъ тѣмъ, что можетъ быть самъ промыслъ Божій избралъ ихъ орудіями своей воли для того, чтобы наказать непокорныхъ грековъ за ихъ упрямство и привести ихъ въ послушаніе апостольскому престолу. Поэтому, благословляя успѣхи крестоносцевъ и утверждая избранныхъ ими Императора и патріарха, папа внушалъ крестоносцамъ, что они должны твердо держать приобрѣтенныя ими по волѣ Божіей владѣнія, и епископамъ латинскимъ, находящимся въ Константинополѣ писалъ, чтобъ они немедленно заняли греческія Церкви и вводили вездѣ латинскіе обряды.

Утвердивъ свою власть въ Константинополѣ, крестоносцы отправились завоевывать провинціи греческой имперіи. Здѣсь также они вездѣ производили насилія и грабежи, также предавались святотатству и кошунству; въ Фессалоникахъ, напри-мѣръ, нагло ругались надъ мощами Св. Димитрія Солунскаго. Покоренные греки были обращены въ рабство. Имперія, подъ верховною властію находившагося въ Константинополѣ Императора, была раздѣлена на множество большихъ и мелкихъ ленныхъ владѣній, подъ управленіемъ различныхъ князей, графовъ, бароновъ и т. д. Въ церковномъ отношеніи въ Греціи учреждено 32 латинскихъ митрополій и около 100 епископствъ. Православные епископы были прогнаны съ своихъ мѣстъ, и, въ случаѣ неповиновенія, подвергались тяжкимъ преслѣдованіямъ.

Съ покореніемъ Византійской имперіи латинскому господству, сокрушенъ былъ главный центръ православія на Востокъ. Восточные патріархи: антиохійскій, іерусалимскій, александрійскій давно уже находились подъ чужимъ игомъ. Южныя славянскія государства, Болгарія и Сербія, только что началъ укрѣпляться. Западные славяне далматскіе и хорватскіе сербы, моравцы, чехи, всѣ уже болѣе или менѣе находились подъ политическимъ вліяніемъ латинскаго міра и духовнымъ господствомъ папства. На Сѣверѣ славянскій—православную Россію надвигалась страшная гроза—нашествіе монголовъ. Папство же находилось тогда именно на самой вершинѣ своего политическаго могущества и духовнаго вліянія. Папою былъ Иннокентій III, даровитѣйшій и вліятельнѣйшій человѣкъ своего времени, который, по произволу распоряжался царскими коронами во всей Западной Европѣ, и имѣлъ подъ своимъ вліяніемъ многочисленнѣйшее духовное и мірское воинство — монаховъ и рыцарей, готовыхъ всевозможными средствами утверждать власть папства вездѣ, гдѣ только имъ было бы указано. Время было самое благопріятное для утвержденія власти папской надъ Восточными Церквями. И папа Иннокентій III вполне надѣялся на это. Онъ торжественно провозглашалъ, что теперь-то Самарія (такъ называлъ онъ греческую Церковь) обратилась къ Господу (т. е. подчинилась папѣ), и имя Господне будетъ согласно призывать-ся въ Данѣ и Вавилѣ (въ Римѣ и Константино-
8*

полѣ). Посылая легата за легатомъ для устроенія латинской Церкви въ Греціи, папа Иннокентій разсылалъ миссіонеровъ и во всѣ православныя славянскія страны, писалъ письма къ государямъ сербскимъ и болгарскимъ, и князьямъ русскимъ, и всѣхъ приглашалъ послѣдовать примѣру матери Восточныхъ Церквей, константинопольской Церкви, въ покорномъ подданствѣ которой онъ уже не сомнѣвался.

Надежды папскія, однакожь, не оправдались. Скоро папа сталъ получать извѣстія отъ своихъ епископовъ и самихъ Императоровъ константинопольскихъ, что греки вовсе не думаютъ подчиняться римской Церкви; напротивъ, высказываютъ свое крайнее озлобленіе противъ латинства, что они считаютъ только законными пастырями своихъ греческихъ священниковъ и епископовъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые подвергаются преслѣдованіямъ отъ латинскаго духовенства, ублажаютъ, какъ мучениковъ, что греки считаютъ оскверненными самыя храмы, въ которыхъ совершается латинская служба, вымываютъ и выскребаютъ престолы, на которыхъ совершается безкровная жертва латинскими священниками, перекрещиваютъ латинцевъ, обращающихся къ греческой Церкви, и даже (по выраженію Императора Балдуина) считаютъ латинянъ не за людей, а хуже собакъ, и не считаютъ за грѣхъ убивать ихъ, гдѣ только представится случай. Неоднократно были употребляемы насильственные мѣры для приведенія грековъ къ покорности; но

эти мѣры возбуждали большее озлобленіе въ грекахъ. Въ 1213 году при Генрихѣ II-мъ, латинскомъ Императорѣ въ Константинополѣ, папскій легатъ Пелагій закрылъ всѣ Православныя Церкви; окончательно объявилъ греческое богослуженіе запрещеннымъ; священниковъ греческихъ разсадилъ по тюрьмамъ, морилъ голодомъ, предавалъ пыткамъ. Греки возмутились и прямо объявили Императору, чтобы онъ, господствуя надъ ихъ тѣлами, не позволялъ никому касаться ихъ души и совѣсти, не принуждалъ ихъ оставлять вѣру предковъ; иначе всѣ они должны будутъ бѣжать изъ его владѣній. Папскій легатъ долженъ былъ удалиться изъ Константинополя, и впослѣдствіи ознаменовалъ себя новыми неистовствами на островѣ Кипрѣ.

Папа Иннокентій увидѣлъ необходимость, оставивъ преждевременныя надежды, обратить болѣе серьезное вниманіе на положеніе Восточныхъ Церквей, и принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ утвержденію своего вліянія въ нихъ. Въ 1215 году созванъ былъ имъ IV-й Латеранскій Соборъ (по счету латинянъ XII-й Вселенскій), въ присутствіи четырехъ латинскихъ патріарховъ, многихъ епископовъ и свѣтскихъ пословъ латинскаго константинопольскаго Императора. На этомъ Соборѣ, въ виду положенія дѣлъ на Востокѣ, въ виду приверженности Восточныхъ христіанъ къ своему народному богослуженію и древнимъ обрядамъ, и предубѣжденій противъ латинства, принято было измѣ-

нить систему латинской пропаганды въ православныхъ странахъ, дѣйствовать вмѣсто принужденія и насилія мѣрами послабленія и хитрости, допускать возможныя уступки Восточнымъ христіанамъ (въ греческихъ и славянскихъ странахъ), оставлять имъ ихъ богослуженіе на народномъ языкѣ и ихъ древніе обряды неприкосновенными, и лишь постепенно вводить у нихъ полное подданство папѣ и латинскія нововведенія. Эта новая система, положившая начало такъ называемой уніятской пропагандѣ, по времени принесла много плодовъ римской Церкви, преимущественно въ славянскихъ странахъ; но между греками въ то время она имѣла мало успѣха: никакія уступки, ласки и обѣщанія не могли примирить грековъ съ латинствомъ въ виду того насилія, какое представлялось имъ въ самомъ фактѣ владычества латинянъ въ Константинополѣ.

Постоянная непріязнь, питаемая поработченными греками къ имъ поработителямъ, не могла ²⁷⁰⁰объщать прочности и самому политическому государству латинянъ на Востокѣ. Лишь въ первое десятилѣтіе своего существованія латинская константинопольская имперія казалась довольно сильною. Далѣе, обезпокоиваемая частыми возмущеніями и постояннымъ непріязненнымъ настроеніемъ покоренныхъ грековъ, ослабляемая большими переселеніями ихъ въ другія страны подъ покровительство православныхъ государей, часто тревожимая нападеніями сосѣднихъ государствъ, латинская кон-

стантинопольская имперія стала быстро клониться къ упадку. Только присылка новыхъ военныхъ дружинъ и большихъ денежныхъ вспомоствованій съ Запада могла на нѣсколько десятиковъ лѣтъ подержать существованіе ея. Въмѣстѣ съ ослабленіемъ латинской константинопольской имперіи, падала и латинская Церковь въ Греціи. Черезъ какіе нибудь десятка два лѣтъ во всей Греціи, вмѣсто предложенныхъ ста слишкомъ латинскихъ епископовъ, могли остаться только три прелата и самъ латинскій патріархъ константинопольскій съ своимъ дворомъ содержался на вспомоствованіи папы.

По мѣрѣ ослабленія латинской Константинопольской Имперіи, въ сосѣдствѣ съ нею усиливались независимыя греческія владѣнія. Крестоносцы при завоеваніи византійской Имперіи успѣли подчинить себѣ не всѣхъ грековъ. Еще до утвержденія крестоносцевъ въ Константинополѣ, двумя братьями изъ фамиліи Ангеловъ, Михайломъ и Θεодоромъ, было основано независимое отъ Византіи государство въ Епирѣ. По завоеваніи Константинополя латинянами, образовались два независимыя греческія владѣнія въ Малой Азій, въ Трапезунтѣ, подъ управленіемъ двухъ братьевъ Комниновъ, Алексѣя и Давида, и въ Никеѣ подъ предводительствомъ Θεодора Ласкариса, зятя Императора Алексѣя III-го. Владѣтели всѣхъ трехъ государствъ заявляли притязанія считаться какъ бы преемниками власти византійскихъ Императоровъ, и усвоили себѣ Им-

ператорскій титулъ. Но по времени всего болѣе возвысились изъ нихъ Никейскіе государи (Θеодоръ-Ласкарисъ I-й, его зять Іоаннъ-Дука-Ватацъ, Θеодоръ-Ласкарисъ II-й). Въ Никей поселились и православные патріархи греческіе, удалившіеся изъ Константинополя. Они своимъ авторитетомъ усиливали власть Никейскихъ государей, и короновали ихъ вѣнцомъ древнихъ Императоровъ византійскихъ. Греки смотрѣли на Ласкарисовъ, какъ на законныхъ преемниковъ прежнихъ своихъ Императоровъ Комниновъ и Ангеловъ, и какъ будущихъ освободителей всей Греческой имперіи отъ власти латинянъ. Государи никейскіе своими умными и удачными дѣйствіями поддерживали въ грекахъ эту надежду. Маленькое Никейское государство, въ началѣ заключавшееся только въ стѣнахъ одного города, расширялось болѣе и болѣе приобритеніемъ новыхъ городовъ и областей. Множество византійскихъ грековъ, тяготившихся владѣтельствомъ латинцевъ, переселялось во владѣнія Никейскихъ государей. Прочіе греки, оставшіеся подъ латинскимъ господствомъ, готовы были встрѣтить ихъ въ Константинополѣ, какъ своихъ освободителей и законныхъ государей. Никейскіе государи вначалѣ вели себя очень осторожно, старались не раздражать крестоносцевъ, но потомъ, по мѣрѣ расширенія своихъ владѣній и ослабленія латинской имперіи, сами стали обнаруживать свои планы на освобожденіе Константинополя.

Латиняне и папы не могли оставить въ покоѣ

это независимое греческое государство. Въ началѣ они относились къ нему въ высокоуміи и пренебреженіи. Папа Инокентій III писалъ къ Теодору-Ласкарису I-му, чтобы онъ не усвоилъ себѣ ~~незаконныхъ~~ притязаній и подчинился въ политическомъ отношеніи своему законному государю, латинскому константинопольскому императору, и въ духовныхъ дѣлахъ латинскому константинопольскому патріарху. Но потомъ, когда Никейское государство значительно уже укрѣпилось, а латинская имперія въ Константинополѣ ослабѣла, папы измѣнили свои отношенія къ Никейскимъ государямъ и стали склонять ихъ къ союзу съ римскою Церковью уже не тономъ власти и угрозы, а мягкими увѣщаніями и обѣщаніями, какъ прежнихъ греческихъ Императоровъ Комниновъ. Никейскіе государи, неувѣренные въ твердости своего положенія, и знавшіе, что папы хлопчутъ на Западѣ о возбужденіи новыхъ крестовыхъ походовъ на Востокъ, старались до времени не раздражать папъ, и, подобно прежнимъ византійскимъ Императорамъ, ласкали ихъ надеждами на соединеніе Церквей. Неоднократно по этому случаю возникали сношенія между Римомъ и Никеею. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ сношеній были въ 1232-мъ году при папѣ Григоріѣ IX-мъ и Императорѣ Никейскомъ Дукъ-Ватакисѣ. Императоръ поручилъ вести эти сношенія Никейскому патріарху Герману. Патріархъ Германъ писалъ письма къ папѣ и кардиналамъ. Въ самой Никее были открыты совѣща-

нія между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ. Греки высказывали латинянамъ, что они согласны были бы соединиться съ римскою Церковью, если бы не страшились тѣхъ тяжелыхъ притязаній и насилій, какими латинская Церковь вездѣ обре-мѣняетъ покоряющихся ей, что для соединенія Церквей необходимо устраненіе разногласій въ догматахъ вѣры и безпристрастное обсужденіе дѣла на Вселенскомъ Соборѣ. Между тѣмъ во время самыхъ переговоровъ съ латинянами патріархъ Германъ разсылалъ посланія къ Грекамъ, находящимся подъ властію крестоносцевъ, на островѣ Кипрѣ, въ которыхъ убѣждалъ ихъ твердо стоять противъ угнетавшей ихъ силы латинства и не принимать никакихъ латинскихъ нововведеній. Переговоры эти, подобно всѣмъ прежнимъ, не привели ни къ чему; можетъ быть только помогли Никейскому императору отклонить отъ своего государства опасность, угрожавшую съ Запада отъ крестоваго похода, созываемаго папою Григоріемъ. Въ послѣдствіи папы Иннокентій IV и Александръ IV старались возобновить переговоры о соединеніи Церквей, но еще съ меньшимъ успѣхомъ. Государя Никейскіе, по мѣрѣ усиленія своего, не считали нужнымъ, даже и по наружности, поддерживать въ папахъ надежду на присоединеніе греческой Церкви.

Въ шестидесятихъ годахъ XIII-го столѣтія латинская имперія въ Константинополѣ дошла до послѣдней степени своего ослабленія. Послѣдній

Императоръ константинопольскій изъ латинянъ Балдуинъ II-й сколько ни ѣздилъ по Западнымъ землямъ, сколько ни просилъ Западныхъ государей поддерживать войсками и деньгами падавшую имперію, не имѣлъ никакого успѣха. Никейскіе государи могли наконецъ осуществить свою мысль объ освобожденіи столицы Св. Константина изъ подъ власти пришельцевъ. Этою честью пришлось воспользоваться Императору Михаилу VIII-му, Палеологу, который открылъ собѣю рядъ новой и послѣдней царственной византійской династіи Палеологовъ (онъ остался послѣ Θεодора-Ласкариса II-го опекуномъ его сына Іоанна, и, пользуясь расположеніемъ войска, сначала объявилъ себя соправителемъ несовершеннолѣтняго наслѣдника престола, потомъ и совсѣмъ устранилъ и ослѣпилъ его). 25-го іюня 1261 года Михаилъ Палеологъ послалъ небольшой отрядъ греческаго войска къ Константинополю. Константинопольскіе греки сами отворили ему ворота города. Императоръ Балдуинъ, латинскій патріархъ и прочіе латинцы, оставшіеся въ городѣ, бѣжали изъ него. 15-го августа 1261 г., въ день Успенія Божіей Матери, которую греки всегда почитали покровительницею своего царствующаго града, Императоръ Михаилъ Палеологъ торжественно съ крестнымъ ходомъ вступилъ въ Константинополь и возстановилъ здѣсь тронъ православныхъ греческихъ Императоровъ.

На Западѣ долго еще не могли отказаться отъ мысли владѣть Константинополемъ. Императоръ

Балдуинъ долго скитался и просилъ помощи при дворахъ Западныхъ государей къ возвращенію утраченнаго владѣнія. Папы Урбанъ IV и Климентъ IV дѣлали воззванія къ приготовленію новыхъ крестовыхъ походовъ на Востокъ. Но между западными владѣтелями, послѣ нѣсколькихъ неудавшихся опытовъ къ утвержденію латинскаго вліянія на Востокъ, уже не много было охотниковъ вновь тратить на это свои войска и деньги; въ самомъ народѣ охладѣлъ энтузіазмъ къ крестовымъ походамъ. Потомки Балдуина II-го еще около столѣтія (до 1383 года) продолжали титуловаться Императорами константинопольскими, но безъ тѣни власти на Востокъ. А латинскихъ патріарховъ для Константинополя папы продолжаютъ избирать и до настоящаго времени, также и для Антіохіи, Іерусалима и Александріи. Эти патріархи живутъ въ Римѣ, въ числѣ почетныхъ сановниковъ папскаго двора. Въ титулахъ ихъ папы какъ бы находятъ утѣшеніе номинально властвовать надъ Восточными Церквами, вмѣсто дѣйствительнаго преобладанія въ нихъ, котораго въ Римѣ тщетно добивались въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

IV.

ЛЮНСКАЯ УНИЯ.

Латинское владичество въ Константинополѣ до- вело до крайней степени непріязнь грековъ про- тивъ Рима и папства. (Память о немъ на долгое время глубоко оставалась въ душахъ грековъ. Труд- но было послѣ этого ожидать, чтобы греческая Цер- ковь, отстаившая свою самостоятельность отъ при- тязаній латинства подъ властію крестоносцевъ, до- бровольно подчинилась папѣ, находясь подъ по- кровительствомъ своихъ православныхъ государей. Между тѣмъ, однакожъ, почти вслѣдъ за уничто- женіемъ латинской имперіи въ Константинополѣ, папамъ удалось на нѣкоторое время польстить себѣ надеждою на осуществленіе своихъ притязаній въ Восточной Церкви.) Со стороны самаго правитель- ства византійскаго сдѣлана была довольно рѣши- тельная попытка присоединить греческую Церковь къ римской. Правда, попытка эта въ сущности была дѣломъ личнаго произвола и придворной интриги; она предпринята была чисто по политическимъ ра- счетамъ, и отъ начала до конца ведена была неис- кренно, мѣрами обмана и насилія; потому она не нашла сочувствія въ греческомъ духовенствѣ и народѣ, и не имѣла никакого успѣха, никакого серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе на нѣкто- рое время она сильно заинтересовала папство, и папство до настоящаго времени любитъ вспоми-

нать о ней съ пріятностью и придавать ей серьезное значеніе. Эта попытка извѣстна подъ именемъ Ліонской Уніи.

Императоръ Михаилъ Палеологъ, положившій конецъ латинскому владычеству въ Константинополѣ, опасался, какъ бы, въ слѣдствіе происковъ и просьбъ Балдуина II-го и воззваній папы Урбана IV-го не ^{со} забрались новыя ополченія крестоносцевъ для завоеванія Константинополя. Въ самой Греціи было много недовольныхъ имъ за то, что онъ ослѣпилъ законнаго наслѣдника Ласкарисовъ, порученнаго его попеченію и самъ занялъ его престолъ. Благочестивый патріархъ Арсеній отлучилъ его отъ Церкви за это преступленіе. Императоръ низложилъ патріарха Арсенія и возвелъ на его мѣсто своего любимца и угодника Германа, адринопольскаго епископа, котораго, впрочемъ, скоро долженъ былъ удалить въ слѣдствіе ропота народнаго; потомъ сдѣлалъ патріархомъ придворнаго духовника, слабохарактернаго Іосифа, который и разрѣшилъ его отъ наложеннаго запрещенія. Но это произвело большое смятеніе. Многочисленная партія приверженцевъ патріарха Арсенія не хотѣла подчиниться Іосифу и продолжала считать Императора отлученнымъ отъ Церкви. Эта партія производила большія волненія въ Церкви. Сильные вельможи, завидовавшіе возвышенію Михаила Палеолога, могли пользоваться этими смятеніями для политическихъ цѣлей... Чтобы обезопасить себя отъ нападеній съ Запада и упрочить свое положеніе

на константинопольскомъ престолѣ, Михаилъ Палеологъ вздумалъ укрѣпить себя союзомъ съ папствомъ, имѣвшимъ тогда еще сильное вліяніе на политическія дѣла Европы. Для этой цѣли онъ рѣшился вступить съ папами Урбаномъ IV, затѣмъ съ Климентом IV, въ сношенія о соединеніи Церквей, и, какъ человекъ настойчиваго, деспотическаго характера, готовъ былъ употребить всевозможныя мѣры для выполненія своего предпріятія. Папы въ началѣ не довѣряли Михаилу Палеологу, злобились на него за ниспроверженіе латинской имперіи и не хотѣли имѣть съ нимъ дѣла. Наконецъ, когда въ 1271-мъ году вступилъ на папскій престолъ Тригорій X-й, самъ прежде жившій на Востокѣ, и пламенно мечтавшій объ утвержденіи тамъ римскаго господства, переговоры о соединеніи Церквей пошли дѣятельнѣе. Императоръ началъ готовить народъ и духовенство къ предполагаемому соединенію; но народъ и духовенство, за исключеніемъ не многихъ личностей, единомысленныхъ съ Императоромъ, льстившихъ ему, и обманчиво представлявшихъ себѣ дѣло Уніи, не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу римской Церкви. Императоръ дѣйствовалъ сначала просьбами и убѣжденіями, потомъ угрозами и насиліемъ: многіе епископы были сосланы въ ссылку; другіе посажены въ тюрьмы. Обманомъ, лестью и тюремнымъ заключеніемъ Императоръ успѣлъ склонить на свою сторону краснорѣчивѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ Константинопольскихъ духов-

9*

ныхъ, Іоанна Векка, патріаршаго ~~Фартофиакса~~. Но и переходъ Векка на сторону Уніи не только не помогъ этому дѣлу, но напротивъ его самого лишилъ довѣрія и уваженія въ глазахъ духовенства и народа.

Между тѣмъ папа Григорій назначилъ въ Ліонъ Соборъ въ 1274-мъ году (14-й Вселенскій по счету латинянъ). На этотъ Соборъ должны были прибыть посланные отъ греческаго Императора для заключенія условій о соединенія Церквей. Императоръ приказалъ единомышленникамъ составить отъ имени греческой Церкви грамату, въ которой бы греческая Церковь обязывалась признать себя зависимою отъ римской Церкви, почитать папу первымъ епископомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, поминать имя его на службахъ Церковныхъ, и, въ случаѣ надобности, представлять на рѣшеніе папы важнѣйшія дѣла, возникающія въ греческой Церкви, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Символъ вѣры, всѣ догматы и обряды греческой Церкви оставались неприкосновенными при соединеніи съ римскою Церковью. Къ этой граматѣ успѣли набрать незначительное число епископскихъ подписей; за большую часть греческихъ епископовъ, несогласавшихся на Унію, поддѣланы были рукою императорскаго писца фальшивыя подписи, и съ этою граматою послали въ Ліонъ, для заключенія мира Церковнаго, отставленнаго отъ должности и нелюбимаго въ народѣ за угодничество Императору патріарха Германа съ нѣсколькими лицами изъ

Константинопольскаго клира и придворными свѣтскими чиновниками; а патріарха Іосифа, въ то время занимавшаго Константинопольскій престолъ и несогласавшагося на Унію, принудили удалиться въ монастырь. Посланные Михаила Палеолога съ богатыми подарками папѣ прибыли въ Ліонъ, и здѣсь безъ всякихъ разсужденій о причинахъ, сущности и значеніи разногласій, существовавшихъ между Восточною и Западную Церквами, въ торжественномъ собраніи Западныхъ прелатовъ 6-го іюля 1274 года дали отъ имени греческой Церкви клятвенное обязательство на соединеніе съ римскою Церковью и признаніе главенства папы.

По возвращеніи пословъ изъ Ліона, Императоръ приказалъ объявить унію съ римскою Церковью, и поминать имя папы на церковныхъ богослуженіяхъ. На престолъ патріаршества константинопольскаго возведенъ былъ Іоаннъ Веккъ, въ дарованіяхъ и энергичности котораго Императоръ надѣялся найдти сильную опору дѣлу уніи. Но народъ и духовенство продолжали относиться къ уніи также непріязненно, какъ и прежде. Православные греки не хотѣли молиться въ тѣхъ Церквахъ, гдѣ поминалось имя папы. Въ Константинополѣ возникли сильныя смуты и распри между православною и уніатскою партіями. Противъ Императора и патріарха стали распространяться недовольство и озлобленіе. Пользуясь такимъ замѣшательствомъ народнымъ, нѣкоторые изъ сильныхъ вельможъ, ненавидѣвшихъ Михаила Палео-

лога, стали возбуждать въ провинціяхъ открытыя мятежи противъ императорской власти. Императоръ хотѣлъ силою заставить народъ повиноваться себѣ. Ссылки, пытки и казни усилились въ чрезвычайной степени. Съ другой стороны патріархъ Веккъ и другіе ученые приверженцы уніи (Константинь Мелетиніомъ, Георгій Метохитъ и др.), старались дѣйствовать на народъ мѣрами убѣжденія; они распространяли такія мысли, что унія есть дѣло въ высокой степени нравственное и христіанское, и въ политическомъ отношеніи для грековъ весьма полезное, что римская Церковь такая же православная Церковь, какъ и греческая; что въ самомъ важномъ пунктѣ разногласія между греческою и римскою Церквями относительно исхожденія Св. Духа легко примирить ученіе той и другой Церкви, если принять для выраженія этого ученія такую формулу, что Духъ Святой исходитъ не просто отъ Отца, какъ читается въ греческомъ символѣ, и не отъ Отца и Сына, какъ учитъ Западная Церковь, а отъ Отца чрезъ Сына, какъ учили будто бы многіе древніе учителя церковные, Восточные и Западныя *). Но ни деспотическая на-

*) Дѣло, конечно, здѣсь было не въ томъ, какое выраженіе употреблять въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа „отъ Сына“ или „чрезъ Сына“ а въ томъ, какой смыслъ соединять съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ. Еслиби католики или уніаты разумѣли выраженіе „чрезъ Сына“ или „отъ Сына“ въ смыслѣ временнаго благодатнаго исхожденія Св. Духа на людей, гре-

стойчивость Императора, дѣйствовавшего мѣрами
насилія, ни убѣжденія уніятской партіи греческихъ
богослововъ не подвигали впередъ дѣла уніи. Векъъ,
разочарованный въ своихъ уніятскихъ стремленіяхъ
и въ народной къ нему расположенности, оста-
вилъ управленіе церковными дѣлами; самъ импера-
торъ, утомленный пытками и казнями, въ послѣд-
ніе годы своего правленія предоставилъ успѣхъ
уніи на произволъ судьбы.

Между тѣмъ въ Римѣ ошибочно представляли,
что въ греческой Церкви воля Императора можетъ
сдѣлать все и отъ стараній Михаила Палеолога
ожидали совсѣмъ не такихъ результатовъ. Такъ,
не только надѣялись, что греческая Церковь, по
волѣ Императора, безпрекословно признаетъ себя
зависимою отъ папы, но думали даже, вопреки са-
мымъ условіямъ Ліонскаго договора, по времени
распространить въ ней всѣ новоизмышленные дог-
маты и обряды западные, и утвердить на Востокѣ
политическое вліяніе папъ въ такой же степени
въ какой оно было въ то время на Западѣ. Съ
этою цѣлью въ 1279-мъ году папа Николай III-й
послалъ въ Константинополь своего легата, кото-
рый былъ бы тамъ постояннымъ представителемъ

ческая Церковь могла бы согласиться на это. Но въ примѣ-
неніи къ догмату о вѣчномъ иносѣмномъ происхожденіи Свя-
таго Духа выраженіе „черезъ Сына,“ также какъ и „отъ Сына“
не могло найти себѣ основанія въ словѣ Божіемъ и ученіи
древней Церкви.

его власти, и постепенно старался бы вводить въ греческую Церковь латинскіе догматы и обряды, и распространять свое вліяніе при дворѣ въ самыхъ политическихъ дѣлахъ. Но ближайшее ознакомленіе съ состояніемъ греческой Церкви и настроеніемъ греческаго народа на мѣстѣ должно было показать папскимъ уполномоченнымъ, что уніа въ греческой Церкви въ сущности вовсе не существуетъ. Въ Римѣ стали высказываться недовольства и жалобы на Михаила Палеолога за невыполненныя обѣщанія. Императоръ продолжалъ расточать предъ папою новыя завѣренія въ своемъ усердіи къ дѣлу уніи. Наконецъ фальшь и самообольщеніе съ той и другой стороны должны были разоблачиться. Папа Мартинъ IV въ 1281 году вновь положилъ проклятiе на Михаила Палеолога, какъ на лживаго обманщика и упорнаго ослушника римской Церкви. Императоръ, узнавъ объ этомъ, самъ, во время церковной службы, остановилъ діакона, хотѣвшаго, по уніятскому обычаю, поминать имя папы.

Такъ рушилась сама собою эта фальшивая сдѣлка, извѣстная подъ именемъ Ліонской Уніи, основанная на обманѣ и насиліи, и не имѣвшая себѣ никакой опоры въ убѣжденіяхъ и въ чувствахъ православнаго народа. Никакихъ добрыхъ положительныхъ результатовъ для возстановленія истиннаго ^имира между церквами она не принесла, — только еще болѣе возбудила въ Грекахъ непріязнь къ римской Церкви и недовѣріе ко всякимъ по-

пыткамъ на примиреніе съ нею въ будущемъ времени и оставила на будущіи времена тяжелый урокъ относительно того, какъ несообразно въ великомъ дѣлѣ церковномъ водиться чуждыми Церкви интересами и побужденіями, полагаться на какія либо вѣтшія силы, дѣйствовать противными духу Церкви мѣрами принужденія и обмана и т. д.

Разстройство, произведенною этою уніею въ греческой имперіи и Церкви, было такъ сильно, и народное излобленіе противъ нея такъ велико, что когда въ 1282 г. умеръ главный виновникъ ея, Императоръ Михаилъ Палеологъ, народъ не допустилъ, чтобы ему оказаны были почести царскаго погребенія, и отъ жены его и сына наслѣдника престола, Андроника, потребовалъ, чтобы они дали публичное завѣреніе въ своемъ несочувствіи дѣлу уніи, и постарались искоренить и загладить всѣ слѣды ея въ греческой Церкви. Въ 1283-мъ году въ Константинополѣ собранъ былъ для этой дѣли Соборъ; на немъ осуждено было главное латинское нововведеніе о происхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ примирительная уніятская формула о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца чрезъ Сына; патріархъ Векъ и другіе главные виновники уніи низведены съ Церковныхъ степеней и посланы въ ссылку; патріархомъ сдѣланъ былъ ученый богословъ Грггорій Кипрскій, давній противникъ Векка и его уніятскихъ мыслей. Всѣ участвовавшіе въ уніи по увлеченію или

но принужденію должны были подвергнуться строгимъ эпитиміямъ. Церкви, въ которыхъ поминалось имя папы и совершалось уніятское богослуженіе, вновь освящены, какъ оскверненныя. При всемъ томъ порядокъ въ греческой Церкви, разстроенный въ нѣсколько лѣтъ насильственного распространенія уніи, ссылкой и низложеніемъ множества епископовъ, распрями духовенства и народа, не могъ быть восстановленъ въ цѣлые десятки лѣтъ.

V.

ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ РИМСКОЮ И ГРЕЧЕСКОЮ ЦЕРКВАМИ
ВЪ XIV-МЪ И XV-МЪ СТОЛѢТІЯХЪ. ФЛОРЕНТІЙСКАЯ УНІЯ.
ПАДЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Послѣ Ліонской Уніи на долго время въ грекахъ оставалась такая глубокая непріязнь къ латинству, что правительство византійское, не смотря на все свое стѣсненное положеніе и на представлявшіеся отъ союза съ Римомъ выгоды, долго не рѣшалось вступать съ папами въ новыя соглашенія о соединеніи Церквей, чтобы не вызвать раздраженія народнаго.

Между тѣмъ положеніе византійской имперіи было весьма стѣсненное. Наступали послѣднія времена ея существованія. (Византійское правительство опасалось новыхъ нападеній съ Запада. Папы

Бонифаций VIII-й, Климентъ V и ихъ дальнѣйшіе преемники въ XIV-мъ вѣкѣ продолжали возбуждать Западныхъ государей и рыцарей къ крестовому походу на Востокъ противъ непокорныхъ грековъ. Правда, ихъ воззванія имѣли мало успѣха; вся опасность для византійской имперіи съ этой стороны ограничилась тѣмъ, что рыцари, Тамплиеры, еще разъ въ 1306-мъ году завоевали и разграбили Θεσσαλονικη, несчастный городъ, болѣе всѣхъ другихъ греческихъ городовъ потерпѣвшій отъ насилій Западнаго крестоноснаго воинства. Но гораздо большая опасность, на которую вначалѣ византійское правительство обращало мало вниманія, но которая съ теченіемъ времени возрастала болѣе и болѣе, угрожала Греческой Имперіи съ Азіатскаго Востока. Въ сосѣдствѣ съ имперією стали усиливаться новые завоеватели, османскіе Турки. Съ самаго начала XIV вѣка они стали нападать на византійскую имперію и затѣмъ до половины XV вѣка они отнимали у ней городъ за городомъ, область за областью, пока не положили конца ея существованію. (Сильная опасность со стороны турокъ стали угрожать византійской имперіи со временъ султана Урханъ, который въ 1339-мъ году взялъ Никомидію, и овладѣлъ азіатскими областями византійской имперіи.

Съ 1355 года Османы утвердились въ Европѣ. Въ 1369 г. султанъ Мурадъ утвердилъ уже столицу въ Адрианополь. Къ концу XIV-го вѣка, при

султанъ Баязетъ, Турки покорили Македонію, Фессалію, Элладу и Пелопонесъ.) Византійская имперія съ начала ХІV-го вѣка ограничивалась небольшою областію, прилегавшею къ Константинополю.

(Византійское правительство можетъ быть спасло бы свою имперію отъ Турокъ, еслибы при самомъ первомъ напорѣ этой силы на Европу успѣшило соединиться съ другими православнохристіанскими племенами, занимающими Юговостокъ Европы, съ Болгарами и Сербамі. Но великое несчастье и вина Юговосточныхъ православныхъ племенъ заключались въ томъ, что они непрестанно враждовали между собою, и не только не соединялись въ виду общей опасности, но даже нерѣдко направляли другъ на друга силы враговъ. Это несчастье сгубило всѣ Юговосточныя православныя государства. Первымъ изъ нихъ пала Болгарія, подчиненная ближайшимъ родственнымъ племенемъ, Сербовъ. За тѣмъ и Сербія, со всѣми подчиненными ей племенами, сдѣлалась достояніемъ Турокъ; затѣмъ пришла очередь и до византійской имперіи.)

Византійское правительство, по старому предразсудку своему, полагало единственный источникъ спасенія на Западѣ, въ Римѣ. Но Западъ Европейскій, въ которомъ папство воспитало пренебреженіе и ненависть къ православному Востоку, не только съ равнодушіемъ, но иногда и съ злорадованіемъ смотрѣлъ на гибель православныхъ Восточныхъ государствъ, не обращая вниманія и

на то, что невѣрная сила, сокрушавшая ихъ, могла въ послѣдствіи сдѣлаться опасною для всей христіанской Европы. На Западѣ говорили, что Востокъ схизматическій по справедливости терпитъ наказаніе Божіе отъ руки Турокъ за свое давнее упорство и непокорность римской Церкви. Сами папы, своими прежними воззваніями возбуждавшіе въ Западныхъ народахъ только непріязнь къ Востоку, не могли уже новыми воззваніями возбудить въ нихъ состраданіе къ погибавшимъ православнымъ Восточнымъ племенамъ.

Въ виду народной непріязни къ латинству, византійское правительство на первыхъ порахъ тайло свои новыя сношенія съ папами. Въ первый разъ послѣ несчастной Ліонской Уніи, Императоръ Андроникъ младшій въ 1339 году, по взятіи Никомидіи Турками, послалъ посольство на Западъ съ просьбою о помощи къ авиньонскому папѣ, Бенедикту XII. Посольство это было отправлено тайно отъ народа и возложено не на византійскаго грека, а на пришлеца, ученаго греческаго монаха изъ Калабріи, Варлаама, которой самъ въ послѣдствіи оказался виновникомъ большой Церковной смуты на Востокѣ, едва ли не какъ агентъ латинства. Варлаамъ въ двухъ замѣчательныхъ рѣчахъ при авиньонскомъ дворѣ развивалъ такія мысли, что Западные христіане непременно должны оказать Восточнымъ помощь противъ Турокъ, какъ по братскому христіанскому долгу, такъ и въ интересъ своего собственнаго благосостоянія,

ибо опасность отъ Турокъ не одной византийской имперіи, а и всей христіанской Европѣ; что безкорыстною братскою помощію Западные христіане скорѣе всего могутъ привлечь къ себѣ Восточныхъ христіанъ, также какъ прежде они всего болѣе озлобили ихъ противъ себя насиліями и притѣсненіями; что до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ это озлобленіе, нечего и думать о соединеніи Церквей, а когда пройдетъ оно, легко будетъ устранить и всѣ другіе Церковные поводы къ разрыву. Безпристрастные доводы Варлаама мало, однакожь, подѣйствовали на латинцевъ. Они отвѣчали ему: „а чтоже если мы подадимъ помощь грекамъ, и греки не присоединятся къ римской церкви?“

см. 57-ю.

Въ 1350 году папа Климентъ IV-й самъ возобновилъ переговоры о соединеніи Церквей съ греческимъ Императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ. Но Кантакузенъ, твердо преданный ученію своей Церкви и мало нуждавшійся въ союзѣ съ папою (потому что онъ заключилъ союзъ съ Турками), довольно сухо отвѣчалъ папѣ, что соединеніе Церквей можетъ состояться не иначе, какъ послѣ тщательнаго обсужденія церковныхъ разногласій на Вселенскомъ Соборѣ,—не на такомъ Соборѣ, каковъ былъ при Михаилѣ Палеологѣ Ліонскій Соборъ, а на такомъ, на которомъ бы было совершенно свободно и безпристрастно изслѣдовано дѣло представителями всѣхъ восточныхъ патріарховъ и который бы былъ собранъ въ которомъ

небудь изъ пограничныхъ городовъ, на срединѣ разстоянія между Римомъ и Византією. Папы же въ то время высказывали такое убѣжденіе, что для соединенія греческой Церкви съ римскою нѣтъ надобности въ новомъ Соборѣ—такъ какъ на предшествовавшихъ соборахъ всѣ разногласія, существующія между Церквями, уже разрѣшены въ пользу римской Церкви и такимъ образомъ Грекамъ только остается безпрекословно принять всѣ ея мнѣнія.

Преемникъ Кантакузена, Іоаннъ V^й Палеологъ, въ виду опасности отъ Турокъ, уже проникшихъ въ Европу, былъ гораздо болѣе своего предшественника податливъ на желанія папы. Онъ сначала въ 1355 году засылалъ пословъ къ Иннокентію VI-му; затѣмъ въ 1389 году самъ ѣздилъ въ Римъ; униженно цѣловалъ папскую туфлю; исповѣдывалъ предъ Урбаномъ VI-мъ латинскіи догматы объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына; обѣщалъ своихъ дѣтей воспитывать въ латинствѣ и одного изъ нихъ оставить заложникомъ въ Римѣ въ знакъ вѣрности; взялъ даже отъ папы переносный латинскій алтарь для отправленія латинскаго богослуженія при своемъ константинопольскомъ дворѣ.

Все это впрочемъ дѣлаемо было безъ всякаго участія со стороны народа и не имѣло никакого значенія для греческой Церкви. Въ политическомъ отношеніи униженіе императора предъ папою также не принесло никакой пользы Грекамъ. Папа

разослалъ воззванія къ рыцарямъ іоаннитскаго ордена, къ генуэзцамъ, венеціанцамъ, убѣждалъ ихъ подать помощь Грекамъ, соединиться для составленія новаго крестоваго похода на Востокъ; но убѣжденія папы не имѣли успѣха.

* Подобно Іоанну VІ, и его преемникъ Еммануилъ Палеологъ (1399—1425 гг.) ѣздилъ на Западъ въ Венецію, Францію, Англію, умолялъ о помощи папъ), Бонифація IX и Иннокентія VII, безъ всякаго успѣха. Бонифацій IX убѣждалъ западныхъ христіанъ подать помощь грекамъ во имя того, что они все-таки носятъ названія христіанъ, и въ той надеждѣ, что они за благодареніе, оказанное имъ, сдѣлаются покорными сынами римской Церкви, но его никто не слушалъ. А папа Иннокентій VII долженъ былъ прямо сказать самому Императору Еммануилу, что онъ ясно предвидитъ неминуемую и скорую гибель Византійской Имперіи безъ помощи европейскаго Запада, но ни чѣмъ не можетъ помочь этой бѣдѣ. Точно также не имѣло никакихъ важныхъ послѣдствій и посольство, отправленное Императоромъ Еммануиломъ въ 1414 году на Констанскій Соборъ для испрошенія помощи у западныхъ государей и переговоровъ о соединеніи Церквей.

22-1 * Наконецъ, предпослѣдній изъ Палеологовъ, Іоаннъ VI, въ виду крайняго положенія имперіи, которая въ его время уже вся почти заключалась въ стѣнахъ одного Константинополя, окруженнаго со всѣхъ сторонъ турками, и не имѣла даже и 10.000

собственнаго войска, рѣшился, во что бы то ни стало, приобрести помощь съ Запада, и для этого рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ повелѣлъ переговоры о соединеніи Церквей, сначала съ папою Мартиномъ IV, потомъ съ Евгеніемъ IV, который самъ прежде былъ легатомъ на Востокѣ, лично зналъ положеніе восточныхъ церквей, и тѣмъ ревностнѣе поэтому готовъ былъ стараться о подчиненіи ихъ своему вліянію.

Папы въ то время имѣли особенныя побужденія хлопотать о присоединеніи греческой церкви. Папская власть въ XIV вѣкѣ, вслѣдствіе долгихъ злоупотребленій, крайней распущенности авиньонскихъ папъ и соблазнительныхъ распрей между Римомъ и Авиньономъ во время такъ называемаго великаго раскола Западной Церкви (1378—1414 гг.), сильно поколебалась. Папы потеряли свое прежнее вліяніе на Западъ Европы; должны были въ своей же Церкви, въ средѣ своего латинскаго духовенства бороться съ сильною либеральною партіей, которая желала ограничить папскую власть властію вселенскихъ соборовъ и для этой цѣли держала уже два собора въ Пизѣ (въ 1408 г.) и въ Костанцѣ (въ 1414 г.), и вновь созывала соборъ въ Базелѣ (1431—1437 гг.). Папамъ нуженъ былъ какой нибудь особенно благоприятный случай, какое нибудь блистательное дѣло, которымъ бы они могли поднять свой упавшій авторитетъ въ общественномъ мнѣніи Европы, и взять верхъ надъ враждебною имъ партіей. Такимъ блистательнымъ

дѣломъ представлялось папству присоединеніе греческой Церкви. Поэтому папа Евгений IV со всѣмъ рвеніемъ схватился за предложеніе Іоанна Палеолога, и готовъ былъ даже сдѣлать значительныя пожертвованія и уступки, и надавать Грекамъ самыхъ щедрыхъ обѣщаній, съ тѣмъ только, чтобы достигнуть предполагаемаго соединенія церквей.

Между тѣмъ и члены враждебнаго папѣ Базельскаго собора, слышавъ о намѣреніи греческаго Императора присоединиться къ римской Церкви, старались склонить его на свою сторону, и расточали предъ нимъ щедрыя обѣщанія. Папская и базельская партіи готовы были вступить въ открытую борьбу изъ-за того, кому достанется честь присоединенія греческой Церкви. Самъ Іоаннъ Палеологъ долго колебался, къ какой сторонѣ пристать. Наконецъ папа, надававшій ему болѣе лъстивыхъ обѣщаній, склонилъ его на свою сторону.

Чтобы дать какойнибудь ходъ своимъ замысламъ въ народѣ, предубѣжденномъ противъ латинства и всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, Императоръ всячески старался о томъ, чтобы предполагаемое соединеніе не представлялось дѣломъ его личнаго произвола и политическихъ расчетовъ (какъ неудачная унія Михаила Палеолога), а свободнымъ дѣломъ самой Церкви, вызваннымъ искреннею ревностію о возстановленіи мира Церковнаго. Императоръ поэтому настаивалъ, чтобы это дѣло рѣшено было на Вселенскомъ Соборѣ, собранномъ со всею важностью и видимымъ безпристрастіемъ,

на подобіе древнихъ вселенскихъ Соборовъ, изъ представителей Западной и Восточной Церквей. А чтобы придать этому Собору болѣе политическаго значенія, Императоръ просилъ папу пригласить на него и Западныхъ государей или уполномоченныхъ пословъ отъ нихъ для соглашенія о подержаніи падавшей греческой имперіи. Папа соглашался на требованія Императора тѣмъ охотнѣе, что для него представлялся случай созвать подъ своимъ предсѣдательствомъ торжественнѣйшій Вселенскій Соборъ и противопоставить его авторитетъ авторитету базельскаго Собора.

Долгое время шли переговоры о томъ, гдѣ собрать этотъ предполагаемый Соборъ. Греки не хотѣли, чтобы Соборъ былъ созванъ въ Римѣ, гдѣ значеніе и самостоятельность представителей ихъ Церкви могли быть совершенно подавлены вліяніемъ Западной партіи. Но такъ какъ нельзя было созвать Собора и въ Константинополѣ, угрожаемомъ Турками, то они требовали, чтобы Соборъ созванъ былъ въ какомъ-нибудь изъ италіянскихъ городовъ, ближайшихъ къ Востоку. Рѣшили наконецъ избрать для этого Феррару. Греки, при бѣдности своей, затруднялись тѣмъ, на что проѣхать въ Италію и жить тамъ. Папа взялся перевезти ихъ на своихъ собственныхъ судахъ и содержать на свой счетъ во время пребыванія ихъ въ Италіи.

Чтобы дать замышляемому дѣлу видъ полнѣйшаго безпристрастія, Императоръ приказалъ ра-

зослатъ посланія по всѣмъ Восточнымъ Церквамъ: чтобы каждый изъ восточныхъ патріарховъ назначилъ отъ себя по два полномочныхъ представителя на Соборъ; кромѣ собственно греческихъ епископовъ положено было пригласить представителей и изъ другихъ православныхъ странъ—изъ Россіи *) Болгаріи, Сербіи, Румыніи, Грузіи и взять на Соборъ знаменитѣйшихъ греческихъ ученыхъ духовныхъ и свѣтскихъ. Впрочемъ число всѣхъ восточныхъ епископовъ назначенныхъ на Соборъ было не болѣе 25-ти; большая часть ихъ принадлежала къ константинопольской Церкви и нѣкоторые, вѣроятно, уже предварительно вошли въ соглашеніе съ Императоромъ относительно своихъ дѣйствій на Соборѣ; изъ другихъ Церквей, изъ цѣлыхъ обширныхъ православныхъ странъ назначено было по одному, по два представителя. Отъ восточныхъ патріарховъ представителями были назначены личности, предварительно указанныя самимъ Императоромъ и жившія въ Константинополѣ и послѣ, по усмотрѣнію императорской партіи, онѣ произвольно перечислялись отъ одного патріарха къ другому. Во главѣ всѣхъ представителей греческой

(*) Въ Россію незадолго передъ этимъ нарочно отправленъ былъ митрополитомъ, помимо желанія Великаго Князя и духовенства русскаго, Грекъ Исидоръ, втайнѣ предрасположенный къ Уніи; онъ самъ также, вопреки желанію, Великаго Князя и духовенства русскаго, отправился на Соборъ представителемъ за русскую Церковь и явился тамъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ соединенія.

Церкви, отправились на Соборъ самъ Императоръ и константинопольской патріархъ Іосифъ — человекъ престарѣлый, больной и слабохарактерный, въ которомъ Императоръ не надѣялся встрѣтить какого-либо противодѣйствія своимъ планамъ на соборѣ.

22-го ноября 1437 года греки отправились изъ Константинополя. 3-го марта 1438 года прибыли въ Италію. Съ самаго начала при свиданіи греческихъ епископовъ съ латинскими между ними поднялись недоразумѣнія и споры изъ за того, какія церемоніи должно соблюдать при встрѣчѣ патріарха съ папою: должны ли они встрѣтиться какъ равный съ равнымъ или какъ низшій съ высшимъ или гдѣ должно быть устроено на соборѣ мѣсто для греческаго патріарха — рядомъ съ папскимъ или въ нѣкоторомъ почтительномъ отдаленіи отъ него. Споры изъ за подобныхъ внѣшнихъ церемоній естественно не могли обѣщать мирныхъ соглашеній въ разсужденіяхъ о важнѣйшихъ предметахъ разномыслія церковнаго, о догматахъ церковныхъ, о правахъ и самостоятельности Церквей.

Далѣе греки, надѣявшіеся вліяніемъ Собора пріобрѣсти для своей Имперіи помощь съ Запада, скоро должны были увидѣть, что Соборъ этотъ на самомъ Западѣ не можетъ быть такъ вліятеленъ, какъ обѣщалъ имъ папа. Папа дѣйствительно приглашалъ на этотъ Соборъ Западныхъ государей; но они не являлись и даже не присылали пословъ своихъ. Епископовъ со всей Запад-

ной Церкви собралось къ открытію Собора только 70, между тѣмъ какъ на другихъ Западныхъ, такъ называемыхъ Вселенскихъ Соборахъ, бывало ихъ до тысячи и болѣе. Большая часть Западныхъ епископовъ сочувствовало враждебному папѣ базельскому Собору. Тщетно папа гремѣлъ прещеніями противъ базельскаго Собора и приказывалъ присутствовавшимъ на немъ епископамъ перейти на Соборъ въ Феррару. Епископы базельскаго собора протестовали въ свою очередь противъ Собора феррарскаго и, подъ угрозой низложенія, требовали, чтобы папа распустилъ его. Далѣе съ первыхъ же мѣсяцевъ, послѣ прибытія Грековъ въ Италію, папа сталъ задерживать обѣщанное имъ содержаніе и это, въ продолженіи всего пребыванія грековъ въ Италіи, было употребляемо имъ какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ склонить грековъ къ покорности и соглашенію. Какъ скоро греки начинали о чемъ либо горячо спорить съ латинянами, имъ не давали содержанія; когда же они склонялись къ уступчивости, имъ выдавали жалованье, задержанное за цѣлые мѣсяцы, въ награду за послушаніе.

Лѣтомъ открылась въ Феррарѣ моровая язва и жертвою ея сдѣлались нѣкоторые изъ грековъ. Все это привело грековъ въ такое уныніе, что они стали просить Императора о возвращеніи въ Константинополь. Но имъ сказано было, что нечего думать о возвращеніи не пришедши къ какому либо соглашенію съ папою, да притомъ и

не на чѣмъ и не на что возвратиться (такъ какъ у нихъ не было ни своихъ судовъ, ни денегъ)! Нѣкоторые епископы тайно бѣжали изъ Италіи. Императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы изъ остальныхъ никто не былъ выпускаемъ изъ города. При такомъ положеніи дѣла, конечно, нельзя было думать о серьезномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи причинъ раздѣленія и мѣръ къ соединенію Церквей.

Тѣмъ не менѣе, чтобы дать дѣлу видъ настоящихъ соборныхъ разсужденій, начаты были между греческими и латинскими богословами совѣщанія о главныхъ предметахъ разномыслія между Церквями—сначала частныя съ іюня; потомъ торжественныя съ октября 1438 года. Съ той и другой стороны избраны были лучшіе ученые и ораторы для веденія совѣщаній. Изъ Грековъ преимущественно отличались митрополиты Маркъ ефесскій и Виссаріонъ никейскій (оба ученые и краснорѣчивые,—но одинъ твердо преданный православію, другой втайнѣ расположенный къ Уніи), и свѣтскіе ученые—Гемистъ—Плетонъ, Георгій—Схоларій, изъ Западныхъ богослововъ кардиналы Юліанъ—Цезарини, Николай—Албергати и ученый испанскій докторъ доминиканецъ Іоаннъ Monte Nigro. Главными предметами споровъ были: латинское ученіе о чистилищѣ и прибавленіе къ Символу вѣры слова Filioque. Относительно перваго вопроса не пришлѣ ни къ чему опредѣленному, во второмъ—греческіе богословы, основываясь на

ясныхъ свидѣтельствахъ древнихъ Вселенскихъ Соборовъ и Св. Отцевъ, ясно доказали произвольность и несправедливость латинскаго прибавленія къ Символу. Западные богословы старались прервать разсужденія объ этомъ вопросѣ, въ которомъ ясно чувствовали свою несостоятельность и на мѣсто изслѣдованія свидѣтельствъ древней исторіи, прямо говорившихъ противъ западнаго нововведенія, намѣренно старались перевести споръ въ пустыя, отвлеченныя, схоластическія умствованія. Императоръ греческій постоянно внушалъ своимъ епископамъ быть сдержаннѣе и уступчивѣе въ спорахъ съ латинянами и, чтобы они на самомъ дѣлѣ были сдержаннѣе и уступчивѣе, приказалъ за каждымъ совѣщаніемъ наблюдать своему свѣтскому чиновнику и обо всемъ доносить ему; а самымъ твердымъ и неприклоннымъ защитникамъ православія, каковъ былъ по преимуществу митрополитъ ефесскій Маркъ, прямо запрещалось являться на Соборъ и вступать въ состязанія.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, приверженцы Уніи, видѣли, что если даже совѣщанія соборныя будутъ продолжаться въ такомъ тонѣ, какъ они начались въ Феррарѣ, они никогда не приведутъ къ желаемой цѣли. Чтобы дать дѣлу другое направленіе, въ началѣ 1439 года, какъ бы изъ опасенія возобновленія въ Феррарѣ на лѣто моровой язвы, рѣшились перевести Соборъ далѣе въ глубь Италіи—во Флоренцію. Тамъ предполагалось было поставить Грековъ еще въ болѣе стѣсненное

положеніе, и волей—неволей вынудить ихъ къ покорности требованіямъ папскимъ. Для виду и здѣсь сдѣлано было нѣсколько открытыхъ совѣщаній объ исхожденіи Духа Святаго отъ Сына. Но эти совѣщанія не имѣли уже никакого серіознаго и искренняго значенія. Главный защитникъ православія, Маркъ ефесскій, на нихъ почти вовсе не являлся. Тайные руководители Уніи, каковы были: Виссаріонъ, митрополитъ никейскій и Исидоръ, русскій, въ Феррарѣ еще показывавшіе себя преданными православію, во Флоренціи явно перешли на сторону Уніи. Прочіе греческіе епископы принуждены были молчать; ораторствовали одни западные богословы о преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ.

Когда и такой способъ убѣжденія никого не убѣдилъ въ преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ, Императоръ приказалъ своимъ епископамъ составить такую формулу соединенія, въ которой бы искусно были примирены или скрыты разномыслія между Церквами, или предложенъ былъ бы какой нибудь способъ примирить Церкви, не касаясь вѣроисповѣдныхъ разностей между ними. Когда и это подало новый поводъ къ раздорѣчіямъ и спорамъ, приказано было, прекративъ всѣ разсужденія, прямо отбирать голоса, кто согласенъ на Унію и кто несогласенъ. Тогда начали дѣйствовать главные руководители уже давно замышленной Уніи: Виссаріонъ никейскій, Исидоръ русскій и императорскій духовникъ Григорій Мам-

ма. Фальшивыми убѣжденіями во имя спасенія отечества, лъстивыми обѣщаніями, богатыми подарками, роскошными обѣдами, наконецъ угрозами и представленіемъ невозможности противорѣчить папѣ, живя на его счетъ въ Италіи, они стали переманивать одного епископа за другимъ на сторону Уніи. И когда почти всѣ дали вынужденное согласіе на нее, составленъ былъ актъ соединенія, въ которомъ, по настоящему требованію папскому, признаны были всѣ незаконныя преимущества, усвоенныя на Западѣ римскому престолу и латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына; относительно прочихъ предметовъ разномыслія грекамъ предоставлялась свобода держаться своихъ древнихъ мнѣній, или слѣдовать ученію римской Церкви.

5-го Іюля 1439 года греческіе епископы, собравшись у Императора, подписали этотъ актъ измѣны православію. Недоставало подъ нимъ подписи патріарха константинопольскаго Іосифа, который не задолго передъ тѣмъ умеръ, и трехъ мѣстоблюстителей патріарховъ восточныхъ: Діонисія сардійскаго, Антонія ираклійскаго и Марка ефесскаго. Діонисій умеръ еще въ Феррарѣ; Антоній не явился на собраніе подъ предлогомъ болѣзни; Маркъ не хотѣлъ итти ни на какія сдѣлки съ латинствомъ. Антонія принудили подписаться на одрѣ болѣзни, но Марка не могли склонить на измѣну православію никакія убѣжденія и угрозы.

Когда принесли къ папѣ этотъ актъ, подписан-

ный греческими епископами, первый вопросъ его былъ: „Подписался ли ефесскій?“ и когда ему ска-
зали, что нѣтъ, Евгеній произнесъ: „Ну такъ мы
ничего не сдѣлали“. Въ этихъ словахъ папы вѣр-
но выразилось и значеніе Марка, главнаго пред-
ставителя православія въ то время, и незначитель-
ность результатовъ, достигнутыхъ Соборомъ. Тѣмъ
не менѣе актъ соединенія между греческою и рим-
скою Церквями былъ торжественно объявленъ во
флорентійскомъ Соборѣ 6-го іюля 1439 года. А
незадолго передъ тѣмъ, 25-го іюня, на базель-
скомъ Соборѣ было произнесено осужденіе и от-
лученіе на папу Евгенія, и рѣшено избрать вмѣ-
сто него другаго папу.) Неискренность примире-
нія, заключеннаго во Флоренціи между греками и
латинянами, стала обнаруживаться немедленно,
когда греки еще были въ Италіи. По заключеніи
примиренія между греками и латинцами начались
новые споры. Тѣ самые изъ греческихъ еписко-
повъ, которые дали согласіе на Унію, не хотѣли
служить и причащаться вмѣстѣ съ латинскими
епископами, не хотѣли поминать имени папскаго
на богослуженіи. Папа, съ своей стороны, не доз-
волялъ грекамъ во Флоренціи открыто служить
литургію, по греческому обряду.

Когда же греческіе епископы возвратились въ
Константинополь, многіе изъ нихъ прямо объяви-
ли народу, что они вынуждены были во Флорен-
ціи подписать согласіе на Унію, и горько раскаи-
вались въ этомъ, какъ въ измѣнѣ православію.

Народъ сильно возмутился противъ папства, проклиналъ флорентійское соединеніе, и ублажалъ Марка—твердаго защитника православія. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и думать о распространеніи, ни даже объ обнародованіи Уніи. Пытались провести Унію въ народъ незамѣтно и постепенно; для этого на высшія мѣста церковныя старались возводить тайныхъ приверженцевъ Уніи; на самый патріаршій престолъ константинопольскій преемственно одинъ за другимъ возводимы были уніаты—Митрофанъ Кизическій и Григорій Мамма. Старались привлечь народъ въ Унію тѣмъ, что на первыхъ порахъ дозволяли всѣмъ послѣдователямъ Уніи безразлично содержать греческія мнѣнія и обряды или латинскія. Но твердые и прозорливые защитники православія, Маркъ ефесскій и его ученые послѣдователи: Геннадій Схоларій, сдѣлавшійся въ послѣдствіи однимъ изъ знаменитѣйшихъ патріарховъ константинопольскихъ; Сильвестръ Сиропулъ, написавшій исторію флорентійскаго Собора и другіе поборники православія тщательно разоблачали замыслы и интриги уніятской партіи, и утверждали въ народѣ преданность православію. Въ 1450 году три восточные патріарха: александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій со многими епископами составили въ Константинополѣ Соборъ, на которомъ низложили уніята патріарха Григорія Мамму, возвели на престолъ константинопольскій православнаго патріарха Аванасія, и произнесли отъ всей Восточной Церкви осужденіе

на флорентійскій Соборъ и на приѣмлющихъ его неправое соединеніе. Самъ Императоръ Іоаннъ Палеологъ, главный виновникъ этой неудавшейся Уніи, еще прежде отрекся отъ нея предъ смертію своею въ 1448 году.

Уже при приѣмникѣ Іоанна Палеолога, Константинѣ XI, когда Константинополь со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ турками, за нѣсколько мѣсяцевъ до паденія греческой Имперіи, прибылъ изъ Рима кардиналъ Исидоръ, бывшій митрополитъ русскій, и объявилъ въ храмѣ Св. Софіи декретъ флорентійскаго Собора 12-го декабря 1452 года. Греки разбѣжались изъ храма, и перестали посѣщать его, такъ какъ онъ, по ихъ убѣжденіямъ, былъ оскверненъ уніятствомъ. Только три епископа и нѣсколько священниковъ рѣшились принять Унію. Ненависть къ Уніи въ народѣ дошла до ожесточенія. Греки бѣжали отъ уніятскихъ священниковъ, какъ отъ зачумленныхъ и скорѣе соглашались умереть безъ покаянія, нежели принять напутствіе отъ кого либо изъ такихъ священниковъ. Въ Константинополѣ повсюду раздавались клики: „лучше достанемся туркамъ, чѣмъ папистамъ, лучше турецкая чалма, чѣмъ папская тиара“. Въ такихъ обстоятельствахъ Константинополь былъ взятъ Магометомъ II, 29 мая 1453 г. Унія флорентійская не только не предотвратила, но можетъ быть, напротивъ, ускорила паденіе греческой Имперіи, возбудивъ противъ грековъ особенную недозрительность со стороны турокъ, и,

увлекши народъ въ религіозныя волненія въ то время, когда ему нужно было сосредоточить всѣ остававшіяся у него силы на поддержаніе погибавшей свободы и народности.

Западъ не оказалъ никакой помощи погибавшему Константинополю. Правда, была послѣ флорентійскаго Собора сдѣлана въ этому одна попытка; но попытка эта кончилась въ высшей степени несчастливо. Воззванія папъ Евгенія IV, и хлопоты одного изъ главныхъ дѣятелей флорентійской Уніи, кардинала Юліана Цезарини, равно какъ и сознаніе опасности, угрожавшей отъ турокъ всему Западу Европы, побудили, наконецъ, въ 1444 году одного молодого горячаго европейскаго Государя, Владислава Венгерскаго съ большимъ войскомъ выступить на борьбу противъ турокъ. Но войско это было разбито на голову подъ Варною; самъ Владиславъ былъ убитъ, также и кардиналъ Цезарини. Послѣ этого никто изъ европейскихъ государей не осмѣливался противостать сокрушительной силѣ турокъ.

Подобно тому какъ въ Греціи, и въ другихъ православныхъ странахъ—въ Россіи, Грузіи, Молдавіи, Сербіи, Болгаріи—флорентійская Унія не имѣла никакого успѣха. Въ Россіи, при первой попыткѣ возвратившагося изъ Италіи митрополита Исидора, упомянуть имя папы на богослуженіи, великій князь и народъ такъ возстали противъ этого, что Исидоръ едва успѣлъ бѣгствомъ спастись отъ раздраженія народнаго. Онъ ушелъ въ Римъ

и тамъ умеръ кардиналомъ; точно также другой изъ греческихъ митрополитовъ, ревностный приверженецъ Уніи, Виссаріонъ никейскій, поселившись въ Италіи, не только въ награду за свою приверженность къ Уніи получилъ кардинальское достоинство, но и приобрѣлъ даже себѣ такое уваженіе въ Западной Церкви, что его неоднократно хотѣли избрать папою. Такимъ образомъ всѣ результаты флорентійскаго Собора по отношенію къ Восточной Церкви, очевидно, были ничтожны; тѣмъ не менѣе, западные ученые богословы и историки доселѣ стараются представить эти результаты въ другомъ, совершенно невѣрномъ и преувеличенномъ видѣ. Они любятъ указывать на флорентійскій Соборъ во свидѣтельство того, что вотъ нѣкогда Восточная Церковь совершенно готова была признать главенство папы и даже латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, и признала бы, еслибы только не помѣшалъ этому одинъ человѣкъ, мятежный Маркъ ефесскій. Самый ходъ дѣла этого ясно показываетъ, на сколько флорентійское опредѣленіе могло служить выраженіемъ убѣжденій Восточной Церкви, и какъ вообще Восточная Церковь сама по себѣ далека была отъ всякихъ сдѣлокъ съ латинствомъ, предпринимавшихся во имя ея авторитета лишь нѣсколькими личностями, которыя руководились въ великомъ дѣлѣ церковномъ даже и не церковными, а политическими или своими личными интересами.

VI

ЛАТИНСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ВОСТОКЪ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Послѣ паденія Константинополя, римская Церковь не оставила своихъ стремленій и надеждъ привлечь къ себѣ греческихъ христіанъ; только нашла нужнымъ, сообразно съ обстоятельствами, принять новые способы дѣйствій для достиженія своей цѣли. Заводить открытые переговоры о соединеніи Церквей, чрезъ посредство правительства уже магометанскаго, стало неудобно, (хотя папы, считавшіе себя главами и защитниками христіанства, и не стыдились очень скоро вступить въ политическія сношенія и сдѣлки съ султанами, которые открыто объявляли себя врагами христіанства). Собрать новые Соборы, для разсужденій о соединеніи Церквей и приглашать на нихъ бѣдныхъ угнетенныхъ Восточныхъ епископовъ, папамъ также казалось теперь уже неудобно, и, можетъ быть, унижительно для ихъ достоинства. Папы нашли удобнѣйшимъ дѣйствовать на греческихъ христіанъ путемъ насильственной пропаганды, не вступая ни въ какія сношенія съ самими представителями Восточной Церкви. Приверженцы папства, съ одной, стороны, стали привлекать молодыхъ богатыхъ грековъ, лишенныхъ средствъ къ полученію

высшаго образованія въ своемъ отечествѣ въ западныя школы и университеты; здѣсь прельщали ихъ блескомъ западной цивилизаціи, внушали имъ мысль, что для грековъ единственная надежда на политическое возстановленіе—въ союзѣ съ Западомъ чрезъ принятіе латинства, и такимъ образомъ старались приготовить пропагандистовъ латинства на Востокъ изъ самихъ же грековъ. Съ другой стороны стали отправляться на Востокъ цѣлыя толпы готовыхъ пронагандистовъ изъ западныхъ монаховъ—доминиканцевъ, францисканцевъ, бернардиновъ, лаваристовъ, и въ особенности іезуитовъ, которые болѣе всего сдѣлали зла Восточной Церкви. Западные пропагандисты дѣйствовали на Востокъ иногда скрытно, переодѣтые—то въ видѣ простыхъ путешественниковъ, торговцевъ, или въ видѣ врачей, домашнихъ учителей, проникали въ дома вліятельныхъ грековъ, старались вездѣ распространять склонность къ латинству, особенно между молодыми греками, поручаемыми ихъ воспитанію; распространяли въ народѣ книжки искусно пропитанныя латинскими и уніятскими мыслями; продавали по дешевымъ цѣнамъ и даромъ раздавали греческіе молитвенники, богослужебныя книги, проповѣди, катихизисы, перепечатанныя на Западѣ со вставками и измѣненіями въ духѣ латинства. При содѣйствіи пословъ католическихъ государствъ, они нерѣдко приобрѣтали и открытое благоволеніе у турецкаго правительства; съ дозволенія его заводили свои мона-

стыри, коллегии, школы, типографіи; имѣли своихъ епископовъ въ Греціи. Иногда даже, чрезъ подкупы и интриги, они успѣвали проводить своихъ приверженцевъ и на православные епископскіе престолы, даже на самый престолъ патріаршества константинопольскаго. Въ народѣ западные пропагандисты старались распространять склонность къ латинству обѣщаніями освобожденія, чрезъ посредство католическихъ державъ. Бывало и такъ, что іезуиты сами возбуждали между греками политическіе смуты, волненія, заговоры, и сами же доносили о нихъ турецкому правительству, въ надеждѣ воспользоваться такими смутами для своихъ цѣлей. Вращаясь между римскимъ дворомъ, турецкимъ правительствомъ, послами западныхъ государствъ, греческою іерархіею, православнымъ народомъ, западные пропагандисты не стыдились для своихъ цѣлей приставать ко всѣмъ и обманывать всѣхъ, принимать на себя обязанности политическихъ агентовъ и шпионовъ, то папскихъ, то султанскихъ, то какого либо изъ европейскихъ государствъ. При такой широкой свободѣ дѣйствія, западные пропагандисты производили не мало смутъ въ греческой Церкви, и иногда успѣвали отторгать некрѣпкихъ въ вѣрѣ чадъ ея въ латинству. Впрочемъ, вообще говоря, пріобрѣтенія латинской пропаганды на Востокъ были незначительны. Въ большинствѣ грековъ несовѣстливыя дѣйствія латинской пропаганды не только не воспитывали расположенія, напротивъ, еще болѣе преж-

него усиливали негодованіе и раздраженіе противъ латинства. Въ самомъ турецкомъ правительствѣ іезуитскія интриги нерѣдко возбуждали подозрѣнія и опасенія,—такъ что нерѣдко само турецкое правительство, независимо отъ стараній греческой іерархіи, находило нужнымъ ограничивать дѣйствія латинскихъ миссіонеровъ между греческими христіанами.

Дѣйствія латинской пропаганды на Востокъ открылись скоро по завоеваніи Греціи турками—подъ конецъ XV вѣка. Они открылись первоначально на греческихъ островахъ Средиземнаго и Ионическаго морей—въ Критѣ, Кипрѣ, Корѣу, и въ тѣхъ поселеніяхъ Морей и Эпира, которыя принадлежали венеціанской республикѣ. Пользуясь покровительствомъ венеціанскихъ властей, папскіе миссіонеры стали распространять здѣсь латинство между православными греками, и стѣснять православную Церковь. По этому поводу Св. Максимъ философъ, патріархъ константинопольскій, въ 1480 году писалъ посланіе къ венеціанскому правительству, въ которомъ просилъ его положить преграды насильственнымъ дѣйствіямъ латинской пропаганды, а въ 1484 году собралъ въ Константинополѣ Соборъ изъ православныхъ епископовъ, на которомъ, для предостереженія грековъ отъ прельщеній латинства, еще разъ подтверждено было осужденіе на флорентійскую Унію, произнесенное въ 1450 году.

Съ особенною силою дѣйствія латинской про-

паганды на Востокъ, открылись въ концѣ XVI вѣка; папа Григорій XIII (1572—1585 гг.), первый іезуитъ на папскомъ престолѣ, обратилъ всѣ виды римской политики на Востокъ къ распространенію латинства въ Греціи, Россіи и южныя славянскія страны. Его полѣтики слѣдовали и его преемники: знаменитый Сикстъ V (1585—1590 гг.), Климентъ VIII (1592—1605 гг.), Григорій XV (1621—1623 гг.) и др. Въ 1581 году была отправлена въ Константинополь цѣлая партія іезуитовъ; при содѣйствіи французскаго и австрійскаго посланниковъ при турецкомъ дворѣ, они успѣли исходатайствовать у турецкаго правительства позволеніе основать іезуитскій коллегіумъ въ самомъ Константинополѣ и дѣятельно повели свою пропаганду между греками. Однимъ изъ орудій пропаганды было въ то время распространеніе между восточными христіанами только что обнародованнаго тогда папою Григоріемъ XIII календаря. Іезуиты имѣли въ виду, начиная съ малыхъ и незначительныхъ нововведеній, постепенно привлечь восточныхъ христіанъ къ латинству и въ болѣе существенныхъ предметахъ вѣры. Тогдашній патріархъ константинопольскій мужественный и просвѣщенный Іеремія II, во время, проникъ замыслы іезуитовъ, собралъ въ Константинополѣ Соборъ (въ 1584 году), на которомъ и постановлено было не принимать въ Восточную Церковь новаго календаря. Іезуиты постарались отдѣлаться отъ проницательнаго противника; патріархъ Іеремія II

скоро свергнуть былъ съ престола за порицанье
будто бы турецкаго правительства. Послѣ него въ
концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, по проискамъ
іезуитовъ, на константинопольскомъ патріаршемъ
престолѣ было нѣсколько такихъ патріарховъ, (Па-
хомій Лесбосскій, Рава^алъ, Неофитъ, Тимофѣй),
которые если и не были тайными приверженцами
латинства, по крайней мѣрѣ не противодейство-
вали замысламъ іезуитовъ. Іезуиты до того уси-
лились въ Константинополѣ, что начали чрезъ
своего ревностнаго приверженца, австрійскаго Им-
ператора Фердинанда II, ходатайствовать предъ
турецкимъ правительствомъ о томъ, чтобы въ Кон-
стантинополѣ позволено было жить латинскому
патріарху. Ходатайство это, впрочемъ, осталось
безъ успѣха. Мало того, около 1510 года турец-
кое правительство открыло, что іезуиты въ Кон-
стантинополѣ служатъ агентами французскаго Ко-
роля Генриха IV, что они внушаютъ грекамъ не-
сбытныя надежды на Францію и возбуждаютъ
ихъ къ возмущеніямъ. Іезуитамъ угрожала смерт-
ная казнь или, по крайней мѣрѣ, изгнаніе изъ пре-
дѣловъ турецкаго государства. Тѣмъ не менѣе, од-
накожь, чрезъ ходатайство австрійскаго правитель-
ства и собственныя хитрости, они не только ус-
пѣли спастись, но и опять скоро по прежнему
усилились въ Константинополѣ.

Утвердивъ центръ своей пропаганды на Восто-
кѣ въ самомъ Константинополѣ, папы для той же
цѣли открыли нѣсколько важныхъ учрежденій въ

Римѣ. При томъ же Григоріѣ XIII былъ основанъ въ Римѣ греческій collegiūmъ Св. Аѳанасія, въ которомъ предположено было давать высшее образованіе дѣтямъ богатыхъ грековъ, конечно въ духѣ латинства. Въ этомъ collegiūmѣ получили образованіе нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ изъ грековъ и русскихъ, которые сами сдѣлавшись отступниками отъ православія, стали всячески стараться о томъ, чтобы распространить латинство между своими единоплеменниками и изобрѣли для этой цѣли нѣсколько новыхъ особенныхъ приемовъ. Замѣчательнѣйшіе изъ этихъ ученыхъ воспитанниковъ греческаго collegiūма были: Петръ Аркудій, Матвѣй Каріоейлъ, Іоаннъ Каттуній, Францискъ Кокка, Николай Аллеманъ, Каначчіо Росси, и, въ особенности, Левъ Алляцій; они стали писать большія сочиненія на ту тему, что для Восточной Церкви очень легко соединиться съ римскою, потому что эти Церкви всегда будто-бы были согласны между собою во всемъ существенномъ (даже и въ тѣхъ западныхъ ученіяхъ, которыя всегда отвергала Восточная Церковь—напр. въ ученіи о папской власти, объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына и т. д.). Довольно близкое знакомство съ Восточною Церковью и обширная ученость давали этимъ сочиненіямъ видъ правдоподобія и убѣдительности. Для подтвержденія своихъ мыслей, они также старались разыскивать и издавать старыя памятники греческой литературы, въ какомъ нибудь отношеніи благопріят-

ствуюція мысли объ Уніи съ Римомъ, выискивать въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ слѣды согласія съ латинскими мнѣніями, а, въ случаѣ надобности, не стѣснялись сами выдумывать и выдавать за древнія какія либо свидѣтельства въ пользу латинства; вставляютъ благопріятствующія латинству выраженія въ греческія богослужебныя книги, и въ сочиненія древнихъ греческихъ церковныхъ учителей, перепечатываемые и издаваемые на Западѣ и т. д. При такихъ ученыхъ пособіяхъ латинская пропаганда могла надѣяться еще успѣшнѣе вести свою дѣятельность по отношенію къ Восточной Церкви.)

При папѣ Григоріѣ XV въ Римѣ положено было начало громадному миссіонерскому учрежденію, извѣстному подъ названіемъ „Congregatio propagandae fidei“. Это учрежденіе въ теченіи времени приобрѣло огромнѣйшія средства для своего подержанія и распространенія. Оно раздѣлено было на нѣсколько отдѣленій, въ которыхъ предположено готовить миссіонеровъ для распространенія христіанства (католическаго) во всѣхъ странахъ свѣта. Въ немъ, между прочимъ, обращено было большое вниманіе на приготовленіе миссіонеровъ къ распространенію латинства между восточными христіанами, какъ православными такъ и принадлежащими къ различнымъ сектамъ—между несторіанами, армянами, маронитами и др.

При такихъ широкихъ средствахъ и усиленныхъ дѣйствіяхъ латинской пропаганды, представителямъ

Восточной Церкви съ своей стороны нужно было усилить бдительность и направить силы къ отраженію вліяній латинства. Къ счастью для греческой Церкви, въ ней во время самаго крайняго ослабленія и униженія и самыхъ усиленныхъ дѣйствій латинской пропаганды появлялись такіе пастыри, которые умѣли проникать хитрые замыслы іезуитовъ: посвящали всѣ свои силы на борьбу съ ними, и, хотя сами нерѣдко должны были жертвовать спокойствіемъ, честью и жизнію въ этой борьбѣ, однако, успѣвали во время отклонять отъ греческой Церкви, угрожавшую ей опасность со стороны латинства. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ пастырей въ первой половинѣ XVI вѣка былъ Кирилль—Лукарисъ, патріархъ, сначала александрійской, потомъ константинопольской Церкви. (Послѣ пятнадцатилѣтняго управленія александрійскою Церковію, вступивъ въ 1622 году на патріаршій престолъ константинопольскій, Кирилль Лукарисъ направилъ всѣ свои силы на борьбу съ іезуитствомъ, въ то время сильнымъ въ Константинополѣ. Онъ былъ человѣкъ образованный, много учился, много путешествовалъ по Европѣ въ молодые годы; находился въ сношеніяхъ со многими знаменитыми учеными европейскихъ университетовъ. Онъ понималъ, что успѣхъ іезуитской пропаганды на Востокѣ всего болѣе разсчитанъ на упадѣ образованія между греками, и потому всячески старался поднять образованіе въ православномъ народѣ, поддерживалъ сношенія съ западно-европейскими учеными,

посылалъ молодыхъ даровитыхъ людей въ западные университеты (изъ нихъ образовались твердые и ученые поборники православія, каковъ напиримѣръ былъ одинъ изъ учениковъ Кирилла, Митрофанъ Критопулъ, въ послѣдствіи патріархъ александрійскій). Въ самомъ Константинополѣ Кириллъ основалъ типографію, съ цѣлію печатать въ ней сочиненія противъ латинства, для противоѣдѣствія сочиненіямъ, распространяемымъ іезуитами; дѣло это поручено было надзору ученаго греческаго монаха Григорія Метаксы. Съ другой стороны, зная, что успѣхъ іезуитства много поддерживается пособіемъ политической силы, Кириллъ старался, съ своей стороны, противопоставить имъ другую политическую силу. Вліяніе іезуитовъ при султанскомъ дворѣ поддерживалось послами католическихъ государствъ—Французскаго и Австрійскаго. Для противоѣдѣствія имъ Кириллъ сблизился съ представителями протестантскихъ державъ—Англіи и Голландіи. Съ этого времени успѣхи латинства на Востокѣ и самое положеніе православной Церкви въ Греціи много зависѣли отъ того, какая политическая сила брала перевѣсъ при султанскомъ дворѣ, попеременно поддающемся вліянію то католическихъ, то протестантскихъ державъ. Политика Кирилла иногда имѣла такой успѣхъ, что дѣйствія іезуитовъ въ Константинополѣ были совершенно стѣснены, и даже, однажды, въ 1628 году, ему едва не удалось хлопотать у правительства указъ объ изгнаніи

іезуитовъ изъ Константинополя. Въ свою очередь іезуиты направляли всѣ свои усилія противъ Кирилла; пятнадцать лѣтъ патріаршества Кириллова въ константинопольской Церкви прошло въ непрерывной борьбѣ. Были попытки привлечь Кирилла на сторону папы мирными соглашеніями. Отъ самого папы Урбана VIII былъ подсылаемъ къ нему легатъ Россіи²⁴ (воспитанникъ коллегіи Св. Аѳанасія) съ предложеніемъ вступить въ союзъ съ Римомъ на условіяхъ флорентійскаго единенія. Но когда эта попытка не удалась, іезуиты повели борьбу съ Кирилломъ въ самомъ Константинополѣ. Четыре раза патріархъ Кириллъ Лукарисъ былъ свергаемъ съ престола и на мѣсто его происками іезуитовъ, были возводимы приверженцы ихъ—Григорій Амасійскій, Кириллъ Кон^ттарисъ, Аѳанасій Пателларій. Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ двѣнадцать разъ турецкимъ правительствомъ, которое попеременно поддавалось вліянію то той, то другой партіи, производимы были перемены на патріаршемъ престолѣ: то возводимъ былъ Кириллъ Лукарисъ, то кто-либо изъ упомянутыхъ приверженцевъ іезуитской партіи, пока наконецъ іезуитамъ не удалось отдѣлаться отъ Кирилла совершенно. Орудіемъ іезуитскихъ дѣйствій противъ Кирилла былъ прежде всего подкупъ. Зная жадность турецкаго правительства къ деньгамъ, и, пользуясь тѣмъ постыднымъ обычаемъ, что турецкое правительство всегда брало большія деньги при возведеніи новаго патріарха на константино-

польскій престолъ, іезуиты старались возвышать эту позорную цѣну съ тѣмъ, чтобы низвергнуть съ патріаршаго престола своего врага и возвести на него кого-либо изъ своихъ приверженцевъ. А турецкое правительство радо было случаю каждый годъ мѣнять патріарховъ и получать при этомъ новые и все большіе и большіе взносы; плата за патріаршее достоинство достигла до самой высокой цѣны, и патріаршая касса вошла въ неполатные долги. Другое еще болѣе сильное орудіе, пущенное въ ходъ іезуитами въ борьбѣ съ Кирилломъ, была клевета. Они представляли турецкому правительству въ неблагопріятномъ свѣтѣ сношенія Кирилла съ западными протестантскими учеными,—дружбу его съ англійскимъ и голландскимъ посольствомъ,—обвиняли его въ политическихъ замыслахъ, въ измѣнѣ. Въ проповѣдяхъ, говоренныхъ Кирилломъ, въ сочиненіяхъ, печатавшихся въ его типографіи, они выписывали мѣста, направленные противъ магометанской религіи и, являясь непризванными ревнителями сей послѣдней, представляли эти мѣста на видъ турецкому правительству. Слѣдствіемъ этого было то, что раздраженные турки разрушили основанную Кирилломъ типографію и едва не убили самого Кирилла за оскорбленіе магометанской религіи. Не довольствуясь наговорами на Кирилла предъ турецкимъ правительствомъ, іезуиты старались оклеветать его предъ самою православною церковію. Сношенія Кирилла съ западными протестантскими

учеными, дружбу его съ послани протестантскихъ государствъ іезуиты старались объяснить тѣмъ, что Кириллъ самъ держится протестантскихъ убѣжденій. Въ 1632 году напечатано было въ Женевѣ, подъ именемъ Кирилла Лукариса „Исповѣданіе вѣры“, написанное въ кальвинистскомъ духѣ. Протестанты обрадовались этому сочиненію, видя въ немъ выраженіе сочувствія восточной Церкви къ протестанству и стали поддерживать молву, что это „Исповѣданіе“ дѣйствительно написано Кирилломъ. Іезуиты, являясь на этотъ разъ ревнителями уже не магометанства, а православія, обратили этотъ случай въ новое обвиненіе противъ Кирилла. Кириллъ не сталъ гласно протестовать противъ приписываемыхъ ему протестантскихъ воззрѣній, вѣроятно для того, чтобы не потерять поддержки англійскаго и голландскаго посольствъ. При содѣйствіи іезуитовъ, это произвело большую смуту въ восточной Церкви. Многіе изъ православныхъ стали подозрѣвать Кирилла въ не православіи. Въ 1632 году Кириллъ Лукарисъ былъ низвергнутъ съ престола. Поставленный на его мѣсто приверженецъ іезуитовъ, Кириллъ Контарисъ, въ 1635 году, собралъ въ Константинополѣ Соборъ, на которомъ предалъ проклятію кальвинистское исповѣданіе вѣры, и Кирилла ^{Лукариса} ~~Лукариса~~, какъ его составителя. На другихъ православныхъ Соборахъ, собиравшихся по этому дѣлу (два раза въ Яссахъ подъ предсѣдательствомъ Теофана, патриарха іерусалимскаго въ 1630 году и Паресенія

константинопольскаго въ 1642 году, и окончательно на іерусалимскомъ Соборѣ подѣ председательствомъ ученаго патріарха Досіея) Кирилль Лукарисъ былъ оправданъ отъ этихъ обвиненій на томъ основаніи, что въ другихъ сочиненіяхъ Кирилла, кромѣ приписаннаго ему „Исповѣданія вѣры“, и въ личныхъ бесѣдахъ его всегда выражалось чистое православное ученіе. * Какъ бы то ни было, Кирилль Лукарисъ и послѣ 1637 года еще три раза былъ на константинопольскомъ престолѣ, до самой смерти не преставаля бороться съ іезуитами. Последнее обвиненіе іезуитовъ противъ него было основано на томъ, что Кирилль находился въ сношеніяхъ съ юго-западною Россією, которая тогда въ церковныхъ дѣлахъ за-

* Вопросъ о личныхъ убѣжденіяхъ Кирилла Лукариса до сихъ поръ остается спорнымъ. Католическіе и протестантскіе писатели твердо стоятъ на томъ, что Кирилль былъ кальвинистъ. Большая часть греческихъ писателей, мнѣніе которыхъ въ этомъ случаѣ имѣеть, кажется, болѣе основаній, защищаютъ православіе Кирилла. Какъ бы то ни было, если бы на самомъ дѣлѣ личные убѣжденія Кирилла Лукариса были сомнительны, это не наводитъ никакого пятна на греческую Церковь (какъ этого хотѣлось бы ея западнымъ недругамъ), точно также какъ не бросаютъ ни малѣйшей гѣни на православіе ея интриги Кирилла Лукариса и другихъ подобныхъ ему личностей. Греческая Церковь торжественно нѣсколько разъ засвидѣтельствовала свое отреченіе отъ кальвинскихъ мыслей, выраженныхъ въ „Исповѣданіи“ приписываемомъ Кириллу Лукарису.

висѣла отъ константинопольскаго патріарха. Іезуиты вывели изъ этого такое обвиненіе, что Кирилль подстрекаетъ казаковъ къ нападеніямъ на Турецкую Имперію. Турецкое правительство повѣрило этому доносу и знаменитый Кирилль Лукарисъ) въ 1638 году былъ въ ~~последній~~ разъ низвергнутъ съ патріаршескаго престола, заточенъ въ крѣпость, удушенъ тамъ и трупъ его былъ брошенъ въ море.)

Подобнымъ же образомъ, и послѣ Кирилла Лукариса, іезуиты старались раздѣлываться съ тѣми изъ патріарховъ константинопольскихъ, въ которыхъ видѣли наиболѣе ревностныхъ противниковъ ихъ замысламъ. Такъ, въ 1650 году патріархъ константинопольскій Пареній II, по пропскамъ іезуитовъ обвиненный въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, отправленъ въ заточеніе, на пути убитъ и брошенъ въ море. Въ 1657 году одинъ изъ іезуитскихъ аббатовъ представилъ визирю письмо патріарха Паренія III къ валахскому господарю, въ которомъ патріархъ просилъ господаря прислать денегъ на уплату патріаршаго долга, присовокупляя въ увѣщаніе ему такія слова: „прійдетъ царствіе Божіе, въ которомъ милостивые получаютъ воздаяніе.“ Іезуитъ объяснилъ турецкому правительству, что подъ именемъ царствія Божія здѣсь высказывается надежда на русское царство. Вслѣдствіе этого приказано было уважаемаго народомъ патріарха Паренія повѣсить на воротахъ Константинополя; опозоренный трупъ его три дня

оставался на глазахъ народа и затѣмъ брошенъ въ море.

Раздѣляясь подобнымъ образомъ съ своими православными противниками, іезуиты также старались отдѣлаться отъ другой партіи, противодѣйствовавшей имъ—протестантской, которая не мало стѣсняла свободу ихъ дѣйствій въ Константинополѣ. Около 1670 года іезуиты чрезъ французскаго посланника стали хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ, чтобы оно выслало изъ своихъ владѣній гугенотовъ, переселившихся отъ гоненій Людовика XIV изъ Франціи въ Турцію. Но турецкое правительство, находя свои выгоды во взаимномъ соперничествѣ католиковъ и протестантовъ, отвѣчало французскому посланнику, что оно согласится выслать гугенотовъ изъ своихъ владѣній развѣ только вмѣстѣ съ іезуитами. Это взаимное соперничество двухъ западныхъ исповѣданій, доходившее нерѣдко до самыхъ мелочныхъ интригъ, унижая ихъ въ глазахъ самой Порты, не мало предохраняло греческихъ христіанъ отъ прельщеній пропаганды того и другаго исповѣданій.)

Подъ конецъ XVII и въ началѣ XVIII вѣка іезуитская пропаганда между греками, сирійцами, и въ особенности армянами до того усилилась и сдѣлалась открытою, что само турецкое правительство нашло необходимымъ ограничить ее. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ іезуитскіе коллегиумы были закрыты; іезуитамъ угрожало совершенное изгнаніе

изъ турецкихъ владѣній. Въ 1694 и за тѣмъ въ 1707 годахъ турецкое правительство обнародовало два указа (хатти-шерифъ), въ которыхъ строжайшимъ образомъ запрещалась пропаганда латинства; за отступленіе въ латинство въ указѣ 1707 года назначалась ссылка на галеры, а за увлеченіе другихъ въ латинство смертная казнь. Іезуиты старались увѣрять турецкое правительство въ превосходствѣ латинства предъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, въ особенности предъ такимъ, напримѣръ, какъ армянское монофизитство. Но турецкое правительство, на судъ котораго отдавалось іезуитами сравненіе христіанскихъ исповѣданій, совершенно справедливо съ своей точки зрѣнія отвѣчало имъ: „намъ все равно какъ бы христіане не почитали своего Христа, но іезуиты во владѣніяхъ султана служатъ агентами и шпионами папы и другихъ враждебныхъ Турціи западныхъ государствъ; они возмущаютъ нашихъ подданныхъ; на нихъ жалуются всѣ восточные христіане—и православные, и армяне и марониты“. Потому и признано необходимымъ ограничить пропаганду латинства.

Тѣмъ, не менѣе, стѣсненная въ Константинополь, пропаганда іезуитовъ успѣшно продолжала свои дѣйствія на греческихъ островахъ и въ Малой Азіи. Проповѣдуя христіанство евреямъ и туркамъ въ Малой Азіи, латинскіе миссіонеры всюду старались совращать и православныхъ христіанъ, увѣряя ихъ въ томъ, что римская Церковь буд-

тобы совершенно согласна въ своемъ ученіи съ греческою Церковію и отличается отъ ней только большимъ могуществомъ и большею снисходительностію въ церковныхъ требованіяхъ и предписаніяхъ,—напр. относительно постовъ. По этому случаю патріархи восточные: александрійскій, антiохійскій и іерусалимскій, подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха Іереміи III, и въ присутствіи многихъ греческихъ епископовъ, нашли нужнымъ въ 1772 году, собрать въ Конетантинополѣ Соборъ. На этомъ Соборѣ осуждено было римское ученіе о главенствѣ папы надъ Церковію христіанскою, о непогрѣшимости папы и его притязаніяхъ на свѣтскую власть. Также осуждены были и другія важнѣйшія нововведенія латинства; прибавленіе къ Символу Вѣры слова „Filioque“, употребленіе опрѣсноковъ въ евхаристіи, причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ, запрещеніе міропомазанія священникамъ, лишеніе причащенія младенцевъ, ученіе о чистилищѣ, постъ въ субботу. На патріарха Іеремію III также сдѣланъ былъ доносъ Портѣ въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, находившимся тогда во враждѣ съ Турціею; вѣроятно это было не безъ содѣйствія іезуитовъ. Турецкое правительство, впрочемъ, не обратило большаго вниманія на этотъ доносъ. Іеремія былъ оставленъ на престолѣ; только долженъ былъ по этому случаю уплатить 50,000 піастровъ штрафа.

Въ половинѣ XVIII столѣтія въ Римѣ особенно

усилились хлопоты о присоединеніи греческихъ христіанъ къ римской Церкви—при папѣ Бенедиктѣ XIV. Выходя изъ того предположенія, что незначительные успѣхи латинской пропаганды на Востокѣ зависятъ отъ того, что римскіе миссіонеры не умѣютъ обращаться съ греческими христіанами, и отталкиваютъ ихъ отъ себя своею жестокостію и нетерпимостію, папа Бенедиктъ XIV училъ своихъ миссіонеровъ обращаться съ греками, какъ можно мягче, и относиться съ полною терпимостію ко всѣмъ греческимъ обрядамъ. Онъ издалъ даже въ 1755 году на этотъ предметъ нарочитую буллу. (Allatae Sunt), въ которой называлъ греческіе обряды достопочтенными обрядами, и старался увѣрить восточныхъ христіанъ, будто римская Церковь всегда относилась съ любовію и уваженіемъ къ ихъ обрядамъ. Лъстивыя прельщенія латинства также мало, впрочемъ, имѣли вліянія на греческихъ христіанъ, какъ и прежнія насильственные дѣйствія его. Между греками въ половинѣ XVIII вѣка до такой степени усилилась опять ненависть къ латинству, что самъ народъ сталъ требовать отъ іерархіи возстановленія употреблявшагося на Востокѣ въ средніе вѣка, и потомъ прекращеннаго, обычая, перекрещивать латинцевъ при обращеніи въ православіе,—чтобы знали латинцы, что въ православной Греціи смотрятъ на нихъ, какъ на некрещенныхъ язычниковъ. Одинъ изступленный монахъ греческій сталъ распространять въ народѣ, что самъ Богъ внушилъ ему про-

повѣдывать о перекрещиваніи еретиковъ обращающихся въ православную вѣру. Патріарха константинопольскаго Паисія II въ 1752 году народъ изгналъ изъ патріаршескаго дома, по подозрѣнію, что онъ благосклонно относится къ латинству. При преемникѣ его Кириллѣ V дѣйствительно возстановленъ былъ опять въ греческой Церкви обычай перекрещиванія латинцевъ, который держится тамъ и до настоящаго времени. А при одномъ изъ преемниковъ Кирилла, — Самуилѣ I (одномъ изъ самыхъ энергическихъ патріарховъ константинопольскихъ) на греческомъ островѣ Хіосѣ, по распоряженію самаго турецкаго правительства, были заперты латинскіе храмы и изгнаны латинскіе мисіонеры.

Таковы были отношенія между греческою и римскою Церквами со времени паденія Константинополя до текущаго столѣтія.

И

новѣйшія притязанія папства на восточную Церковь при папѣ піѣ IX.

Въ текущемъ XIX столѣтіи особенною ревностію къ распространенію на Востокъ римскаго вліянія отличается правленіе нынѣшняго папы Пія IX. (Хотя, можетъ быть, въ настоящее время, въ

самомъ Римѣ менѣе, чѣмъ когда нибудь, остается надежды на подчиненіе Восточной Церкви римскому господству, тѣмъ не менѣе папа Пій IX, во все свое правленіе, изъ всѣхъ силъ старающ^{ся} ^{всѣмъ} показывать, что (не смотря на жалкое положеніе папства въ настоящее время,) онъ признаетъ и удерживаетъ за собою всѣ прежнія права и притязанія своихъ предшественниковъ, стара^{ется} ^и подобно имъ, отъ времени до времени заявлять, что римская Церковь и въ настоящее время не оставляетъ властолюбивыхъ притязаній на Восточную Церковь.

Въ самомъ началѣ своего управленія Пій IX, отправляя на Востокъ своего легата архіепископа Иннокентія для переговоровъ съ Портою по дѣламъ политическимъ, вмѣстѣ съ нимъ 6-го января 1848 года послалъ окружное посланіе ко всѣмъ находящимся во владѣніяхъ султана восточнымъ христіанамъ съ приглашеніемъ къ соединенію. Посланіе это было обращено ко всѣмъ христіанскимъ восточнымъ сектамъ, но, главнымъ образомъ, въ немъ имѣлась въ виду православная греческая Церковь. Въ посланіи расточались похвалы просвѣщенію и благочестію древняго православнаго Востока; высказывалась отеческая скорбь о настоящемъ отчужденіи его отъ попеченія и надзора римской Церкви; указывались примѣры, съ какимъ почтеніемъ и любовію древніе знаменитые пастыри Востока относились къ римской Церкви; приводились доказательства въ пользу главенства

папскаго, давнымъ давно извѣстныя и опровергнутыя на Востокѣ, и въ заключеніе высказывалась надежда на поспѣшное и рѣшительное „безъ всякаго отлагательства“ обращеніе восточныхъ христіанъ къ римской Церкви. Надежда эта, однакожъ, не оправдалась. Посланіе папы мало произвело вліянія на восточныхъ христіанъ.

Въ отвѣтъ на папское посланіе константинопольскій патріархъ Анфимъ, съ подчиненными ему епископами константинопольскаго Собора, составилъ свое *Окружное Посланіе* отъ лица *Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ*. Въ этомъ посланіи тщательно разобраны представленныя папою основанія римскаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и власти папской; римская Церковь за свои нововведенія прямо названа еретичествующею, и посланіе Пія IX подвергнуто Соборному осужденію. Всѣмъ православнымъ христіанамъ внушалось всячески беречься отъ прельщеній папизма, и хранить православную вѣру, по преемству имъ преданную, чистою и неповрежденною, какъ истекла она изъ устъ первыхъ служителей Слова, дабы и въ грядущія поколѣнія передать ее безъ всякаго измѣненія, дабы и онѣ не постыдно и безъ упрека могли говорить о вѣрѣ своихъ предковъ. Въ стѣ съ тѣмъ самому папѣ въ этомъ посланіи косвенно внушалось, чтобы онъ не надѣялся на успѣхъ своего обращенія къ восточнымъ христіанамъ, что православныхъ христіанъ нѣтъ, не мо-

жетъ отклонить отъ вѣры ихъ предковъ, подобно тому какъ и предковъ не могли отклонить отъ нея ни какія ихъ прельщенія, — что въ православной Церкви невозможны никакія сдѣлки и соглашенія съ неправославіемъ, такъ какъ въ ней ни патріархи, ни Соборы никогда не могли внести ничего новаго, такъ какъ въ православной Церкви хранитель вѣры есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцевъ, какъ это испытали многіе изъ папъ и латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія нисколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ; напротивъ въ западной Церкви, какъ прежніе папы могли удобно по своему произволу и насильственно вводить разныя новизны, такъ нынѣшнему папѣ, если онъ дѣйствительно ревнуетъ объ истинной вѣрѣ и единеніи Церкви нужно было бы предпринять всѣ возможныя усилія къ тому, чтобы возстановить древнюю чистоту православія. Тогда онъ по истинѣ былъ бы началовождемъ богоугоднаго предпріятія, начальникомъ въ *миръ* и епископомъ въ *правдѣ*, и православные епископы готовы были бы не только оказывать ему всякую почесть, воздаваемую его древнимъ православнымъ предшественникамъ, но и лобызать святую руку, отершую слезы матери Церкви. Это посланіе было подписано патріархами александрійскимъ, антиохійскимъ, іерусалимскимъ, константинопольскимъ, епископами — епископомъ

константинопольскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго Синодовъ, и распубликовано во всей православной Восточной Церкви отъ 6 мая 1848 года. Въ Русской Церкви оно также было переведено и напечатано „съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода“. *) Кроме того написано

было на посланіе папы нѣсколько частныхъ опроверженій весьма обстоятельныхъ. * *Соп. Св. Синода 1862*

(Двадцать лѣтъ послѣ этого папа не дѣлалъ новыхъ обращеній къ Восточнымъ христіанамъ, и только въ своей консисторіи ^{папа} неоднократно высказывалъ жалобы на то, что греки не вняли его отеческому призыву и медлятъ обращеніемъ къ римской Церкви. Въ 1868 году, созывая новый Вселенскій Соборъ въ Римѣ, папа 8 сентября опубликовалъ новое посланіе къ епископамъ восточнаго обряда, не находящимся въ общеніи съ апостольскимъ престоломъ, въ которомъ онъ съ прежними сожалѣніями о гибельности разрыва церковнаго, но уже безъ всякихъ новыхъ разъясненій своихъ правъ и безъ всякихъ опредѣленныхъ условій относительно соединенія, прямо приглашаетъ восточныхъ христіанъ, отторнутыхъ кознями діавола отъ общенія съ святою римскою Церковію, обратиться къ единому твердому и непоколебимому камню, на которомъ Христосъ утвердилъ Церковь, къ средоточію католической истины и

*) Русскій переводъ посланія въ полномъ его видѣ печат-

единства, т. е. къ папской власти и римской Церкви, и увѣщаетъ восточныхъ епископовъ прибыть для возстановленія союза на созываемый имъ Вселенскій Соборъ, подобно тому, какъ нѣкогда греческіе епископы являлись на ліонскій и флорентійскій Соборы. Понятно какое впечатлѣніе должно было произвести на Востокъ это новое посланіе папы. Константинопольскій патріархъ Григорій, заранѣе узнавшій содержаніе его изъ газетъ, отказался принять его, а посламъ папскимъ явившимся къ нему съ этимъ посланіемъ словесно объяснилъ, что „такъ, какъ папа въ своемъ посланіи не отступаетъ отъ своихъ старыхъ принциповъ, противныхъ Восточной Церкви, а Восточная Церковь тѣмъ болѣе не имѣетъ никакого основанія отступаться отъ своихъ древнихъ началъ, то между ними никакихъ новыхъ соглашеній и переговоровъ быть не можетъ, никакое разсужденіе и согласіе невозможны тамъ, гдѣ нѣтъ взаимнаго расположенія къ нему, истекающаго изъ согласія убѣжденій. На предложенія папскія Восточная Церковь въ 1848 году дала отвѣтъ, въ которомъ прямо и ясно показано различіе между ея апостольскими началами и принципами Рима. Повторять еще разъ этотъ отвѣтъ значило бы растравлять застарѣлыя раны и раздражать затихшую ненависть. Соединеніе Церквей возможно только подъ условіемъ возвращенія всѣхъ къ древнему католическому православію, отъ котораго мало по малу уклонился Римъ, образовавъ пропасть раздѣляющую

его съ православнымъ міромъ нововведенными догматами и правилами, неимѣющими основанія въ священномъ преданіи. Поэтому если западные епископы, имѣя сомнѣніе въ какихъ нибудь изъ своихъ догматовъ, хотятъ собраться, чтобы пересмотрѣть ихъ, пусть они это дѣлаютъ, когда и какъ хотятъ. Но православные христіане не имѣютъ никакого сомнѣнія о преданныхъ имъ догматахъ вѣры; поэтому восточные епископы неимѣютъ никакой надобности ѣхать на Соборъ, созываемый папою, тѣмъ болѣе, что Соборъ, который хотятъ называть *Вселенскимъ*, созывается со всѣмъ не такъ, какъ созывались древніе Вселенскіе Соборы“. Въ подобномъ же духѣ отвѣчалъ на приглашеніе папы александрійскій патріархъ.

Во всѣхъ новыхъ обращеніяхъ папы къ восточнымъ христіанамъ замѣчательно то, что римская Церковь доселѣ не оставляетъ своего гордаго самоувѣреннаго тона по отношенію къ восточной Церкви. Папа приглашаетъ къ соединенію греческую Церковь не на правахъ равенства, а на условіяхъ подчиненія; онъ ищетъ въ восточной Церкви не общенія, а господства, и смотритъ на восточныхъ христіанъ и на восточныхъ епископовъ не какъ на братьевъ, а какъ на непокорныхъ подданныхъ, отложившихся отъ его власти; онъ приглашаетъ ихъ собственно не къ братскому соединенію, а къ рабскому подчиненію себѣ. Въ самыхъ сожалѣніяхъ папы о несчастномъ разрывѣ Церквей и о бѣдствіяхъ, постигшихъ послѣ него православный

Востокъ, высказывается несправедливая и обидная для восточныхъ христіанъ мысль, будто не западная, а восточная Церковь была единственною виновницею разрыва и она же несетъ на себѣ всѣ несчастныя послѣдствія его. Подобнымъ отношеніемъ къ дѣлу, подобными приглашеніями къ соединенію римская Церковь, конечно, не можетъ привлечь къ себѣ; скорѣе еще болѣе можетъ возбуждать противъ себя восточныхъ христіанъ. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока въ Римѣ неизмѣнится такое отношеніе къ восточнымъ Церквамъ и къ вопросу о соединеніи, никакихъ искреннихъ и серьезныхъ переговоровъ о соединеніи съ римскою Церковію у восточныхъ Церквей быть не можетъ. X 186. а. 117.

Помимо этихъ открытыхъ торжественныхъ приглашеній къ соединенію, которыя въ настоящее время едвали возбуждаютъ какую нибудь надежду на успѣхъ въ самомъ Римѣ и дѣлаются больше для вида и тона, чтобы показать міру, что папа, и, въ настоящее время, при всѣхъ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не падаетъ духомъ и не думаетъ отказываться отъ своихъ прежнихъ притязаній на восточную Церковь, точно также какъ и отъ правъ собирать вселенскіе Соборы и объявлять новые догматы вѣры, въ римской Церкви, въ правленіе Пія IX были придумываемы и даже приводимы въ дѣйствіе и другія мѣры и предположенія къ распространенію папскаго вліянія въ восточныхъ Церквахъ. На такія мѣры не мало

возбуждали римскую Церковь въ послѣднее время отступники отъ православія изъ грековъ и русскихихъ, которые сами, сдѣлавшись измѣнниками отечественной вѣры, мечтали и другихъ своихъ соотечественниковъ увлечь въ послушаніе папству.

Въ пятидесятыхъ годахъ ревностнымъ дѣятелемъ по вопросу о соединеніи Церквей явился въ Римѣ знатный и ученый грекъ Питципіосъ, по личнымъ неудовольствіямъ съ патріархомъ константинопольскимъ перешедшій въ Римъ. Въ 1853 году онъ представилъ папѣ проектъ, въ которомъ, изобразивъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ жалкое состояніе восточныхъ Церквей, находящихся въ разрывѣ съ Римомъ и непрактичность всѣхъ доселѣ употребляемыхъ мѣръ латинской пропаганды на Востокѣ, предлагалъ новыя мѣры къ воссоединенію Церквей. Въ сущности предложенія Питципіоса мало заключали въ себѣ новаго. Онъ выражалъ ту мысль, что для соединенія Церквей необходимо созвать вселенскій Соборъ, при содѣйствіи того-либо изъ сильныхъ государей европейскихъ—русскаго императора Николая Павловича или французскаго Наполеона III, такъ какъ и въ древности вселенскіе Соборы созывались императорами. На этомъ Соборѣ должны быть рассмотрѣны и порѣшены догматическія и обрядовыя разности между восточною и западною Церквями. Но прежде вселенскаго Собора, дабы приготовить къ нему христіанъ восточныхъ и за-

падныхъ, необходимо основать восточное христіанское общество, которое бы, имѣя своихъ членовъ на Западѣ и на Востокѣ, содѣйствовало дѣлу Уніи нравственно и матеріально. Папа утвердилъ предложеніе Питципіоса и въ 1855 году открытъ былъ въ Римѣ центральный комитетъ восточнаго христіанскаго Общества, состоящій изъ 12-ти духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, и ученыхъ богослововъ римской Церкви, подъ предсѣдательствомъ самого Питципіоса. Питципіосъ старался дѣйствовать въ пользу Уніи не только личнымъ вліяніемъ, но и учеными сочиненіями. Въ 1855 году издано было имъ въ Римѣ, съ одобренія папскаго, сочиненіе „Восточная Церковь“ (L'église orientale), написанное въ духѣ прежней іезуитско-уніатской ученой школы Льва Алліція съ братією. Онъ старался показать въ этомъ сочиненіи, что соединеніе восточной Церкви съ римскою не представляетъ никакихъ существенныхъ затрудненій; что восточная Церковь искони находилась въ союзѣ съ римскою, признавала авторитетъ папы и въ другихъ догматахъ была согласна съ римскою Церковію; что причиною раздѣленія Церквей были не какія-либо существенныя догматическія разногласія, а личное честолюбіе патріарховъ греческихъ, каковы были Фотій, Керуларій и др.; что греки и послѣ раздѣленія всегда желали соединиться съ римскою Церковію, и соединились было съ нею на флорентійскомъ Соборѣ, только этому опять помѣшала

гордость и строптивость Марка Ефесскаго; что отдѣленіе отъ римской Церкви принесло грекамъ неисчислимныя бѣдствія въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. При этомъ Питципіосъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ невѣжество, суевѣріе и нравственный упадокъ своихъ соотечественниковъ, грековъ, продажность, интриганство и различныя злоупотребленія греческой іерархіи и т. д. При всемъ томъ усердіе Питципіоса мало принесло плодовъ. Въ шестидесятихъ годахъ основанное имъ христіанское восточное Общество потеряло въ Римѣ всякій кредитъ. Самъ Питципіосъ, поживши вблизи римскаго двора, разочаровался въ своемъ увлеченіи римскою Церковію. Въ 1860 году онъ издалъ въ Парижѣ новое сочиненіе „Романизмъ“ (Le Romanisme), въ которомъ изобразилъ темныя стороны папства еще въ гораздо болѣе рѣзкихъ чертахъ, нежели въ какихъ описывалъ прежде своихъ соотечественниковъ, грековъ. Главныя положенія этого сочиненія слѣдующія: „существенный характеръ романизма заключается въ стремленіи къ всемірному преобладанію: это стремленіе не есть стремленіе христіанское; между христіанствомъ и романизмомъ такая же противоположность, какъ между свѣтомъ и тьмою. Романизмъ—стремленіе языческое, въ первыя времена христіанства онъ ознаменовалъ себя кровавыми преслѣдованіями, воздвигнутыми въ Римѣ противъ христіанъ. Съ раздѣленія Церквей—съ

Х вѣка, и, въ особенности, со времени Гильдебранда, романизмъ утвердился на панскомъ престолѣ и сообщилъ римской Церкви тотъ же характеръ, какой имѣла древняя Римская Имперія. Основныя черты этого характера — насиліе, коварство, ложь, униженіе всякихъ человѣческихъ правъ, подавленіе свободы, употребленіе всевозможныхъ, хотя бы безнравственныхъ средствъ къ распространенію повсюду своего господства. Питципіусъ раскрываетъ эти характеристическія черты романизма въ исторіи Западной Церкви и въ отношеніяхъ ея къ Восточнымъ Церквамъ, и выводитъ отсюда такое убѣжденіе, что здѣсь то и заключается существенное препятствіе къ соединенію Восточной Церкви съ Западною, такъ какъ Восточная Церковь, держащаяся на другихъ началахъ свободы и братства, никогда не можетъ подчиниться насилію римскому. Такое лестное для римской Церкви сочиненіе прежній ревностный прозелитъ ея называлъ *политическимъ новымъ завѣтомъ христіанства*.

Одновременно съ грекомъ—ренегатомъ много хлопоталъ на Западѣ о присоединеніи къ Риму Восточныхъ Церквей русскій ренегатъ іезуитъ князь Гагаринъ. Вниманіе этого прозелита латинства естественно обращено было болѣе на его соотечественниковъ русскихъ, также какъ у Питципіуса на грековъ. Въ 1856 году онъ напечаталъ въ Парижѣ брошюру „Станетъ ли Россія католическою?“ („La Russie sera-t-elle-catholique?“) Въ этой

брошюрѣ онъ увѣщаваетъ своихъ соотечественниковъ, русскихъ, принять Унію съ римскою Церковію, такъ какъ эта Унія будетъ весьма выгодна и для русскаго правительства, которое въ католицизмѣ найдетъ вѣрнѣйшее средство противъ всякихъ революціонныхъ замысловъ и для русскаго духовенства, которое въ союзѣ съ Римомъ получитъ больше вліянія и самостоятельности, и, конечно, для самого папы. При взаимномъ соглашеніи папы, Русскаго Императора и Русскаго Синода, Унія, по мнѣнію Гагарина, не представляетъ никакихъ затрудненій; что касается до разности въ обрядахъ, то папа, конечно, оставитъ русскимъ неприкосновенность ихъ восточнаго обряда, а о разности въ догматахъ нечего и говорить,—она касается только нѣсколькихъ пунктовъ римскаго ученія, относительно которыхъ, притомъ, на древнихъ вселенскихъ Соборахъ, такъ уважаемыхъ русскою Церковію, не было высказано ничего опредѣленнаго; поэтому русская Церковь по отношенію къ этимъ разностямъ можетъ держаться совершенно свободно. Предложеніе князя—іезуита своею нравственною безцеремонностію возмутило многихъ образованныхъ русскихъ людей. Въ отвѣтъ ему, въ нѣсколькихъ статьяхъ и брошюрахъ, было высказано, что руководствоваться въ рѣшеніи вопросовъ религіозныхъ соображеніями выгодъ недобросовѣстно и самыя выгоды, обѣщаемыя Гагариннымъ отъ Уніи, фальшивы; католицизмъ не можетъ назваться охраною государствъ отъ рево-

люди; напротивъ революціи всего чаще случаются именно въ католическихъ государствахъ, и, между прочимъ, въ собственномъ государствѣ папы; союзъ съ Римомъ не можетъ дать православному духовенству большей самостоятельности, а напротивъ угрожаетъ ему папскимъ деспотизмомъ; соединеніе Церквей ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сдѣлано соглашеніемъ папы русскаго государства и духовенства (если бы таковое и могло состояться), такъ какъ это касается всего православнаго народа, который въ вопросахъ вѣры относится гораздо искреннѣе и серьезнѣе, нежели князь—іезуитъ; въ дѣлѣ соединенія Церквей важнѣйшій вопросъ касается разностей догматическихъ, и этихъ разностей поэтому никакъ нельзя оставлять въ сторонѣ; догматическія нововведенія римской Церкви Восточная Церковь положительно признаетъ произволомъ и заблужденіемъ, противнымъ ученію древней Церкви, хотя объ нихъ и не было прямо говорено на древнихъ Соборахъ; что касается, наконецъ, до разности въ обрядахъ, то и въ этомъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ весьма трудно довѣряться терпимости и добросовѣстности папской, которая всегда на первый разъ общается народамъ, соединяющимся съ римскою Церковію, широкую свободу, а потомъ разными хитрыми и недобросовѣстными мѣрами старается въ нихъ подавлять всякія проявленія свободы.... Эти справедливыя внушенія не охладили въ Гагаринѣ усердія къ униатской пропагандѣ.

Въ 1862 году онъ опубликовалъ новый проектъ Уніи (*L'avenir de l'église grecque-unie*), въ которомъ обращаетъ свое вниманіе уже не на одну русскую, а вообще на Восточную Церковь. Указывая недостаточность мѣръ, предпринимаемыхъ въ прежнія времена къ распространенію латинства на Востоѣ, онъ предлагаетъ свои мѣры, въ сущности также не новыя, для іезуитовъ. Прежніе латинскіе миссіонеры на Востоѣ, выходившіе съ Запада, мало знакомые съ воззрѣніями и бытомъ восточныхъ христіанъ, по признанію князя Гагарина, не только мало помогали, но иногда и вредили дѣлу Уніи; Гагаринъ рекомендуетъ римской Церкви воспитать новыхъ миссіонеровъ Уніи изъ самихъ же грековъ и на самомъ Востоѣ, дабы потомъ чрезъ нихъ распространять уніатскую пропаганду между ихъ соотечественниками. Для этой цѣли онъ совѣтуетъ открыть въ самомъ Константинополѣ центральную семинарію для образованія уніатскаго клира изъ всѣхъ восточныхъ націй. Настоятелями и учителями въ этой семинаріи должны быть люди, несомнительно преданные римской Церкви, но такіе, которые бы согласились въ виду восточныхъ христіанъ сами во всемъ слѣдовать восточнымъ обрядамъ. Такимъ образомъ они могутъ отклонить отъ себя тѣ подозрѣнія и предубѣжденія, какія имѣютъ восточные христіане противъ латинскихъ миссіонеровъ. Проектъ достойный римской Церкви и ея ревностнаго прозелита!...

Не мало также отъ партіи русскихъ ренегатовъ, перешедшихъ въ латинство, (Голицынъ, Мартиновъ, Шуваловъ), выпущено было другихъ сочиненій по различнымъ богословскимъ и церковно-историческимъ вопросамъ,—съ цѣлю разъяснить восточнымъ христіанамъ, что для восточной и преимущественно для русской Церкви нѣтъ существенныхъ препятствій къ соединенію съ римскою Церковію, такъ какъ въ ней всегда будто бы была склонность къ такому союзу, что въ самыхъ богослужебныхъ книгахъ Восточной Церкви есть доказательства въ пользу латинскихъ догматовъ о главенствѣ папы, объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына, о чистилищѣ, о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, что опредѣленія флорентійскаго Собора обязательны для Восточной Церкви, что Св. Кирилль и Меѳодій, просвѣтители славянскихъ племенъ, были приверженцы римской Церкви, что русская Церковь также основана была римскими миссіонерами и долгое время (вѣка до XV до митрополита Іоны или около того) находилась въ союзѣ съ римскою Церковію и т. д. Всѣ эти мнѣнія, основанныя на самомъ произвольномъ истолкованіи историческихъ фактовъ, много разъ и вполне основательно были опровергаемы православными писателями; тѣмъ не менѣе усердые прозелиты латинства не перестаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ распространять ихъ и доселѣ, чтобы колебать совѣсть нетвердыхъ въ вѣрѣ и мало знакомыхъ съ исторіею Церкви сво-

ихъ прежнихъ соотечественниковъ. Не мало также въ первые годы панства Піа ІХ хлопоталъ въ Римѣ и въ Парижѣ объ усиленіи средствъ латинской пропаганды на Востоѣ одинъ полякъ или точнѣе сказать—ополяченный русскій изъ западнаго края Ипполитъ Терлецкій, въ 1831 году, послѣ неудавшагося польскаго возстанія, бѣжавшій изъ Россіи и сдѣлавшійся за границей уніатскимъ священникомъ. Въ 1846 году онъ прибылъ въ Римъ, и здѣсь, при содѣйствіи нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, русской католички княгини Зигнанды Волконской и нѣкоторыхъ католическихъ епископовъ, представилъ намъ новый проектъ распространенія Уніи на Востоѣ. Главная причина малыхъ успѣховъ Уніи между восточными христіанами заключалась, по мнѣнію Терлецкаго въ томъ, что въ римской Церкви все еще недостаточно показывалось терпимости къ обрядамъ восточныхъ христіанъ. Нужно, чтобы обряды всѣхъ христіанскихъ восточныхъ обществъ пользовались совершенною равноправностію какъ между собою, такъ и съ римскимъ обрядомъ. На этомъ основаніи, по мысли Терлецкаго, открытъ былъ въ іюнѣ 1847 года *Комитетъ для уравниенія обрядовъ*, членами котораго были епископы всѣхъ восточныхъ уніатскихъ Церквей — греко-уніатской, армяно-уніатской, маронитской, мелхитской. Въ такомъ же духѣ Терлецкій предложилъ устроить коллегію для образованія миссіонеровъ на Востоѣ, въ которой бы могли приготавливаться къ миссіонерству.

способные молодые люди изъ всѣхъ восточныхъ племенъ—изъ грековъ, русскихъ, армянъ, сирійцевъ, коптовъ и т. д. Набравши для своей цѣли довольно денегъ, Терлецкій самъ отправился на Востокъ разыскивать способныхъ молодыхъ людей для приготовления къ миссіонерству, и щедрыми обѣщаніями успѣлъ привлечь къ этому дѣлу нѣсколько человѣкъ. Революція 1848 года разстроила планы Терлецкаго и помѣшала ему устроить коллегію въ Римѣ. Тогда онъ перенесъ свою дѣятельность въ Парижъ и здѣсь также нашелъ сильныхъ покровителей своему дѣлу въ лицѣ главы польскихъ эмигрантовъ, князя Чарторыйскаго, французскаго графа Монталанбера, парижскаго архіепископа Сибура, знаменитаго проповѣдника Лакордера и др. Въ началѣ дѣло Терлецкаго пошло довольно успѣшно и ему удалось открыть въ Парижѣ свою коллегію, и новый комитетъ для соединенія Церквей, состоящій болѣею частію изъ проживающихъ въ Парижѣ польскихъ эмигрантовъ. Но потомъ матеріальныя средства Терлецкаго истощились; въ коллегію его никто не шелъ учиться и предпріятіе Терлецкаго также, какъ и предпріятіе Питциніоса, надѣлавшее въ началѣ много шума, кончилось ничѣмъ.

Испытывая неудачи новыхъ прозѣтовъ и плановъ къ распространенію своего вліянія на Востокъ, папа Піі IX заботился также и объ усиленіи старыхъ уже испытанныхъ средствъ и ору-

дій латинской пропаганды. Главнымъ изъ такихъ орудій остается доселѣ *Congregatio propagandae fidei*. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ папа образовалъ особенную комиссію изъ членовъ пропаганды для обсужденія мѣръ къ успѣшнѣйшему распространенію католицизма на Востоѣ. Комиссія признала нужнымъ учредить въ Римѣ новую постоянную конгрегацію для спеціальнаго завѣдыванія дѣлами восточной пропаганды. Объ открытіи этого новаго учрежденія папа опубликовалъ особенною буллою 6 января 1862 года. „Съ первыхъ дней нашего первосвященства, говорится въ этой буллѣ, мы обратили свои взоры на Востоѣ и пламенно молились благому и милосердному Богу объ утвержденіи въ вѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ единеніи съ апостольскимъ престоломъ, и о возвращеніи въ лоно римской Церкви, въ которой нѣтъ спасенія, тѣхъ восточныхъ христіанъ, которые отъ нея отчуждены... Мы понимаемъ, что наше апостольское призваніе возлагаетъ на насъ обязанность посвящать нашу отеческую заботливость и усугубленныя усилія на духовное благо Востока... Поэтому, будучи въ высшей степени озабочены духовнымъ благомъ восточныхъ христіанъ, и будучи при томъ готовы на всякое предпріятіе для этой цѣли, мы учреждаемъ, нынѣшними своими апостольскими опредѣленіями, постоянную Конгрегацію для спеціальнаго завѣдыванія дѣлами пропаганды въ Восточныхъ Церквахъ. Новая Конгрегація, по усмотрѣнію кардинала—

префекта пропаганды, составителю изъ достаточнаго количества кардиналовъ, и будетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ совѣтниковъ и своего секретаря... Съ этою цѣлю признается нужнымъ созвать въ Римѣ нѣсколько духовныхъ лицъ, извѣстнымъ по своимъ познаніямъ въ языкахъ и дѣлахъ Востока, которыхъ содѣйствіе можетъ принести большую пользу новой Конгрегаціи. Конгрегація эта будетъ носить названіе „Конгрегаціи пропаганды для дѣлъ восточнаго обряда“.

Какъ идутъ дѣла этого новаго учрежденія, направленнаго противъ самостоятельности Восточныхъ Церквей, и имѣетъ ли оно какіе нибудь успѣхи, мало извѣстно. Папство не перестаетъ обольщать себя надеждами на распространеніе своего вліянія на Востокъ. На Западѣ отъ времени разглашаютъ слухи, что дѣла римской пропаганды идутъ ревностно и неутомимо, и имѣютъ свои результаты. Тѣмъ не менѣе, помимо частныхъ уклоненій въ католицизму изъ среды православія, возможныхъ конечно между людьми слабо преданными своей вѣрѣ, или увлекающимися какими либо фальшивыми расчетами, вообще говоря, римская пропаганда на Востокъ теперь менѣе, чѣмъ когда либо, можетъ рассчитывать на значительные успѣхи. Если и въ прежнія времени при самомъ блестящемъ развитіи папскаго могущества, и самомъ крайнемъ положеніи православнаго Востока, Восточная Церковь, при помощи Божіей, неизмѣнно сохраняла въ продолженіи многихъ вѣковъ свя-

той залогъ православія—твердость вѣры и самостоятельность церковнаго управленія,—то тѣмъ менѣе можетъ надѣяться папство поколебать ея самостоятельность въ настоящее время, когда самостоятельность самаго папства такъ сильно колеблется на самомъ Западѣ Европы.

VIII

ЛАТИНСКАЯ ПРОПАГАНДА ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ СТРАНАХЪ.
СТАРАНІЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ О ПОДЧИНЕНІИ ПОДЪ ЕЯ
ВЛАСТЬ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, ПРИ САМОМЪ ОБРАЩЕ-
НІИ ИХЪ ВЪ ХРИСТИАНСТВО.

Еще болѣе, чѣмъ грекамъ, пришлось терпѣть отъ властолюбивыхъ латинскихъ притязаній славянамъ. Славянскія племена, раскинувшіяся на обширѣйшихъ пространствахъ въ срединѣ между округами константинопольскаго и римскаго патріархатовъ—между Восточною и Западною Церковью, издавна обращали на себя вниманіе той и другой, и въ продолженіе многихъ вѣковъ были предметомъ постоянной борьбы между ними. Славянскія племена обнаруживали особенную склонность къ Восточной Церкви, такъ, что православіе можно назвать по преимуществу ихъ роднымъ любимымъ исповѣданіемъ. Тѣмъ не менѣе Западная Церковь никогда не оставляла надеждъ и стре-

мленій привлечь ихъ на свою сторону, и въ значительной степени успѣла въ этомъ. Въ самомъ началѣ своей христіанской исторіи, всѣ славяне исповѣдывали православную вѣру съ восточнымъ обрядомъ. Теперь, кромѣ славянъ населяющихъ Россію, цѣлая половина остальныхъ перешла къ Западной Церкви. Въ настоящее время, кромѣ русскихъ, только южные болгары и сербы остаются православными; большая часть западныхъ (поляки, чехи, моравцы, словаки, хорваты) сдѣлались католиками; нѣкоторые, чрезъ католицизмъ, перешли въ протестанство. Такимъ образомъ Западная Церковь въ средѣ славянскаго міра оторвала отъ православія цѣлыя племена—цѣлые милліоны славянскаго населенія. Какимъ образомъ это совершилось? Въ настоящее время, когда наука только что стала обращать вниманіе на исторію славянъ, еще мало разслѣдованы темные пути латинской пропаганды въ средѣ славянскаго міра; тѣмъ не менѣе, по самой обширности результатовъ, достигнутыхъ здѣсь Западною Церковью, можно предполагать, какихъ хитростей, усилій и насилій стоило здѣсь западной пропагандѣ отторженіе отъ православія нѣсколькихъ странъ и народовъ.

Проповѣдь христіанская между славянами, жившими близко къ границамъ восточной и западной Имперіи, начала распространяться очень рано—въ самые первые вѣка христіанской исторіи. И въ то время, когда еще Западная и Восточная Цер-

ковъ были совершенно согласны между собою въ своемъ духѣ и въ своихъ вѣрованіяхъ; славяне не дѣлали различія между ними, и принимали христіанство, откуда какому племени было ближе и удобнѣе—славяне, жившіе по берегамъ Чернаго моря и Дуная отъ миссіонеровъ греческихъ, а тѣ, которые жили около Адриатическаго моря—отъ миссіонеровъ латинскихъ. У тѣхъ и другихъ было уже нѣсколько епископскихъ кафедръ; изъ нихъ восточныя примыкали къ округу константинопольскаго патріарха, а западныя къ римскому округу.

Христіанство между славянами въ началѣ было очень непрочно. Христіанскія населенія составляли слабое меньшинство среди преобладающаго язычества. Почему христіанство въ то время не было принимаемо у славянъ цѣлыми племенами, существенно причиною этому, между прочимъ, было то, что славяне тогда не слышали христіанской проповѣди на своемъ языкѣ; тѣ изъ нихъ, которые принимали христіанство отъ восточныхъ священниковъ, должны были принимать греческое богослуженіе, а отъ западныхъ—латинское. Славянамъ не хотѣлось подчиняться ни греческому, ни римскому вліянію, и большинство ихъ предпочитало оставаться язычниками; меньшинство, принявшее христіанскую вѣру, было, поэтому, слабо. Почти нѣтъ извѣстій, чтобы славяне—христіане были стѣсняемы въ исповѣданіи своей вѣры своими единоплеменниками славянами—язычниками. Но когда въ ихъ страны приходили новыя силы—

ныя варварскія племена, и покоряли ихъ себѣ, они нерѣдко подавляли у нихъ христіанство. Такъ у западныхъ славянъ Паннонскихъ, христіанство въ V вѣкѣ было подавлено гуннами; у южныхъ славянъ придунайскихъ успѣхи христіанства въ VII вѣкѣ были на время задержаны пришлымъ племенемъ болгарскимъ, (болгары пришедшіе въ дунайскія страны отъ береговъ Камы и Волги, были по происхожденію своему не славянскаго племени, и уже, въ послѣдствіи, поселившись между покоренными ими славянами, они слились съ ними).

Въ такомъ положеніи находилось христіанство у славянъ IX вѣка. Съ IX вѣка открылось особенно сильное вліяніе христіанства на славянскія страны—съ Востока и съ Запада. И такъ, какъ въ это время уже начинала обозначаться существенная разность въ характерѣ и направленіи Восточной и Западной Церкви,—Восточная Церковь по отношенію къ славянамъ являлась развивающею, духовнопросвѣтительною, Западная же подавляющею политически завоевательною силою, то славяне съ этого времени стали обнаруживать явное сочувствіе къ Восточной Церкви, а отъ Западной стали отвращаться. На Востокъ къ славянамъ придунайскимъ христіанство проникало отъ греческой Церкви черезъ частныхъ людей мирнымъ путемъ,—при частыхъ столкновеніяхъ болгаровъ съ греками, отъ греческихъ плѣнныхъ, забираемыхъ въ плѣнъ болгарскими войсками; на-

конецъ, изъ тѣхъ славянскихъ поселеній, которыя сохранили остатки издавна принятаго ими христіанства и подъ владычествомъ болгаровъ, христіанство распространилось въ земляхъ занятыхъ болгарами—незамѣтно, но постоянно, такъ, что къ половинѣ IX вѣка само правительство болгарское, въ началѣ противодѣйствовавшее христіанству, начало склоняться къ нему. На Западъ—къ паннонцамъ, морavamъ, чехамъ и прибалтійскимъ вендамъ. Христіанство шло отъ Западной Церкви правительственнымъ путемъ, завоевательною политическою силою. Карлъ Великій, усердный приверженецъ и въ то же время самовластный распорядитель Западной Церкви, другъ и союзникъ папъ, покоривши своей власти германскія племена, и насильственнымъ образомъ утвердивши христіанство у тѣхъ изъ нихъ, которыя доселѣ еще находились въ язычествѣ, захотѣлъ распространить свои завоевательныя и миссіонерскія стремленія и на сосѣдственныя съ ними западныя славянскія страны. Его примѣру слѣдовали его преемники, и съ этого времени западныя славянскія страны стали подвергаться постоянному политическому и религіозному гнету со стороны западной *священной* римской Имперіи, представители которой (западныя Императоры), при всѣхъ своихъ нерѣдкихъ частныхъ несогласіяхъ съ папами, считали однакожъ своею обязанностію распространять, сколь возможно далѣе, духовное господство римской Церкви. Въ земляхъ славянскихъ стали появлять-

ся нѣмецкія войска и вмѣстѣ съ ними латинскіе миссіонеры; проповѣдь латинства шла повсюду съ распространеніемъ политическаго вліянія нѣмцевъ въ славянскихъ странахъ. Какъ скоро гдѣ утверждалось господство нѣмцевъ, воздвигались латинскіе храмы, поставлялись латинскіе священники, и даже учреждались цѣлыя епископіи для такихъ славянскихъ странъ (напр. для прибалтійскихъ вендовъ), въ которыхъ еще совсѣмъ не было распространено христіанство (по извѣстному обычаю римской Церкви поставляютъ епископовъ *in partibus infidelium*, т. е. для странъ вовсе непринадлежащихъ къ римской Церкви, но въ которыхъ она заранѣе надѣется въ послѣдствіи утвердить свое господство). Вожди славянскіе съ своими дружинами, попадавшіе въ плѣнъ къ нѣмцамъ, заставляемы были силою принимать христіанство. Попытно, однакожъ, что такой способъ латинской пропаганды не могъ внушить западнымъ славянамъ расположенія къ римской Церкви. Поэтому не смотря на всѣ старанія западныхъ миссіонеровъ, подтверждаемыхъ военною силою,—несмотря и на то, что у западныхъ славянъ была уже достаточно подготовлена почва къ принятію христіанства, и было расположеніе къ нему,—христіанство подвигалось у нихъ очень туго. Славяне, въ особенности прибалтійскіе венды, которые всего болѣе подвергались гнету нѣмцевъ, ожесточенно сопротивлялись распространенію латинства,—убивали латинскихъ миссіонеровъ, изгоняли латинскихъ

священниковъ, неистово ругались надъ христіанскимъ богослуженіемъ, не смотря на то, что духъ религіознаго преслѣдованія вообще былъ чуждъ славянскимъ племенамъ. Славяне видѣли здѣсь не религіозную, а больше политическую борьбу. Отстаивая свое старое язычество противъ латинской пропаганды, славяне вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивали свою народную самостоятельность противъ господства нѣмцевъ.

Между тѣмъ около половины IX вѣка отъ Восточной Церкви, изъ подъ руководства тогдашняго знаменитаго представителя ея, патріарха Фотія, вышли въ среду славянскаго міра два великіе проповѣдника—Св. Солунскіе братья Кирилль и Меѳодій, которые обратились къ славянамъ съ проповѣдью слова Божія на ихъ родномъ языкѣ; которые составили для славянъ, соотвѣтствующую свойству ихъ языка азбуку; перевели важнѣйшія священныя и богослужебныя книги на славянской языкъ, и всюду гдѣ ни проповѣдывали, вводили православное богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Радостная вѣсть объ этомъ быстро распространилась по всѣмъ южнымъ и западнымъ племенамъ славянскимъ, и славяне другъ предъ другомъ спѣшили призывать къ себѣ проповѣдниковъ святой истины на родномъ языкѣ. Свв. Кирилль и Меѳодій сначала насадили христіанство въ южныхъ предѣлахъ Россіи—въ Тавридѣ, гдѣ подъ владычествомъ турецкаго племени хазаръ жили русскія славянскія племена, и около своего род-

наго города Солуня между македонскими славянами. За тѣмъ Борисъ, князь болгарскій, призвалъ къ себѣ Св. Меѳодіа, и принялъ отъ него христіанство. Далѣе вѣсть о благословенной дѣятельности святыхъ братьевъ проникла и къ западнымъ славянамъ. И западные славяне такъ несочувственно слушавшіе приходившихъ къ нимъ латинскихъ проповѣдниковъ, теперь сами стали звать къ себѣ проповѣдниковъ съ Востока. Въ 862 году князья моравскіе Ростиславъ и ~~Святополкъ и паннонскій Коцелъ~~ прислали въ Византію просить къ себѣ проповѣдниковъ, которые могутъ возвѣщать славянамъ величіе Божіе на ихъ родномъ языкѣ. Успѣшно распространилась христіанская проповѣдь въ Моравіи и Панноніи и свв. проповѣдники успѣли даже въ короткое время изъ среды самихъ славянъ приготовить себѣ надежныхъ помощниковъ—учениковъ, которые могли бы продолжать ихъ дѣло послѣ смерти ихъ. Отсюда христіанская вѣра проникла въ Богемію (при князѣ Боривоѣ и его женѣ Людмилѣ) и на берега Вислы (въ Польшу). И сербы, занимающіе обширное пространство земли между Адріатическимъ моремъ и Дунаемъ (нынѣшнюю Далмацію, Кроацію, Черногорію, Герцеговину, Боснію и собственно такъ называемую Сербію), у которыхъ доселѣ христіанство держалось только по мѣстамъ довольно слабо, услышавъ о славянской проповѣди Свв. Кирилла и Меѳодіа, приняли теперь большинствомъ православную вѣру съ славянскимъ богослуженіемъ.

емъ, вмѣстѣ съ подчиненіемъ вліянію константинопольскаго Императора Василія, македонскаго славянина по происхожденію.

Такимъ образомъ, почти весь славянскій міръ (кромѣ внутреннихъ странъ Россіи и прибалтійскихъ славянъ, до которыхъ не дошла проповѣдь Свв. Кирилла и Меѳодія) огласился звуками православнаго богослуженія на славянскомъ языкѣ.

Въ Западной Церкви не могли не обратить вниманія на быстрые успѣхи христіанской проповѣди между славянами, и папамъ, конечно, очень лестно было воспользоваться плодами проповѣди Свв. Кирилла и Меѳодія, какъ нерѣдко они пользовались плодами проповѣди знаменитыхъ миссіонеровъ, хотя не ими посланныхъ на дѣло проповѣди. По отношенію къ западнымъ славянамъ, папы могли достигнуть этого довольно легко. Кириллъ и Меѳодій, насаждая христіанство въ Панноніи, Моравіи и Богеміи, не старались и не считали себя въ правѣ по іерархическому управленію отторгать эти страны отъ Западной Церкви, въ которой тогда только что начали возникать неправославныя нововведенія, но которая еще не считалась неправославною, и не разрывала союза съ другими православными Восточными Церквами. По вызову папъ, Кириллъ и Меѳодій безпрекословно ходили въ Римъ давать отчетъ въ своей проповѣди и искать защиты противъ интригъ и притѣсненій мѣстнаго нѣмецкаго духовенства. Папы Андріанъ II, Іоаннъ VIII въ свою очередь всячески стара-

лись ласкать Свв. Кирилла и Меѳодія точно также, какъ ласкали они германскаго просвѣтителя Бонифація и скандинавскаго Анагарія, съ расчетомъ пользоваться плодами дѣятельности знаменитыхъ проповѣдниковъ. И хотя проповѣдь Кирилла и Меѳодія, вполне согласная съ духомъ и началами Восточной Церкви, противорѣчила тѣмъ новымъ учениямъ и стремленіямъ, какія въ то время начинали распространяться на Западѣ, папы намѣренно старались не обращать на это вниманія. Мѣстные нѣмецкіе епископы, ближайшимъ образомъ заинтересованные въ успѣхѣхъ вліянія надъ славянскими племенами, и глубоко озлобленные быстрыми успѣхами проповѣди Кирилла и Меѳодія въ тѣхъ странахъ, гдѣ они въ продолженіе долгаго времени не успѣли ничего сдѣлать, вступили съ ними въ ожесточенную борьбу, постоянно интриговали противъ нихъ при дворѣ нѣмецкихъ Императоровъ и моравскихъ князей, неоднократно доносили въ Римъ, что Кирилле и Меѳодію распространяютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, между тѣмъ, какъ въ Западной Церкви уже начиналъ входить въ силу принципъ не допускать въ церковномъ употребленіи живыхъ народныхъ нарѣчій,—что они учатъ объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца, между тѣмъ, какъ на Западѣ уже начало распространяться чтеніе Символа вѣры съ прибавленіемъ „и Сына“ (Filioque),—что это можетъ имѣть послѣдствіемъ отторженіе западныхъ славянъ изъ подъ власти папской; но папы, которые были

хитрѣе и дальновидѣе нѣмецкихъ епископовъ, намѣренно, какъ бы не придавали никакого значенія этимъ донесеніямъ и обвиненіямъ и продолжали ласкать солунскихъ проповѣдниковъ, даже сами намѣренно, вопреки своимъ принципамъ, одобряли сдѣланный свв. братьями переводъ святыхъ книгъ на славянскій языкъ, благословляли совершеніе славянскаго богослуженія, высказывали даже сомнѣніе въ законности западнаго приобщенія *filioque* (Іоаннъ VIII); писали за Кирилла и Меѳодія лестныя ходатайственныя письма къ нѣмецкому Императору, къ паннонскому и моравскому князьямъ; грозили нѣмецкимъ епископамъ запрещеніемъ, если они будутъ притѣснять Св. Меѳодія, и т. д. Слѣдствіемъ всего этого было между прочимъ то, что западныя славянскія страны, съ самаго начала своей христіанской исторіи, стали въ исключительное религіозное положеніе. По духу своего исповѣданія—по неискаженному Символу вѣры, по обрядамъ принесеннымъ отъ Восточной Церкви, по богослуженію на народномъ языкѣ, они внутренне сроднились съ православною Восточною Церковію, но по внѣшнему іерархическому управленію, они стали въ тѣсную зависимость отъ римской Церкви, которая въ то время уже начинала отступать отъ православія, но отъ славянъ, такъ сказать, скрывала свои неправославныя тенденціи.

Между тѣмъ, недовольствуясь подчиненіемъ западныхъ славянъ, римская Церковь простирала свои виды и на юго-восточныя славянскія страны,

въ которыхъ издавна христіанство было распространено греческими миссіонерами, и которыми по самому географическому положенію всего удобнѣе было въ церковномъ отношеніи пристать къ округу константинопольскаго патріарха. Папа Николай I, услышавъ объ обращеніи болгарскаго князя Бориса, завидоваль тому, что Болгарія присоединилась къ греческой Церкви, и сначала сталъ просить константинопольскаго патріарха Фотія добровольно уступить ему Болгарію на томъ основаніи, что Болгарія, по древнему государственному раздѣленію Римской Имперіи, входя въ составъ иллирійскаго округа, причислялась къ западной половинѣ Имперіи и слѣдовательно къ округу Западной Церкви. Подъ условіемъ уступки Болгаріи папа, между прочимъ, обѣщаль на первыхъ порахъ признать Фотія законнымъ константинопольскимъ патріархомъ. Но когда патріархъ Фотій высказалъ папѣ, что онъ не намѣренъ и не считаетъ себя въ правѣ уступить римской Церкви Болгарію, въ Римѣ стали громить Фотія анаематами, а въ Болгарію изъ Рима стали появляться миссіонеры, которые злонамѣренно старались возбудить болгаръ противъ грековъ, внушая имъ сомнѣнія о законности правъ константинопольскаго патріарха и православія греческихъ обрядовъ, и обѣщали имъ большія политическія выгоды и церковную самостоятельность въ союзѣ съ Римомъ. Болгаровъ на первыхъ порахъ, казалось, не трудно было отвратить отъ греческой Церкви

потому, что болгары часто находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ греками, и могли опасаться того, какъ бы чрезъ церковную связь съ Византією, не подпасть политическому вліянію грековъ. По внушенію римскихъ агентовъ, князь Борисъ рѣшился было изгнать изъ своей земли греческихъ священниковъ и заключить союзъ съ папою. Папа прислалъ въ Болгарію своихъ епископовъ и священниковъ. (Замѣчательно, что здѣсь римскіе миссіонеры дѣйствовали совершенно вопреки папской политикѣ, въ то время выказывавшейся въ Моравіи и Панноніи. Тамъ римская Церковь, полагаясь на іерархическое подчиненіе Риму западныхъ славянъ, и стараясь, какъ можно крѣпче привязать ихъ къ себѣ, позволяла имъ до времени исповѣдывать неповрежденный восточный Символъ, совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ и держаться восточныхъ обрядовъ. Здѣсь напротивъ, рассчитывая на племенную непріязнь болгаровъ къ грекамъ и всячески стараясь сдѣлать ее какъ можно болѣе сильною, римскіе миссіонеры (вѣроятно не безъ соизволенія папскаго), на первыхъ же порахъ старались искоренить всякіе слѣды греческаго церковнаго вліянія въ болгарской странѣ.) Они сразу стали вводить здѣсь и совершеніе богослуженія на латинскомъ языкѣ, и чтеніе Символа съ прибавленіемъ *filioque*, и безбрачіе духовенства, и соблюденіе постовъ по западному обычаю, и даже стали вновь муропомазывать болгаръ, уже муропомазанныхъ греческими

священниками, увѣряя ихъ, что мѣропомазаніе, совершаемое простымъ священникомъ недействительно. Духъ недобросовѣстной и притязательной римской пропаганды скоро сталъ ясенъ для болгаръ; окружное посланіе Фотія, написанное по этому поводу, раскрыло неправославныя нововведенія Западной Церкви, и князь Борисъ, на дѣлѣ увидѣвшій не искренность папскихъ прельщеній и обѣщаній, рѣшился разорвать союзъ съ Западною Церковію. На константинопольскомъ Соборѣ 869 года при патріархѣ Игнатѣ, не смотря на всѣ возраженія папскихъ легатовъ, новоустроенная болгарская Церковь навсегда закрѣпила духовную связь съ православною Восточною Церковію.

Такимъ образомъ въ церковной исторіи западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ, съ самаго начала ихъ обращенія въ христіанство, обозначилось то различіе, что южные славяне не только приняли православную вѣру отъ Восточной Церкви, но и вступили съ нею въ тѣсный іерархическій союзъ; западные же славяне, хотя также первоначально приняли чистую православную вѣру съ восточными обрядами и славянскимъ богослуженіемъ; но, по іерархическому управленію, примкнули къ римской Церкви, неправославіе которой имъ было мало тогда замѣтно, какъ не вполне оно замѣтно было еще и всему православному Востоку. Слѣдствіемъ этого различія въ дальнѣйшей судьбѣ славянскихъ племенъ было, между прочимъ, то, что южные славяне, находясь жи-

вомъ союзѣ всего православнаго восточнаго міра, болѣе и болѣе укрѣплялись въ православіи, несмотря на всѣ происки и усилія латинской пропаганды; западные же славяне, увлекаемые общимъ теченіемъ западно-европейской жизни, болѣе и болѣе стали заражаться неправославіемъ Западной Церкви, несмотря на всю свою неприязнь къ латинству.

IX.

СУДЬБА ХРИСТИАНСТВА У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ ПОСЛѢ СВ. МЕОДІЯ. НАСИЛЬСТВЕННОЕ УТВЕРЖДЕНІЕ ЛАТИНСТВА У ПРИВАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ, ПОЛЯКОВЪ, ЧЕХОВЪ, ВЕНГРОВЪ, ХОРВАТОВЪ, ГАЛИЦЕВЪ И УГОРСКИХЪ РУССКИХЪ. ПОСЛѢДСТВІЯ ВЛІЯНІЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ ДЛЯ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Послѣ величайшей въ исторіи славянства эпохи Свв. Кприлла и Меодія, на времяобъединившей почти всѣ славянскія племена единствомъ чистой вѣры и духовнаго просвѣщенія, исторія южныхъ и западныхъ славянъ, раздѣленныхъ внѣшнимъ образомъ чрезъ вторженіе мадьяръ въ среду славянскаго міра въ началѣ X вѣка, пошла опять особыми путями. Юго-восточные славяне стали въ живое соприкосновеніе съ православнымъ восточнымъ міромъ; западные славяне не могли не

увлечься общимъ теченіемъ исторической жизни западно-европейскихъ католическихъ племенъ. По своимъ церковнымъ отношеніямъ юго-восточные славяне находились въ живой связи съ греческою Церковью, пребывавшею въ неизмѣнномъ православіи; западные же славяне подчинялись римской Церкви, которая съ X вѣка все болѣе и болѣе отступала отъ православія. Слѣдствіемъ этого было то, что славяне юго-восточные съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе укрѣплялись въ православіи; западные же мало по малу стали поддаваться неправославнымъ римскимъ нововведеніямъ, принимать латинское богослуженіе, вмѣсто славянскаго, западные обряды вмѣсто восточныхъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что это искорененіе православія латинствомъ и въ западныхъ славянскихъ странахъ совершалось медленно и съ большимъ трудомъ. Славяне, изначала полюбившіе православную вѣру съ восточнымъ обрядомъ и богослуженіемъ на родномъ языкѣ, сколько могли, отстаивали свою духовную самостоятельность противъ притязаній латинства; римскія нововведенія утверждались здѣсь съ большимъ трудомъ и позже, чѣмъ во всѣхъ другихъ западныхъ странахъ. Римской пропагандѣ нужно было въ продолженіи многихъ вѣковъ употреблять всевозможныя хитрости и насилія, чтобы привлечь западныхъ славянъ къ католицизму, и при всемъ томъ она далеко не вполне достигла своей цѣли. Немногіе изъ славянъ (поляки, отчасти хорваты) сдѣлались хо-

рошыми католиками, горячо преданными римской Церкви; въ большей части другихъ племенъ католицизмъ утвердился непрочно и готовъ былъ колебаться при всякомъ новомъ неблагопріятномъ для Рима движеніи исторической жизни, и почти во всѣхъ славянскихъ странахъ въ большей или меньшей степени сохранились слѣды сочувствія къ православной Церкви, къ восточнымъ обрядамъ, къ богослуженію на родномъ славянскомъ языкѣ. Замѣчательно также и то, что во всѣхъ западно-славянскихъ странахъ искорененіе православія латинствомъ шло рука объ руку съ подавленіемъ самой славянской народности. Гдѣ болѣе утвердился католицизмъ, тамъ болѣе измѣнились свойства народнаго характера, народнаго быта, кореннаго славянскаго языка, тамъ болѣе вторгнулось въ народную жизнь славянскую чуждыхъ элементовъ романогерманскаго быта; тамъ менѣе по-этому осталось и залоговъ къ нравственному и политическому возстановленію славянской народности, въ духѣ коренныхъ самостоятельныхъ славянскихъ началъ.

Скорѣе всего католицизмъ утвердился въ тѣхъ западно-славянскихъ странахъ, которыя были дальше отъ восточныхъ Церквей и болѣе находились въ сношеніяхъ съ западно-европейскими романо-германскими государствами, — у прибалтійскихъ славянъ и поляковъ.

Прибалтійскіе славяне—венды, поморяне, стодоряне, бодричи, лютичи и др., занимавшіе боль-

шую часть земель нынѣшняго Прускаго государства, и бывшіе когда-то самыми богатыми, могущественными и развитыми изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, стали подпадать вліянію нѣмцевъ и католицизма, со временъ Карла Великаго, и за тѣмъ постепенно были подавляемы имъ въ продолженіи IX, X и XI вѣковъ. Нѣмецкіе государи посылали къ нимъ вооруженныя войска и вмѣстѣ съ ними латинскихъ проповѣдниковъ, для утвержденія между ними своего религіознаго и политическаго вліянія. Славяне въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ ожесточенно отстаивали свою вѣру и народность, но наконецъ должны были уступить силѣ. Въ XI и XII вѣкахъ земли прибалтійскихъ славянъ были завоеваны сосѣдними католическими владѣтелями: нѣмецкими, польскими, датскими; вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалась въ нихъ и католическая вѣра насильственными средствами. Но утвержденіе католицизма и иноплеменнаго господства сопровождалось здѣсь совершеннымъ паденіемъ славянской народности. Самая энергическая часть славянскаго населенія была истреблена въ вѣковыхъ кровопролитныхъ войнахъ съ нѣмцами за независимость.—Оставшіяся за тѣмъ славянскія семьи и общины, смѣшавшіяся съ разселившимися между ними нѣмцами, стали постепенно подчиняться вліянію нѣмцевъ, и мало по малу совершенно утратили сознаніе самобытности своего племени, народные нравы и обычаи, самый языкъ народный. Слѣды сильной и широко распро-

страненной здѣсь нѣкогда славянскоѣ народности сохранились только въ нѣсколькихъ славянскихъ наименованіяхъ мѣстностей и то искаженныхъ нѣмцами, и въ небольшихъ остаткахъ славянскихъ населеній въ нынѣшней Пруссіи и Саксоніи. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы и господство католицизма распространеннаго насиліемъ, утвердилось здѣсь прочно. Въ этихъ странахъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, въ средніе вѣка удерживалась приверженность къ древнимъ языческимъ суевѣріямъ и неприязнь къ латинскому духовенству. Въ XVI вѣкѣ протестантизмъ распространился здѣсь скорѣе всѣхъ другихъ странъ.

Въ Польшѣ начала православія съ славянскимъ богослуженіемъ и восточными обрядами, заложенные при Св. Мееодіѣ, держались также не долго. Благопріятнымъ временемъ для распространенія православія было здѣсь царствованіе князя Мечислава, который, вступивъ въ бракъ съ чешскою княжною Дубравкою, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Богемією, тогда православною страпою. Но затѣмъ, уже при сынѣ Мечислава и Дубравки, первомъ польскомъ Королѣ Болеславѣ храбромъ, сталъ утверждаться здѣсь католицизмъ. Болеславъ завелъ связи съ нѣмецкими Государями и съ папою. Въ Польшѣ явился изъ Богеміи епископъ Войтѣхъ, ярый проповѣдникъ латинства и гонитель православія во всѣхъ западныхъ славянскихъ странахъ. Съ благословенія папы, въ Польшѣ основаны были латинское епископство въ По-

знани и архієпископство въ Гнѣзнѣ. Послѣдующіе польскіе государи стали еще болѣе сближаться съ западною Европою, и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь болѣе и болѣе распространялся католицизмъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши славянское богослуженіе и восточные обряды держались до XIII и XIV вѣковъ; и вообще Польшу даже до XVI вѣка нельзя было назвать вполне преданною католицизму страню. Здѣсь сохранялась еще въ значительной степени религіозная свобода, съ склонностью поддаваться всякимъ вліяніямъ враждебнымъ католицизму. Уже съ XVI и съ XVII вѣковъ, съ того особенно времени какъ іезуиты были введены въ Польшу Королемъ Сигизмундомъ III, получили большое вліяніе при дворѣ и захватили въ свои руки воспитаніе польской аристократіи, Польша въ лицѣ высшихъ классовъ своего населенія сдѣлалась самою ревностною болѣе всякихъ другихъ европейскихъ странъ католическою страню, способною къ самому крайнему фанатизму. Въ ней начались ожесточенныя преслѣдованія на всѣ другія христіанскія исповѣданія. Она сдѣлалась разсадникомъ и центромъ латинской пропаганды въ другія восточныя страны, между прочимъ въ Россію. Такое сильное католическое вліяніе и для польскаго народа не обошлось, конечно, даромъ. Поляки не утратили, подобно прибалтійскимъ славянамъ, внѣшнихъ признаковъ славянской народности; за то іезуитское вліяніе въ высшихъ классахъ польскаго населенія воспитало

такія свойства, которыя нравственно исказили ихъ народный характеръ, сгубили политическую жизнь Польши, и поставили поляковъ въ самыя ненормальныя и непріязненныя отношенія къ другимъ славянскимъ племенамъ. Въ Польшѣ развились: крайняя религіозная нетерпимость, чрезмѣрное возвышеніе высшихъ классовъ народа съ крайнимъ униженіемъ и подавленіемъ низшихъ. Кошунственное смѣшеніе религіозныхъ побужденій и интересовъ съ политическими; темное политическое коварство, разрѣшающее пользоваться самыми незаконными и преступными средствами для достиженія задуманныхъ цѣлей—все это не природныя славянскія, а по преимуществу, можно сказать, католическія свойства. Поляки задались призваніемъ быть проводниками западнаго, между прочимъ католическаго, вліянія въ другія славянскія страны, и въ иныхъ случаяхъ стали заявлять себя открытыми врагами національных славянскихъ интересовъ, преслѣдователями своихъ единоплеменниковъ—славянъ. Отсюда происходитъ и ихъ исключительное ненормальное положеніе въ средѣ другихъ славянскихъ племенъ, и особенное сочувствіе къ нимъ со стороны западныхъ, особенно католическихъ народовъ, и ихъ ожесточенная вѣковая вражда съ Россією—главною представительницею православія и славянской народности на Востокъ. При всемъ томъ, конечно, и Польшу нельзя еще считать совершенно погибшею для православія и славянства страню. Въ развитіи низ-

шихъ классовъ народа, не столько еще испорченныхъ іезуитскими вліяніями, и въ сближеніи ихъ съ народомъ русскимъ, есть залогъ къ возвращенію польскаго племени въ среду другихъ славянскихъ племенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду православія.

Въ Богеміи православная вѣра съ славянскимъ богослуженіемъ, принятая отъ Св. Меѳодія при князѣ Боривоѣ, держалась уже крѣпче, и только, послѣ многолѣтней борьбы, должна была уступить мѣсто насильственному вліянію латинства. Первые христіанскія князья Богеміи, Боривоѣ и его жена Св. Людмила, ихъ дѣти Спитигнѣвъ и Вратиславъ и особенно внукъ Св. Вечеславъ были приверженцами православной вѣры; при нихъ совершалась въ Церквахъ богемскихъ славянская служба. По управленію церковному Богемія хотя и подчинялась власти нѣмецкаго регенбургскаго епископа, но главнымъ источникомъ духовнаго просвѣщенія была для ней Моравія, бывшая тогда главнымъ центромъ православія на Западѣ, и имѣвшая своихъ славянскихъ епископовъ. Латинство стало усиливаться въ Богеміи подъ конецъ X вѣка при князѣ Болеславѣ II, когда Богемія стала болѣе втягиваться въ интересы западно-европейской жизни. При немъ открыто было въ Прагѣ, съ благословенія папы, латинское епископство, и основались въ Богеміи первые латинскіе монастыри; при немъ, по повелѣнію папы, въ церквахъ богемскихъ стало распространяться латинское богослуженіе,

на мѣсто славянскаго. Особенно ревностнымъ дѣ-
ятелемъ въ распространеніи латинства явился вто-
рой пражскій епископъ Адалъбертъ или Войтѣхъ,
родомъ чехъ—славянинъ, но воспитанный нѣмца-
ми. Онъ всюду искоренялъ православіе наравнѣ
съ остатками самаго язычества, и старался распро-
странять латинство не только въ Богеміи, по и
въ другихъ сосѣдственныхъ странахъ—у поляковъ,
моравцевъ, венгровъ, прибалтійскихъ славянъ, у
которыхъ, наконецъ, и жизнь положилъ за свою
ревность къ латинству. При всемъ томъ, латин-
ское богослуженіе принималось въ Чехіи съ несо-
чувствіемъ. Чешскіе князья и священники неод-
нократно просили у папъ разрѣшенія совершать
службу по славянски, и, хотя папы этого не позво-
ляли, славянское богослуженіе съ восточными об-
рядами продолжало держаться въ нѣкоторыхъ чеш-
скихъ Церквахъ. Главнымъ оплотомъ православія
былъ здѣсь Еммаусскій монастырь на рѣкѣ Саза-
вѣ, основанный въ половинѣ XI вѣка замѣчатель-
нымъ чешскимъ подвижникомъ Св. Прокопѣмъ
Хатунскимъ. Нѣмцы нѣсколько разъ разорали
этотъ монастырь, разгнали изъ него славянскихъ
монаховъ, сожигали славянскія рукописи, и вво-
дили богослуженіе по латинскому обряду. Но пре-
даніямъ Св. Прокопія долго поддерживали въ Ем-
маусскомъ монастырѣ приверженность къ восточ-
нымъ обрядамъ. Въ концѣ XI вѣка (1096 года)
папа Григорій VII окончательно запретилъ въ
Богеміи совершеніе славянскаго богослуженія. Но

вытѣсненныя изъ храмовъ славянскія пѣсногѣнія хранились въ памяти народной, и долго еще чешскій народъ, среди непонятныхъ звуковъ латинскаго богослуженія, любилъ повторять родное ему „Господи помилуй“. Въ народѣ хранилась память о старой чистой вѣрѣ Св. Меѳодія, которую онъ различалъ отъ вѣры латинской. Между тѣмъ правительство и высшая іерархія въ Чехіи были уже совершенно на сторонѣ латинства. Въ XII, XIII и XIV вѣкахъ въ Чехіи болѣе и болѣе принимались латинскія нововведенія; распространялись католическіе монастыри; вводилась католическая инквизиція. Въ народѣ на все это смотрѣли съ крайнимъ несочувствіемъ. Почти каждое нововведеніе принималось не иначе, какъ послѣ значительнаго сопротивленія. Такъ обычай безбрачія духовенства былъ введенъ въ Богемію уже болѣе столѣтія спустя послѣ распространенія его въ другихъ западныхъ странахъ, и римской кардиналъ, присланный отъ папы Целистина III для введенія этого обычая въ Чехію, едва не былъ побитъ камнями. Еще съ большимъ негодованіемъ приняты были въ Чехіи: отнятіе евхаристической чаши у мірянъ, запрещеніе причащать младенцевъ и введеніе инквизиціи. Непріязнь народа къ латинству сказывалась между прочимъ въ томъ, что въ Чехіи съ сочувствіемъ принимались всяческія ученія и секты, враждебныя папству, особенно такія, которыя обращались къ народу съ проповѣдью на народномъ языкѣ. Катары, вальдепсы, доллар-

ды, преслѣдуемые въ другихъ странахъ, находили себѣ убѣжище и сочувствіе въ Чехіи. Наконецъ, когда на Западѣ Европы сдѣлались возможны открытые протесты противъ папства, чехи первые выступили съ сильнѣйшимъ протестомъ въ извѣстномъ гусситскомъ движеніи. Гусситское движеніе въ Чехіи имѣло не религіозный только, но и національный смыслъ; чехи возставали въ немъ противъ господства папы, и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ вліянія нѣмцевъ. Съ религіозной собственно стороны въ гусситскомъ движеніи сказывались протестъ противъ католицизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе возвратиться къ древнему православію—къ родной нѣкогда чехамъ и еще не совсѣмъ забытой вѣрѣ Св. Мееодія. Возставая противъ римской Церкви, чешскіе учителя того времени высказывали сочувствіе къ Церкви восточной, и нерѣдко, въ обличеніе незаконныхъ нововведеній и притязаній латинства, прямо ссылались на греческіе ученія и уставы. Въ собственныхъ понятіяхъ своихъ о Церкви, объ іерархіи, о таинствахъ, о почитаніи святыхъ, даже въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа гусситы болѣе всѣхъ другихъ западныхъ обществъ приближались къ ученію Восточной Церкви. Наконецъ между чехами обнаружилось прямое желаніе соединиться съ православною Восточною Церковью. Нѣкоторые изъ учителей чешскихъ предпринимали путешествіе на Востокъ, съ цѣлію ознакомиться ближе съ состояніемъ Восточной Церкви. Въ 1450 и 1452 годахъ

чехи посылали посольство въ Константинополь съ исповѣданіемъ вѣры и предложеніемъ соединенія. Въ Константинополѣ одобрили ихъ исповѣданіе, и изъявили радостную готовность принять чеховъ въ общеніе православія. Но несчастныя въ то время политическія обстоятельства православнаго Востока помѣшали чехамъ соединиться съ Восточною Церковью. Оставшись одинокими на Западѣ съ своими стремленіями и раздѣлившись на нѣсколько партій, они не могли выдержать неравную борьбу со всею латинскою и нѣмецкою Европой, и сохранить свою политическую и религіозную самостоятельность. Папы и западные государи соединенными силами поднимали противъ Чехіи нѣсколько крестовыхъ походовъ. Новыя ученія, распространявшіяся на Западѣ Европы, колебали нравственную самостоятельность убѣжденных чешскихъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ остатковъ гусситской партіи въ такъ называемыхъ „общинахъ богемскихъ и моравскихъ братьевъ“, большая часть чеховъ была снова обращена въ католицизмъ; другая, по несочувствію къ католицизму, пристала къ протестантскому движенію. Чехія сдѣлалась главнымъ поприщемъ ожесточенной борьбы между католичествомъ и протестанствомъ, и болѣе всѣхъ странъ Западной Европы пострадала отъ нея. Наконецъ, съ подданствомъ чеховъ (съ половины XVI вѣка) габсбургскому правительству, которое всегда отличалось особенною приверженностью къ католициз-

му, совершилось въ Чехіи давно желанное папствомъ утвержденіе католицизма. При Императорѣ Фердинандѣ II, послѣ несчастной для чеховъ битвы при Бѣлой Горѣ (8 ноября 1620 года), въ которой чехи въ послѣдній разъ пытались отстоять свою самостоятельность, католическая вѣра была объявлена въ Чехіи не только господствующею, но единственно терпимою. Всѣ члены *Общества братьевъ* были изгнаны изъ Чехіи; протестантамъ объявленъ былъ полугодовой срокъ обратиться въ католицизмъ, или выселиться изъ страны; всѣ храмы были обращены въ католическіе; большая часть знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей чешской страны казнены; другіе бѣжали; имѣнія ихъ конфискованы правительствомъ. Въмѣстѣ съ утвержденіемъ католицизма, приняты были всѣ мѣры къ подавленію національной самостоятельности чеховъ. Престолъ королевства чешскаго, бывшій доселѣ избирательнымъ, объявленъ наслѣдственнымъ въ фамиліи Габсбурговъ; употребленіе чешскаго языка въ школахъ и судахъ стѣснено; высшія должности въ странѣ замѣщены нѣмцами. Во время тридцатилѣтней войны чешская страна подвергнута была всѣмъ тягостямъ и бѣдствіямъ военнаго насилія, ограблена и разорена. Населеніе страны уменьшилось почти въ четверо; изъ трехъ милліоновъ народа въ Чехіи осталось только восемьсотъ тысячъ. Въ Чехіи вновь было распространено до двухъсотъ католическихъ монастырей. Іезуиты получили сильнѣйшее вліяніе въ

странѣ, захватили въ свои руки народное воспитаніе и направили всѣ силы къ тому, чтобы окончательно подавить въ народѣ сознаніе своей самостоятельности, истребить памятники его древней исторіи и литературы, совершенно передѣлать чешскую исторію на свой образецъ. Такими-то средствами наконецъ Чехія была сдѣлана католическою страной. Но и то, какъ оказалось, не совсѣмъ и не навсегда. Съ конца прошлаго вѣка, когда національность чешская была повидимому совсѣмъ уже убита, и высшіе классы въ ней совершенно уже онемечились, благодаря пробудившемуся въ Европѣ стремленію къ возстановленію подавленныхъ національностей и нисшихъ классовъ народа, благодаря оживленной и усердной дѣятельности многихъ ученыхъ чешскихъ патріотовъ (Добровскаго, Шафарика, Ганки, Палацкаго, Коллара и другихъ), въ Чехіи вновь стало пробуждаться сознаніе національной самостоятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу начинаегь въ ней обнаруживаться и реакція противъ католицизма. Какъ скоро дана была чехамъ большая свобода вѣроисповѣданія, опять появились между ними и протестанты, и приверженцы гусситства, и начинается опять показываться нѣкоторое сочувствіе къ православію. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ народной самостоятельности, католицизмъ долженъ ослабѣвать въ Чехіи болѣе и болѣе; ибо не могутъ чехи долго оставаться искренними привер-

женцами того исповѣданія, которое сдѣлало такъ много зла ихъ народности.

Далѣе къ Югу—въ славянскихъ земляхъ нынѣшней Австрійской Имперіи—тамъ гдѣ было главное поприще проповѣди Свв. Кирилла и Меѳодія, въ Моравіи, Панноніи и близкихъ къ нимъ земляхъ западныхъ сербовъ—въ Кроаціи и Далмаціи—православіе еще дальше и крѣпче выдерживало борьбу съ латинствомъ, и, несмотря на всѣ усилія латинской пропаганды, доселѣ не мало оставило своихъ слѣдовъ. Въ Моравіи и Панноніи, немедленно послѣ смерти Св. Меѳодія, поднялась сильная борьба противъ православія со стороны латинства. Главнымъ представителемъ православія здѣсь былъ Гораздъ, ученикъ Св. Меѳодія, который долженъ былъ остаться послѣ него архіепископомъ въ моравскомъ Велеградѣ; во главѣ латинской партіи стоялъ швабъ Вихингъ, епископъ Нитры, еще при жизни Св. Меѳодія постоянно интриговавшій противъ него, и послѣ его смерти, продолжавшій свою интригу противъ его учениковъ. Вихингъ наклеветалъ моравскому князю Святотополку, что славянскіе учителя проповѣдуютъ нечистое ученіе, возмущаютъ народъ, и, получивъ отъ князя дозволеніе, воздвигъ на нихъ жестокое гоненіе. Славянскихъ священниковъ выгоняли изъ домовъ, лишали имущества, сажали въ темницы, мучили, вынуждали отрекаться отъ восточныхъ обрядовъ. Ближайшихъ учениковъ Св. Меѳодія—Горазда, Климента и другихъ послѣ восьмидесяти;

дневныхъ истязаній въ тюрьмѣ, въ сопровожденіи солдатъ, вывели за границу, и прогнали за Дунай разными дорогами (они нашли себѣ пріютъ и покровительство въ православной Болгаріи). Но и послѣ изгнанія учениковъ Св. Меодія, нѣмцамъ не удалось скоро истребить здѣсь слѣды его проповѣди. Самъ Вихингъ—врагъ православія и славянства—скоро былъ изгнанъ изъ Моравіи. Въ Моравіи и Панноніи продолжало держаться славянское богослуженіе съ восточными обрядами и славянскою іерархіей. Но въ началѣ X столѣтія моравскіе и паннонскіе славяне потеряли свою политическую самостоятельность. Большая часть ихъ странъ, за исключеніемъ сѣверныхъ областей, отошедшихъ къ Богеміи, были завоеваны венграми—воинственнымъ народомъ чудскаго племени, пришедшимъ съ Востока. Венгры, въ то время, были язычники; но, поселившись между православными славянами, они и сами скоро стали поддаваться вліянію православія. Первые князья венгерскіе—Гюлай, Бульчи, Гейза (около половины X вѣка) приняли христіанство отъ Восточной Церкви. Напротивъ, проповѣдниковъ латинскихъ они старались не допускать въ свои владѣнія, подозревая въ нихъ шпионовъ германскаго правительства. Сближеніе венгровъ съ нѣмцами и съ латинствомъ началось со времени перваго венгерскаго Короля Св. Стефана (царствовалъ съ 997 до 1038 года), который женился на дочери германскаго Императора Генриха II—Гизели. Гизель была рев-

ностная католичка; вмѣстѣ съ нею пришло въ страну много латинскихъ священниковъ, и она всячески, при помощи интригъ и преступленій, старалась, чтобы престолъ вонгерскій послѣ Стефана былъ занятъ приверженцемъ католицизма. Но когда, по ея интригамъ, владѣтелемъ Венгріи былъ провозглашенъ племянникъ Стефана, сынъ венеціанскаго дожа—Петръ, и съ нимъ еще пришли въ страну итальянскіе священники, венгры взбунтовались, убили князя Петра, прогнали латинскихъ священниковъ, и возвели на престолъ православнаго князя Андрея (1046 г.), взявъ съ него клятву, что онъ не будетъ стѣснять ихъ въ отправленіи прежнихъ обрядовъ. Такъ сильна была между венграми и подвластными имъ славянами приверженность къ православію уже въ половинѣ одиннадцатаго вѣка. Такая приверженность не могла скоро ослабѣть, и есть несомнѣнные факты, показывающіе, что въ Венгріи и въ XII вѣкѣ держались и были преобладающими обряды восточные: духовенство было женатое, посты соблюдались строго по восточнымъ обычаямъ, литургія совершалась на квасномъ хлѣбѣ и съ проскомидіей, причащеніе преподавалось подъ двумя видами, святые иконы и священныя облаченія дѣлались по образцамъ греческимъ, въ монастыряхъ держался греческій уставъ и т. д. Связь съ православіемъ поддерживалась тѣмъ, что короли венгерскіе находились въ близкихъ сношеніяхъ съ императорами византійскими (напр. Бѣла III

воспитывался въ Константинополѣ и при воцареніи своемъ далъ обѣщаніе греческому императору Еммануилу Комнину поддерживать православіе въ своей странѣ). Но въ началѣ XIII столѣтія главный оплотъ православія—Константинополь былъ взятъ латинянами—крестоносцами. На Востокъ, также какъ и на Западъ, повсюду стало распространяться вліяніе латинской политики. Венгерское правительство не было сильно сопротивляться этому вліянію, и скоро втнулось въ интересы папской политики такъ сильно, что напр. венгерскіе короли Эмерикъ и Бѣло IV въ тринадцатомъ вѣкѣ являются уже гонителями православія въ своей странѣ, и изъявляютъ готовность, по внушенію папъ, итти крестовымъ походомъ въ восточныя славянскія страны для распространенія латинства между сербами и болгарами. Народъ, сохранявшій приверженность къ восточнымъ обрядамъ, конечно, не могъ сочувствовать такой политикѣ правительства; тѣмъ не менѣе, однакожъ, латинство, при пособіи политической силы, стало болѣе проникать въ страну. Папы съ XIII вѣка стали употреблять новый приѣмъ для привлеченія въ Западную Церковь христіанъ восточнаго исповѣданія. Убѣдившись въ томъ, что прямое и принудительное распространеніе латинскаго богослуженія и западныхъ обрядовъ между этими племенами только болѣе возбуждаетъ ихъ противъ римской Церкви, папы, со временъ Иннокентія III и Латеранскаго Собора 1214 года, стали привлекать

православныя племена тѣмъ, что оставили имъ до времени и прежніе обряды и богослуженіе на народномъ языкѣ, требовали отъ нихъ только преданности и подчиненія епископамъ, поставляемымъ отъ Рима. Въ будущемъ можно было рассчитывать, что эти епископы, постепенно поставляя вездѣ единомысленныхъ съ собою священниковъ, мало по малу будутъ распространять въ народѣ и латинское богослуженіе, и латинскіе обряды. А народъ, мало свѣдующій въ дѣлахъ вѣры, увлекаемый предательскимъ вліяніемъ іерархіи, можетъ и не замѣтить, какъ у него обряды восточные будутъ вытѣсняться западными. Такимъ-то образомъ постепенно латинство было распространено въ странахъ, занятыхъ венграми. Нужно впрочемъ сказать, что и венгры, и живущіе около нихъ славяне, долго не могли сдѣлаться вполне хорошими католиками. Въ этихъ странахъ также довольно сильно сказывалось сочувствіе къ оппозиціи противъ папства, что свидѣтельствовало о нетвердости ихъ католицизма. Въ XVI вѣкѣ Венгрія была сильно волнуема протестантствомъ, социніанствомъ, идеями враждебными папству. Католицизмъ утвердился и здѣсь прочно только тогда, когда Венгрія, вмѣстѣ съ Чехіей, подчинилась власти габсбургскаго правительства и подпала всѣмъ кознямъ и насиліямъ іезуитскаго вліянія. Въ послѣдніе вѣка венгры стали заявлять себя ревностными католиками, и сдѣлались, подобно полякамъ, въ рукахъ нѣмцевъ и іезуитовъ ору-

діємъ къ угнетенію православія и славянскої народности въ близъ лежащихъ къ нимъ, и подчиняющихся ихъ вліянію, славянскихъ странахъ.

Подобнымъ же образомъ православіе было вытѣсняемо латинствомъ и во всѣхъ другихъ славянскихъ странахъ, въ различные времена присоединявшихся къ Венгріи и Австріи. Въ XII вѣкѣ присоединились къ Венгріи земли иллирійскихъ сербовъ, Далмація и Кроація. Здѣсь также была распространена православная вѣра, едвали не ранѣе всѣхъ другихъ племенъ славянскихъ. При Кириллѣ и Меѳодіѣ, эти племена приняли славянское богослуженіе, и, хотя по управленію церковному, причислялись къ округу римскаго папы, тѣмъ не менѣе долго хранили у себя приверженность къ восточнымъ обрядамъ. Здѣсь славянская народность, приверженная къ православію должна была столкнуться уже не съ нѣмецкою, а съ итальянскою народностью, еще болѣе нѣмецкой приверженною къ католичеству. Папы въ X и XI вѣкахъ употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы утвердить латинство въ Далмаціи и Кроаціи,—собирали Соборы (въ Сплѣтѣ Соборы 925, 928 и 1059 г.), запрещали славянское богослуженіе, запечатывали православныя церкви, не позволяли поставлять во священники никого изъ знающихъ славянскій языкъ, посылали архіепископскіе палліумы далматскимъ епископамъ и королевскія короны хорватскимъ князьямъ, подъ условіемъ искорененія въ народѣ обрядовъ не со-

гласныхъ съ обрядами римской Церкви. Но всѣ эти насильственные мѣры мало имѣли успѣха. Въ XIII вѣкѣ папы вынуждены были дозволить иллирскимъ сербамъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ,—но съ тѣмъ, чтобы книги церковныя были писаны у нихъ не кирилловскими письменами, употреблявшимися у всѣхъ православныхъ славянъ,—но другими, такъ называемыми глаголицкими, въ точности неизвѣстно когда изобрѣтенными, но которыя западная пропаганда въ средніе вѣка избрала средствомъ къ тому, чтобы отвлекать западныхъ славянъ отъ литературнаго общенія съ православными восточными славянами. Глаголицкія письма въ богослужебныхъ книгахъ мало по малу были ^{за}мѣняемы латинскими,—потомъ въ самый составъ православныхъ богослужебныхъ книгъ вносились латинскія молитвы и пѣснопѣнія;—наконецъ, славянское богослуженіе и совсѣмъ замѣнялось латинскимъ. Разумѣется, все это могло совершиться не иначе, какъ въ очень продолжительный періодъ времени; и при всемъ томъ латинской пропагандѣ, со всѣми ея хитростями и насиліями, все-таки не удалось обратить въ латинство всѣхъ иллирскихъ сербовъ. Въ Кроаціи и Далмаціи доселѣ существуютъ цѣлыя православныя епископства, въ которыхъ не смотря на всѣ стѣсненныя обстоятельства и совершенное разобщеніе отъ православнаго восточнаго міра, твердо хранится православная вѣра, съ восточными обрядами, съ богослу-

женіемъ на славянскомъ языкѣ—по книгамъ, получаемымъ изъ восточныхъ славянскихъ странъ. Въ самыхъ окатоличенныхъ хорватахъ и далматинцахъ приверженность къ богослуженію на народномъ языкѣ держится еще такъ сильно, что римская Церковь уже въ позднѣйшіе вѣка, даже въ прошломъ столѣтіи, изъ опасенія, какъ-бы хорваты и далматы, по любви къ народному языку, не стали обращаться въ православіе,—неоднократно позволяли дѣлать для нихъ новыя изданія славянскихъ богослужебныхъ книгъ въ *лаолинскихъ письменахъ*, и разумѣется съ разными искаженіями.

Точно также дѣйствовала латинская пропаганда между русскими поселеніями, издавна находившимися въ венгерскихъ (угорскихъ) земляхъ, потому въ XV и XVI вѣкахъ увеличившимися отъ новыхъ переселенцевъ, приходившихъ сюда изъ западной Россіи отъ притѣсненій литовскаго и польскаго правительства, и въ Галичинѣ (старой Червонной Руси) присоединенной къ Австрійской Имперіи отъ Польши. Русскіе, живущіе въ Угорщинѣ, не смотря на свое разобщеніе съ другими православными восточными церквами и происки латинства, въ продолженіи многихъ вѣковъ, хранили свое православіе. Угорскіе епархіи Пришевская и Мукачевская только въ прошломъ столѣтіи разными стѣсненіями и обольщеніями были привлечены въ Унію. Въ Галичинѣ хотя стала распространяться Унія

еще со временъ Брестскаго Собора съ конца XVI столѣтія, какъ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ; тѣмъ не менѣе пока Галичина оставалась подъ властью Польшы, въ ней еще было православіе довольно сильно; окончательное утвержденіе уніатства и здѣсь послѣдовало уже въ прошломъ столѣтіи, подъ управленіемъ австрійскаго правительства. Римская Церковь, общавшая всѣмъ западно-русскимъ уніатамъ оставить неприкосновенными православныя восточныя обряды съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они признавали подданство папѣ, тѣмъ не менѣе однакожь всегда сильно старалась въ западно-русскихъ областяхъ и доселѣ старается въ уніатскихъ церквахъ галичины и угорщины постепенно подмѣнять восточныя обряды, молитвы, святцы западными. Общая тактика, посредствомъ которой западная пропаганда мало по малу успѣваетъ переводить живущихъ подъ австрійскимъ господствомъ русскихъ изъ православія въ уніатство, а изъ уніатства въ латинство, опять состоитъ въ томъ, что католическое правительство всегда усердно старается высшія іерархическія мѣста въ этихъ странахъ замѣщать своими ревностными агентами; при этомъ иногда такъ бываетъ, что прямо подчиняютъ католическимъ архіепископамъ уніатскихъ епископовъ, а уніатскимъ епископамъ православныхъ священниковъ. Католицизмъ такимъ образомъ незамѣтно распространяется сверху внизъ; архіепископы стараются вездѣ имѣть единомысленныхъ себѣ епископовъ, а епис-

скопы подбирають таковыхъ же священниковъ. Народъ, хотя и приверженный къ своей старой православной вѣрѣ, но мало свѣдущій въ дѣлахъ религіозныхъ, и намѣренно оставляемый въ невѣжествѣ католическою іерархіей, самъ того не замѣчая, мало по малу подпадаетъ вліянію латинства. Латинскіе агенты, утверждая въ народѣ уніатство съ примѣсю настоящихъ латинскихъ обрядовъ, тѣмъ не менѣ стараются держать народъ въ такомъ заблужденіи, что это то и есть его старая настоящая православная вѣра, а та напротивъ, которую исповѣдуютъ въ русскомъ государствѣ, есть совсѣмъ другая, не православная, схизматическая, искаженная. Разумѣется, и здѣсь между галицкими и угорскими русскими подавленіе православія вездѣ сопровождается подавленіемъ самой народности русской. Ревностными помощниками іезуитамъ австрійскому правительству въ этомъ дѣлѣ являются поляки и мадьяры.

Таковыми-то способами римская Церковь успѣла почти всѣхъ западныхъ славянъ, составляющихъ до нынѣ болѣе двадцати милліоновъ населенія, преимущественно въ австрійскихъ владѣніяхъ, славянъ, бывшихъ когда-то православными, составлявшихъ родное давнее достояніе Восточной Церкви, постепенно оторгнуть отъ православія. Многіе изъ нихъ сдѣлались настоящими католиками, болѣе или менѣ ревностными; другіе чрезъ католицизмъ перешли въ протестантство. У иныхъ католической пропагандѣ въ продолженіи нѣсколь-

нихъ вѣковъ удалось заложить только начало перехода къ католицизму,—Унію. Тѣмъ не менѣе, однакожь, при всѣхъ насиліяхъ, при всѣхъ хитростяхъ, латинскоѣ пропагандѣ все еще не удалось даже и доселѣ истребить между западными славянами слѣды православія. Въ Далмаціи, въ Кроаціи—между сербами, въ Буковинѣ и Венгріи—между русскими остаются еще православныя епископства. Православные сербы, живущіе въ южныхъ областяхъ Венгріи, и на такъ называемой Военной Границѣ, остаются православными. Во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ существуетъ 13 православныхъ епархій, находящихся подъ верховнымъ вѣденіемъ сербскаго Карловickaго митрополита, которому недавно австрійское правительство дало титулъ патриарха. Между многими галицкими и угорскими русскими уніатство держится только по неволѣ, а многіе изъ нихъ въ простомъ народѣ даже и не знаютъ, что они уніаты, искренно продолжая считать свою вѣру настоящею православною старою русскою вѣрою.

Въ послѣднее время между всѣми почти западно-славянскими племенами стало обнаруживаться довольно сильное національное движеніе. Стѣсняемые со всѣхъ сторонъ нѣмцами—въ Чехіи и Моравіи, мадьярами—въ Славоніи и Кроаціи, итальянцами—въ Далмаціи, поляками—въ Галичинѣ, увлекаемые съ другой стороны повсюду пробуждающимися идеями свободы и народности, западные славяне почувствовали необходимость сильнѣе укрѣ-

пить основы своей національности и тѣмъ же соединиться между собою. Повсюду распространяется уваженіе къ славнѣйшимъ представителямъ славянской національности въ вѣкахъ древнихъ; стремленіе къ взаимному сближенію, къ изученію родного языка и минувшихъ судебъ славянской исторіи; заводятся національныя школы, ученыя общества, начинается развиваться литература на различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Католическая Церковь не могла, конечно, остаться невнимательною къ этимъ движеніямъ тѣмъ болѣе, что движенія эти обѣщаютъ въ будущемъ принять неблагопріятное для католицизма направленіе. Агенты латинства, гдѣ можно, всячески стараются подавить эти движенія; являются на славянъ первыми доносчиками и стражами предъ правительствомъ; возбуждаютъ опасенія предъ славянскимъ движеніемъ въ общественномъ мнѣніи и западно-европейской политикѣ; болѣе и болѣе направляютъ на славянъ: нѣмцевъ, мадьяръ, поляковъ и наконецъ самихъ славянъ стараются всячески разъединить и перессорить, внушая имъ различныя недоразумѣнія и предубѣжденія другъ противъ друга. Съ другой стороны: тамъ, гдѣ подавить славянское національное движеніе оказывается труднымъ, являются іезуитскія попытки овладѣть этимъ движеніемъ, дать ему католическое знамя, католическое направленіе, обратить его въ пользу католической Церкви. Во главѣ движенія являются помѣстамъ тайные агенты латинства и стараются дать

ему направлєніє непріязненное по отношенію къ православному Востоку. На ряду съ добросовѣстными изслѣдованіями древнихъ судебъ славянскої исторіи, являются исполненныя всѣми атрибутами учености, но проникнутыя католическими тенденціями, сочиненія, въ которыхъ исторія славянства представляется въ искаженномъ видѣ. Является въ католической Церкви небывалое доселѣ уваженіе къ чтимымъ всѣми славянами именамъ Свв. Кирилла и Меѳодія; строятся храмы; пишутся изслѣдованія; составляются ученныя іезуитскія общества въ честь ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется въ ученомъ мірѣ мнѣніе, что Кириллъ и Меѳодій оставили славянскому міру не ту азбуку, которою пишутся книги у православныхъ восточныхъ славянъ—у русскихъ, сербовъ и болгаровъ—не *Кириллицу*, а *Глаголицу*, которая издавна служила для римской пропаганды средствомъ къ отторженію западныхъ славянъ отъ Востока и отъ православія. И вмѣстѣ съ тѣмъ между славянами, приверженными къ родному языку и желающими возстановленія его при церковномъ богослуженіи, проводится такая мысль, что теперь уже древне-славянскій богослужебный языкъ Свв. Кирилла и Меѳодія, (который можетъ служить вѣнчайшимъ залогомъ единенія для славянъ западныхъ и восточныхъ) слишкомъ устарѣлъ, что теперь лучше каждому славянскому племени употреблять священныя книги на своемъ мѣстномъ нарѣчій, чтобы такимъ образомъ между западными

славянами не употреблялись древнеславянскія богослужебныя книги православной Восточной Церкви. Является стремленіе ослабить возникающую самобытную славянскую литературу раздробленіемъ на множество мѣстныхъ отраслей, и тѣмъ вновь разъединить племена славянскія; западныхъ сербовъ стараются увѣрить, что у нихъ языкъ не тотъ, какой у православныхъ восточныхъ сербовъ, и потому имъ нужно имѣть свою особенную литературу *иллирскую*; моравцевъ хотятъ оторвать отъ литературнаго общенія съ чехами; для галицкихъ русскихъ также составляется особенная письменность, особенная литература, чтобы они меньше имѣли общенія съ православною Россіей. Подъ видомъ упрощенія письменности являются попытки для различныхъ славянскихъ нарѣчій составлять новыя азбуки и мѣстное правописаніе, чтобы болѣе вводить умственное разъединеніе въ славянской міръ. Наконецъ всѣмъ западнымъ славянамъ, при всякомъ удобномъ случаѣ внушается предубѣжденіе противъ православной Россіи и русской Церкви, а также и противъ Церкви греческой. Временно всѣ эти вражескіе обманы и внушенія имѣютъ успѣхъ. Иногда самые замѣчательные дѣятели славянской науки и славянскаго національнаго движенія, (какъ, напримѣръ, знаменитый чешскій ученый Копытаръ, сербскій поэтъ Вукъ Караджичъ, хорватскій публицистъ Гай, большая часть польскихъ писателей) являются вольными и невольными орудіями іезуитскихъ замысловъ.

Тѣмъ не менѣе истина по времени все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ обманами; славянская самобытность развивается; славянское единство крѣпнеть, и въ будущемъ развитіе славянской самобытности и славянскаго единенія несомнѣнно болѣе общаетъ благопріятныхъ результатовъ для Восточной Церкви, а не для Западной.

Х.

ЛАТИНСКАЯ ПРОПАГАНДА ВЪ ВОСТОЧНЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ СТРАНАХЪ—У СЕРБОВЪ, БОЛГАРОВЪ И РУССКИХЪ.

И между восточными славянскими племенами—сербами, болгарамъ, русскими,—римская Церковь, съ самого начала ихъ обращенія въ христіанство, въ продолженіе многихъ вѣковъ, пыталась распространить свое вліяніе. Для этого она пользовалась своими обычными средствами—старалась привлекать восточныхъ славянъ къ союзу съ западными государями, прельщала князей ихъ царскими коронами и архіереевъ архіепископскими палліумами, возбуждала католическихъ государей къ крестовымъ походамъ на славянскія земли, посылала отряды монаховъ распространять латинство въ славянскихъ странахъ, пользовалась въ особенности политическими несчастіями, которымъ поддадалъ православный Востокъ, указывая ему единственное

спасеніе въ союзѣ съ Западомъ. Но всѣ эти мѣры мало имѣли успѣха. Восточные славяне оставались вѣрны принятому ими православію. Если нѣкоторые изъ государей ихъ, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и не желая раздражать противъ себя европейскій Западъ, выказывали иногда склонность къ союзу съ Римомъ, для народа это имѣло мало значенія. Въ большей части случаевъ восточные славяне выказывали такую твердую приверженность къ православію и такое несочувствіе къ латинству, что скорѣе готовы были подпадать къ самымъ тяжелымъ политическимъ бѣдствіямъ, нежели склоняться на союзъ съ Римомъ. И твердое національное чувство въ этомъ случаѣ не обманывало ихъ. Никакія политическія бѣдствія, никакой гнетъ чужаго и самого варварскаго господства не сдѣлали на Востокѣ столько вреда славянской національности, сколько повредило ей вліяніе латинства на Западѣ. Православіе всегда было для восточныхъ славянъ крѣпчайшею опорою народной самостоятельности, — такъ что они послѣ самаго тяжелаго многолѣтняго рабства вновь могли выступать на поприще исторической жизни съ крѣпкими еще силами, съ надеждами на будущее, не утративъ, подобно западнымъ славянамъ, коренныхъ свойствъ своей народности подъ чуждымъ вліяніемъ. Вмѣстѣ съ православными догматами и обрядами Восточной Церкви всегда сохранялись у нихъ, какъ крѣпчайшіе залоги подкрѣпленія и оживленія народ-

наго духа, богослуженіе на родномъ языкѣ, и національная письменность, завѣщанная отъ первыхъ великихъ учителей славянства—Свв. Кирилла и Меѳодія.

Восточныхъ сербовъ (т. е. насѣлявшихъ нынѣшнее княжество Сербское, Боснію, Герцеговину, Черногорію римская Церковь стала привлекать къ себѣ, вмѣстѣ съ западными сербами, далматскими и хорватскими), какъ только они утвердились въ странахъ, ими занимаемыхъ съ конца VII вѣка и въ началѣ до XII вѣка, когда Сербія еще не имѣла твердаго политическаго устройства и была раздѣлена на множество мелкихъ владѣній, изъ которыхъ одни больше примыкали къ Византійской Имперіи, а другія къ западнымъ государствамъ, римская церковь могла рассчитывать между ними на нѣкоторый успѣхъ. Нѣкоторые изъ предводителей и князей сербскихъ, обольщаемые папскими обѣщаніями, находившіе политическія выгоды въ союзѣ съ Западомъ, и опасавшіеся политическаго вліянія Византіи, соглашались признать въ своихъ владѣніяхъ господство папы, удерживая, однакожъ, славянское богослуженіе, принятое при Св. Меѳодіѣ. Такъ въ концѣ XI вѣка Григорію VII удалось склонить на свою сторону сильнѣйшаго изъ властителей сербскихъ, великаго жупана Діоклея или Зеты (нынѣшней Черногоріи) Михаила Воиславича; архіепископъ Діоклейскій получилъ при этомъ *pallium* отъ папы. При всемъ томъ сербы болѣе сочувствовали Восточной Цер-

кви, нежели Западной. Во второй половинѣ XII вѣка между сербскими князьями явился человекъ рѣшительный и сильный, твердо укрѣпившій православіе въ сербской землѣ и давшій всей исторіи сербской твердое, опредѣленное направленіе—это былъ Св. Стефанъ-Неманя, владѣлецъ не очень значительной доселѣ сербской области—Расы, мало по малу подчинившій себѣ и другихъ сербскихъ властителей. Онъ въ малолѣтствѣ крещенъ былъ латинскимъ священникомъ, но потомъ самъ въ зрѣломъ возрастѣ, по убѣжденію, перешелъ въ православіе, рѣшившись даже принять вновь крещеніе отъ православнаго епископа (какъ было тогда въ обычаѣ въ Восточной Церкви перекрещивать латинцевъ, обращающихся въ православіе). Стефанъ-Неманя ревностно старался искоренять латинство и другія ереси, бывшія въ сербскихъ земляхъ (аріанскую, богомилскую), и утверждать повсюду православіе. Подъ конецъ жизни онъ принялъ монашество на Аѳонѣ съ именемъ Сүмеона и послѣ смерти, какъ угодникъ Божій, прославленъ даромъ чудотвореній.

По смерти Св. Сүмеона-Немани новыя опасности стали угрожать православію въ сербской землѣ. Между двумя сыновьями его—Волканомъ, владѣвшимъ сѣверо-западными сербскими землями и Стефаномъ, который послѣ отца остался великимъ жупаномъ восточной Сербіи, открылись междоусобія. Волканъ сталъ склоняться къ Западу и получивъ королевскій вѣнецъ отъ папы Иннокентія III,

объявилъ себя приверженцемъ римской Церкви. Стефанъ находясь въ трудныхъ обстоятельствахъ, стѣсненный братомъ и склоняемый убѣжденіями жены своей, дочери венеціанскаго дожа Дондоло, также вынужденъ былъ, по крайней мѣрѣ, наружно показывать расположеніе къ союзу съ Римомъ. Между тѣмъ православію угрожали опасности на всемъ Востокѣ. Константинополь былъ взятъ крестоносцами, которые старались распространить вліяніе латинства и на сосѣдственныя славянскія страны. Съ сѣвера венгерскіе короли, по внушеніямъ папы, готовы были итти крестовымъ походомъ на южныхъ славянъ. Могущественнѣйшій изъ папъ Иннокентій III заявлялъ открытыя притязанія быть властителемъ всего міра и посылалъ на Востокъ цѣлыя толпы нищенствующихъ монаховъ, только что образовавшихся тогда, и пламенѣвшихъ всѣмъ усердіемъ къ папству. Въ это время, повидимому, папству былъ самый благоприятный случай подчинить своему вліянію Сербію вмѣстѣ съ другими восточными странами. Спасителемъ религіозной и національной самостоятельности сербскаго народа явился въ это время третій сынъ Стефана-Немани, Ростиславъ, съ юныхъ лѣтъ принявшій иночество на Аѳонѣ подъ именемъ Саввы. Узнавши объ опасностяхъ, грозившихъ отечеству, Св. Савва оставилъ свое уединеніе, перенесъ въ Сербію мощи уважаемаго народомъ, отца своего Св. Сүмеона Муроточиваго, примирилъ братьевъ— Стефана и Волкана, убѣдилъ того и другаго от-

стать отъ союза съ латинянами и прошелъ всю Сербію съ проповѣдью православія. Отвлекая народъ отъ Запада, Св. Савва старался тѣснѣе сблизить его съ православнымъ Востокомъ, и для этого поддерживалъ постоянныя сношенія съ греческою Церковію, съ Палестиною, съ Аеономъ. Дабы неудобства сношеній съ греческимъ патріархомъ, переселившимся по взятіи Константинополя крестоносцами въ Никею, или племенные предубѣжденія противъ грековъ, не возбуждали благопріятныхъ для латинства недоразумѣній между сербскою и греческою Церквами, Св. Савва убѣдилъ никейскаго патріарха согласиться на то, чтобы сербская Церковь, оставаясь православною, имѣла свое отдѣльное отъ греческой Церкви управленіе. Патріархъ Германъ его самого посвятилъ первымъ самостоятельнымъ архіепископомъ сербскимъ. Дабы неуройства церковныя и недостатокъ образованія въ духовенствѣ и народѣ не облегчали западной пропагандѣ путь къ распространенію вліянія между сербами, Св. Савва старался устроить внутренній порядокъ церковный и возвысить образованіе въ сербскомъ народѣ. Дабы, наконецъ, сербскіе князья не соблазнялись къ латинству блескомъ королевскихъ коронъ, рассылаемыхъ изъ Рима, Св. Савва вопреки распространившемуся тогда по всей Европѣ предразсудку, будто только папа можетъ давать царскія короны, самъ короновалъ старшаго брата своего Стефана первовѣнчаннымъ королемъ Сербіи и установилъ, чтобы и на будущее время

сербскіе государи были вѣнчаемы на царство сербскими же архіепископами. Народъ сербскій Св. Савву за его великія заслуги Церкви и отечеству достойно называетъ своимъ просвѣтителемъ и почитаетъ, какъ великаго угодника Божія, не престающего и послѣ смерти быть заступникомъ и покровителемъ сербской земли. Послѣ Св. Саввы православіе все болѣе и болѣе утверждалось въ Сербіи и политическое могущество ея возрастало. Преемники Стефана Первовѣнчаннаго, короли сербскіе—Владиславъ, Урошъ Великій, Милутинъ, Стефанъ Деѣанскій (все они признаются святыми въ сербской Церкви) отличались усердіемъ къ православнои Церкви, строили храмы и монастыри, дѣлали богатыя пожертвованія не только въ Церкви сербскія, но и въ чужія православныя страны—на Аѳонъ и въ Палестину, старались поддерживать православіе и въ западныхъ сербскихъ странахъ, поддающихся вліянію латинства—въ Далмаціи и Дубровникѣ (Рагузѣ). При послѣднемъ сильномъ сербскомъ государѣ изъ рода Неманичей—Стефанѣ Душанѣ (въ половинѣ XIV вѣка) Сербія достигла высшей степени политическаго могущества и полной церковной самостоятельности; въ сербской Церкви явились свои патріархи. Въ это время намъ трудно было рассчитывать на успѣхъ своего вліянія въ Сербіи. Между тѣмъ, однакожъ, они не оставляли своихъ притязаній на нее, и при всякомъ удобномъ случаѣ предлагали сербскимъ государямъ соединеніе съ римскою Церковію. Такъ,

въ концѣ XIII вѣка и въ началѣ XIV вѣка, послѣ неудавшейся въ греческой Церкви ліонской Уніи, папы старались завязать сношенія съ сербскимъ королемъ Милутиномъ, когда у него возникли несогласія съ старшимъ братомъ Драгутиномъ, и когда замѣтили, что эти сношенія мало имѣютъ успѣха, стали возбуждать королей сицилійскаго и венгерскаго къ крестовому походу на Сербію. Милутинъ, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, поддерживалъ переписку съ папою, но не придавалъ ей никакого значенія, оставаясь до конца жизни преданнымъ православной Церкви, и заботясь о поддержаніи православія даже во всѣхъ окрестныхъ земляхъ. Въ половинѣ XIV вѣка, когда турки стали вторгаться въ Европу, — папы, при содѣйствіи венгерскаго короля Людовика, старались возбудить Стефана-Душана къ крестовому походу на турокъ. Душанъ, имѣвшій виды утвердить свое господство на всемъ юго-востокѣ Европы, не прочь былъ воспользоваться помощью съ Запада противъ турокъ, но на столько далеку былъ чрезъ политическій союзъ входить въ какія нибудь религіозныя сдѣлки съ латинствомъ, что подданныхъ своихъ, осмѣливающихся принять латинство лишалъ гражданскихъ правъ, а распространителей латинства опредѣлялъ ссылатъ въ рудокопни. (Между тѣмъ живые латинскіе писатели не перестаютъ до настоящаго времени увѣрять будто сербскіе короли Милутинъ и Стефанъ-Душанъ находились въ религіозномъ союзѣ съ римскою Церковію). Когда

послѣ Душана (въ концѣ XIV вѣка и въ началѣ XV вѣка), Сербское царство стало ослабѣвать и турки болѣе и болѣе утверждались въ Европѣ, для папѣ настало болѣе благопріятное время склонять сербовъ, вмѣстѣ съ греками, къ союзу съ римскою Церковію, обѣщаніемъ помощи противъ турокъ. Но большая часть сербовъ, также какъ и грековъ, скорѣе готовы были подпасть подъ политическое господство турокъ, нежели согласиться на религіозный союзъ съ Римомъ. Послѣдній сербскій властитель, Юрій Бранковичъ, послѣ флорентійскаго Собора, согласился было вступить въ союзъ противъ турокъ съ венгерскимъ королемъ Владиславомъ и воеводою Гуніадоу; но когда сообразилъ, что этотъ союзъ управляется папскими агентами и направляется къ распространенію латинства на Востокѣ, то самъ перешелъ на сторону турокъ, убѣжденный, какъ говоритъ сербское преданіе, что отъ турокъ сербамъ болѣе можно ожидать религіозной терпимости и уваженія къ православію, чѣмъ отъ католиковъ. Наконецъ, когда турки заняли уже почти весь юго-восточный полуостровъ Европы и Сербія теряла послѣдніе остатки своей самостоятельности, сербская княгиня Елена рѣшилась предложить свои земли въ полное подданство папѣ и вступить въ союзъ съ римскою Церковію на условіяхъ флорентійскаго договора. Но сербы возмущались противъ такого рѣшенія, сами призывали въ свои владѣнія турокъ, и княгиня—преда-

тельница должна была удалиться изъ своей земли на Западъ.

Послѣ паденія Сербскаго царства, латинская пропаганда, хотя и продолжала раскидывать свои сѣти между сербами, также мало имѣла успѣха. Понятіе о православной вѣрѣ у сербовъ слилось съ самымъ понятіемъ о сербской народности. У нихъ только того и называютъ сербомъ, кто исповѣдуетъ православную вѣру; серба, принявшаго латинство, такъ и называютъ латиняномъ, а принявшаго магометанство туркомъ, и на самомъ дѣлѣ сербы, дѣлающіеся латынцами или магометанами, скоро какъ бы перестаютъ быть сербами; теряютъ свойства своей народности, и какъ ожесточенные ренегаты, дѣлаются злыми врагами своихъ прежнихъ единоплеменниковъ. Приверженность къ православію до настоящаго времени держится крѣпко, какъ у тѣхъ сербовъ, которые остаются подъ турецкимъ господствомъ—въ такъ называемой Старой Сербіи и Герцеговинѣ, такъ и у тѣхъ, которые, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, освободились отъ турокъ и образовали самостоятельное сербское княжество, и еще болѣе у сербовъ черногорскихъ, которые составляли небольшое владѣніе, управлявшееся до послѣдняго времени князьями-епископами, успѣвали въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій отстаивать свою независимость и отъ турокъ, и отъ австрійцевъ, и отъ козней папской пропаганды. Въ концѣ XVII вѣка 37.000 сербскихъ семействъ вмѣстѣ съ пра-

вославленным сербскимъ патриархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ, отъ притѣсненій турецкихъ, рѣшились переселиться въ австрійскія владѣнія. Австрійское правительство предоставило имъ поселиться на такъ-называемой Военной Границѣ и въ южныхъ областяхъ Венгріи, съ общаніемъ свободы вѣроисповѣданія и неприкосновенности національныхъ правъ. Здѣсь сербы еще болѣе должны были подвергнуться вліянію латинской пропаганды. Тѣмъ не менѣе они сохраняютъ свое православіе и даютъ опору для поддержанія православія и тѣмъ своимъ единоплеменникамъ, которые составляютъ остатокъ православія въ олатыненныхъ западно-сербскихъ странахъ—Кроаціи и Далмаціи.

Только въ одной изъ южно-сербскихъ областей латинской пропагандѣ удалось имѣть довольно значительные успѣхи—въ Босніи. Боснія издавна въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ болѣе другихъ областей была разъединена съ прочими сербскими православными землями. Православіе распространилось здѣсь въ тѣже времена, какъ у другихъ сербовъ, но издавна было стѣсняемо различными ересями. Здѣсь держались долго остатки язычества и были сильны аріанство и богомилство. Изъ самихъ бановъ и кралей Босніи нѣкоторые покровительствовали богомилству. Св. Стефанъ-Неманя, подчинивши себѣ земли боснійскихъ сербовъ, старался искоренить между ними ложныя ученія и утвердить православіе. Но, когда послѣ его смерти, Боснія опять отдѣлилась отъ Сербіи,

православіе опять стало здѣсь ослабѣвать. Между тѣмъ папство, мало имѣя успѣха между твердыми въ православіи жителями восточной Сербіи, направило свою пропаганду, по преимуществу, на Боснію и на нее же направило политическую силу своихъ ревностныхъ приверженцевъ—венгерскихъ королей. Босняки, частію по собственной нетвердости въ вѣрѣ, частію по причинѣ стѣсненій отъ венгровъ, стали большими массами принимать католичество. Но какъ не твердо было ихъ обращеніе къ католичеству, оказалось въ послѣдствіи. Когда турки въ концѣ XV вѣка утверждали свое владычество между юго-восточными славянскими племенами и угрожали венгерскимъ и австрійскимъ владѣніямъ, папы, обнадеженные подданствомъ послѣдняго боснійскаго короля Стефана Томашевича, стали призывать босняковъ къ крестовому походу противъ турокъ. Но совершенно напрасно; босняки возмутились, убили своего краля—латынина, сами призвали въ свои земли турокъ, передали имъ до 70 крѣпостей, и многіе изъ католицизма и богомилства перешли въ магометанство. Здѣсь и въ настоящее время населеніе раздѣляется почти поровну между православіемъ съ одной стороны, и католицизмомъ и магометанствомъ съ другой. Католическая пропаганда и теперь здѣсь дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сербскихъ областяхъ.

Въ сербскихъ земляхъ, въ настоящее время пользующихся независимостью, т. е. въ княже-

ствахъ—Сербскомъ и Черногорскомъ, надежды папства въ послѣднее время нѣсколько оживлены тѣмъ, что правительства этихъ областей стали болѣе сноситься съ западными государствами, поддаваться вліянію западно-европейской политики и цивилизации, посылать молодыхъ людей для образованія въ западно-европейскіе университеты, принимать съ собою иностранцевъ. Западная пропаганда, привыкшая пользоваться всякими средствами къ распространенію своего вліянія, можетъ видѣть въ этомъ благопріятныя условія къ тому, чтобы поколебать въ сербахъ ихъ исконную преданность къ православію. Но нужно надѣяться, что сербы, не поддававшіеся прельщеніямъ католицизма прежде, будутъ остерегаться ихъ и теперь. Обязанные православію сохраненіемъ народной самостоятельности въ самыя тяжкія времена своей исторической жизни, они, конечно, не станутъ измѣнять ему; напротивъ, будутъ стараться о возвращеніи къ нему отпадшихъ братьевъ своихъ, когда ихъ политическая самостоятельность получитъ болѣе прочности, и единство національное для укрѣпленія своего будетъ существенно нуждаться въ единствѣ религіозномъ.

Болгаровъ римская Церковь старалась привлечь къ себѣ, при самомъ обращеніи ихъ въ христіанство. Иза-за нихъ главнымъ образомъ произошли споры и столкновенія съ константинопольскою Церковію при патріархѣ Фотіѣ. Притязанія римской Церкви тогда потерпѣли неуспѣхъ. Болгар-

скій царь Борисъ, на нѣкоторое время склонившійся было къ Риму, и призвавшій къ себѣ латинскихъ священниковъ, скоро разочаровался въ папствѣ, прогналъ опять латинскихъ священниковъ, обратился къ константинопольской Церкви, и, для наставленія народа въ вѣрѣ, призвалъ вновь епископовъ и священниковъ изъ Греціи. Подъ конецъ его продолжительнаго царствованія, ему въ особенности помогали утвердить православіе въ болгарской странѣ, устроить Церковь и приготовить для болгаръ священниковъ изъ среды ихъ же самихъ—ученики Св. Меѳодія, изгнанные изъ Моравіи—Гораздъ, Наумъ и въ особенности Св. Климентъ, епископъ величскій. Православіе послѣ этого твердо стало въ болгарской землѣ. Тѣмъ не менѣе папы не оставляли своихъ притязаній на нее, и въ продолженіи IX и X вѣковъ еще нѣсколько разъ пытались засылать въ Болгарію своихъ легатовъ съ предложеніемъ соединенія къ царю Борису, сыну его и преемнику Симеону, и внуку Петру Симеоновичу. Въ грамотахъ своихъ къ болгарскимъ царямъ папы расточали увѣренія, что болгарская Церковь, по канонамъ церковнымъ, должна причисляться къ округу римской Церкви; что только въ союзѣ съ нею болгарская Церковь можетъ получить твердость и самостоятельность; что напротивъ союзъ съ греческою Церковію угрожаетъ болгарамъ утратою чистой вѣры и народной самостоятельности; что константинопольская Церковь даже и незаконно усваиваетъ себѣ титулъ па-

тріаршій, что только римскій папа можетъ даровать владѣтелямъ болгарскимъ царскій вѣнецъ и т. д. Но всѣ эти прельщенія мало имѣли успѣха. Болгарскіе цари поддерживали вѣжливую переписку съ папами, но далеки были отъ склонности къ римской Церкви, уже начинавшей тогда заражаться разными заблужденіями. Болгарское царство при Царяхъ Семеонѣ и Петрѣ, и безъ помощи папской сдѣлалось могущественнымъ; болгарская Церковь получила самостоятельность, архіепископъ болгарскій сталъ называться патріархомъ. Духовное образованіе изъ Греціи широко распространилось въ Болгаріи и скрѣпило ея союзъ съ греческою Церковію; у болгаровъ явились свои замѣчательные писатели и великіе подвижники. Папству въ это время трудно было распространить свое вліяніе въ болгарской землѣ.

Болѣе надеждъ для него открылось тогда, когда Болгарія разстроенная внутренними междоусобіями, утратила свою политическую самостоятельность и подпала подъ власть грековъ (въ XI столѣтіи). Греки много стѣсняли болгаровъ; старались подавить у нихъ самостоятельность въ политическомъ и церковномъ отношеніи; въ Церкви болгарской на мѣсто природныхъ болгаръ, поставляемы были архіереи изъ грековъ. Болгары за это были ожесточены противъ грековъ и искали случая отдѣлиться отъ нихъ. Въ концѣ XII вѣка, когда Византійская Имперія разстроенная междоусобіями

Ангеловъ, стала ослабѣвать, болгары освободились отъ нея подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Асѣней. Старшій братъ Іоаннь—Асѣнь или Іоанникій объявилъ себя царемъ болгарскимъ, и старался всячески укрѣпити возстановленную болгарскую державу. Кругомъ нея всюду распространялось латинское вліяніе. Константинополемъ завладѣли крестоносцы; въ Сербіи дѣятельно распространялась пропаганда латинства; венгерскіе короли сдѣлались ревностными поборниками и исполнителями папскихъ замысловъ; даже греческіе государи, жившіе въ Никеѣ, находили нужнымъ изъ политическихъ соображеній отъ времени до времени ласкать папу надеждою на соединеніе. Иннокентій III и въ Болгарію засылалъ легата за легатомъ съ предложеніемъ соединенія царю Іоанникію. Іоанникій тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость (наружно) склониться на предложеніе папы, чѣмъ болѣе признавалъ на первыхъ порахъ слабость своей, только что возстановленной державы, и силу окружающаго его со всѣхъ сторонъ латинскаго вліянія. Вслѣдствіе этого Іоанникій рѣшился на союзъ съ римскою Церковію, и въ сентябрѣ 1203 года, въ Терновѣ—столицѣ новаго Болгарскаго царства, была торжественно провозглашена Унія, а въ мартѣ 1204 года легатъ папскій короновалъ Іоанникія, привезеннымъ изъ Рима царскимъ вѣнцемъ. На народъ это, конечно, не имѣло вліянія, и самъ царь поддерживалъ Унію

для огражденія своей неукрѣпившейся державы отъ крестоносцевъ и венгровъ. Когда же Болгарія укрѣпилась и царь Іоанникій испыталъ свои силы, разбивъ при Адрианополѣ войско крестоносцевъ, и взявъ въ плѣнъ самого латинскаго Императора Балдуина, отъ Уніи съ Римомъ не осталось въ Болгаріи слѣдовъ. Въ другой разъ въ Римѣ явилась надежда на присоединеніе болгарской Церкви при преемникѣ Іоанникія, Кало-Іоаннѣ II. Поводомъ къ этой новой Уніи были опять опасности отъ венгровъ и нѣкоторые несогласія съ греческою патріархіей, находившеюся въ Никее. Болгары издавна тяготились зависимостью отъ греческой патріархіи и желали самостоятельнаго церковнаго управленія. Съ завоеваніемъ Константинополя отъ крестоносцевъ, церковное подчиненіе грекамъ было для болгаръ тѣмъ тяжелѣе, что сношенія болгарской Церкви съ никійскимъ патріархомъ были неудобны, и Болгарское царство сдѣлалось само могущественнѣе греческаго. Поэтому Кало-Іоаннъ сталъ требовать у греческой патріархіи, чтобы она отказалась отъ своихъ правъ на болгарскую Церковь. Греки не хотѣли согласиться на эти требованія. Папа, узнавъ о несогласіяхъ болгарскаго царя съ греческимъ патріархомъ, сталъ подсылать къ нему своихъ легатовъ. Между тѣмъ фанатикъ венгерскій король Бѣла IV угрожалъ идти крестовымъ походомъ на *схизматическую* Болгарію. Кало-Іоаннъ, чтобы отклонить отъ своей земли нашествіе венгровъ и вынудить

грековъ къ согласію на свои требованія, далъ видѣ, что склоняется на Унію и завелъ сношенія съ римскимъ дворомъ. Тогда никейскій патріархъ Германъ согласился признать право независимаго патріарха за архіепископомъ терковскимъ Іоакимомъ. Сношенія съ Римомъ были прекращены и болгарская Церковь, съ полученіемъ полной самостоятельности, стала еще тверже въ своемъ православіи. Въ послѣдующія времена папы также не оставляли своихъ видовъ на Болгарію и пользовались всякими случаями къ распространенію въ ней своего вліянія. Но опять также мало имѣли успѣха. Такъ въ половинѣ XIV вѣка, по смерти болгарскаго царя Александра, папство старалось воспользоваться междоусобіями, возникшими между двумя его сыновьями — Стришиміромъ и Шишманомъ, и настроило венгерскаго Короля Людовика вмѣшаться въ эту распрю. Страшиміръ былъ взятъ имъ въ плѣнъ; и въ Болгарію предположено было послать до 2000 нищенствующихъ монаховъ съ проповѣдью Уніи. Неизвѣстно, впрочемъ, принесло ли это предположеніе какіе нибудь плоды. Въ концѣ XIV вѣка Болгарія опять утратила свою политическую самостоятельность, подчинилась сначала сербамъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними подпала подъ власть турокъ.

При турецкомъ господствѣ латинская пропаганда на первыхъ порахъ не осмѣливалась широко и открыто раскидывать свои сѣти на юговостоки

Европы. Но потомъ (въ особенности съ конца XVI столѣтія и со временъ папы Григорія XIII), когда на Востокѣ стали появляться новыя отряды латинскихъ монаховъ, и между прочимъ іезуитовъ, православію болгаръ, также какъ и грековъ, стали угрожать новыя искушенія со стороны латинской пропаганды. Между простодушными, и менѣе образованными болгарами латинской пропагандѣ можно было болѣе рассчитывать на успѣхъ, чѣмъ между греками. Почти неизвѣстно, впрочемъ, были ли на самомъ дѣлѣ у латинянъ здѣсь какіе нибудь успѣхи; до послѣднихъ временъ слѣдовъ латинства въ Болгаріи было мало замѣтно, хотя на Западѣ, по временамъ, объ иныхъ архіереяхъ и патріархахъ болгарскихъ и были распускаемы слухи, что они соглашаются на союзъ съ Римомъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія самостоятельность болгарской Церкви была уничтожена, кажется, также отчасти вслѣдствіе интригъ іезуитскихъ. Болгары въ церковномъ отношеніи подчинены константинопольской патріархіи; въ болгарскихъ епархіяхъ вездѣ поставлены греческіе епископы, потомъ и греческіе священники; въ болгарскихъ церквахъ и школахъ сталъ вводиться греческій языкъ. Народность болгарская сильно начала упадать; самые памятники болгарской древней исторіи были истребляемы; большая часть богатыхъ и вліятельныхъ болгаръ въ городахъ стали терять сознаніе своей національности и дѣлаться греками или турками. Но за крайнимъ

унадекомъ національной самостоятельности, и въ Болгаріи, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, настала реакція. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Болгаріи быстро и сильно стало пробуждаться національное сознаніе. Стали заводится народныя болгарскія школы, и богослуженіе на славянскомъ языкѣ начало возстановляться въ болгарскихъ церквахъ; болгары стали требовать у грековъ священниковъ, а потомъ архіереевъ изъ природныхъ болгаръ. Греческая патріархія, имѣющая свои побужденія и расчеты держать болгаровъ въ зависимости, на первыхъ порахъ съ неудовольствіемъ стала отвергать эти требованія. Но такъ, какъ требованія болгаръ высказывались все настойчивѣе и настойчивѣе, признано нужнымъ сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки; употребленіе славянскаго языка въ церквахъ и школахъ было дозволено и болгарамъ даны священники, даже нѣсколько архіереевъ изъ ихъ соотечественниковъ. Но болгары этимъ уже неудовлетворились, и стали стремиться къ тому, чтобы въ Церкви болгарской возстановлено было, по прежнему, совершенно самостоятельное управленіе. Греки съ своей стороны на это не соглашались, и въ этомъ состоитъ такъ называемая греко-болгарская церковная распря—до сихъ поръ неразрѣшившаяся. Распря эта съ той и другой стороны доходитъ до крайняго раздраженія; и она-то, въ послѣднее время, вновь пробудила въ Римѣ надежду на присоединеніе болгаръ къ папству. Латинская про-

паганда, съ одной стороны, всячески усиливается болѣе и болѣе разжигать раздраженіе между греками и болгарами, и возбуждать ихъ другъ противъ друга, а съ другой старается внушить болгарамъ, что для нихъ единственное средство освободиться отъ грековъ, а потомъ, пожалуй и отъ турокъ, заключается въ союзъ съ Римомъ—съ католическою Европой. Внушеніе это на нѣкоторое время имѣло нѣкоторый успѣхъ. Въ 1860 году, во время крайняго разгара споровъ съ греческою іерархіей, довольно значительное число болгаровъ согласилось принять Унію съ Римомъ; въ Болгаріи учреждена уніатская іерархія и стали издаваться сочиненія и газеты въ уніатскомъ духѣ. Но и эта послѣдняя попытка латинства скоро пала предъ здравымъ смысломъ искони преданнаго православію народа болгарскаго. Большая часть болгаръ, принявшихъ унію, скоро опять назадъ возвратилась къ православію. И хотя латинская пропаганда до настоящаго времени не перестаетъ сѣять смуты между болгарами, старанія ея мало имѣютъ успѣха. Болгары и до настоящаго времени продолжаютъ настойчиво искать освобожденія отъ греческой іерархіи; тѣмъ не менѣе твердо желаютъ оставаться вѣрными своему древнему православію.

Русскій народъ также, съ самаго начала своей исторической извѣстности, сталъ обращать на себя вниманіе Римской Церкви; и чѣмъ могущественнѣе и славнѣе онъ становился, тѣмъ болѣе

разгорались въ папствѣ желанія привлечь его къ себѣ. Все, что придумано было папствомъ и хитрою римскою пропагандой къ распространенію господства римской Церкви въ другихъ земляхъ, было испытано и надъ Россіей. При самомъ распространеніи христіанства въ Россіи—при Св. княгинѣ Ольгѣ и равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, папы подсылали въ Россію своихъ миссіонеровъ. Во время княжескихъ междуусобій папы старались привлечь къ себѣ русскихъ князей (напримѣръ Григорій VII—Изъяслава Ярославича) обѣщаніемъ помощи противъ соперниковъ и королевскаго вѣнца изъ Рима. Во время монгольскаго ига, желая обратить въ свою пользу несчастія Россіи, папы неоднократно засылали своихъ легатовъ къ русскимъ князьямъ (Роману Галицкому, Александру Невскому, Даниилу Романовичу), то съ обѣщаніемъ помощи противъ монголовъ, то съ предложеніемъ королевскаго вѣнца, то съ угрозами мести за непокорность римскому престолу. При несогласіи русскихъ князей на ихъ предложенія, они, и на самомъ дѣлѣ, неоднократно возбуждали къ походамъ на русскую землю сосѣднихъ католическихъ владѣтелей, Королей: Шведскаго, Польскаго, Венгерскаго, рыцарей Ливонскаго ордена. Засылали папы и монаховъ—миссіонеровъ для пропаганды латинства въ народѣ русскомъ. Во время Флорентійскаго Собора, при князѣ Василіѣ Васильевичѣ Темномъ, римская Церковь надѣялась привлечь русскую Церковь къ союзу съ собою чрезъ

измѣнника грека, митрополита Исидора. Во второй половинѣ XV и въ XVI вѣковъ, при Царяхъ Иванѣ Васильевичѣ III, Василѣ Ивановичѣ и Иванѣ Грозномъ, папы опять неоднократно подсылали своихъ легатовъ въ Россію—то съ приглашеніемъ къ крестовому походу противъ турокъ, то съ предложеніемъ услугъ въ сношеніяхъ русскаго Двора съ польскимъ, австрійскимъ и др; съ обѣщаніемъ цесарскаго титула изъ Рима, съ предложеніемъ выгодныхъ брачныхъ союзовъ, и, при всякомъ такомъ удобномъ случаѣ, съ приглашеніемъ къ союзу съ римскою Церковью. Въ началѣ XVII столѣтія—въ несчастныя времена самозванцевъ и междоусобицъ—агенты папской политики не посоветились замутить всю Россію измѣнами, интригами, клятвопреступничествами и междоусобицами, чтобы возвести на престолъ Московскій своего приверженца, или утвердить въ Россіи господство іезуитовъ и усердныхъ, въ то время, слугъ римскаго престола, поляковъ. Въ послѣдніе вѣка, когда могущество Россіи стало болѣе и болѣе укрѣпляться и русское государство сдѣлалось твердою опорою православія на всемъ Востокѣ, ревнители папства также не оставляли своихъ видовъ на Россію, то являясь предъ русскимъ правительствомъ съ открытымъ предложеніемъ соединенія Церквей (какъ при Петрѣ I), то заботясь о распространеніи благопріятныхъ для Рима мнѣній и расположеній въ высшемъ классѣ русскаго общества (какъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣш-

няго столѣтія), то прельщая нетвердыхъ въ вѣрѣ знатныхъ русскихъ людей къ переходу въ католицизмъ на чужой сторонѣ, то стараясь отвратить русскую политику отъ направленія благопріятнаго для другихъ странъ православнаго Востока, то возбуждая къ ней ненависть и недовѣріе въ средѣ западно-европейскаго міра. Но, съ Божіею помощію, всѣ замыслы папства на русскую землю до послѣдняго времени оставались тщетны. Въ великой сѣверо-восточной Россіи, среди многихъ милліоновъ населенія, за нѣсколько вѣковъ папство могло считать свои пріобрѣтенія только единицами. Въ Россіи юго-западной—въ Малороссіи и Бѣлороссіи, по несчастнымъ обстоятельствамъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ находившейся въ отдѣленіи отъ русскаго государства, въ подчиненіи приверженному къ римской Церкви польскому правительству, папство имѣло временный успѣхъ. Іезуиты, при содѣйствіи польскаго правительства, употребляли всевозможныя мѣры хитрости и насилія, чтобы утвердить Унію въ юго-западной Россіи. Большая часть Малороссіи послѣ отчаянной, вѣковой борьбы, успѣвъ отдѣлиться отъ Польши къ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, спаслась отъ Уніи. Въ остальныхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ областяхъ, оставшихся подъ владычествомъ Польши до второй половины XVIII столѣтія, Унія повидимому утвердилась, но утвердилась очень непрочо, опираясь только на поддержку польскаго правительства. Съ паденіемъ

Польши, съ присоединеніемъ западно-русскихъ областей къ русскому государству, начала падать въ нихъ и Унія. При Екатеринѣ Великой около двухъ милліоновъ уніатовъ присоединилось къ православной Церкви; при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ присоединились почти всѣ остальные; и въ настоящее время отъ уніатства остались въ юго-западной Россіи уже малые остатки *).

*) О замыслахъ и дѣйствіяхъ католицизма по отношенію къ Россіи мы говоримъ въ самыхъ общихъ чертахъ въ связи съ другими предметами нашего очерка. Обстоятельное изображеніе собственно этого предмета читатели могутъ найти въ цѣлыхъ большихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія поименованы нами въ „предисловіи“, къ этой книжкѣ.

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

Святѣйшаго патріарха константинопольскаго Фотія, къ александрійскому и прочимъ восточнымъ патріаршимъ престоламъ.

Злой духъ, видимо, не насытился еще зломъ. Нѣтъ, еще не конецъ—его кознямъ и ухищреніямъ, которыя онъ искони старался воздвигать на родъ человѣческій. Но какъ, до явленія Господа во плоти, онъ разнообразными хитростями лести-во увлекалъ человѣка въ противуестественныя и противузаконныя дѣла, и такимъ образомъ державно-облекая въ безграничную власть надъ нимъ; такъ и послѣ онаго не пересталъ многочисленными заблужденіями и приманками обольщать и увлекать тѣхъ, которые вѣрятъ ему. И вотъ—размножились Симоны, Маркіоны, Монтаны и Манесы *) и прочія различныя и многообразныя богоборныя ереси. Отсюда—Арій, Македоній, Несто-

*) Имена древнихъ еретиковъ, жившихъ въ первые три вѣка христіанства.

рій, Евтихій, Діоскоръ *) и прочій сомнѣ нечестіа,—противъ которыхъ были составлены семь святыхъ Вселенскихъ Соборовъ и собирались помѣстные Соборы священныхъ и богоносныхъ мужей, чтобы мечемъ духовнымъ съ корнемъ отсѣчь зловредныя отрасли и очистить ниву Церкви для плодоношенія.

Но когда сіи ереси были уничтожены и преданы молчанію и забвенію,—люди благочестивые начали питать благую и твердую надежду, что, по обращеніи противъ самаго діавола всѣхъ замысловъ, на какіе онъ не покушался, авось—либо не будетъ впредь изобрѣтателей новыхъ нечестивыхъ ученій; а тѣмъ болѣе не будутъ являться защитники и поборники уже соборно осужденныхъ лжеученій, послѣ пресѣченія ихъ съ погibelью и наказаніемъ вѣновниковъ и усердныхъ подражателей ихъ. И благочестивый умъ успокоивался на сихъ надеждахъ, особенно касательно царствующаго града, когда, при содѣйствіи Божіемъ, въ немъ совершилось много чуднаго, и когда притомъ многіе языки, возгнушавшись прежнею мерзостію, научились вмѣстѣ съ нами воспѣвать общаго всѣхъ Создателя и Творца. Ибо царствующій градъ, какъ-бы изъ нѣкотораго горняго и воздушнаго пространства, источаетъ источники православія, разливаетъ чистые потоки благочестія во всѣ кон-

*) Имена еретиковъ IV и V вѣковъ, осужденныхъ Вселенскими Соборами.

цы вселенной и, подобно рѣкамъ, наполняетъ тамъ догматами души, съ давняго времени изсохшія отъ палящаго зноя нечестія или самовольнаго служенія, и запустѣвшія, подобно пустымъ и безплоднымъ землямъ, а нынѣ орошенныя дождемъ ученія и украшающія ниву Христову обильными плодами. Ибо и обитатели Арменіи, упорно державшіеся нечестія яковитскаго и, со времени многочисленнаго и святаго Собора отцевъ въ Халкидонѣ, порицающіе правое ученіе благочестія, обрѣли въ себѣ силы, при содѣйствіи намъ молитвъ вашихъ, отложить свое давнее заблужденіе. И теперь область армянская чисто и православно исповѣдуетъ вѣру христіанскую, гнушается, какъ и каеопическая Церковь, Евтихіа, Севира, Діоскара, Петросъ, бросающихъ камни на благочестіе, Юліана Галикарнасскаго *) и всего многосѣмяннаго ихъ посѣва, и подвергаетъ ихъ неразрѣшимымъ узамъ анаемы.

Даже и болгарскій народъ—грубый и христоненавистный преклонился на такую кротость и благоразуміе, что, оставивъ демонскія и отеческія жертвы, и, отвергнувъ заблужденіе еллинскаго суевѣрія, чудесно привился къ вѣрѣ христіанской

*) Имена учителей монофизитскихъ сектъ, къ которымъ прежде были привержены и Армяне. Во времена патріарха Фотія, и вслѣдствіе его увѣщаній, армяне, при католикосѣ Захаріи, готовы были прервать связи съ монафизитскими сектами, и присоединиться къ православной греческой Церкви.

Но вотъ злое, завистливое и безбожное намѣ-
реніе и дѣло! Разказъ нашъ, наводящій на пред-
положеніе вѣстей радостныхъ, измѣняется въ
скорбный, и веселіе и радость превращаются въ
стенаніе и слезы;—этотъ народъ еще и двухъ
лѣтъ не исповѣдывалъ правой христіанской вѣры,
какъ люди нечестивые и достойные отвращенія,—
и какъ не назвалъ-бы ихъ человѣкъ благочести-
вый?—Люди, вышедшіе изъ мрака,—ибо они по-
рожденіе западной страны,—о, какъ мнѣ разка-
зывать остальное!—эти люди, какъ громъ, землетря-
сеніе, обильный градъ, или точнѣе сказать, какъ
дикій вепрь, вторглись въ народъ новопривзванный
и утвержденный въ благочестіи и опустошили ви-
ноградникъ Господень, возлюбленный и повонаса-
жденный, истребляя его и ногами и зубами—сте-
зями нечестивой жизни и искаженіемъ,—они и на
это отважились,—догматовъ. Ибо они всячески
ухищрялись отвлечь ихъ отъ правыхъ и чистыхъ
догматовъ и непорочной Вѣры христіанской и раз-
вратить ихъ.

И во первыхъ, вопреки правиламъ, склонили ихъ
къ посту въ субботу. Обыкновенно-же и маловаж-
ное нарушеніе преданій приводитъ людей къ со-
вершенному пренебреженію ученія. Далѣе, отторг-
нувши первую седмицу четырехдесятницы отъ ос-
тальнаго поста, они дозволили во время ея пить
молоко, питаться сыромъ и тому подобнымъ обра-
зомъ пресыщаться. Затѣмъ, расшляв для нихъ
путь къ отступленіямъ и совращая ихъ съ пря-

маго и царскаго пути, внушали имъ отвращеніе и омерзеніе къ живущимъ въ законномъ бракѣ пресвитерамъ, истиннымъ іереямъ Божиимъ (я это внушили тѣ, которые многихъ дѣвѣцъ дѣлали женами безъ мужа, и жепъ—воспитательницами дѣтей, которымъ не суждено видѣть отца). Такъ они посѣвали между ними сѣмена манихейскаго воздѣлыванія *) и развращали души, едва начавшія произращать сѣмя благочестія, присѣвая къ оному плевелы.

Сверхъ сего и муропомазанныхъ пресвитерами они не убоялись снова муропомазывать, величая себя епископами, и баснослова, будто муропомазаніе отъ пресвитеровъ бесполезно и не дѣйствительно.

Слыхалъ-ли даже кто о такомъ безумномъ дѣлѣ, какое дерзнули совершить сіи безумцы? Разъ уже помазанныхъ муромъ они снова помазуютъ и пресестественныя и Божественныя Таинства христіанскія обращаютъ въ совершенныя пустяки, и громко надъ ними посмѣваются. Вотъ мудрованіе сихъ по истинѣ невѣждъ! „Священникамъ,—говорятъ,—нельзя муромъ освящать крещаемыхъ: ибо это предоставлено закономъ однимъ архіереямъ“. Откуда такой законъ? Кто законодатель? Который изъ Апосто-

*) Древніе манихеи унижали бракъ, и смотрѣли на рожденіе дѣтей, какъ на великое преступленіе и несчастіе. Поэтому патріархъ Фотій и въ латинскихъ предубѣжденіяхъ противъ брака священниковъ видитъ семена манихейскихъ заблужденій.

ловъ? Отцевъ? Или какой Соборъ? Гдѣ и когда состоявшійся? Чьи голоса были въ его распоряженіи? Нельзя священнику запечатлѣвать крещаемыхъ мвромъ? Но послѣ этого ему вовсе нельзя ни крестить, ни священнодѣйствовать. Пусть уже не въ половину, а всецѣло будетъ изверженъ у тебя священникъ въ кругъ непосвященныхъ. Онъ священнодѣйствуетъ Тѣло Владычне и Кровь Христову и ими освящаетъ тѣхъ, надъ коими уже давно совершенно тайнодѣйствіе: какъ онъ не можетъ освящать мвропомазаніемъ новоокрещаемыхъ? Священникъ крестить, совершая надъ крещаемымъ очистительную благодать: какъ же отнять у него право заграждать и запечатлѣвать очищеніе, котораго онъ совершитель? А если отымешь у него право заграждать и запечатлѣвать (очищеніе), то не оставишь ему права ни служить благодати очищенія, ни совершенствовать кого либо при помощи онаго, и—все это съ тою цѣлю, чтобы твой священникъ, украшаясь однимъ пустымъ именемъ, показывалъ тѣмъ, что ты глава и епископъ одного съ нимъ чина.

И не въ эти только отступленія отъ законовъ впади они: но, если есть верхъ нечестія,—они достигли и его. Ибо, кромѣ вышесказанныхъ нечестій, они съ крайнею дерзостію отважились исказить—извращеніемъ смысла и произнесеніемъ словъ—священный и святой символъ, который непоколебимо утвержденъ опредѣленными всѣхъ Соборовъ и притомъ Вселенскихъ. Какія ухищренія

дукаваго! Они говорятъ неслыханное—будто Духъ Святый исходитъ не отъ Отца только, но и отъ Сына.

Кто когда либо слышалъ такую рѣчь отъ прежнихъ нечестивцевъ? Какой коварный змій изрыгнулъ это въ сердца ихъ? Кто изъ среды христіанъ позволить вводить во Святую Троицу два начала: для Сына и Духа—Отца, и опять для Духа еще—Сына, и такимъ образомъ единоначаліе обращать въ двубожіе, не отличая болѣе христіанское богословіе отъ еллинской мнелогіи, и уничтожая достоинство пресущественной и единоначальной Троицы? И для чего исходитъ Духу отъ Сына? Если исхождение Его отъ Отца—совершенно, а оно совершенно, потому что Богъ совершенный отъ Бога совершеннаго: то какое еще исхождение отъ Сына, и для чего? Оно было-бы излишне и ненужно.

Опять, если Духъ исходитъ отъ Сына, какъ—отъ Отца; то почему же Сынъ не рождается отъ Духа, какъ—отъ Отца? Пусть-бы у нечестивыхъ все было нечестиво—и мысли и слова; и пусть-бы у нихъ не осталось ничего, на чтобы они не дерзнули.

Обрати вниманіе и на слѣдующее: если личное свойство Духа заключается въ томъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, точно также какъ и личное свойство Сына—въ томъ, что Онъ раждается отъ Отца; и если Духъ, по ихъ суетловію, исходитъ и отъ Сына: то, послѣ этого, Духъ отличается отъ

Сына большимъ количествомъ личныхъ свойствъ, чѣмъ Сынъ. Ибо Отцу и Сыну будетъ обще исхожденіе отъ нихъ Духа; а особенностью Духа будетъ исхожденіе отъ Отца и еще исхожденіе отъ Сына. Если-же Духъ отличается большимъ числомъ особенностей, чѣмъ Сынъ, то Сынъ будетъ ближе къ существу Отчему, нежели Духъ. Такимъ образомъ подъ этимъ прикровеніемъ и личиною снова возникаетъ македоніева дерзость противъ Святаго Духа.

Иначе: если всѣ общія свойства Отца и Сына, какъ-то: божество, царствованіе, творчество, вседержительство, пресущественность, простота, неизобразимость, безтѣлесность, нераздѣльность и вообще всѣ другія—суть всецѣло и общія свойства и Духа; и если происхожденіе Духа отъ Отца и Сына—есть также общее свойство Ихъ: то Духъ необходимо будетъ исходить и отъ Себя Самаго; Самъ будетъ началомъ Себя Самаго и причиною вмѣстѣ и произведеніемъ этой причины. Ничего подобнаго не измышляли даже языческія басни.

Опять: если свойственно единому Духу—имѣть отношеніе къ различнымъ началамъ; то какъ-же не будетъ свойственно единому Духу—имѣть начало многоначальное?

Еще: если они устраняютъ Духа отъ общенія съ Отцемъ и Сыномъ именно въ томъ отношеніи, въ какомъ, по ихъ нововведенію, имѣютъ общеніе Отецъ и Сынъ; а Отецъ находится въ общеніи съ Сыномъ по существу, а не по какому либо изъ

различныхъ свойствъ: то они необходимо ограничиваютъ сходство Духа (съ Отцемъ и Сыномъ) по существу.

Видишь, какъ неправо, и только для легчайшаго уловленія народа они приняли на себя имя христіанъ. Духъ исходитъ отъ Сына: отъ кого ты это слышалъ? Изъ какихъ евангелистовъ ты заимствовалъ это слово? Какому Собору принадлежитъ сіе хульное изреченіе?

Господь и Богъ нашъ говоритъ: Духъ, иже отъ Отца исходитъ (Іоан. XV, 26), а отцы сего новаго нечестія говорятъ: Духъ иже отъ Сына исходитъ.

Кто не заградить слуха отъ сей безпримѣрной хулы? Она возстаетъ противъ Евангелія, вооружается противъ святыхъ Соборовъ, ставитъ ни во что блаженныхъ и святыхъ Отцевъ: Великаго Аѳанасія, преславнаго въ богословіи Григорія, царское украшеніе Церкви—Великаго Василія, и златныя уста вселенной, море премудрости, истинно—Златоустаго (Іоанна). Но для чего я упоминаю о томъ или о другомъ изъ нихъ? Этотъ хульный и богоборный голосъ вооружается противъ всѣхъ вмѣстѣ святыхъ пророковъ, апостоловъ, іерарховъ, мучениковъ, противъ глаголовъ Самаго Владыки.

Духъ исходитъ отъ Сына! Какимъ исхожденіемъ? Такимъ-же точно, какъ отъ Отца, или противоположнымъ оному?.. Если такимъ же, то какъ не обольщаются личныя свойства,—свойства, которыми

—только одними—такъ характеризуется Троица, что Она и есть Троица и чувствуется, какъ Троица. Если же исходить исхожденіемъ противоположнымъ оному; то въ этомъ словѣ не оживають-ли предъ нами манесы и маркіоны, опять простирающіе свой богоборный языкъ на Отца и Сына?

Кромѣ вышесказаннаго,—если Сынъ отъ Отца рождается, а Духъ отъ Отца и Сына исходитъ: то Духъ, имѣя отношеніе къ двумъ причинамъ, не могъ остаться несложнымъ.

Еще: если Сынъ рождается отъ Отца, а Духъ отъ Отца и Сына исходитъ; то нововведеніе-ли опять касательно Духу—то, что и отъ Него не произошло никакое другое (Лице)? По ихъ богоборной мысли Лицъ должно быть не три, а четыре, или, лучше, безграничное число; такъ что четвертое лицо должно привнести къ Нимъ другое (Лице), а это опять иное, и такъ далѣе, пока они не впадутъ въ языческое многобожіе.

Кромѣ сказаннаго должно обратить вниманіе и на слѣдующее: если исхожденіе Духа отъ Отца служить къ бытію (Духа): что же принесетъ Духу исхожденіе (Его) отъ Сына, когда и исхожденія отъ Отца достаточно для бытія? Никто не дерзнетъ, конечно, сказать, что оно (исхожденіе отъ Сына) служить къ чему—либо иному (кромѣ бытія) изъ существеннаго; потому что всякое двоеніе и сложеніе совершенно чуждо оному блаженному и божественному естеству.

Далѣе, все, что не обще державной, единосущ-

эту язву общественную,—этихъ людей, раздравшихъ столь многими и великими расколами сей новонасажденный и младенчествующій въ благочестіи народъ, этихъ обольстителей и богоборцевъ мы осудили соборнымъ и божественнымъ опредѣленіемъ: и—не нынѣ (вновь) опредѣляемъ приговоръ имъ, но обнародуемъ и доводимъ до всеобщаго свѣдѣнія осужденіе, уже прежде опредѣленное имъ прежде бывшими Соборами и апостольскими узаконеніями.

Люди таковы по своей природѣ, что не столько утверждаютъ (въ добрѣ) минувшими наказаніями, сколько вразумляются настоящими. И наказаніямъ прежнимъ даетъ силу согласіе съ ними настоящихъ. Потому мы всенародно исключили этихъ людей, упорствующихъ въ своемъ многообразномъ заблужденіи, отъ всего стада христіанскаго; такъ какъ и шестьдесятъ четвертое правило святыхъ апостоловъ точно также преслѣдуетъ соблюдающихъ постъ въ субботу, говоря: „аще кто изъ клира усмотрѣвъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единыя токмо великія субботы: да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ: да будетъ отлученъ“. И пятьдесятъ пятое правило святаго Вселенскаго шестаго Собора говоритъ подобно приведенному: „поелику мы увѣдали, яко обитающіе во градѣ Римѣ, во святую четырехдесятницу, въ субботы ея, постятся, вопреки преданному церковному послѣдованію, то святому Собору угодно, чтобы и въ римской

Церкви ненарушимо соблюдалось правило глаголющее: аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ во святыи день Господень, или въ субботу постящимся, кромѣ единыя токмо: да будетъ изверженъ; аще же мірянинъ: да будетъ отлученъ“.

О гнушающихся брака четвертое правило Гангрійскаго Собора говоритъ: „аще кто о пресвитрѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко недостойнъ причащаться приношенія, когда таковъ совершилъ литургію: да будетъ подѣ клятвою“. Совершенно такое же осужденіе изрекаетъ противъ нихъ и шестыи Вселенскій Соборъ, когда пишетъ слѣдующее: „понеже мы увѣдали, что въ римской Церкви, въ видѣ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣютъ быти удостоены рукоположенія во діакона, или пресвитера, обязывались не сообщатися болѣе съ своими женами: то мы, послѣдуя древнему правилу апостольскаго благочинія и порядка, соизволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами, и не лишая ихъ взаимнаго въ приличное время соединенія. И такъ, аще кто явится достойнымъ рукоположенія во уподіакона, или во діакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будетъ препятствіемъ къ возведенію на таковую степень сожитіе съ законною супругою: и отъ него во время постановленія да не требуется обязательства въ томъ, что онъ удержится отъ законнаго сообщенія съ женою своею: дабы мы

ной и пресущественной Троицѣ, то составляет принадлежность Одного Котораго либо изъ Трехъ. Из^{ше}зденіе же Духа не обще (всѣмъ) Тремъ, слѣдовательно составляет принадлежность Одного изъ Трехъ. Котораго же? Скажутъ, Духъ исходитъ отъ Отца? Но послѣ этого не должны-ли они отречься отъ своего любимаго и общаго имъ мудрованія? Если скажутъ—отъ Сына; то зачѣмъ они сначала не открыли дерзко по всей полнотѣ своего богоробства,—что они не только приписываютъ Сыну произведеніе Духа, но и отнимаютъ оное у Отца? Потомъ, слѣдуя этимъ путемъ, они исказятъ вѣстѣ съ исхожденіемъ и рожденіе, и, чтобы быть во главѣ не только нечестивыхъ, но и бѣснующихся, будутъ негѣло утверждать, что не Сынъ родился отъ Отца, но Отецъ отъ Сына.

Нечестіе и неразуміе разсматриваемаго мнѣнія изобличаются еще слѣдующимъ. Такъ какъ все, что созерцаютъ, и о чемъ говорятъ во Святой, единосущественной и пресущественной Троицѣ, или обще всѣмъ Тремъ или составляет принадлежность Одного Котораго либо изъ Нихъ; а изведеніе Духа и не обще (всѣмъ), но и не составляет, какъ они говорятъ, принадлежности Одного Котораго либо: то,—прости намъ Господи эти слова, и да обрушится хула на ихъ головы,—въ живоначальной и всесовершенной Троицѣ и вовсе нѣтъ исхожденія Духа.

И если-бы кто нибудь сталъ обличать безбожное ихъ мнѣніе; то онъ прибавилъ-бы къ сказан-

ному весьма много другаго, чего не позволяютъ мнѣ теперь же внести и включить въ письмо условія письма. Потому и въ томъ, что нами сказано, высказаны только первоначальныя понятія о предметѣ, и притомъ въ очеркѣ; частнѣйшія же опроверженія и подробное раскрытіе ученія, по волѣ Божіей, отлагаемъ до общаго собранія.

Вотъ нечестіе, которое, вмѣстѣ съ другими отступленіями отъ закона, посѣвали въ болгарскомъ народѣ эти епископы мрака,—ибо они величали себя епископами. Вѣсть о семъ достигла нашего слуха. Мы поражены были смертельнымъ ударомъ въ самое сердце, подобно какъ если-бы кто увидѣлъ, что чадъ утробы его предъ глазами его раздирають и терзають змѣи и звѣри. Ибо тотъ, конечно, имѣлъ уважительныя причины впасть въ невыносимую печаль и скорбь о потери чадъ, кто для возрожденія и посвѣщенія ихъ подвергалъ себя трудамъ, заботамъ и проливалъ потъ.

И мы столько же сѣтовали о случившемся съ ними бѣдствіи, столько полную чувствовали радость, когда видѣли ихъ освобожденіе отъ древняго заблужденія.

Мы оплакивали ихъ и оплакиваемъ, и для возстановленія ихъ, послѣ паденія, не дадимъ очамъ нашимъ сна и вѣждамъ дреманія, пока не введемъ ихъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, опять въ скынію Господню.

А этихъ новыхъ предтечъ отступленія, слугъ антихриста, виновниковъ безчисленныхъ смертей,—

не были принуждены симъ образомъ оскорбить Богомъ установленный и Имъ въ Его пришествіи благословенный бракъ: ибо гласъ евангелія вопіеть: яже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ (Матѣ. XIX, 6), и апостолъ учитъ: бракъ честенъ и ложе нескверно (Евр. XIII, 4); такожде: привязался-ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія (I Кор. VII, 27).. Аще кто, поступая вопреки апостольскимъ правиламъ, дерзнетъ кого либо изъ священныхъ, т. е. пресвитеровъ, или діаконівъ или уподіаконівъ лишати союза и общенія съ законною женою: да будетъ изверженъ. Подобно и аще кто, пресвитеръ или діаконъ, подъ видомъ благоговѣнія, изгонитъ жену свою: да будетъ отлученъ отъ священнослуженія, а, пребывая непреклоннымъ, да будетъ изверженъ“.

Нарушеніе же первой седмицы (великаго поста) и вторичное мѣропомазаніе уже крещенныхъ и мѣропомазанныхъ, по моему мнѣнію, не нуждаются въ правилахъ для своего осужденія: для этого довольно ихъ самихъ и одного разказа о превосходящемъ всякую мѣру нечестія.

Да и одной ни съ чѣмъ несравнимой хулы противъ Св. Духа, лучше же противъ всей Святой Троицы,—хотя бы они и не отважились ни на что другое изъ вышесказаннаго, — довольно для того, чтобы подвергнуть ихъ многимъ анаѣмамъ.

О семъ мы, по древнему церковному обычаю, почли долгомъ довести до вашего свѣденія и поставить на видъ вашему во Господѣ братству.

При семъ убѣждаемъ и молимъ васъ быть ревностными намъ споборниками съ искорененіи сихъ нечестивыхъ и безбожныхъ мѣнѣй, и не нарушать отеческаго чина, который предали вамъ для соблюденія предки съ своихъ дѣяніяхъ; но съ великимъ вниманіемъ и усердіемъ избрать и послать, вмѣсто себя, мѣстоблюстителей, — мужей, уполномоченныхъ представлять ваше лице, украшенныхъ благочестіемъ и священствомъ, и словомъ и жизнію. Да отсѣчемъ отъ тѣла Церкви недавно появившуюся въ ней гангрену онаго нечестія; а тѣхъ, которые имѣли безуміе посѣять столько нечестія въ народѣ новонасажденномъ и новоутвержденномъ, исторгнемъ съ корнемъ и общимъ судомъ предадимъ огню, каковое наказаніе опредѣляютъ для отлученныхъ глаголы Господни.

Когда такимъ образомъ будетъ изгнано нечестіе и утверждено благочестіе: мы имѣемъ благія надежды снова обратить весь новооглашенный и новообращенный болгарскій народъ въ преданной ему Вѣрѣ. Да и не сей только народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа. Нѣтъ, (тоже самое сдѣлалъ) и такъ называемый Россъ, о которомъ такъ много и многіе разказываютъ, и который въ жестокости и кровожадности превосходитъ всѣ народы. Онъ, поработавши окрестные народы, и тѣмъ чрезмѣрно возгордившись, поднялъ свои руки и на римскую Имперію: но теперь и онъ даже премѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и

неповрежденную Вѣру христіанскую, и вмѣсто того, чтобы, какъ еще недавно дѣлалъ, грабить насъ и чинить великое насиліе, съ любовію вступилъ въ число нашихъ послушниковъ и союзниковъ. И столько воспламенила его любовь и ревность къ Вѣрѣ,—благословенъ Богъ во вѣки,—да воскликнетъ паки Павелъ,—что онъ принялъ и епископа—пастыря и съ великимъ усердіемъ и любовію содержать христіанское богослуженіе *).

Если теперь, когда такимъ образомъ, по благодати человѣколюбиваго Бога, иже всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися, и въ разумъ истины прийти (1 Тим. II, 4), сіи народы оставляютъ свои древнія вѣрованія, и вмѣсто ихъ принимаютъ чистую Вѣру христіанскую,—если и ваше братство благоволитъ явить свое соревнованіе и содѣйствіе въ исторженіи и сожженіи плевель: то мы твердо, въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ, уповаемъ, что стадо его еще болѣе умножится, и исполнится рѣченное: вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ (Іерем. XXXI, 34. Евр. VIII, 11); и еще: во всю землю изыде вѣщаніе апостольскаго ученія и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Псал. XVIII, 5. Рим. X, 18).

Тѣмъ, кого пошлете вы вмѣсто себя и уполно-

*) Здѣсь идетъ рѣчь о принятіи христіанства Кіевскими Руссами (въ 867 году по Рождествѣ Христовѣ), и вступленіи ихъ въ союзъ съ Византією, при Аскольдѣ и Дирѣ, послѣ ихъ похода на Константинополь.

мочите представлять ваше священное и преподобное лице, — должна быть ввѣрена полная ваша власть, которую вы во святомъ Духѣ имѣете; такъ, чтобы они могли властію апостольскаго престола и свободно судить и безпрепятственно дѣйствовать и касательно сихъ предметовъ и касательно другихъ имъ подобныхъ. Такъ, напримѣръ, изъ предѣловъ Италіи получили мы одно соборное посланіе, исполненное несказанныхъ жалобъ. Сіи жалобы приносятъ намъ обитатели Италіи на своего епископа, и, тяжко укоряя насъ, всячески заклиняютъ не смотрѣть равнодушно на плачевную гибель и угнетеніе ихъ тяжкимъ и жестокимъ самовластіемъ, на нарушеніе законовъ священства и извращеніе всѣхъ постановленій Церкви. Тоже самое и прежде говорили въ слухъ всѣхъ убѣждавшіе оттуда монахи и пресвитеры, какъ-то: Василій, Зосима, Митрофанъ и другіе съ ними: они съ плачемъ жаловались на ту же самую тиранію и со слезами призывали къ защищенію Церкви. Нынѣ же, какъ я сказалъ, получены оттуда изъ различныхъ мѣстъ разныя письма, исполненныя стенаніями и многихъ слезъ. Это покажутъ вамъ точныя списки сихъ писемъ, представляемые вамъ по желанію, требованію писавшихъ; ибо эти лица съ страшными заклинаніями и убѣжденіями умоляли насъ разослать оныя (списки) ко всѣмъ архіепископскимъ и апостольскимъ престоломъ. А въ нашемъ посланіи мы упомянули объ этомъ для того, чтобы въ собраніи святаго и Вселенскаго о

Господѣ Собора, и касательно этого предмета, было единодушно поставлено угодное Богу и согласное съ правилами соборными, и чтобы глубокий миръ объялъ Церкви Христовы.

И мы приглашаемъ сюда не только ваше блаженство, но и предстоятелей прочихъ архіепископскихъ и апостольскихъ престоловъ: нѣкоторые изъ нихъ уже прибыли, а другіе, ожидаемъ, спустя не много времени, придутъ.

По сему ваше о Господѣ братство, своимъ замедленіемъ и отсрочкою, да не заставитъ братію ожидать васъ дольше надлежащаго, вѣдая, что если, въ слѣдствіе вашего замедленія, что либо совершится не по чину и несовершенно, то не иной кто, а вы сами будете виновны въ томъ.

Мы сочли нужнымъ въ настоящемъ посланіи напомнить и о томъ, чтобы вы предписали всѣмъ подвѣдомымъ вамъ церквамъ присоединить и причислить къ святымъ шести Вселенскимъ Соборамъ и святой Вселенскій седьмой Соборъ. Ибо до насъ дошелъ слухъ, что нѣкоторыя изъ подчиненныхъ вашему апостольскому престолу церквей, считая только шесть Вселенскихъ Соборовъ, не знаютъ седьмаго. Хотя опредѣленія его пріемиются съ любовію и честію, но самый Соборъ до сихъ поръ еще не достигъ такой извѣстности, чтобы о немъ, какъ и о прочихъ Соборахъ, всенародно проповѣдывали въ Церкви, и приписывали ему равное съ нимъ достоинство.

Между тѣмъ и сей Соборъ низложилъ величай-

шее нечестіе. На немъ засѣдали вмѣстѣ и дѣйствовали единодушно уполномоченные отъ четырехъ патріаршихъ престоловъ. Ибо на немъ, какъ извѣстно, присутствовали: отъ вашего апостольскаго александрійскаго престола Ѳома—монахъ—пресвитеръ и его товарищи; отъ престоловъ—Іерусалимскаго и Антиохійскаго—Іоаннъ и его товарищи; и отъ древняго Рима—Петръ, благоговѣннѣйшій протопресвитеръ и другой Петръ—монахъ и игуменъ святой обители св. Саввы, находящейся въ Римѣ.

Всѣ эти лица — вмѣстѣ съ божественнымъ нашимъ отцемъ, святѣйшими и преблаженнѣйшими мужемъ—Тарасіемъ, архіепископомъ Константинопольскимъ, составили святой Вселенскій седьмой Соборъ восторжествовавшій надъ нечестіемъ иконоборцевъ или христорборцевъ и низложившій оное. Дѣянія этого истиннаго собора не было возможности препроводить къ вамъ, потому что странами (вашими) обладалъ тогда варварскій иноплеменный народъ—Аравитяне. Вотъ причина, почему многіе изъ вашихъ чтутъ и содержатъ постановленія этого Собора, а между тѣмъ, какъ говорятъ, сами не знаютъ, что это постановленія сего именно Собора.

И такъ нужно, (какъ я сказалъ) и этотъ великій святой и Вселенскій Соборъ торжественно принимать на ряду съ предшествовавшими ему шестью Соборами. Не чинить и не дѣлать этого значить: во первыхъ оскорблять Церковь Христову пренебреженіемъ къ такому великому Собору и разрывомъ и нарушеніемъ союза и единомыслія

ея въ такомъ важномъ предметѣ; во вторыхъ, это значитъ расширить уста иконоборцевъ, которыхъ нечестіе,—я хорошо знаю,—вы ненавидите не менѣе прочихъ ересей: они будутъ имѣть основаніе лживо утверждать, что ихъ нечестіе разрушено не Вселенскимъ Соборомъ, а осуждено судомъ одного только престола.

По всему этому мы просимъ васъ, и, — какъ братья братьевъ, призывая васъ къ исполненію долга, убѣждаемъ—въ соборныхъ посланіяхъ и во всѣхъ другихъ церковныхъ дѣяніяхъ и изслѣдованіяхъ считать и принимать и сей (Соборъ) наравнѣ съ шестью святыми Вселенскими Соборами, ставя его седьмымъ за ними.

Христосъ же, истинный Богъ нашъ, первый и великій архіерей, содѣлавшійся вольною, благою за насъ жертвою, и собственною кровію искупившій насъ, да дастъ вашей священноначальной и честной главѣ вознестись превыше обстоящихъ васъ варварскихъ народовъ! Да дастъ вамъ тихо и мирно совершать жизненный путь свой и достигнуть того неизрѣченно радостнаго и сладкаго селенія, гдѣ — всѣхъ веселящихся жилище, гдѣ вовсе нѣтъ мѣста скорби, стенанію и унынію, — въ Самомъ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Умоляемъ васъ: по долгу отеческой святости, вспоминайте и не забывайте нашего смиренія (мѣрности.)

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

**единой, святой, соборной и апостольской
Церкви ко всѣмъ православнымъ христіа-
намъ.**

Всѣмъ и всюду, во Святомъ Духѣ воз-
любленнымъ и дражайшимъ братіямъ,
преосвященнымъ архіереямъ съ ихъ бла-
гоговѣйными причтами и всѣмъ право-
славнымъ вѣрнымъ чадамъ единой, святой,
соборной и апостольской Церкви брат-
ское во Святомъ Духѣ привѣтствіе и (же-
ланіе) всякаго блага и спасенія отъ Бога!

§ 1. Надлежало-бы священному и божественно-
му евангельскому ученію о нашемъ искупленіи
быть всѣми проповѣдуему въ той же неповреж-
денности и принимаему вѣрою вѣчно въ той же
чистотѣ, въ какой Спаситель нашъ, добровольно
умалившій себя, зракъ раба пріимъ и нисшедъ изъ
нѣдръ Бога и Отца, открылъ оное божественнымъ
и святымъ ученикамъ своимъ,—и въ какой они,
свидѣтели, очевидцы и самовидцы, какъ громоглас-
ныя трубы, возвѣстили сіе ученіе всеѣ подсолнеч-
ной (ибо во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ

концы вселенная малом ихъ),—наконецъ, въ той неизмѣнности, въ какой, принявъ тоже самое благовѣстіе, столь многіе и столь великіе отцы каеолической Церкви со всѣхъ предѣловъ земли предали намъ оное всенародно—на Соборахъ и въ своихъ частныхъ писаніяхъ. Но злой духъ, истинный врагъ человѣческаго спасенія, какъ древле въ Эдемѣ, принявъ на себя лице доброжелательнаго совѣтника, сдѣлалъ человѣка преступникомъ ясной божественной заповѣди, такъ и въ семъ духовномъ Эдемѣ, въ Церкви Божіей, продолжая оболъщать многихъ, внушая имъ лукавые и богопротивные помыслы, и пользуясь ими, какъ орудіями, растворяетъ ядъ ереси въ чистыхъ потокахъ православнаго ученія, и изъ чашъ, позлащенныхъ якобы евангельскимъ благовѣстіемъ, напояетъ многихъ; напояетъ тѣхъ, которые, по простотѣ своей, живутъ неосмотрительно, не *лишь* внимаютъ слышанному (Евр. 2, 1) и *отъ отцевъ ихъ возвышенному* имъ (Втор. 32, 7), согласно съ Евангеліемъ и со всѣми древними учителями, и не считаютъ для душевнаго спасенія своего достаточнымъ устного и писаннаго слова Господня и свидѣтельства непрерывно продолжающейся Церкви, но, гоняясь за нечестивыми новизнами, какъ-бы за новымъ убранствомъ, принимаютъ евангельское ученіе въ видѣ совершенно искаженномъ.

§ 2. Отсюда (произошли) разнообразныя и чудовищныя ереси, которыя соборная Церковь отъ самой колыбели своей, *облекшись во вся орудія*

Божія и воспріемни мечь духовный, иже есть глаголь Божій (Еф. 5, 17), принуждена была преодолевать, всё преодолевала до нынѣ, и будетъ со славою преодолевать во всё вѣки, являясь сама всякой разъ, послѣ борьбы, болѣе свѣтлою и болѣе сильною.

§ 3. Но изъ сихъ ересей однѣ уже совершенно исчезли, другія исчезаютъ, иныя ослабѣли, другія же болѣе или менѣе процвѣтають, держась до времени своего ниспроверженія, а нѣкоторыя еще вновь возникаютъ для того, чтобы пройти свой путь отъ появленія до уничтоженія. Ибо онѣ,—сія жалкія умствованія и вымыслы людей жалкихъ,—будучи поражены вѣстѣ съ своими изобрѣтателями громомъ анагемъ седми Вселенскихъ Соборовъ, падутъ неизбежно, хотя-бы существовали тысячу лѣтъ. Потому что одно только православіе соборной и апостольской Церкви, одушевляемой живымъ словомъ Божиимъ, пребудетъ во вѣки, по неложному обѣтованію Господа: *врата ада не одолѣютъ ей* (Мат. 16, 18), т. е. (какъ изъясняютъ святые отцы), уста нечестивыхъ и еретиковъ, что бы неисточали—ужасъ и прещенія, или сладкорѣчіе и убѣжденія, не одолѣютъ мирнаго и кроткаго православнаго ученія. Но для чего, однако, *путь нечестивыхъ сплѣтется* (Іерем. 12, 1), и нечестивые *превозносятся и высятся, яко кедръ Ливанскіе* (Псал. 36, 35), искушая мирно служащихъ Богу? Причина тому не довѣдома; и св. Церковь, хотя молить ежедневно, да отступитъ отъ нея сей

пакостникъ, сей ангелъ сатанинъ, но постоянно слышитъ отъ Господа: *довѣтъ ти благодать моя; сила бо моя въ немощи совершается: почему она и хвалится сладию, паче въ немощныхъ своихъ, да вселится въ нее сила Христова* (2 Кор. глав. 12), *и да искусніи явленіи бывають* (1 Кор. 11, 19).

§ 4. Изъ ересей, распространившихся, какими Богъ вѣсть судьбами, въ большей части вселенной, былъ нѣкогда аріанизмъ, а теперь—панизмъ. Но и сей послѣдній (подобно первому, который уже совершенно исчезъ), хотя до нынѣ еще въ силѣ, не превозможетъ до конца, а преидетъ и низложится и *велий гласъ небесный возгласитъ о немъ: низложенъ* (Апок. 12, 10)!

§ 5. Новоявившееся ученіе, будто „Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына“ измышлено вопреки ясному и нарочитому о семъ предметѣ изреченію Господа Нашего: *уже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26), и вопреки исповѣданію всей соборной Церкви, засвидѣтельствованному седмью Вселенскими Соборами въ словахъ: *уже отъ Отца исходящаго* (Симв. Вѣры).

1. Оно нарушаетъ хотя единачное (*ἐνιότης*) отъ одного начала, но иновидное (*ἑτεροειδής*) происхождение божескихъ лицъ блаженной Троицы, подтверждаемое свидѣтельствомъ Евангелія; *)

*) Здѣсь разумѣется, что Сынъ и Св. Духъ происходятъ отъ одного начала Отца, но Сынъ чрезъ рожденіе, а Святой Духъ чрезъ исхождение.

2. Присписываетъ равносильнымъ и спомогательнымъ Лицамъ (Божества) разнородныя и не равныя отношенія; сливаетъ ихъ или смѣшиваетъ;

3. Представляетъ какъ-бы несовершеннымъ, темнымъ и неудачнымъ состоявшееся прежде него исповѣданіе единой, соборной и апостольской Церкви;

4. Унижаетъ святыхъ отцевъ перваго Вселенскаго никейскаго Собора и втораго константинопольскаго, какъ будто они о Сынѣ и Духѣ Святомъ богословствовали не совершенно, будто т. е. умолчали о столь важной особенноти двухъ лицъ Божества, между тѣмъ какъ необходимо было изложить всѣ божественныя свойства ихъ противъ аріанъ и македоніанъ;

5. Оскорбляетъ Отцевъ третьяго, четвертаго, пятаго, шестаго и седьмаго Вселенскихъ Соборовъ, которые въ слухъ всей вселенной провозгласили божественный Символъ во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ и полнымъ, и страшными прещеніями и неразрѣшимыми заклятіями воспрѣтили какъ себѣ, такъ и всѣмъ другимъ, всякое прибавленіе къ нему и убавленіе, или измѣненіе, или переставленіе въ немъ хотя-бы одной іоты,—между тѣмъ какъ нужно было исправить его и дополнить, и такимъ образомъ измѣнить все богословское ученіе вселенскихъ отцевъ, какъ будто открылось новое отличительное свойство въ самыхъ трехъ лицахъ блаженной Троицы;

6. Прокрадывалось въ церквахъ западныхъ сна-

чала какъ волкъ въ кожѣ овчей, т. ё. подъ наименованіемъ не исхожденія (τῆς ἐκπορεύσεως), по греческому выраженію, употребленному въ Евангеліи и Символѣ, но подъ именемъ посланія (τῆς ἀποστολῆς), какъ оправдывался папа Мартинъ предъ Максимомъ исповѣдникомъ и какъ изъяснялъ это Анастасій, бібліотекаръ при Іоаннѣ VIII;

7. Съ грубою и неслыханною дерзостію коснулось самага Символа и измѣнило сей всеобщій залогъ христіанства;

8. Произвело столько смятеній въ мирной Церкви Божіей и раздѣлило народы;

9. При первомъ своемъ появленіи всенародно отвергнуто двумя приснопамятными папами Львомъ III и Іоанномъ VIII, который въ посланіи блаженному Фотію называлъ даже сообщниками Іуды тѣхъ, кто первые внесли его въ Символъ;

10. Осуждено многими святыми Соборами четырехъ восточныхъ патріарховъ;

11. Подвергнуто анаѣмѣ, какъ нововведеніе и увеличеніе Символа, на (такъ называемомъ) осьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, созванномъ въ Константинополѣ для умирненія церквей восточныхъ и западныхъ *);

12. Едва только успѣло явиться въ западныхъ церквахъ, какъ или само породило гнуснѣйшія изъ

*) Здѣсь разумѣется константинопольскій Соборъ, бывшій при патріархѣ Фотіѣ въ 879 году. Въ греческой Церкви его нерѣдко называютъ осмымъ Вселенскимъ Соборомъ.

чадія, или ввело съ собою мало—по—малу другія новизны,—большею частію противорѣчащія ясно изображеннымъ въ Евангеліи заповѣдямъ Спасителя нашего, тщательно соблюдавшимся, до его появленія, и въ тѣхъ церквахъ, гдѣ оно введено, какъ-то: кропленіе вмѣсто погруженія, отнятіе у мірянъ божественной чаши и причащеніе только подъ однимъ видомъ хлѣба, употребленіе оплатокъ и опрѣснোকъ вмѣсто хлѣба кваснаго, исключеніе изъ литургіи благословенія, т. е. божественнаго призванія всесвятаго и всесовершающаго Духа;—также нарушающія древніе апостольскіе обряды соборной Церкви, какъ-то: устраненіе крещаемыхъ младенцевъ отъ миропомазанія и принятія пречистыхъ Таинъ; брачныхъ—отъ священства; признаніе папы за лице непогрѣшимое и замѣсто блюстителя Христова и проч. Такимъ образомъ низвратило весь древній апостольскій чинъ совершенія почти всѣхъ Таинствъ и всѣхъ церковныхъ учрежденій,—чинъ, который содержала древняя, святая и православная Церковь римская, бывшая тогда честнѣйшимъ членомъ святой соборной и апостольской Церкви;

13. Побудило своихъ защитниковъ, богослововъ Запада, за неимѣніемъ для себя опоры ни въ писаніи, ни у отцевъ, прибѣгнуть къ безчисленнымъ лжеумудрованіямъ, не только къ превратнымъ толкованіямъ писанія, какихъ мы не находимъ ни у кого изъ отцевъ святой соборной Церкви, но и къ искаженію священныхъ и неприкосновенныхъ

текстовъ божественныхъ отцевъ восточныхъ и западныхъ;

14. Оказалось страннымъ, неслыханнымъ и богохульнымъ еще и у прочихъ христіанскихъ обществъ, которыя, прежде его появленія, по другимъ справедливымъ причинамъ, въ теченіи вѣковъ отлучены отъ соборной Церкви;

15. Несмотря на всѣ труды и усилія своихъ защитниковъ, ни противъ одного изъ приведенныхъ нами доказательствъ доселѣ еще не могло въ защиту свою привести хотя сколько нибудь убѣдительное и основательное доказательство изъ св. Писанія или изъ отцевъ.

Такое ученіе носить въ самомъ существѣ своемъ и свойствахъ всѣ признаки ученія неправославнаго; а всякое неправое ученіе, касающееся догмата соборной Церкви о блаженной Троицѣ, о происхожденіи божескихъ лицъ, равно какъ и объ исхожденіи Святаго Духа есть и именуется ересью, а умствующие такъ—еретиками, по опредѣленію святѣйшаго Дамаск^а, папы римскаго, (который говоритъ такъ): „кто объ Отцѣ и Сынѣ мыслить право, а о Духѣ Святомъ не право, тотъ еретикъ“ (Испов. Соб. Вѣр., посланное папою Дамасомъ къ епископу вессалонійскому Павлину).

Посему единая, святая, соборная и апостольская Церковь, слѣдуя святымъ отцамъ восточнымъ и западнымъ, какъ древле при отцахъ нашихъ возвѣщала, такъ и нынѣ вновь возвѣщаетъ соборнѣ, что сіе нововведенное мнѣніе, будто Духъ

Святѣйшій исходитъ отъ Отца и Сына, есть сущая ересь, и послѣдователи его, кто-бы они ни были, еретики по упомянутому соборному опредѣленію святѣйшаго папы Дамаса; составляющіяся изъ нихъ общества, суть общества еретическія, и всякое духовное богослужебное общеніе съ ними православныхъ чадъ соборной Церкви—беззаконно, по силѣ особенно седьмаго правила третьяго Вселенскаго Собора.

§ 6 Ересь эта, со многими соединенными съ нею нововведеніями, какъ выше сказано, появившаяся около половины седьмаго столѣтія, сначала неизвѣстная и безымянная, и подъ разными видами въ продолженіи четырехъ или пяти вѣковъ тайно распространявшаяся по епархіямъ европейскаго Запада, потомъ преодолевъ православіе тѣхъ странъ, по нерадѣнію тогда бывшихъ тамъ пастырей и покровительству властей, мало по малу ввела въ заблужденіе не только испанскія, до толѣ еще православныя Церкви, но и германскія, и галликанскія, и даже италійскія, которыхъ православіе возвѣщалось нѣкогда во всемъ мірѣ, и съ которыми часто сносились святѣйшіе отцы наши, какъ-то: Аѳанасій Великій и небоявленный Василій, и которыхъ единеніе и общеніе съ нами послужили къ сохраненію чистоты ученія соборной и апостольской Церкви до седьмаго Вселенскаго Собора. Когда же, завистію ненавистника добра, новизны касательно здраваго и православнаго ученія о Всесвятомъ Духѣ (на котораго

хула, по изрѣченію Господа, *не отпустится челоукомъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* Матѹ. 12, 31, 32),—слѣдовавшія одно за другимъ нововведеніи касательно божественныхъ таинствъ, особливо-же таинства спасительнаго крещенія, святаго причащенія и священства, когда сіи несообразности, слѣдуя непосредственно однѣ за другими, овладѣли самымъ старѣйшимъ Римомъ, тогда она приобрѣтши знаменитость въ Церкви, облеклась отличительнымъ именемъ папизма. Ибо изъ епископовъ Рима, именуемыхъ папами хотя нѣкоторыя въ началѣ возстали противъ нововведенія соборнѣ, какъ-то: Левъ III и Іоаннъ VIII, (о коихъ упомянуто выше), и отвергли его предъ лицемъ всей вселенной,—одинъ посредствомъ извѣстныхъ серебряныхъ дщицъ; другой въ посланіи къ блаженному Фотію во время (такъ называемаго) осьмаго Вселенскаго Собора и въ посланіи къ Святополю—касательно Меоодія, епископа моравскаго, но большая часть ихъ преемниковъ, обольстившись предоставляемыми имъ сею ересью, противными правиламъ Соборовъ, правами на преемленіе надъ церквами Божіими, и нашедши въ томъ для себя много мірскихъ выгодъ и много прибыли, измысливъ единодержавіе въ соборной Церкви и единовластіе въ раздаяніи даровъ Святаго Духа, не только измѣнили бывшее у нихъ древнее богослуженіе, отсѣкши себя такими нововведеніями отъ прочаго древняго и истинно-христіанскаго общества, но еще старались, не безъ

постыдныхъ ухищреній, какъ предаеть намъ неложная исторія, увлечь за собою въ отступничество отъ православія и остальные четыре патріархи и поработить такимъ образомъ соборную Церковь хотѣніямъ и велѣніямъ человѣческимъ.

§ 7. Приснопамятные предшественники и отцы наши, видя, какъ праотеческое евангельское ученіе попирается ногами, какъ свыше истканный хитонъ Спасителя нашего раздирается руками нечестивыми, движимые любовію отеческою и братскою, оплакивали гибель такого множества христіанъ, *за нихъ-же Христосъ умре*, но вмѣстѣ и употребляли много ревности и усилій, соборнѣ и частно, чтобы, спасая православное ученіе святой, соборной Церкви, соединить опять, сколько возможно, раздѣленное, и, подобно искуснымъ врачамъ, общими силами старались исцѣлить членъ страждущій, перенося сами много и скорбей, и поруганій, и преслѣдованій, только-бы тѣло Христово не раздробилось на части, только-бы не были попораны уставы божественныхъ и святыхъ Соборовъ. Но Западъ, по свидѣтельству неложной исторіи, остался упоренъ въ заблужденіи. И присноублажаемые мужи на дѣлѣ испытали истину словъ иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, который, по собственному опыту, говорилъ о епископахъ Запада, и въ частности о бывшемъ при немъ папѣ: „истины они не знаютъ, и знать не желаютъ; съ тѣми кто возвѣщаетъ имъ истину, они спорятъ, а сами утверждаютъ ересь“ (посл. къ Евс. Самос.); и такимъ

образомъ, по первомъ и второмъ братскомъ внушеніи, узнавъ ихъ нераскаинность, они отрясли прахъ ногъ и отреклись отъ нихъ, предали ихъ въ неискусенъ умъ ихъ (ибо „брань лучше мира, отдѣляющато отъ Бога“, какъ сказалъ иже во святыхъ отецъ нашъ Григорій, пиша объ аріанахъ). Съ тѣхъ поръ нѣтъ никакого духовнаго общенія между ими и нами, потому что они собственными руками изрыли глубокую пропасть между собою и православіемъ.

§ 8. Впрочемъ на семъ не остановился папизмъ въ своемъ посягательствѣ на миръ Церкви Божіей, и разсылая повсюду такъ называемыхъ миссіонеровъ, людей коварныхъ, онъ „преходитъ сушу и море, чтобы обратить хотя одного“, прельститъ кого либо изъ православныхъ, извратить ученіе Господа нашего, исказить прибавленіемъ божественный символъ святой нашей вѣры, представить излишнимъ богопреданное погруженіе въ крещеніи и бесполезнымъ общеніе ^{чи} за вѣта, и безчисленное множество другаго, что духъ новизны внушалъ готовымъ на все схоластикамъ среднихъ вѣковъ и тогдашнимъ по любоначалию позволявшимъ себѣ все, епископамъ древняго Рима. Ублажаемые за благочестіе предшественники и отцы наши, хотя и были многократно и многообразно оскорбляемы и тѣснимы папизмомъ изнутри и отвиѣ, непосредственно и посредствомъ, но укрѣпляясь, упованіемъ на Господа, сохранили и намъ предали неповрежденнымъ неоцѣненное наслѣдіе отцевъ

своихъ, которое и мы, при помощи Божіей, предадимъ, какъ многоцѣнное сокровище, будущимъ поколѣніямъ, даже до скончанія вѣковъ. Не смотря на то, паписты не успокаиваются до нынѣ, и не успокоятся, по своей обычной враждѣ противъ православія, которое они, какъ отступившіе отъ вѣры своихъ предковъ, имѣютъ предъ глазами живою, ежедневною уликою. О, если-бы они устремили свои усилія противъ ереси, распространенной и господствующей на Западѣ! Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы ихъ усердіе ко вреду православія было обращено къ истребленію ереси и нововведеній, согласно съ благочестивыми намѣреніями Льва III и Іоанна VIII, сихъ послѣднихъ присноблаженныхъ православныхъ папъ,—давно-бы не осталось и слѣда ея во вселенной и мы-бы нынѣ всѣ тожде мудрствовали, по заповѣди апостольской. Но ревность преемниковъ ихъ не была направлена къ сохраненію православной вѣры, какъ приснопамятная ревность блаженнаго Льва III!

§ 9. Впрочемъ съ нѣкотораго времени нападенія собственно отъ лица предшествовавшихъ папъ прекратились, а были только со стороны миссіонеровъ, но теперь восшедшій въ 1847 году на епископскую кафедру Рима, подъ именемъ папы Пія IX издалъ 6 января 1848 г. окружное посланіе, написанное къ восточнымъ, состоящее въ греческомъ переводѣ изъ 12 страницъ, которое посланецъ его распространилъ, какъ нѣкую наносную заразу, внутри нашей православной паствы. Въ семъ посла-

ни онъ прежде ведетъ рѣчь съ отступавшими въ разныя времена отъ различныхъ христіанскихъ обществъ и самовольно переходившими къ папизму, и слѣдовательно ему своими; потомъ обращаетъ рѣчь и къ православнымъ, хотя не называя по имени кого—либо изъ нихъ въ частности, но указывая по имени (стр. 3, строк. 14—18, строк 4, строк. 19 и стр. 9 строк. 17 и 23) на божественныхъ и святыхъ отцевъ нашихъ, явно говоря неправду о нихъ и о насъ, ихъ преемникахъ и потомкахъ;—представляя ихъ принимающими постановленія и опредѣленія папъ какъ-бы прavitелей соборной Церкви,—насъ же невѣрными ихъ примѣромъ, и слѣдовательно выставляя насъ предъ вѣренною намъ отъ Бога паствою отступниками отъ собственныхъ отцевъ нашихъ и небрежущими освященныхъ для насъ обязанностяхъ и о душевномъ спасеніи духовныхъ чадъ нашихъ. Далѣе, присвоивъ себѣ, уже какъ собственное—достояніе, соборную Церковь Христову, ради того, что занимаетъ, какъ онъ хвалится епископскій престолъ святаго Петра, онъ хочетъ такимъ образомъ прельщеніемъ склонить болѣе простыхъ людей къ отступленію отъ православія, прибавляя слѣдующія слова, странныя для всякаго, знакомаго съ богословскимъ ученіемъ (стр. 10 строк. 29): „нѣтъ никакой причины, по которой-бы вы могли отказаться отъ возвращенія въ истинную Церковь и отъ общенія съ симъ святымъ престоломъ“.

§ 10. Каждый изъ нашихъ братій и чадъ во Христѣ, воспитанныхъ и наученныхъ въ благочестіи, читая сіе съ разумніемъ и при свѣтѣ данной ему отъ Бога мудрости, безъ сомнѣнія пойметъ, что слова и нынѣшняго епископа римскаго, также какъ и сго предшественниковъ со времени отдѣленія, не суть слова міра, какъ онъ говоритъ (стр. 7. строк. 8), и любви, но слова лести и обмана, направленные къ собственному его возвышенію, по обычаю дѣйствовавшихъ вопреки соборамъ его предмѣстниковъ. Посему и увѣрены мы, что какъ до настоящаго времени, такъ и впредь православные не будутъ прельщены: ибо вѣрно слово Господа нашего (Іоан. 15) „*по чуждему не идутъ, а бѣгаютъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа*“.

§ 11. При всемъ томъ, мы сочли отеческимъ и братскимъ долгомъ нашимъ и священной обязанностію, чрезъ предлагаемое теперь благожелательное посланіе, и васъ утвердить въ православіи, которое вы получили отъ предковъ, и вмѣстѣ показать мимоходомъ слабость умствованій римскаго епископа, которую и самъ онъ очевидно понимаетъ. Ибо онъ не апостольскимъ исповѣданіемъ своимъ украшаетъ свой престолъ, но апостольскимъ престоломъ старается подтвердить свое достоинство; достоинствомъ же (потвердить) свое исповѣданіе. А на самомъ же дѣлѣ это иначе. Ибо не только престолъ римскій, который по одному только преданію почитается, получившимъ

преимущества отъ святаго Петра, но и представляемый въ священномъ писаніи главнымъ престолъ святаго Петра,—т. е. Антиохія, которой Церковь, по свидѣтельству святаго Василія (посл. 48 къ Аѳан. в), есть „главнѣйшая изъ всѣхъ Церквей во вселенной“, и что всего важнѣе, о которой второй Вселенскій Соборъ въ посланіи къ Собору западныхъ (честнѣйшимъ и боголюбивѣйшимъ братіямъ и сослужителямъ Дамасу, Амвросію, Вритону, Валеріану и проч.) свидѣтельствуется такъ: „старѣйшей и, по истинѣ, апостольской Церкви, сущей въ Антиохіи сирійской, гдѣ впервые принято было досточтимое имя христіанъ“,—и сія, говоримъ, апостольская Церковь антиохійская никогда не имѣла преимущества—не быть судимою по божественному писанію и соборнымъ опредѣленіямъ изъ уваженія къ ней, какъ истинному престолу святаго Петра. Но что мы говоримъ? Самъ святой Петръ лично былъ судимъ предъ всѣми *по истинѣ благовѣствованія* (Гал. 12) и, по свидѣтельству писанія, оказался *зазоренъ и неправоходящъ*.—Что послѣ сего надобно подумать о тѣхъ, которые величаются и надмѣваются обладаніемъ только предполагаемаго мнимаго престола его? И точно, самъ небоявленный Василій Великій,—сей вселенскій учитель православія въ соборной Церкви, на котораго даже и епископы Рима вынуждаются указывать намъ (стр. 8 строк. 31), опредѣленно и ясно высказалъ намъ выше (§ 7), какое мнѣніе мы должны имѣть о сужденіи

яхъ неприступнаго Ватикана: „они истинны не знаютъ, и знать не желаютъ; съ тѣми, кто возвѣщаетъ имъ истину, они спорятъ, а сами утверждаютъ ересь“; слѣдовательно, тѣже самые святые отцы наши, которыхъ, какъ свѣтильниковъ и учителей самаго Запада, съ подобающимъ уваженіемъ перечисляетъ намъ Его блаженство, и которымъ увѣщаетъ насъ слѣдовать (тамъ же), научаютъ насъ, чтобы мы не по престолу судили о православіи, но о самомъ престолѣ и сѣдищемъ на престолѣ—по божественнымъ писаніямъ, по соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по вѣрѣ, всѣмъ проповѣданной, т. е. по православію непрерывнаго ученія (Церкви). Такъ судили и осудили Соборомъ отцы наши и Онорія, папу римскаго, и Діоскура, папу александрійскаго, и Македонія, и Несторія, патріарховъ константинопольскихъ и Петра Кнафея, патріарха антиохійскаго и проч. Ибо, если по свидѣтельству писанія, даже *мерзость запустѣнія* была *на мѣстѣ святѣ*. (Дан. 9, 27, и Матѣ. 24, 15), то почему новизны и ересь не могутъ быть на престолѣ святомъ? Отсюда ясно открывается слабость и непрочность и другихъ доказательствъ (стр. 8. строк. 9, 11 и 14) въ пользу верховнаго владычества римскаго епископа. Ибо, если-бы Церковь Христова не была основана на незыблемомъ камнѣ исповѣданія Петрова: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (которое было общимъ отвѣтомъ со стороны апостоловъ на предложенный имъ вопросъ: „*вы же кого* *Мя гла-*

юлете быти" (Матѣ. 16, 15, 16), какъ объясняютъ намъ божественные отцы восточные и западные),—то и самъ Кнѣзъ былъ-бы для нее слабымъ основаніемъ, тѣмъ болѣе папа, который, присвоилъ себѣ ключи царствія небеснаго, какъ распорядился ими, извѣстно изъ исторіи. И о значеніи троекратнаго: *паси овцы моя*, общіе наши божественные отцы единогласно учать, что это не было какимъ либо предпочтеніемъ святаго Петра предъ прочими апостолами, тѣмъ менѣе его преемниковъ, а просто возстановленіемъ его въ санъ апостольскій, изъ котораго онъ ниспалъ чрезъ троекратное отреченіе. И самъ святый Петръ, какъ видно, точно также понялъ смыслъ троекратнаго вопроса Господа: *любиши-ли Мя*; и словъ: *паче сихъ* (Іоан. 21, 16). Ибо вспомнивъ слова свои: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же соблазнюся* (§ 12), *оскорбѣ, яко рече ему третіе: любиши-ли Мя*. Но преемники его, для своихъ цѣлей, принимаютъ это изрѣченіе въ смыслѣ, слишкомъ для нихъ благопріятномъ

§ 12. Еще Его блаженство говоритъ (стр. 8 строк. 12) что Господь нашъ сказалъ Петру (Лук. 22, 32): *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя и ты никогда обраща, утверди братію твою*. Молитва Господа нашего была по тому случаю, что сатана просилъ (тамъ же ст. 31), да попущено будетъ ему подвергнуть искушенію вѣру всѣхъ учениковъ,—Господь же позволилъ ему сдѣлать сіе только съ Петромъ, потому особенно,

что онъ высказалъ слова самолюбія и почиталъ себя выше другихъ (Матѳ. 26, 33) *еще и вси соблазнятся о Тебѣ: азъ никогдаже соблазнюся*; но это искушеніе было временное, когда Петръ *начать ротитися и клятися, яко не знаю чловѣка* (Матѳ. 6, 74),—такъ слаба природа чловѣческая, оставленная самой себѣ! *духъ бо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. 26, 4);—временное, говоримъ, для того, чтобы потомъ, пришедъ въ себя и очистившись слезами покаянія, онъ могъ еще болѣе утвердить братьевъ своихъ въ исповѣданіи Того, которому они не измѣняли и не отрѣкались. О премудрыя судьбы Господни! Какъ божественна и таинственна была на землѣ послѣдняя ночь Спасителя нашего! Священная-та вечеря,—она самая, вѣруемъ мы, и нынѣ совершается ежедневно по слову Господа: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19), *и елижды бо еще ясте хлѣбъ сей и чашу сію пиете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже приидеть* (Павл. 1 Кор. 11, 26). Братская любовь, съ такою попечительностію, заповѣданная намъ общимъ учителемъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35), любовь, которой рукописаніе и завѣты первые раздрали папы, защищая и принимая еретическія нововведенія, вопреки тому, что намъ благовѣствовано и что утверждено уставами общихъ учителей и отцевъ нашихъ,—та самая, говоримъ, любовь дѣйствуетъ и нынѣ въ душахъ христіанскихъ народовъ и осо-

бенно въ руководствующихъ ими. Ибо мы дерзновенно исповѣдуемъ предъ Богомъ и людьми, что молитва Спасителя нашего (стр. 7. строк. 33) къ Богу и Отцу своему объ общей любви христіанъ и совокупленіи во едину святую, соборную и апостольскую Церковь, въ которую и вѣруемъ мы, *да будете едино, якоже и мы едимъ есмы* (Іоан. 17, 22), дѣйствуетъ въ насъ, какъ и въ Его блаженствѣ, и здѣсь-то наше братское стремленіе и ревность срѣтается съ стремленіемъ и ревностію Его блаженства,—съ тѣмъ только различіемъ, что въ насъ эта ревность направлена къ тому, чтобы соблюсти чистымъ и неіприкосновеннымъ божественный, безъукоризненный и всесовершенный Символь христіанской вѣры, сообразно съ евангеліемъ и опредѣленіями седьми святыхъ Вселенскихъ Соборовъ, и съ ученіемъ непрерывно—продолжающейся соборной Церкви; а въ Его блаженствѣ къ тому, чтобы укрѣпить и утвердить надъ всѣми власть и господство возсѣдающихъ на апостольскомъ престолѣ и ихъ новаго ученія. Вотъ сущность, кратко сказать, всего разнорѣчія и несогласія между нами и ими; вотъ средостѣніе ограды, которое по божественному предреченію (тамъ же 10, 1): *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести и гласъ Мой* (истину: *иже отъ Отца исходитъ*) *услышатъ*, при помощи прославляемой мудрости Его блаженства, надѣмся, разрушится во дни его. Скажемъ еще въ третьихъ: если допустимъ, со-

гласно съ словами Его блаженства, что молитва Господа нашего о Петрѣ, которому предстояло отречение и клятвопреступленіе, тѣсно соединена и связана съ престоломъ Петра, и что она простираетъ силу свою и на возсѣдающихъ на немъ въ разное время, хотя, какъ выше сказано (§ 11), ни что не подтверждаетъ сего мнѣнія (какъ удостоверяетъ насъ писаніе примѣромъ самаго святаго Петра, и при томъ, послѣ сошествія Святаго Духа); то увѣряемъ, на основаніи словъ Господа, что придетъ время, когда сія божественная, по случаю отречения Петра, молитва, *да неоскуднѣетъ* въ конецъ *вѣра* его, воздѣйствуетъ и въ какомъ либо изъ преемниковъ его, который и восплачетъ, подобно ему, горько, и, обратившись, еще болѣе утвердить насъ, братій его, въ православномъ исповѣданіи, которое получили мы отъ предковъ. И—о, если-бы Его блаженство былъ таковымъ истиннымъ преемникомъ блаженнаго Петра! Но къ сей смиренной молитвѣ нашей, что мѣшаетъ присоединить такой-же и совѣтъ, искренній и отъ чистаго сердца, во имя святой, соборной Церкви? Мы не дерзаемъ сказать: „безъ всякаго отлагательства“, какъ сказалъ (стр. 10, строк. 22) Его блаженство, но говоримъ: безъ поспѣшности, по зрѣломъ разсужденіи, и при томъ, если будетъ нужно, по совѣщаніи съ мудрѣйшими, благочестивѣйшими и вмѣстѣ правдолюбивѣйшими и безпристрастнѣйшими епископами, богословами и учителями, которые и въ настоящее время, по боже-

ственному домостроительству, находятся у каждого изъ народовъ западныхъ.

§ 13. Его блаженство говоритъ, что епископъ ліонскій, святой Иринеи пишетъ въ похвалу римской Церкви: „необходимо, чтобы вся Церковь, т. е. всѣ повсюду находящіеся вѣрующіе, согласовались (съ нею) ради главенства сей Церкви, въ которой сохранилось апостольское преданіе въ разсужденіе всего, что извѣстно между повсюду находящимися вѣрующими“. Хотя сей святой отецъ (Иринеи) говорить совсѣмъ не то, что разумѣютъ ватиканскіе (епископы); но, предоставивъ имъ разумѣть и толковать какъ угодно, скажемъ только: кто же отвергаетъ, что древняя римская Церковь была апостольскою и православною? Никто изъ насъ не усумнится назвать ее даже образцомъ православія, и для большей ея похвалы мы приведемъ слова историка Созомена (Истор. Созом. кн. III, гл. 12) о томъ, какимъ образомъ до извѣстнаго времени могло сохраниться въ ней похваляемое нами православіе, о чемъ Его блаженство умолчалъ: „Западная Церковь (говоритъ Созоменъ) сохраняя въ чистотѣ отеческіе догматы, свободна отъ распрей и суетенія“. Кто изъ отцевъ или изъ насъ самихъ отвергаетъ предоставленное ей церковными правилами старѣйшинство въ порядкѣ іерархическомъ, доколѣ она „сохраняла въ чистотѣ отеческіе догматы“, руководясь непогрѣшительнымъ ученіемъ священнаго писанія и св. Соборовъ? Но теперь мы видимъ, что у ней

ни сохранился ни догматъ о Святой Троицѣ по Символу святыхъ отцевъ, собравшихся въ первый разъ въ Никее, и въ другой въ Константинополѣ,—по Символу, который и прочіе пять Вселенскихъ Соборовъ исповѣдали и подтвердили, подвергнувъ анаѣмѣ тѣхъ, кои измѣняютъ въ немъ хотя сдну іоту, какъ еретиковъ; не сохранился и апостольскій образъ совершенія святаго крещенія, и призываніе всесовершающаго Духа на святые дары. Напротивъ видимъ въ ней и евхаристію безъ причащенія отъ святой чашни, которое, о ужасъ! почитается излишнимъ, и очень многое другое, что не было извѣстно не только нашимъ (восточнымъ) святымъ отцамъ, кои всегда именовались вселенскимъ непогрѣшительнымъ правиломъ и образцомъ православія, какъ говоритъ изъ уваженія къ истинѣ и Его блаженство (стр. 2), но—и древнимъ святымъ отцамъ Запада; видимъ въ ней и главенство, о которомъ всѣми силами ревнуетъ нынѣ и Его блаженство, также какъ и его предшественники, и которое превращено ими изъ братскаго отношенія и преимущества іерархическаго—въ господственное. Что же надобно заключить о неписанныхъ преданіяхъ ея, когда и писанныя представляютъ такое извращеніе и измѣненіе къ худшему? И кто такъ смѣлъ и такъ доврчивъ къ достоинству апостольскаго престола (папскаго), что дерзнетъ сказать, что, если-бы нынѣ возвратился къ жизни святой отецъ нашъ Ириней, то, видя римскую Церковь въ столь существ-

венныхъ и вселенскихъ членахъ христiанской вѣры отступившею отъ древняго и первоначальнаго апостольскаго ученiя,—онъ первый не возсталъ-бы противъ нововведенiй и самовольныхъ учрежденiй этой Церкви, о которой онъ тогда справедливо отзывался съ похвалою, какъ о соблюдавшей въ чистотѣ отеческiе догматы? Напримѣръ, если-бы святой отецъ увидѣлъ, что римская Церковь не только изъ своего чина литургiи, по внушенiю схоластиковъ, исключила древнѣйшее и апостольское призыванiе тайнодѣйственнаго Духа, и жалко искажила священнодѣйствiе въ существенной его части, но и всячески старается изгнать оное изъ литургiй и прочихъ христiанскихъ обществъ, клевеща,—(такъ недостойно апостольскаго престола, который величается!) —будто „это вкралось послѣ раздѣленiя“ (Церквей) стр. 11, строк. 11): что сказалъ-бы онъ объ этой новизнѣ, онъ, который увѣряетъ насъ (Ирин. кн. IV гл. 34, издан. Massuet 18), что „земной хлѣбъ, когда надъ нимъ совершится призыванiе (ἐκκλησιῶν) Бога, не есть уже простой хлѣбъ и проч., разумѣя здѣсь подъ словомъ (ἐκκλησιῶν), именно то призыванiе, посредствомъ котораго совершается таинство литургiи? А что св. Ириней такъ вѣровалъ, объ этомъ замѣтилъ даже одинъ изъ папскихъ монаховъ ордена Миноритовъ, Францискъ Февъ-Ардентiй, издавшiй въ 1639 году съ толкованiями сочиненiя упомянутаго святаго отца (см. 18 гл. I книги, отд. 114) *Panem et calycem commixtum per invo-*

cationis verba corpus et sanguis Christi vere fieri, т. е. (святѣйшій Ириней учитъ, что хлѣбъ евхаристіи и растворенное вино, чрезъ слова призванія, истинно становятся тѣломъ и кровію Христовы-ми". Далѣе, что сказалъ-бы онъ, услышавъ о намѣстничествѣ и главенствѣ папы,—онъ, который по поводу небольшого, почти безразличнаго разногласія о времени празднованія пасхи (Евсев. Цер. истор. V, 26), столь сильнымъ и торжественнымъ увѣщаніемъ, противостоялъ неумѣстному въ соборной Церкви Христовой, повелительному тону папы Виктора?—Такъ-то самъ Отецъ, приводимый Его блаженствомъ во свидѣтеля главенства римской Церкви, подтверждаетъ, что достоинство ея состоитъ не въ господствѣ и не въ главенствѣ, которыхъ и самъ Петръ никогда не получалъ,—но въ братскомъ старѣйшинствѣ во вселенской Церкви и преимуществѣ, предоставленномъ папамъ ради знаменитости и древности ихъ города. Такъ и четвертый Вселенскій Соборъ, сохраняя узаконенную третьимъ Вселенскимъ Соборомъ независимость церквей, слѣдуя второму Вселенскому (прав. 3), а чрезъ него и первому (прав. 6), назвавшую правительственную власть папы надъ западными церквами не болѣе, какъ обычаемъ,—объявилъ, что „отцы прилично дали преимущества (престолу древняго Рима); поелику то былъ царствующій градъ“ (кан. 28),—не сказавъ ничего о присвоенномъ ими (папами) преемствѣ отъ апостола Петра и особенно о намѣстничествѣ римскихъ еписко-

повъ и ихъ вселенскомъ пастыренаачальствѣ. Столь глубокое молчаніе о важныхъ преимуществахъ и, притомъ, объясненіе первенства римскихъ епископовъ не изъ словъ: „*наси овци Моя*“ и „*на семь камени созижду Церковь Мою*“, но просто изъ обычая и ради царствующаго града, и при томъ первенства, даннаго не Господомъ, а отцами, мы увѣрены, (покажется Его блаженству, иначе объясняющему свои преимущества (стр. 8, строк. 16) тѣмъ болѣе страннымъ, тѣмъ болѣе (какъ видно изъ § 15) находить онъ рѣшительнымъ свидѣтельство упомянутаго четвертаго Вселенскаго Собора въ пользу своего престола; да и Григорій Двоесловъ, именуемый Великимъ, обыкновенно называетъ эти четыре Вселенскихъ Собора (книга I, посл. 25) какъ-бы четырьмя Евангеліями и четырёхугольнымъ камнемъ, на которомъ создана соборная Церковь.

§ 14. Его блаженство говоритъ (стр. 10, строк. 12), что коринѳяне, по случаю возникшаго у нихъ несогласія, отнесли къ Клименту, папѣ римскому, который, обсудивши дѣло, отиравилъ къ нимъ посланіе и они съ такимъ уваженіемъ приняли его рѣшеніе, что читали оное въ церквахъ. Но это событіе есть очень слабое доказательство папской власти въ домѣ Божіемъ: такъ какъ Римъ былъ тогда средоточіемъ управленія и столицею императоровъ, то всякое дѣло, сколько-нибудь важное, каковъ споръ коринѳянъ, должно было тамъ разбираться, особенно, если одна изъ спо-

рящихъ сторонъ прибѣгала къ постороннему посредничеству. Такъ бываетъ и до нынѣ. Патріархи Александріи, Антиохіи и Іерусалима, въ случаѣ дѣлъ необыкновенныхъ и запутанныхъ, пишутъ къ патріарху Константинополя потому, что сей городъ—есть столица самодержцевъ и при томъ имѣетъ преимущество, предоставленное ему Соборами. Если братскимъ содѣйствіемъ исправится нуждающееся въ исправленіи,—то хорошо; если-же нѣтъ, то дѣло передается правительству по надлежащему. Но сіе братское содѣйствіе въ христіанской вѣрѣ, не бываетъ на счетъ свободы церквей Божіихъ. Тоже надобно сказать и касательно приводимыхъ Его блаженствомъ (стр. 9, строк. 5, 17) примѣровъ изъ жизни святыхъ—Анастасія Великаго и Іоанна Златоустаго, т. е. что это—примѣры предстательства братскаго и подобающаго преимуществамъ епископовъ римскихъ Юлія и Иннокентія: между тѣмъ преемники ихъ нынѣ требуютъ отъ насъ покорности въ искаженіи божественнаго Символа, тогда какъ самъ Юлій изъявилъ тогда негодованіе на нѣкоторыхъ за то, что „они возмущаютъ церкви отступленіемъ отъ никейскихъ догматовъ“ (Созом. церк. ист. книг. III глав. 7), и угрожалъ имъ! „что не будетъ болѣе терпѣть, если они не перестанутъ вводить новизны“.—Въ дѣлѣ коринѳянъ надобно еще замѣтить и то, что изъ тогдашнихъ трехъ только патріаршихъ престоловъ ближайшій и важнѣйшій для коринѳянъ былъ престолъ римскій, къ которому по правиламъ

и должны были отнестись. И такъ, здѣсь мы не видимъ ничего особеннаго и доказывающаго право папы на господство въ свободной Церкви Божіей.

§ 15. Наконецъ, его блаженство, (строк. ту же стран. 20), говоритъ, что четвертый Вселенскій Соборъ (который, конечно, по ошибкѣ, онъ переноситъ изъ Халкидона въ Кархидонъ): по прочтеніи посланія папы Льва I-го воскликнулъ, „Петръ сказалъ это устами Льва“! Дѣло точно такъ было. Но его блаженству не надобно было бы оставлять безъ вниманія и того, какъ и послѣ какого тщательнаго изслѣдованія, Отцы сказали упомянутые слова въ похвалу Льва. Такъ какъ онъ (папа), можетъ быть заботясь о краткости, опустилъ одно обстоятельство весьма нужное и ясно показывающее, что важность Вселенскаго Собора гораздо выше достоинства не только папы, но и Собора, его окружающаго, то мы въ кратцѣ представимъ дѣло, какъ оно дѣйствительно было. Изъ шести сотъ слишкомъ Отцевъ, присутствовавшихъ на Халкидонскомъ Соборѣ, почти 200 мудрейшіе изъ нихъ назначены были Соборомъ рассмотреть и по буквѣ, и по мыслямъ означенное посланіе Льва, и не только рассмотреть, но и представить письменно и за своею подписью мнѣніе свое о томъ, православно-ли оно или нѣтъ. Почти 200 отдѣльныхъ мнѣній и сужденій о томъ посланіи находятся въ описаніи четвертаго засѣданія св. Собора, и онѣ такого содержанія, напр. пар. 600.

„Максимъ, епископъ Антиохіи сирійской сказалъ: посланіе Льва, святаго архіепископа, царствующаго Рима, согласно съ ученіемъ Вѣры, изложенной 318 святыми Отцами никейскими и 150 собравшимися въ Константинополѣ, новомъ Римѣ, и святымъ епископомъ Кирилломъ въ Ефесѣ, въ чемъ и подписуюсь“.

И еще: „Теодоритъ, боголюбивѣйшій епископъ кирскій, (сказалъ): посланіе святѣйшаго архіепископа Льва согласно съ вѣроученіемъ, изложеннымъ въ Никее святыми и блаженными Отцами, и съ Символомъ Вѣры, изданнымъ въ Константинополѣ 150 Отцами, и съ посланіями блаженнаго Кирилла, и одобливъ вышеозначенное посланіе, я подписался“.

И такъ по порядку всѣ объявляютъ: „согласуется посланіе“, „согласно посланіе“; не противорѣчить посланіе, по мыслямъ своимъ и проч.“, и уже послѣ тщательнаго сличенія его съ прежними св. Соборами и по причинѣ совершеннаго православія содержащихся въ немъ мыслей, а не потому только, что то было посланіе папы, они произнесли, не щадя ни какихъ похвалъ, съ замѣчательныя слова, которыми нынѣ хвалятся Его блаженство: Но еслибы и Его блаженство прислалъ намъ (изложеніе Вѣры), согласное съ древними святыми семью Вселенскими Соборами, вмѣсто того, чтобы хвалиться благочестіемъ своихъ предшественниковъ, засвидѣтельствованнымъ нашими предшественниками и Отцами на Вселенскомъ Соборѣ, то и

онъ справедливо могъ бы хвалиться своимъ православіемъ, вмѣсто доблестей предковъ являя собственную доблесть. Если Его блаженству и теперь будетъ угодно прислать что либо такое, что 200 Отцевъ по изслѣдованіи и обсужденіи найдутъ согласнымъ съ прежними Соборами, то и теперь, говоримъ мы, онъ можетъ услышать и отъ насъ грѣшныхъ не только слова: „Петръ сказалъ это“, или что другое уважительное, но и такія слова: „да облобызается святая рука, отершая слезы соборной Церкви!

§ 16. Да, отъ мудрости Его блаженства можно было ожидать такого предпріятія, которое было бы достойно истиннаго преемника святаго Петра, Льва I и Льва III, начертавшаго, для огражденія православной Вѣры, божественный Символъ неповрежденнымъ на несокрушимыхъ дщцахъ, предпріятія, которое соединило бы Церкви западныя съ святою Соборною Церковію, въ которой оставляется праздными и не занятыми — и каноническая первенствующая каѳедра Его блаженства, и каѳедры всѣхъ епископовъ Запада; ибо Соборная Церковь, ожидая, конечно, обращенія отпадшихъ пастырей съ ихъ паствами, не опредѣляетъ на оныя новыхъ святителей, посредствомъ празднаго нарѣчія, когда онѣ на самомъ дѣлѣ заняты другими, дабы не унижать священства. И мы точно ожидали „слова утѣшенія“ и надѣялись, что оно „обновитъ слѣды Отцевъ“, какъ писалъ святой Василій къ святому Амвросію, епископу медіосланскому (писм. 55); но,

къ великому нашему удивленію, прочли упомянутое окружное посланіе къ Восточнымъ, изъ котораго, къ крайнему душевному прискорбію, увидѣли, что и прославляемый въ мудрости Его блаженство, подобно предшественникамъ своимъ со времени раздѣленія (Церквей), изрѣкаетъ тѣ же слова развращенія, т. е. не правильное прибавленіе къ совершеннѣйшему священному нашему Символу, утвержденному Вселенскими Соборами, искаженіе священныхъ Литургій, которыхъ одинъ небесный составъ, и имена составителей, и одна почтенная древность и важность, признанная седьмымъ Всесенскимъ Соборомъ (Дѣян. 6), заставили бы отцѣпѣть и отклониться назадъ даже ту святотатственную и дерзкую руку, которая заушила Господа славы. Изъ всего этого мы заключили, въ какой неисходный лабиринтъ заблужденія и въ какой не исправимый порокъ лжеумствованія ввергъ папизмъ даже благоразумнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ епископовъ римской Церкви, когда они для сохраненія „непогрѣшительной и слѣдовательно обязательной намѣстнической власти и правительственнаго главенства между своими подчиненными“, принуждены касаться божественнаго и неприкосновеннаго и посягать на все, показывая, правда, на словахъ уваженіе къ „достопочтенной древности“ (стр. 11 ст. 16). но на самомъ дѣлѣ, питая неукротимую страсть къ новизнѣ по отношенію къ предметамъ священнымъ, какъ видно изъ словъ (папы): „нужно отдѣлить отъ нихъ то,

что вкралось въ нихъ послѣ раздѣленія и пр.“ (тамъ же ст. 11), гдѣ онъ примѣшиваетъ ядъ новизны къ самой вечери Господней. Изъ сихъ словъ можно подумать, что Его блаженство подозрѣваетъ, будто и въ православной Соборной Церкви произошло тоже, что произошло, какъ онъ знаетъ, въ Церкви римской по утвержденіи пализма, т. е. измѣненіе всѣхъ вообще таинствъ, и искаженіе ихъ на основаніи схоластическихъ мудрованій, которыми онъ старается доказать такіе же недостатки и въ нашихъ священныхъ литургіяхъ, таинствахъ и догматахъ, отзываясь впрочемъ съ уваженіемъ о ихъ достопочтенной древности, и вовсе не думая, конечно, по снисхожденію чисто апостольскому, какъ выражается онъ „опечалить насъ строгимъ отверженіемъ (литургій, обрядовъ и проч. стр. 11, строк. 5). “Отъ такого же незнанія апостольскихъ и соборныхъ обычаевъ нашихъ произошло, безъ сомнѣнія, и другое его изрѣченіе (ст. 7. ст. 22): „но даже между вами не могло сохраниться единства ученія и священнаго управленія,“ въ которомъ (изрѣченіи) онъ страннымъ образомъ приписываетъ намъ собственный недостатокъ, подобно тому, какъ нѣкогда папа Левъ IX, въ письмѣ къ блаженной памяти Михаилу Керуларію, обвинялъ грековъ въ искаженіи Символа Соборной Церкви, не стыдясь ни своего сана, ни исторіи. Но мы увѣрены, что если Его блаженство припомнить церковную археологію и исторію, ученіе божественныхъ отцевъ и древнія ли-

тургін Галліи и Испаніи и служебникъ древней Римской Церкви, то онъ съ ужасомъ увидить, сколько и другихъ не сообразностей, существующихъ еще и нынѣ, произвелъ на западѣ папизмъ, между тѣмъ какъ у насъ православіе сохранило Соборную Церковь непорочною невѣстою жениху ея, — хотя мы и не имѣемъ ни какого свѣтскаго надзирательства (*desuoriciu costmiciu*) или, какъ говорить Его блаженство, „священнаго управленія“ (стр. 7. строк. 23.), а только соединены союзомъ любви и усердія къ общей матери, въ единствѣ вѣры, запечатлѣнной семью печатями духа (Апок. 5, 1) т. е. семью Вселенскими Соборами, и въ послушаніи истинѣ, увидить, сколько, напротивъ, „нужно отдѣлать отъ нынѣшнихъ папскихъ догматовъ и таинствъ,“ какъ „заповѣдей человѣческихъ,“ для того чтобы все — измѣнившая западная Церковь могла приблизиться къ неизмѣнной, Соборной, православной вѣрѣ общихъ отцевъ нашихъ, по отношенію къ которой (какъ онъ, по словамъ его, знаетъ, стр. 8, строк. 30) мы всѣ стараемся сохранять то ученіе, какового держались наши предки (тамже стр. 31.); почему и онъ самъ хорошо дѣлаетъ, научая (тамже стр. 31.) насъ „слѣдовать древнимъ іерархамъ и вѣрнымъ восточныхъ епархій.“ А какъ разумѣли они (древніе іерархи) учительскую власть архіепископовъ древняго Рима, и какое понятіе должны имѣть о нихъ мы, чада православной Церкви, и какимъ образомъ должно принимать ученіе ихъ, примѣръ этаго они

показали намъ соборнѣ (§ 15), и небоявленный Василій внятно прояснилъ это (§ 7.). Что же касается до верховной власти ихъ (Римскихъ архіепископовъ,) то поелику здѣсь мы не намѣрены предлагать объ этомъ подробнаго изслѣдованія, приведемъ краткія слова того же Василія Великаго: „хотѣлъ я писать къ главному ихъ (ἀρχιεπισκόπῳ“ тамже)...

§ 17. Изъ всего этого всякій, воспитанный въ здоровомъ католическомъ ученіи, а тѣмъ болѣе Его блаженство, можетъ заключить, какъ неблагочестно и не согласно съ правилами соборовъ покушаться на измѣненіе нашихъ догматовъ, литургій и прочихъ священнодѣйствій, которыхъ древность, современная самому христіанскому ученію, засвидѣтельствована всегдашнимъ къ нимъ уваженіемъ и вѣрою въ ихъ неприкосновенность, даже со стороны древнихъ православныхъ папъ, у которыхъ нѣкогда все то было общее съ нами; сколько съ другой стороны благопотребно и благочестно исправить новизны, время вторженія коихъ въ Церковь римскую мы опредѣленно знаемъ, и противъ которыхъ приснопамятные отцы наши благовременно возвышали голосъ свой. Есть и другія причины, почему Его блаженство легко можетъ произвести такое преобразование. Во первыхъ: наше все, (догматы, постановленія и проч.) было нѣкогда въ уваженіи и у западныхъ, имѣвшихъ тѣ же священнодѣйствія и исповѣдовавшихъ одинъ и тотъ же Символъ; между тѣмъ какъ тѣ нововве-

денія не были извѣстны нашимъ отцамъ, не могутъ быть подтверждены писаніями, хотя только западныхъ православныхъ отцевъ, и не могутъ быть доказаны ни по отношенію къ древности, ни къ всемѣстности. Далѣе: у насъ ни патріархи, ни соборы ни когда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія (*ὑπερασπιστὴς τῆς Ὁρθοδόξιας*) у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохрѣнить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцевъ его, какъ то испытали многіе и изъ папъ, и латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія ни сколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ; между тѣмъ въ западной Церкви, какъ прежніе папы по временамъ и безъ труда, и съ насиліемъ, канонизовали въ ней (вѣрѣ) многія новизны ради благоустройства (*οὐκονομίαν*), какъ говорили они въ защиту свою отцамъ нашимъ, хотя на самомъ дѣлѣ производили не строеніе въ тѣлѣ Христовомъ; такъ папа же опять, уже дѣйствительно ради святаго и праведнѣйшаго благоустройства, могъ бы и исправить *не мрежи*, но самый раздранный хитонъ Спасителя, возстановить почтенныя и древнія священнодѣйствія, которыя „способны сохрѣнить благочестіе,“ какъ выражается самъ Его блаженство (стр. II. строк. 16.) и которыя почитаетъ онъ, по словамъ его (тамъ же ст. 14), и предшественники его уважали,—повторивъ достопамятное изреченіе одного изъ блаженной памяти своихъ предшественниковъ (т. е. Це-

лестна на III Вселен. Соборѣ): *Desinat novitas incesserré vetustatem*, — да престанетъ новизна возставать на древность.“ Пусть хотя въ одномъ этомъ послужить къ благу соборной Церкви до-селѣ исповѣдуемая непогрѣшимость папскихъ опредѣленій! Правда, въ такомъ предпріятіи даже и такой папа, какъ Пій IX, при всей своей мудрости, благочестіи и ревности о христіанскомъ единеніи Вселенской Церкви, какъ самъ онъ выражается,—можетъ встрѣтить отъ вѣ и изнутри препятствія и затрудненія; но здѣсь то въ особенности мы должны обратить вниманіе Его блаженства (да не покажется это дерзостію съ нашей стороны) на слѣдующее положеніе въ его посланіи (стр. 8, строк. 32,) „въ дѣлахъ, касающихся исповѣданія божественной вѣры, нѣтъ ничего столь тяжкаго, чтобы не должно было претерпѣть для славы Христовой и ради воздаянія въ вѣчной жизни.“ По сему долгъ Его блаженства — показать предъ Богомъ и людьми, что онъ, будучи начало-вождемъ богоугоднаго предпріятія, есть вмѣстѣ и ревностный защитникъ гонимой истины Евангелія и святыхъ Соборовъ, жертвующій даже собственными выгодами, чтобы быть, по словамъ пророка (Ис. 40, 17,) начальникомъ *въ мирѣ* и епископомъ *въ правдѣ*. Да будетъ же! Но доколь состоится сіе возжелѣнное обращеніе отпадшихъ Церквей къ тѣлу единой, святой, соборной и апостольской Церкви, которой *глава Христосъ* (Евр. 4. 15.), мы же всѣ „*уды отъ части*,“ до толѣ всякое ихъ по-

кушеніе и всякое ихъ самозванное увѣщаніе, клонящееся къ искаженію нашей, отъ отцевъ намъ преподанной, неукоризненной вѣры, не только какъ подозрительное и опасное, но и какъ нечестивое и душепагубное — достойно соборнаго осужденія. Такому же осужденію подлежить въ особенности и окружное посланіе къ восточнымъ епископамъ древняго Рима папы Пія IX; такимъ мы и объявляемъ его въ соборной Церкви!

§ 18. Посему, возлюбленные братіе, и сослужители нашего смиренія! какъ всѣгда, такъ въ особенности въ настоящее время, по случаю изданія упомянутаго окружнаго посланія, мы считамъ своею непремѣнною обязанностію, въ слѣдствіе нашего патріаршескаго и соборнаго рѣшенія, да не погибнетъ кто либо изъ священной ограды соборной православной Церкви, святѣйшей нашей общей матери;—не только себѣ самимъ напоминать ежедневно, но и васъ просить, чтобы вы напоминали другъ другу слова и увѣщанія блаженнаго Павла (сказанныя имъ) къ святымъ предшественникамъ нашимъ, которыхъ опъ собиралъ въ Ефесѣ: *внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ-же васъ духъ святыи постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею. Азъ бо въмъ сіе яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тягцы въ васъ, не щадящии стада. И отъ васъ самѣхъ возстанутъ мужіе глаголющии развращенная, еже оторвати ученики вслѣдъ себѣ. Сего ради бдите.* (Дѣян. 20, 28, 31). Предшественники и Отцы наши

выслушавъ сіи божественныя наставленія, пролили тогда обильныя слезы, и, повергаясь на выю его (Павла), цѣловали его. Такъ и мы, братіе, слушая его, поучающаго насъ со слезами, повергнемся мысленно со слезами на выю его, и, цѣлуя, утѣшимъ его твердымъ обѣщаніемъ нашимъ, что никто не отлучитъ насъ отъ любви Христовой; никто не отклонитъ насъ отъ евангельскаго ученія; никто не совратитъ насъ отъ надежнаго руководства Отцевъ нашихъ также, какъ и ихъ никто не могъ прельстить при всемъ стараніи, съ какимъ по временамъ домогались этого люди, побуждаемые къ тому искушителемъ; дабы, достигнувъ цѣли Вѣры, т. е. спасенія душъ нашихъ и словеснаго стада, надъ которымъ Духъ Святой поставилъ насъ пастырями, услышать намъ отъ Господа: *добръ, рабе благодій и отърныи!*

§ 19. Сіе апостольское увѣщаніе и убѣжденіе чрезъ васъ мы посылаемъ ко всему православному обществу вѣрующихъ, гдѣ бы они не находились; къ священникамъ и іеромонахамъ, іеродіаконамъ и монахамъ; однимъ словомъ, ко всему причту и боголюбивому народу; къ начальникамъ и подчиненнымъ, богатымъ и бѣднымъ, родителямъ и дѣтямъ, учителямъ и ученикамъ, образованнымъ и необразованнымъ, господамъ и рабамъ, дабы всѣ, укрѣпляясь и укрѣпляя совѣтами другъ друга; *возмогли стать противу кознемъ діавольскимъ*, ибо такъ заповѣдуетъ всѣмъ намъ и блаженный апостоль Петръ (1. Петр. 5, 8, 9.): *трезвитесь, бодр-*

стауйте: зане супостатъ самъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кою поглотити. Ему же противитися тверди въроу.

§. 20. Вѣра наша, братіе, (получила начало) не отъ чловѣкъ и не чрезъ чловѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа, которое проповѣдывали божественные апостолы, утвердили святые Вселенскіе Соборы, предали по преемству великіе мудрые учителя вселенной, и запечатлѣли своею кровію святые мученики! Будемъ держаться исповѣданія, которое мы приняли чистымъ отъ толикихъ мужей, отвергая всякую новизну, какъ внушеніе діавола: принимающій новое (ученіе) признаетъ какъ бы не совершенною преподаванную ему православную Вѣру. Но она будучи уже вполнѣ раскрыта и запечатлѣна, не допускаетъ ни убавленія, ни прибавленія, ни другаго какого либо измѣненія, и держающій или сдѣлать, или совѣтывать, или замышлять сіе, уже отвергся вѣры Христовой, уже подвергся добровольно вѣчной анаѣмѣ за хулу на Духа Святаго, какъ будто Онъ (Духъ Святой), глаголаѣ не совершенно въ писаніяхъ и на Вселенскихъ Соборахъ. Сію страшную анаѣему, братіе и возлюбленныя чада о Христѣ, не мы изрекаемъ нынѣ, но изрекъ прежде всѣхъ Спаситель нашъ (Матѣ: 12, 32): *иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему, ни въ сей вѣкъ ни въ будущій*, изрекъ божественный Павелъ (Гал, 1, 6): *чуждуюся, яко тако скоро предлагается отъ звавшаго въ благодатію Христовою, во ино благовѣ-*

ствование, еже *нѣсть* ино: *точію* *нѣции* *суть* *сму-^ощающіи* *вы*, и *хѣтящіи* превратити *благовѣство-^ованіе* Христово. Но и *аще* *мы*, или *ангелъ* съ не-
бесе *благовѣститъ* *вамъ* *паче*, еже *благовѣстихомъ*
вамъ, *анаѡема* *да* *будетъ*. Тоже изрекли и семь Все-
ленскихъ Соборовъ, и цѣлый *ликъ* *богоносныхъ*
Отцевъ. И такъ всѣ замышляющіи новизну—ересь
или расколъ, добровольно облеклись, по словамъ
псалмопѣвца (Псал. 108, 17): *въ* *клятву* *яко* *въ*
ризу, хотя бы то были папы, или патріархи, или
клирики, или міряне; пусть даже будетъ это ан-
гелъ съ неба, и онъ *анаѡема* *дабудетъ*, *аще* *бла-^оговѣститъ* *вамъ* *паче* *еже* *пріасте*. Такъ рассу-
ждали Отцы наши, внимая душеспасительнымъ сло-
вамъ Павла, и пребыли твердыми и непреклонны-
ми въ Вѣрѣ, по преемству имъ преданной, сохра-
нили ее неизмѣнною и чистою среди столькихъ
ересей, и предали ес намъ всецѣлою и неповреж-
денною, какъ истекла она изъ устъ первыхъ слу-
жителей Слова. Такъ рассуждая, и мы предадимъ
ее въ грядущія поколѣнія совершенно такою же,
какою сами приняли, безъ всякаго измѣненія, дабы
и онѣ, подобно намъ, непостыдно и безъ упрека
могли говорить о Вѣрѣ своихъ предковъ.

§ 21. По сему, братіе и возлюбленныя чада о
Господѣ, очистивъ души наши, по апостолу, *въ*
послушаніи истинны (1 Петр. 1, 22), *будемъ* *вни-^омать* *слышаннымъ*, *да* *не* *когда* *отпадемъ* (Евр. 21).
Вѣра исповѣдуемая нами, непостыдна! Она преподана
въ Евангеліи устами Господа нашего, засви-

дѣлательствована святыми апостолами и священными семью Вселенскими Соборами; проповѣдана во всей вселенной, засвидѣлательствована самими врагами ея, которые прежде уклоненія своего отъ православія въ ереси исповѣдывали ту же вѣру или сами, или отцы, или праотцы ихъ; она по свидѣтельству исторіи, торжествовала надъ всѣми ересями, которыя нападали и нападаютъ на нее, какъ видите, до настоящаго времени. Наши святые и божественные Отцы и предшественники, непрерывно преемствующие другъ другу, начиная отъ апостоловъ и отъ поставленныхъ (апостолами), преемниковъ ихъ даже до настоящаго времени, — составляя одну неразрывную цѣпь и соединяясь рука въ руку образуютъ священную ограду, которой *дверь-Христосъ*, гдѣ пасется вся православная паства на плодородныхъ нивахъ таинственного Эдема, а не „на стезяхъ кривыхъ и стропотныхъ“, какъ говоритъ Его блаженство (стр. 7, ст. 12). Церковь наша содержитъ безошибочные и неповрежденные тексты священнаго Писанія, ветхій Заветъ въ точномъ и вѣрномъ переводѣ, а новый въ самомъ подлинникѣ; священнодѣйствія таинствъ, и въ собенности Божественной Литургіи, въ ней суть тѣже самыя, свѣтлыя и трогательныя какъ преданы апостолами. Ни какой другой народъ, ни какое другое христіанское общество не можетъ похвалиться святыми Іаковомъ, Василиемъ, Златоустомъ: семь Вселенскихъ Соборовъ, сіи семь столповъ дома премудрости, были созданы у насъ: наша Церковь

хранить подлинники священныхъ опредѣленій ихъ. Пастыри ея, честное пресвитерство и ликъ монашескій сохраняють древнюю неукоризненную steepность первыхъ вѣковъ христіанства—въ своемъ чинопочитаніи, въ образѣ жизни и даже въ самой простотѣ одежды своей. Да, по истинѣ, въ сію святую ограду (Церкви) непрерывно вторгались и вторгаются, какъ видимъ, *волны тяжкія*, по предсказанію апостола,—что и доказываетъ, что въ ней заключаются истинные агнцы *Пастыреначальника*; но она всегда воспѣвала и воспѣваетъ: *обышедше и обыдоша Мя, и именею Господнимъ противляхся имъ* (псал; 117, 11). Припомнимъ еще одно обстоятельство, хотя прискорбное, но которое можетъ пояснить и доказать истину словъ нашихъ. Всѣ христіанскіе народы, какіе только вѣрують нынѣ во имя Христово, не исключая даже самаго Запада, ни самаго Рима, какъ это намъ извѣстно изъ списка первыхъ папъ,—научены истинной вѣрѣ Христовой нашими святыми предшественниками и отцами. Но уже впоследствии люди коварные, изъ коихъ многіе были пастырями и архипастырями упомянутыхъ народовъ,—увы! дерзнули своими жалкими мудрованіями и еретическими мнѣніями исказить православіе тѣхъ народовъ, какъ свидѣлствуетъ неложная исторія и какъ предсказывалъ апостоль Павелъ.

§ 22. Познаемъ-же изъ сего, братія и духовныя чада наши, сколь великую благодать явилъ Богъ въ православной вѣрѣ нашей и единой, святой,

соборной и апостольской Его Церкви, которая какъ мать, вѣрная своему супругу, возвращаетъ насъ непостыдно и безукоризненно, да будемъ благоотвѣтны *о нашемъ упованіи* (I Петр. 3, 15). Чѣмъ же воздадимъ мы грѣшныя, Господу *о всѣхъ, яже воздаде намъ?* Не оскудѣвающій благами Господь и Богъ нашъ, стяжавшій насъ собственною кровію, ни чего не требуетъ отъ насъ, какъ только приверженности нашей, отъ всей души и отъ всего сердца, къ безукоризненной святой вѣрѣ отцевъ нашихъ; преданности и любви къ православной Церкви, возродившей насъ не новоизмышленнымъ окропленіемъ, но божественною банею апостольскаго крещенія,—питающей насъ по вѣчному завѣту Спасителя нашего, собственнымъ честнымъ тѣломъ Его,—щедро, какъ истинная мать, напаяющей насъ честною кровію Его, пролитую нашего ради спасенія и всего міра. И такъ, обнимемъ ее мысленно, какъ птенцы мать свою, гдѣ-бы мы не находились—на Сѣверѣ, или Югѣ, Востокѣ, или Западѣ; устремимъ свои взоры и мысли къ божественному и пресвѣтлому виду и добротѣ ея; емлемся обѣими руками за пресвѣтлый хитонъ ея, которымъ облекъ ее своими пречистыми руками красный добротою Женихъ ея, когда избавилъ ее отъ рабства грѣха и сдѣлалъ своею вѣчною Невѣстою. Возчувствуемъ въ душахъ нашихъ скорбное чувство матери, любящей дѣтей своихъ, и дѣтей, любящихъ мать свою, когда дерзкіе и злонамѣренныя хищники всячески стараются или ее

отвести въ рабство, или ихъ вырвать изъ матернихъ объятій. Будемъ питать въ себѣ сіе чувство—клирикп и міряне, въ особенности тогда, когда духовный врагъ нашего спасенія, представляя обольстительныя удобства (стр. 11, строк. 2—25) употребляетъ всѣ средства и ходитъ всюду, по словамъ блаженнаго Петра, *искій кого поглотити*,—и когда на томъ пути, по которому мы проходимъ мирно и незлобиво, разставляетъ свои коварныя сѣти.

§ 23. *Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ пастыря овцамъ великаго (Евр. 13, 20), уже не воздремлетъ, ниже уснетъ храняи израиля, да ограждать сердца ваши и помышленія ваши, и направить стопы ваши на всякое дѣло благое. Пребывайте здоровыми, радуясь о Господѣ!*

1848 года, мѣсяца мая, 6-го дня

Подлинное подписали:

Анеимъ, Божіею милостію архіепископъ Константиноля новаго Рима, и вселенскій патріархъ, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Героеей, Божіею милостію патріархъ Александріи и всего Египта, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Мееодій, Божіею милостію патріархъ великаго града Божія Антиохіи и всего Востока, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Кириллъ, Божіею милостію патріархъ Іерусалима и всей палестины, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Далѣе слѣдуютъ подписи 29 епископовъ Константинопольскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго Синодовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе первое. Очеркъ исторіи раздѣленія церквей.

I. Характеристическія особенности и взаимныя отношенія церквей въ первые вѣка христіанства	1
II. Обстоятельства, способствовавшія возникновенію папъ до половины IX вѣка	14
III. Споры между церквами въ половинѣ IX вѣка	27
IV. Разрывъ въ половинѣ XI вѣка	36

Отдѣленіе второе. Отношенія Римской Церкви къ Восточнымъ послѣ раздѣленія.

I. Общая характеристика отношеній Римской Церкви къ православному востоку	52
II. Отношенія Римской церкви къ греческимъ въ XI и XII вѣкахъ	58
III. Владѣтельство Латинянъ въ Константинополѣ въ XIII вѣкѣ	69
IV. Лионская Унія	85
V. XIV и XV столѣтія	94
VI. Латинская пропаганда на востокъ послѣ паденія Константинополя	116
VII. Притязанія папства на восточную церковь при папѣ IX.	135
VIII. Латинская пропаганда въ славянскихъ странахъ	155
IX. Насильственное утвержденіе латинства у прибалтійскихъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Венгровъ, Хорватовъ, галицкихъ и угорскихъ Русскихъ	169
X. Латинская пропаганда у Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ	197

Омружное посланіе свѣтѣйшаго патріарха константинопольскаго Фотія къ александрійскому и прочимъ восточнымъ патріаршимъ престоломъ	223
---	-----

Омружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всемъ православнымъ христіанамъ	245
---	-----

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.	ВМѢСТО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
19	— 26	Филиксомъ	Феликсомъ.
26	— 15	Вальродомъ	Вальрадомъ
27	— 9	съ	предъ.
41	— 8	чуждаго	чуждою.
55	— 7	принятія	полнаго принятія.
71	— 30	осажонъ	осажденъ.
76	— 30	Веннѣ	Веемѣ.
78	— 21	государству	господству.
79	— 9	предложенныхъ	предположенныхъ
84	— 17	живутъ	живутъ болѣею частію.
86	— 8	забрались	собрались.
92	— 28	мира	мира.
98	— 8	XIV	XV.
117	— 12	лазаристовъ	лазаристовъ.
131	— 6	Рафалъ	Рафалъ.
126	— 8	Россіи	Росси.
—	— 16	Контарисъ	Контарисъ.
129	— 27	Лукариса	Контариса.
148	— 9	государства	государя.
158	— 14	у славянъ	у славинъ до
164	— 8	Анегарія	Ансгарія.
177	— 22	Хатунскимъ	Хотунскимъ.
182	— 17	Добравскаго	Добровскаго.
185	— 30	Бага	Бага.
189	— 13	измѣнены	замѣлены.
203	— 12	Дечанскій	Дечанскій.
214	— 17	Шинлиномъ	Шинлиномъ.
238	— 8	измѣненіе	изведеніе.
288	— 26	поработавши	поработивши.
252	— 21	Дамасы	Дамаса.
256	— 20	чаши	чаши.
258	— 13	прасителей	правителей.
259	— 15	а бѣжаты, по	но.
284	— 2	хытяціи	хотяціи.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМЪ

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ

ПРАВОСЛАВІЮ.

СВЯЩЕННИКА

А. М. Иванцова-Платонова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Печатня С. П. Яковлева, Спиридоновка, д. гр. Гобринскаго.

1870.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 28-го
Сентября 1869 года.

Цензоръ архимандритъ Михаилъ.

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМѢ,

И

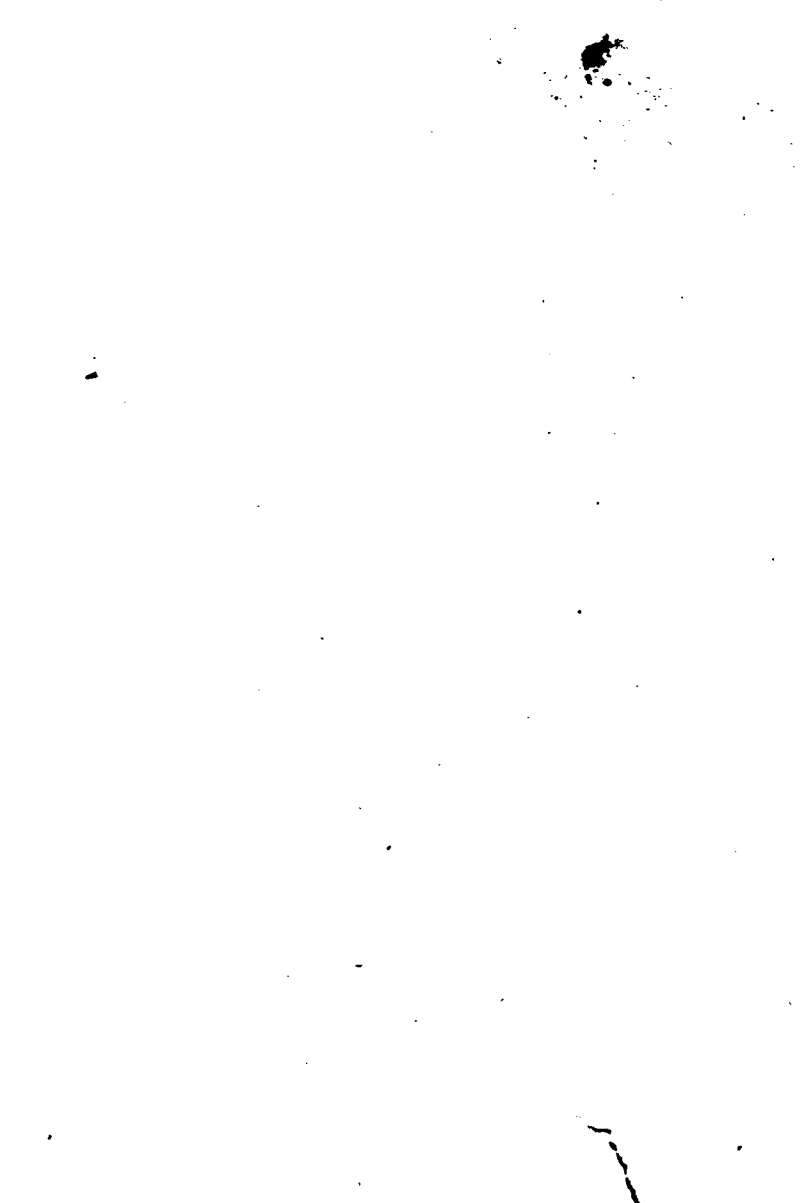
ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ

П Р А В О С Л А В І Ю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

**ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ПАПСТВА И РАЗСМОТРѢНІЕ РИМСКАГО
УЧЕНІЯ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ.**

I.

СОСТОЯНІЕ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ПОСЛѢ ЕЯ ОТДѢЛЕНІЯ
ОТЪ ВОСТОЧНОЙ, СО ВРЕМЕНЪ ПАПЫ НИКОЛАЯ I-ГО ДО
ГРИГОРІЯ VII-ГО.

Со времени отдѣленія Западной церкви отъ Восточной (съ папы Николая I-го), внѣшнее могущество папства, не встрѣчая себѣ на Западѣ Европы твердаго сопротивленія, стало болѣе и болѣе возвышаться. На основаніи лженсдорговскихъ декреталій, послѣ слабаго протеста со стороны нѣкоторыхъ представителей помѣстныхъ Западныхъ церквей (Гинкмара Реймсскаго), папамъ скоро удалось утвердить свою верховную власть надъ всѣми церквами Западной Европы, такъ, что тамъ ни въ одной христіанской странѣ не могли предпринять никакого важнаго церковнаго дѣла, собрать собора, поставить или низложить епископа, безъ соизволенія папскаго. Папы вездѣ стали властвовать, управляя отдаленными помѣстными церквами чрезъ своихъ примасовъ и легатовъ, собирая отовсюду доходы въ пользу своей кathedры, и имѣя вездѣ вѣрныхъ оберегателей своихъ интересовъ въ многочислен-

номъ и преданномъ папству латинскомъ монашествѣ и духовенствѣ. При крайней грубости и безурядицѣ общественныхъ и политическихъ отношеній, при глубокомъ невѣжествѣ, распространенномъ въ средніе вѣка на всемъ Западѣ Европы, папство и вообще духовенство западное, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все таки служившее представителемъ образованности и нравственной силы, получило огромное значеніе не только въ духовныхъ, но и во всѣхъ мірскихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Папа скоро сдѣлался на Западѣ Европы самою высокою и могущественною властью, духовенство самымъ вліятельнѣйшимъ сословіемъ

Но при развитіи внѣшняго могущества, нравственное состояніе Западной Церкви, послѣ ея отдѣленія отъ Восточной, скоро упало на самую низкую степень. Особенно IX, X и XI вѣка остаются самыми темными и позорными вѣками въ исторіи Западной Церкви. Въ духовенствѣ Западномъ господствовали невѣжество, безнравственность и отсутствіе всякаго порядка. Мѣста священническія и епископскія, по вліянію сильныхъ личностей или интригамъ партій, замѣщались людьми недостойными, малоспособными, часто малолѣтними. Случалось такъ, что сильные графы и князья поставляли въ епископы своихъ пятилѣтнихъ, восьмилѣтнихъ сыновей и родственниковъ. Духовенство вело разсѣянную, свѣтскую жизнь въ худшемъ смыслѣ этого слова. Епископы съ священниками

~~Издали на охоту, ходили на войну, держали на-
ложницъ, пиrowали и роскошествовали, какъ бо-
гатѣйшіе свѣтскіе владѣльцы того времени.~~ Церк-
ви Божіи оставались въ небреженіи и часто
подвергались поруганіямъ и разграбленіямъ, то
отъ буйныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, то отъ са-
мыхъ же настоятелей своихъ. Самый престолъ
папскій (съ конца IX до второй половины XI
вѣка) былъ игрищемъ въ рукахъ сильныхъ
итальянскихъ магнатовъ и безнравственныхъ ари-
стократовъ. Одна партія у другой оспаривала вла-
дѣніе апостольскою кафедрою. Въ одно десятилѣтіе
смѣнялось по нѣскольку папъ; рѣдкому изъ папъ
удавалось удержать за собою престолъ до смер-
ти. Въ ожесточенной борьбѣ партій, одинъ пре-
тендентъ на папскій престолъ низвергалъ другаго,
и низверженному папѣ приходилось терпѣть са-
мья унизительныя поруганія, а иногда позорную
насильственную смерть отъ партіи своего побѣ-
дителя; (такъ папа Стефанъ VI по восшествіи на
престолъ (897 г.) кощунственно наругался даже
надъ трупомъ своего предшественника Формоза, и
самъ чрезъ годъ былъ свергнутъ съ престола и
удавленъ въ тюрьмѣ. Іоаннъ X (929 г.), по низ-
верженіи, въ тюрьмѣ задушенъ подушками. Іоаннъ
XI осужденъ на пожизненное заточеніе своимъ
братомъ, свѣтскимъ правителемъ Рима, Альбери-
комъ (933 г.). Бенедиктъ VI удушенъ (974 г.).
Бонифатій VII въ тюрьмѣ уморилъ голодомъ сво-
его соперника Іоанна XIV, и скоро потомъ самъ

былъ отравленъ, и обнаженный трупъ его брошенъ на поруганіе народное и растерзанъ озлобленною чернью. Іоанну XVI Григорій V приказалъ отрѣзать носъ и языкъ, выколоть глаза, и затѣмъ, послѣ поруганія всенароднаго, онъ былъ заточенъ въ тюрьму (998 г.).

Возведенные на первосвятительскій престолъ, интригами партій и не рѣдко вооруженною силой, недостойные носители папскаго званія являли въ себѣ поразительные примѣры безнравственности для всей церкви. Въ продолженіи почти всей первой половины X вѣка папскій престолъ находился въ рукахъ знатныхъ безнравственныхъ римлянъ Теодоры и дочерей ея Марозіи и Теодоры младшей, такъ что весь этотъ періодъ въ исторіи Римской Церкви называется обыкновенно правленіемъ блудницъ (*порукохратіа*). При папѣ Сергіѣ III, любимцѣ Марозіи, Іоаннѣ X, любимцѣ Теодоры, Іоаннѣ XI, сынѣ Марозіи отъ папы Сергія, и въ особенности при Іоаннѣ XII, внуцѣ Марозіи, котораго римляне называли чудовищемъ нечестія и разврата (*) безнравственность на пап-

(*) Этотъ Іоаннъ XII первый соединилъ въ своемъ лицѣ власть Папы съ властью свѣтскаго правителя Рима; до него и послѣ него почти до конца XII вѣка, папы считались владѣтелями церковной области, — но только получали доходъ съ нея; управляли же областью или намѣстники Императора или знатнѣйшіе магнаты, такъ называемые патриціи, изъ среды самихъ римлянъ. Іоаннъ XII жилъ какъ самый безнравственный язычникъ, незаконничалъ съ своими бли-

скомъ престолѣ достигла крайней степени. Латеранскій дворецъ паны былъ наполненъ непотребными женщинами. Честныя женщины боялись ходить въ Римъ на богомолье, чтобы не подвергнуться изруганію. А церкви стояли въ развалинахъ; чрезъ кровлю соборнаго храма св. Петра въ ненастную погоду лилъ дождь. Крайняя беззастенчивость, въ то время господствовавшая на папскомъ престолѣ, подала поводъ къ тому, что въ послѣдствіи образовалась сказка, будто римскою церковью когда-то управляла женщина подъ именемъ папы Іоанна VIII, которая будто бы умерла родами во время торжественной церковной процессіи (*).

жизни родственницами, открыто ругался надъ религіею, напивался виномъ *во славу дьявола*, посвящалъ пресвитеровъ и діаконівъ въ конюшні, клялся языческими клятвами, совершалъ самыя лютыя казни, надѣвалъ на себя воинскіе доспѣхи, ѣздилъ на охоту, велъ войны, строилъ заговоры и умеръ отъ разврата, не причастившись Св. Таинъ; объ этомъ подробно рассказываетъ одинъ изъ современныхъ Іоанну XII Западныхъ епископовъ, Луитпрандъ Кременскій.

(*) Въ послѣдніе вѣка большая часть ученыхъ отвергаютъ буквальный смыслъ преданія о паписѣ Іоаннѣ, но нѣкоторые ученые и до настоящаго времени не находятъ для этого достаточно основанія. Въ средніе вѣка въ Римѣ долго показывали статую женщины съ папскою короною на головѣ и ребенкомъ на рукахъ, и самую ту улицу, на которой будто бы обнаружился позоръ паписсы, и по которой вслѣдствіе этого позднѣйшіе папы никогда будто бы не стали ходить и ѣздить.

Отъ папскаго престола безнравственность распространялась и въ нижнее духовенство (особенно итальянское). Законнымъ бракомъ, по уворочившимся на западъ предубѣжденіямъ, духовные гнушались, а наложницъ держали почти открыто. Подъ конецъ X-го и въ XI вѣкѣ въ невособразимой степени усилилась въ западной церкви симонія. „Всѣ должности церковныя по выраженію одного изъ папъ. (Сильвестра II-го), отъ папскаго престола до послѣдней степени церковнаго привратника, сдѣлались продажны“. Папа Іоаннъ XIX, изъ фамиліи графовъ Тускуланскихъ, возведенный на папскій престолъ прямо изъ мірянъ, предлагалъ Константинопольскому Патріарху купить у него верховное главенство надъ Церковію — предметъ, изъ за котораго столько было споровъ у папъ съ восточными Патріархами. Его преемникъ папа Бенедиктъ IX, также изъ рода графовъ Тускуланскихъ, возведенный на престолъ 12 лѣтъ, набравши денегъ, сколько можно было, за продажу епископскихъ и другихъ правъ, кончилъ тѣмъ, что продалъ самый папскій престолъ. Подобно папамъ и другіе западные епископы и сильные феодальные владѣльцы, имѣвшіе вліяніе на дѣла церкви, безстыдно торговали священными должностями.

Безнравственность и святотупетво въ церкви, усилились до того, что многіе благочестивые люди, потерявъ всякую надежду на возстановленіе святости и порядка въ церкви, къ исходу первой тысячи лѣтъ по Р. Х., ожидали пришествія анти-

христа и конца міра. Эта крайняя деморализація и распущенность папскаго правленія въ X и XI вѣкахъ дала случай усиливавшимся тогда германскимъ императорамъ (Саксонской и Франконской династїи) распространить свое вліяніе на дѣла церкви. Императоры Оттонъ I, Оттонъ III и Генрихъ III самодержавно управляли церковными дѣлами: собирали соборы, поставляли, судили и низлагали папъ и другихъ епископовъ, постановляли мѣры къ возстановленію нравственности и просвѣщенія въ духовенствѣ. Но всѣ ихъ усилія мало имѣли успѣха. Имъ удалось поставить на Римскомъ престолѣ нѣсколькихъ хорошихъ папъ (между ними особенно замѣчательнъ былъ въ концѣ X вѣка поставленный Оттономъ III папа Сильвестръ II, ученѣйшій человекъ своего времени, котораго впрочемъ за его ученость, заимствованную у арабовъ, современники считали еретикомъ и волшебникомъ); но все это имѣло мало вліянія на дѣла церкви. Между тѣмъ имѣнательство государственной власти въ церковныя дѣла подавало поводъ къ новымъ безпорядкамъ и клонилось къ униженію самостоятельности церкви.

II.

ЭПОХА ВЫСШАГО РАЗВИТІЯ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ СЪ ПОЛОВИНЫ XI ДО XIV ВѢКА. ГИЛЬДЕБРАНДОВСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ. БРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ; РЫЦАРСКІЕ ОРДЕНА, МОНАШЕСТВО, СХОЛАСТИКА. СТРЕМЛЕНІЯ ПАПЪ ПОДЧИНИТЬ СЕБѢ СВѢТСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ. БОРЬБА ИХЪ СЪ ИМПЕРАТОРАМИ ГОГЕНШТАУФЕНАМИ И ПАДЕНІЕ ЭТОЙ ДИНАСТІИ.

Въ виду крайней распущенности церковнаго управленія, и вреднаго вліянія мірскихъ лицъ на дѣла церковныя (высказывающагося преимущественно въ замѣщеніи церковныхъ должностей), въ западной церкви во второй половинѣ XI вѣка стала усиливаться мысль о необходимости преобразованія церкви на новыхъ строгихъ началахъ. Мысль эта находила себѣ всего болѣе приверженцевъ въ западномъ монашествѣ, главными центрами котораго были тогда аббатства Монте-Кассино въ Италіи и Клоуни — во Франціи. Главными представителями реформаторскихъ стремленій явились въ половинѣ XI вѣка: Петръ-Даміани — благочестивый аббатъ и потомъ кардиналъ римской церкви, горячій обличитель безнравственности духовенства, и монахъ Гильдебрандъ — человекъ безспорно умный, строгій къ себѣ и другимъ, преданный интересамъ церкви, но въ высшей степени жесткій, хитрый, властолюбивый, превратно пони-

главнѣйшіе интересы церкви и нѣтъпшій самый преувеличенный понятіи о власти папской. По его мнѣнію преимущественно западная церковь съ этого времени стала стремиться къ тому, чтобы осуществить въ себѣ идеалъ всемірной теократической монархіи съ верховнымъ монархомъ во главѣ—папою, облеченнымъ высшимъ авторитетомъ непогрѣшимого Божіа намістника на землѣ,—съ строжайшею централизаціею служителей и чиновъ церковныхъ, неразрывно связанныхъ единствомъ стремленій, преданныхъ интересамъ церкви и папы, и силою своей взаимной связи и энергической ревности распространяющихъ вліяніе церкви и папы на весь міръ. Для достиженія этой цѣли, Гильдебрандъ всю жизнь свою преимущественно старался о томъ, чтобы поставить избраніе и служеніе духовныхъ лицъ внѣ всякаго вліянія отъ мірянъ и разорвать для нихъ живую связь съ міромъ чрезъ повсемѣстное уничтоженіе браковъ духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очистить жизнь духовенства отъ пятенъ и нареканій, чрезъ искорененіе въ немъ плотскихъ пороковъ и симоніи. Обладая необычайною хитростію ума и настойчивостію характера, управляя всѣми дѣлами Римской Церкви, сначала, какъ правая рука и ближайшій совѣтникъ пяти папъ (съ Льва IX до Александра III (1046—1073 г.), потомъ самъ сдѣлавшись папою подъ именемъ Григорія VII (1073—1085), опираясь на фанатическую ревность приверженныхъ къ нему лицъ въ духовенствѣ и монашествѣ и на поддержку вліятель-

ныхъ свѣтскихъ владѣтелей (преимущественно сильнаго герцога нормандскаго Роберта Гвискара, признавшаго себя лѣнникомъ и защитникомъ римской Церкви, и богатой маркграфини Матильды, своими пожертвованіями много увеличившей свѣтскія владѣнія Папы), Гильдебрандъ въ продолженіи полувѣка постепенно успѣлъ, если не вполне довершить свою задачу, то, по крайней мѣрѣ, твердо поставить ее. Его стремленія встрѣтили сильнѣйшія противодѣйствія себѣ. Искорененіе симоніи и священническихъ браковъ произвело сильныя волненія въ Медіоланѣ, во Флоренціи, въ Парижѣ, Майнцѣ и другихъ мѣстахъ. Устраненіе вліянія лицъ свѣтскихъ на замѣщеніе церковныхъ должностей (*) вызвало противъ Григорія VII многихъ

(*) Избраніе самаго папы поставлено было вліяніемъ Гильдебранда въ независимость отъ народа и свѣтскихъ властей, чрезъ устроеніе такъ-называемой коллегіи кардиналовъ. Кардиналами издавна назывались въ Римской Церкви епископы, пресвитеры и діаконы кафедральной церкви Римской, служащіе вмѣстѣ съ папою. Это ближайшіе придворные папъ-монарха, князья Римской Церкви, какъ ихъ стали называть впоследствии. По вліянію Гильдебранда, когда онъ еще самъ былъ кардиналомъ, папа Николай II на латеранскомъ соборѣ (1059 г.) право избранія папъ предоставилъ почти исключительно коллегіи кардиналовъ. Время отъ времени коллегія эта расширялась и пріобрѣтала все больше значенія; избраніе папы и верховное управленіе всѣми дѣлами римской церкви донинѣ остается въ ихъ рукахъ. Кардиналы эти носятъ пурпуровую царственную одежду и считаются на за-

противниковъ въ свѣтскихъ владѣльцахъ. Сильнѣйшимъ изъ нихъ былъ германскій императоръ Генрихъ IV. Папа Григорій VII чрезъ своихъ искусныхъ и фанатически ревностныхъ приверженцевъ успѣлъ безпощадно строгими мѣрами смирить непокорное ему духовенство, — самаго Генриха IV заставилъ униженнѣйшимъ образомъ вымаливать прощенія у себя, многихъ другихъ владѣтельныхъ лицъ заставилъ признать себя лѣнниками Римской церкви; но все таки не успѣлъ окончательно преодолѣть своихъ враговъ, и умеръ въ изгнаніи, завѣщавъ продолжать свое дѣло преемникамъ своимъ.

Преемники Григорія VII настойчиво и успѣшно продолжали начатое имъ дѣло. Враждебная папству партія мало по малу должна была смириться. Въ XII вѣкѣ повсюду уничтожены были браки лицъ духовныхъ. Нравственность духовенства чрезъ это конечно не возвысилась; напротивъ съ этого времени ни одного года не проходило безъ того, чтобы не было гдѣ нибудь ропота и жалобъ на соблазны, производимые духовенствомъ, и папы постоянно должны были издавать новыя буллы противъ безнравственности духовенства. Тѣмъ не менѣе въ политическомъ отношеніи безбрачное духовенство принесло папамъ великую пользу. Право избранія епископовъ (право инвеституры)

палъ выше всѣхъ старѣйшихъ епископовъ и даже патриарховъ, и при томъ не только кардиналы-епископы, но и кардиналы-діаконы.

послѣ долгихъ споровъ со стороны Германскихъ императоровъ, Генриха IV и Генриха V, наконецъ уступлено было папамъ Вормскимъ конкордатомъ (1122 г.)—при папѣ Каликстѣ XI Духовныя лица, освобожденные отъ семейныхъ и общественныхъ связей и отъ вліянія мірской власти, сдѣлались ревностнѣйшими служителями интересовъ папскихъ, и дѣятельно стали распространять вліяніе церкви на всѣ мірскія отношенія. Отнятіемъ евхаристической части у мірянъ, запрещеніемъ народу читать библію и совершеніемъ богослуженія на непонятномъ (латинскомъ) языкѣ западная церковь выразила стремленіе держать подвластные ей народы въ мракѣ и рабствѣ подъ гнетомъ духовенства (*). Всякая попытка къ освобожденію отъ этого рабства, въ протесту противъ него были подавляемы стражайшею инквизиціею, которая стала развиваться въ западной церкви, по мѣрѣ того какъ западная церковь превращалось въ папскую монархію (особенно усилилась инквизиція на западѣ съ XIII вѣка).

Объявившее въ XII и XIII вѣкахъ почти всю западную Европу горячее, но не осмысленное и превратно направленное религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ крестовыхъ походовъ, весьма

(*) Всѣ эти и большая часть другихъ незаконныхъ нововведеній, преимущественно утвердился въ западной церкви въ XII и XIII вѣкахъ во времена наибольшаго развитія папской власти и глубокаго невѣжества на западѣ.

много помогло усилению западной церкви и папства. Церковь въ это время приобрѣла огромныя богатства чрезъ выгодную куплю и многочисленныя пожертвованія отъ князей и бароновъ, отправляющихся въ Палестину съ надеждою приобретѣнія тамъ большихъ богатствъ, славы земной и царства небеснаго. Папы, захвативши въ свои руки инициативу крестовыхъ походовъ, стали во главѣ общественнаго настроенія западной Европы. Вліяніе папъ распространилось далеко на востокъ. Образовались духовные рыцарскіе ордена (Іоаннитовъ, Тамплиеровъ, Тевтонскихъ рыцарей), готовые силою оружія распространять вліяніе папства и поддерживать интересы церкви. И папы, не разбравшіе средствъ въ достиженіи своихъ цѣлей, стали употреблять эту силу противъ всѣхъ разномыслящихъ съ ними религіозныхъ партій, противъ всѣхъ ослушниковъ и противниковъ своей власти. Самое первое крестоносное ополченіе, собравшееся по возбужденію папы Урбана II, еще прежде похода въ Палестину, было направлено этимъ папою въ подавленію враждебной ему партіи въ самомъ Римѣ. За тѣмъ и въ послѣдствіи папы неоднократно созывали крестовые походы на греческихъ схизматиковъ, на французскихъ Валденсовъ и Албигойцевъ, на германскихъ Штедингговъ, на Чешскихъ гуситовъ, на враждебныхъ папству Германскихъ императоровъ Генриха V, Фридриха II и т. д.

Весьма много также помогло возвышенію папства сильное развитіе монашества въ западной Ев-

ропѣ. Въ средніе вѣка, въ слѣдствіе неустройствъ общественныхъ и распространенныхъ повсюду не-
вѣжества и безнравственности, въ людяхъ религі-
озныхъ, особенно усилилось стремленіе къ уеди-
ненной монашеской жизни. Папство воспользова-
лось этимъ стремленіемъ и обратило для себя
монашество въ политическую силу на распростра-
неніе своего вліянія. Въ западной церкви до X вѣка
былъ только одинъ монашескій орденъ Бенедик-
тинцевъ, основанный въ V вѣкѣ св. подвижникомъ
Бенедиктомъ Нурсійскимъ, преобразованный въ IX
вѣкѣ Бенедиктомъ Аніанскимъ, и оказавшій много
услугъ западной Европѣ своимъ служеніемъ про-
свѣщенію и дѣламъ человеколюбія. Съ X-го вѣка,
когда орденъ Бенедиктинскій, разслабленный нрав-
ственно, началъ падать и въ общественномъ мнѣ-
ніи, изъ него выдѣлилась обширная конгрегація
клюнійская, принявшая строгія монашескія пра-
вила и сдѣлавшаяся въ XI и XII вѣкахъ главною
распространительницею Гильдебрандовскихъ ре-
формъ въ западной церкви. Во второй половинѣ
XI и XII вѣковъ образовалось на западѣ много
новыхъ монашескихъ орденовъ—(ордена Цистер-
ціанъ, Премонстрантовъ, Картезіанцевъ, Камаль-
долійцевъ, Бернардитовъ, Кармелитовъ). Но всего
болѣе оказали услугъ папству два такъ называемые
нищенствующіе ордена; образовавшіеся въ началѣ
XIII вѣка, орденъ Франциска^нцевъ или миноритовъ,
основанный благочестивымъ купцомъ Францискомъ
Ассизскимъ, и орденъ Доминиканцевъ, основанный

суровымъ Испанскимъ дворяниномъ Доминикомъ Гуссманомъ. Тотъ и другой орденъ скоро распространились во всѣхъ странахъ западной Европы Францисканцы преимущественно захватили подъ свое вліяніе исповѣдь и народную проповѣдь; Доминиканцы завѣдываваніе учеными заведеніями и инквизицію. Такимъ образомъ въ рукахъ этихъ двухъ орденовъ сосредоточились важнѣйшія силы къ вліянію на общество. Поставленные въ независимость отъ власти мѣстныхъ епископовъ, зависѣвшіе чрезъ своихъ, утверждаемыхъ папою, генераловъ, непосредственно отъ папы, монашескіе ордена служили сильнѣйшимъ орудіемъ къ распространенію папскаго вліянія во всей западной Европѣ.

Много также помогала возвышенію папства и новая наука, образовавшаяся въ средніе вѣка на Западѣ Европы, такъ называемая схоластика. Провѣщеніе на Западѣ Европы, около времени отдѣленія западной церкви отъ восточной, вообще находилось на низкой степени, и несмотря на усиленные заботы объ образованіи со стороны многихъ государей напр. Карла великаго во Франціи, Альфреда великаго въ Англіи, Оттона I и Оттона III въ Германіи, подвигалось впередъ очень слабо. Главнымъ и почти единственнымъ источникомъ образованія были монастыри. Естественно, что и наука, образовавшаяся въ нихъ, получила такое же подобострастное по отношенію къ папству направленіе, какимъ вообще отличалось запад-

ное монашество. Въ началѣ, при первомъ пробужденіи образованія на Западѣ Европы, когда люди, желавшіе возстановить для своихъ современниковъ сокровища древней мудрости, черпали свои знанія изъ первоначальныхъ источниковъ греческой философской и богословской литературы и изъ современной арабской и византійской учености, между ними могли появляться еще довольно свободные мыслители, свободно относившіеся къ папству, каковы напр. были Іоаннъ Скоттъ Еригена, Гербертъ, (внѣслѣдствіи папа Сильвестръ II), Росцеллинъ и въ особенности вліятельный на общество и краснорѣчивый французскій ученый Абелярдъ. Но внѣслѣдствіи когда усилилась инквизиція, когда изучать древнихъ писателей и самую біблію стали позволять молодымъ ученымъ не иначе, какъ только въ комментаріяхъ схоластиковъ, когда монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ заняли всѣ высшія мѣста въ новообразовавшихся учебныхъ заведеніяхъ, западная наука совершенно получила сухой, безжизненный подобострастный характеръ. Самые сильные, самые даровитые мыслители (каковъ былъ напр., въ XIII вѣкѣ знаменитый западный богословъ доминиканецъ Тома Аквинатъ), полагали всѣ силы своего ума не на то, чтобы разсвѣять, а на то, чтобы закрѣплять предрасудки, клонившіеся въ пользу папства, и всѣ нововведенія и заблужденія, распространенныя невѣжествомъ и папскимъ произволомъ. Они сводили ихъ въ систему, об-

ставили множествомъ искусственно измышленныхъ доказательствъ, развивали до самыхъ крайнихъ результатовъ, и такимъ образомъ болѣе и болѣе закрѣпляли какъ въ самомъ католическомъ богословіи, такъ и въ общественномъ сознаніи западнаго христіанскаго міра. Для папства такое научное направленіе не только не было опасно но напротивъ было весьма полезно въ поддержаніе всѣхъ его обмановъ и притязаній.

Возвысивши свою духовную власть во всей западной Европѣ, папы стали высказывать явное стремленіе подчинить себѣ и всѣхъ свѣтскихъ государей Европы, на томъ основаніи, что свѣтская власть будто бы происходитъ отъ духовной. Папа Александръ III самаго сильнаго изъ современныхъ ему государей, императора Фридриха Барбаруссу, не усомнился назвать лэнникомъ папской короны, а англійскаго короля Генриха II, за его попытку ограничить власть папскую въ Англіи, и за убіеніе ревностнаго защитника интересовъ папскихъ, кантербурійскаго архіепископа Томы Бекета, приказалъ монахамъ позорно отбичевать на могилѣ Бекета. Даровитый, предприимчивый и властолюбивый Иннокентій III (1198—1216 г.), опираясь на силу расположеннаго въ пользу папства общественнаго мнѣнія, на поддержку крестоносцевъ, на усердіе учрежденныхъ имъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, употребляя, гдѣ нужно, страшныя мѣры анаемы, интердикта, крес-

того похода и инвизиціи возвысилъ папскую власть на высшую степень могущества. Императоръ германскій Оттонъ IV призналъ себя его лэнникомъ. Король французскій, Филиппъ-Августъ, напуганный интердиктомъ наложеннымъ на Францію за его незаконный разводъ съ женою, сдѣлался послушнымъ сыномъ папы. Король англійскій Іоаннъ безземельный, за непослушаніе папѣ едва не лишившійся жороны и всѣхъ своихъ владѣній, также долженъ былъ смириться и признать лэнную зависимость отъ папы. Королевства: кастильское, аррагонское, сицилійское, венгерское также были признаны лэнами папы. Счастливое завоеваніе Константинополя крестоносцами дало поводъ папѣ распространять виды своего властолюбія на Востокъ и онъ уже мечталъ подчинить себѣ всѣхъ Русскихъ и другихъ славянскихъ владѣтелей. Власть папства была въ это время такъ велика, что самъ Иннокентій любилъ сравнивать её съ солнцемъ, величайшимъ свѣтиломъ неба, а власть императорскую только съ луною, гораздо меньшею солнца и отъ него заимствующею свой свѣтъ. Преемники Иннокентія III: Григорій IX, Иннокентій IV, Урбанъ IV, Григорій X и другіе старались поддерживать папство на той высотѣ на какой поставилъ его Иннокентій III.

Изъ всѣхъ государей Западной Европы дѣятельнѣйшими противниками папства были въ это время императоры германскіе, фамиліи Гогенштауфеновъ. Фридрихъ I Барбарусса началъ борьбу

съ папою Александромъ III, позволившимъ себѣ называть императорскую власть бенефиціею папы. Но папа возмущилъ противъ него Ломбардскіе города, находившіеся въ зависимости отъ императорской власти; мужественный императоръ потерпѣлъ сильное пораженіе при Леньяно (1176 г.), и долженъ былъ примириться съ папою, отказаться отъ правъ патронатства надъ Римомъ, которое доселѣ еще принадлежало германскимъ императорамъ, и подъ конецъ жизни долженъ былъ искупать свой грѣхъ противъ папы предпріятіемъ крестоваго похода въ Палестину. Преемникъ Фридриха Барбаруссы, Оттонъ IV (при Иннокентіи III) не только отказался отъ всякаго патронатства надъ Римомъ, но даже самого себя призналъ лѣнникомъ папы. Но внукъ Фридриха Барбаруссы даровитый и свободно мыслящій Фридрихъ II, воспитанный подъ опекою Иннокентія III и тѣмъ не менѣе проникнутый непримиримою ненавистью къ папству, началъ противъ него самую ожесточенную борьбу словомъ и дѣломъ. Папы Григорій IX и Иннокентій IV, своими интригами, успѣли возстановить противъ него множество враговъ въ Италіи, въ Германіи, во всей Европѣ, предали его страшному проклятію на Ліонскомъ Соборѣ (1245 г.), стали проповѣдывать противъ него крестовый походъ, и императоръ, всѣми оставленный, долженъ былъ смириться предъ всепобѣждающею силою папства. Тѣмъ не менѣе папы столько были озлоблены противодѣйствіемъ Го-

генштауфеновъ, что поклялись до конца искоренить этотъ „Иродовъ домъ“ (какъ называли они фамилію Гогенштауфеновъ); и на самомъ дѣлѣ послѣдній потомокъ этой фамиліи — Конрадинъ, внукъ Фридриха II, былъ позорно казненъ на эшафотѣ приверженцемъ папы, Карломъ Анжуйскимъ въ Неаполѣ (1268 г.). Съ этого времени папы не имѣли себѣ соперниковъ въ Европѣ. Послѣдующіе германскіе императоры (фамиліи Габсбурговъ) покорно признавали себя лэнниками папы, цѣловали ему туфли и держали стремя въ торжественныхъ церемоніяхъ. На такой высотѣ держалась папская власть до конца XIII столѣтія.

III.

НРАВСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ УПАДОКЪ ПАПСТВА СЪ XIV ВѢКА. БОНИФАЦІЙ VIII. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ПАПЪ ИЗЪ РИМА ВЪ АВИНЬОНЪ. ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВѢ ВЪ КОНЦѢ XIV ВѢКА.

Съ XIV вѣка папство отъ высшей степени церковнаго и политическаго могущества начало склоняться къ упадку. Причины этому заключались прежде всего въ самомъ папствѣ, которое стало сильно злоупотреблять своимъ вліяніемъ, своими чрезвѣчными притязаніями и жестокостями, ин-

тердяками, инквизиціонными жѣрами, поправнємъ государственныхъ и общественныхъ правъ вооружило противъ себя общественное мнѣніе; порчею своего нравственнаго характера подорвало всеобщее къ себѣ уваженіе. Главнымъ же образомъ ослабленіе папскаго могущества условливалось ходомъ самаго историческаго развитія западной Европы. Народы запада, до XIII вѣка развивавшіеся подъ опекою папства, стали выходить изъ подъ нея. Императорская власть въ Германіи ослабѣла, но за то королевская власть, преимущественно во Франціи и Англіи, получила твердую опору въ сознаніи народномъ. Съ образованіемъ университетовъ и другихъ школъ, воспитаніе начало выходить изъ подъ непосредственнаго вліянія церкви. Наука, еще подчинявшаяся церковному авторитету въ схоластикѣ, начинала уже допускать нѣкоторую свободу въ обсужденіи самыхъ церковныхъ вопросовъ. Съ XIV вѣка между самими схоластиками начинаютъ появляться свободные мыслители, смѣло высказывавшіеся противъ папства, каковъ напр. былъ францисканскій ученый Вильгельмъ Оккамъ. Энтузіазмъ религіозный ослабѣлъ; никакія пламенные воззванія папъ и другихъ проповѣдниковъ не могли возбудить въ народѣ прежняго увлеченія къ крестовымъ походамъ. Множество мелкихъ, враждебныхъ папству сектъ, распространявшихся тайно отъ преслѣдованій папства, всюду въ народѣ разсѣивали не-

пріязненное настроеніе противъ церкви (*) испорченная жизнь, корыстолюбивыя и властолюбивыя притязанія монашества и духовенства давали пищу этому непріязненному настроенію.

(*) Въ древніе вѣка, когда западная Церковь находилась въ соединеніи съ восточною, въ ней очень мало появлялось сектъ, несогласныхъ съ ученіемъ церкви. Но по мѣрѣ того, какъ въ западной церкви усилилось господство папства, стало усиливаться и направленіе сѣктантское, враждебное папству и церкви. Въ первый разъ оно высказалось съ значительною силою въ такъ называемыхъ Катаряхъ съ ~~XI~~^{XII} вѣка. Секта эта имѣла чуждое западу и древнее происхожденіе. Она представляетъ собою одну изъ отраслей древняго восточнаго гностицизма и манихейства. Остатки этихъ сектъ, образовавшихся еще въ первые вѣка христіанской исторіи, изъ смѣшенія христіанства съ древними языческими мировоззрѣніями, до X вѣка были разсѣяны въ Малой Азіи. Съ X вѣка они появились въ Европѣ въ византійской имперіи, и особенно усилились между недавно обращенными въ христіанство славянскими племенами въ Болгаріи и Босніи. Отсюда чрезъ земли западныхъ славянъ, секты эти проникли до сѣверной Италіи и Франціи. Здѣсь въ то время утверждалась тяжелая деспотическая Гильдебрандовская реформа, и потому идеи этихъ сектъ, представлявшія въ себѣ протестъ противъ іерархическаго деспотизма, нашли себѣ большое сочувствіе. Характеристическія черты этихъ сектъ, заключались именно въ отрицаніи іерархіи и церковной обрядности. Въ самыхъ основахъ теоретическаго ученія, подобно древнимъ Гностикамъ, эти секты не рѣдко выказывали склонность къ языческому пантеизму или дуализму; практическія стремленія ихъ имѣли социалистическій характеръ. Ихъ проповѣдь, распространяемая въ народѣ, на живомъ языкѣ, примѣнительно къ народнымъ понятіямъ, не рѣдко подъ покровомъ заманчивыхъ

Видимый упадок папской власти начался съ папы Банифація VIII (1294 — 1303 г.), не уступавшаго гордостью и властолюбивыми притязаніями Григорію VII, ни Иннокентію III, но далеко

для воображенія міеовъ и легендъ. и проникнутая духомъ свободы, оппозиціею противъ церковныхъ и государственныхъ стѣсненій, имѣла большой успѣхъ. Подъ вліяніемъ этого направленія проникшаго въ западную жизнь, образовалось много новыхъ враждебныхъ церкви сектъ: Петробрусіанцы, Апостолки, Братія Св. Духа и др. съ болѣе или менѣе крайнюю оппозиціею противъ церкви. Самою замѣчательною изъ средневѣковыхъ западныхъ сектъ, наиболѣе умѣренною по направленію и по нравственнымъ тенденціямъ, была секта Вальденсовъ или Ліонскихъ нищихъ, основанная въ XII вѣкѣ богатымъ Ліонскимъ гражданиномъ Вальдомъ. Главными началами этой секты были: стремленіе къ возстановленію общественной нравственности, забота о возвышеніи религіознаго образованія въ народѣ (Вальденсы переводили для народа мѣста изъ Библіи на народный языкъ), распространеніе благотворительности. Вальденсы первоначально думали служить избраннымъ имъ цѣлямъ, не отдѣляясь отъ церкви. Но католическая церковь отнеслась недовѣрчиво и непріязненно къ ихъ стремленіямъ и тѣмъ образовала противъ себя изъ мирнаго благочестиваго общества опасную непріязненную секту. Всѣ упомянутыя секты, обращавшіяся съ своею проповѣдью къ простому народу, оставляемому западною іерархіею почти безъ всякаго религіознаго образованія, нерѣдко находившія себѣ послѣдователей и въ средѣ людей знатныхъ, богатыхъ и ученыхъ, имѣли большой успѣхъ. Папство, конечно, всѣми мѣрами старалось подавить враждебное ему направленіе. Противъ сектантовъ, поднимаемы были страшныя инквизиціонныя преслѣдованія. Особенно сильно было въ XII и XIII вѣкахъ преслѣдованіе сектантовъ, жившихъ въ юж-

не обладавшаго ни такимъ умомъ, ни такою твердостью нравственнаго характера, какъ Григорій и Иннокентій. Бонифадій VIII, признавая свѣтскихъ государей подвластными себѣ не только въ духовныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ (какъ это онъ открыто высказывалъ въ своихъ буллахъ), вмѣшался въ качествѣ судьи и повелителя въ споры французскаго короля Филиппа Красиваго съ Эдуардомъ I англійскимъ, и запретилъ Филиппу съ французскаго духовенства собирать подати на военные издержки. Филиппъ въ свою очередь приказалъ въ своей землѣ прекратить сборы въ пользу папы, и, опираясь на сочувствіе земскихъ чиновъ, провозгласилъ королевскую власть независимою отъ папы. Папа разразился анафемами и интердиктомъ. Французскій король послалъ въ Римъ своего канц-

ной Франціи, въ округѣ города Альби (Альбигойцы). Папы подняли противъ нихъ крестовый походъ и цѣлыя двадцать лѣтъ, эта самая богатая и цвѣтущая въ то время страна подвергалась жестокимъ и кровавымъ опустошеніямъ, при которыхъ вмѣстѣ съ сектантами истребляемы были и цѣлыя тысячи вѣрныхъ сыновъ католической церкви.

При всемъ томъ папству не удалось подавить оппозиціоннаго направленія. Сектанты отъ гоненій переходили изъ одной страны въ другую, дѣйствовали скрытно и искусно, и всюду распространяли и поддерживали тайную оппозицію противъ папства, которая потомъ обнаружилась и открыто отпаденіемъ отъ католической церкви цѣлыхъ странъ и народовъ. Идеи средневѣковыхъ западныхъ сектантовъ имѣли большое вліяніе на образованіе позднѣйшихъ протестантскихъ мнѣній.

лера наказать папу. Канцлеръ Нагаре, соединившись въ Римѣ съ враждебною папѣ аристократическою фамиліею *Колонна*, захватилъ папу въ плѣнъ и подвергъ его публичному поруганію (далъ пощечину папѣ). Это такъ подѣйствовало на запальчиваго Банифація, что онъ, хотя и освободился изъ плѣна, но отъ гнѣва и стыда заболѣлъ горячкою и умеръ въ иступленномъ бреду.

Одного изъ ближайшихъ преемниковъ Бонифаціевыхъ, Климента V, Филиппъ Красивый склонилъ переселиться со всѣмъ дворомъ его изъ Рима въ французскій городъ Авиньонъ (1305 г.); съ этихъ поръ папы стали въ зависимость отъ французскихъ королей. Семидесятилѣтнее пребываніе въ Авиньонѣ сильно помрачило блескъ папства, такъ что не безъ основанія самые искренніе приверженцы римской Церкви называли этотъ періодъ ея жизни періодомъ Вавилонскаго плѣненія Церкви. Находясь въ зависимости отъ французскихъ королей (*), папы утратили вліяніе на другія страны. Какъ бы въ замѣнъ этого они стали вознаграждать себя рос-

(*) На первыхъ же порахъ послѣ переселенія папъ въ Авиньонъ, эта зависимость выказалась въ уничтоженіи Климентомъ VII, рыцарскаго ордена Тамплиеровъ, огромнѣйшаго богатства и сила которыхъ давно возбуждала зависть Филиппа Красиваго. Въ угожденіе ему Тамплиеры были подвергнуты тяжкимъ обвиненіямъ и пыткамъ, потомъ большею частію казнены; орденъ ихъ уничтоженъ, и имѣніями его большею частію завладѣлъ Филиппъ.

кошью жизни и чувственными удовольствіями. По богатству, роскоши и распущенности жизни (рѣзко описаннымъ въ особенности у итальянскаго поэта Петрарки, жившаго при дворѣ Авіньонскомъ), Авіньонъ до истинѣ сдѣлался Вавилономъ. Жизнь двора Авіньонскаго производила всеобщій соблазнъ и имѣла дурное вліяніе на нравственность всего западнаго духовенства и монашества. Чтобы удовлетворить потребностямъ роскошной жизни, чтобы найти возможность дѣлиться съ французскими королями и содержать наемныя войска для защиты церковныхъ владѣній въ Италіи (гдѣ, съ отсутствіемъ папъ, происходили постоянныя безпорядки и возмущенія), папы подъ разными предлогами открыли множество новыхъ поборовъ со всѣхъ церквей и странъ. Симонія усилилась до крайней степени. Помимо всѣхъ неисчислимыхъ издержекъ, папы скопляли огромнѣйшія богатства въ наслѣдство своимъ родственникамъ. Напримѣръ папа Іоаннъ XXII оставилъ послѣ себя 17 милліоновъ гульденовъ золотомъ и на 7 милліоновъ серебряной посуды и другихъ драгоценностей.

Все это возбуждало противъ папства сильное негодованіе. Послышались протесты съ разныхъ сторонъ. Въ Германіи императоръ Людвигъ Баварецъ (въ половинѣ XIV столѣтія) довольно успѣшно повелъ противъ папъ политическую и литературную борьбу; помогавшіе ему въ этой борьбѣ ученые государственные юристы (изъ нихъ особенно замѣчательнъ М^oрсилій Падуанскій) начали про-

водить въ общественное сознаніе такого рода идеи, что царская власть имѣетъ происхожденіе отъ Бога, а не отъ папы, и поэтому во всемъ полноправна и не зависитъ отъ папы, что въ самой Церкви власть папская есть позднѣйшее нововведеніе; въ древности ея не было и по существеннымъ своимъ правамъ всѣ епископы равны между собою. Государственные чины Германіи (курфюрсты и другіе князья) сдѣлали постановленіе считать имперію независимою отъ папской власти и избирать императора безъ сношеній съ папами. Въ Англіи короли и парламентъ сдѣлали нѣсколько постановленій къ ограниченію денежныхъ сборовъ въ пользу Римской Церкви и вмѣшательства папъ въ дѣла церкви англиканской, а профессоръ Оксфордскаго университета Джонъ Виклефъ (ум. 1384 г.), требовалъ радикальнаго преобразованія церкви, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ возставая не только противъ духовной и свѣтской власти папъ и ея злоупотребленій, но и противъ многихъ другихъ постановленій и даже догматовъ Церкви (противъ іерархіи, монашества и вообще обѣтовъ, почитанія святыхъ, иконъ и мощей, противъ пресуществленія и другихъ таинствъ, противъ индульгенцій и другихъ церковныхъ соборовъ и т. д.). Въ самой Италіи громко роптали на злоупотребленія свѣтской власти папъ и на удаленіе папъ во Францію. Пылкій, пропитанный уваженіемъ къ преданіямъ классической древности римлянинъ Кола Ріензи возстановилъ въ Римѣ древ-

нее республиканское управление. Хотя эта республика скоро пала, но беспорядки и ропотъ на папѣ не прекращались, а все болѣе усиливались.

Наконецъ всеобщій ропотъ на удаление папѣ изъ Рима и на распущенность церковной жизни заставилъ папѣ подумать о возвращеніи въ Римъ и исправленіи вопіющихъ злоупотребленій въ Церкви. Во второй половинѣ XIV вѣка папы Урбанъ V и Григорій XI сдѣлали попытку къ возвращенію въ Римъ папскаго двора. Наконецъ въ 1378 г. новый папа Урбанъ VI заявилъ рѣшительное намереніе снова утвердить папскій престолъ въ Римѣ и взялся за преобразование разстроенной Церкви. Это однакожь сильно не понравилось многимъ кардиналамъ, привыкшимъ къ распущенности авиньонской жизни и расположеннымъ въ пользу французскаго двора. Двѣнадцать кардиналовъ французской партіи объявили Урбана VI незаконнымъ папою и избрали для Авиньона своего папу Климента VII. Съ этого времени, въ продолженіи дѣлхъ сорока лѣтъ, западная Церковь находилась въ расколѣ. Въ Римѣ были свои папы (Урбанъ VI, Бонифацій IX, Иннокентій VII, Григорій XII, Александръ V, Іоаннъ XXIII), въ Авиньонѣ свои: (Климентъ VII и Бенедиктъ XIII). Одни изъ Европейскихъ странъ признавали римскаго папу, — другія авиньонскаго. При высокомъ понятіи западнаго христіанскаго міра о папѣ, какъ единой главѣ Церкви (это понятіе уже вполнѣ было выработано тогда западнымъ богословіемъ), расколъ этотъ

производилъ самъ по себѣ великій соблазнъ; двуглавая Церковь казалась многимъ знаменіемъ пришествія Антихриста. Кромѣ того папы и ихъ приверженцы сами много содѣйствовали увеличенію соблазна. Партія—Римская и Авіньонская находилась между собою въ непрестанной борьбѣ; каждая изъ нихъ осыпала другую соблазнительною бранью и проклятіями. Взаимныя обличенія въ безнравственности и злоупотребленіяхъ, самымъ щедрымъ и откровеннымъ образомъ расточаемыя съ той и другой стороны, раскрыли въ папствѣ предъ глазами всего христіанскаго міра столько темнаго и позорнаго, сколько не могли рассказать про него самые злѣйшіе противники. Наконецъ содержаніе двухъ папскихъ дворовъ вмѣсто одного, и при томъ такихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый отличался роскошью и распущенностью жизни, каждый старался привлечь на свою сторону какъ можно болѣе сильныхъ приверженцевъ,—должно было еще болѣе увеличить и безъ того непомерныя церковныя сборы и налоги. Симонія еще болѣе усилилась, — и вообще всякая мѣра нравственной распущенности въ жизни западной церкви переполнилась.

IV.

РЕФОРМАТСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ
XV ВѢКЪ. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ БОГОСЛОВСКАЯ
ПАРТІЯ. ЛОЛЛАРДЫ. ПРОКОВЕДЪ ГУССА ВЪ ЧЕХІИ. ПІЗСКІЙ,
КОНСТАНЦСКІЙ И ВАЗЕЛЬСКІЙ СОВОРЫ. ГУССИТЫ.

Въ виду всеобщаго соблазна производимаго великимъ расколомъ, безнравственностію и злоупотребленіями западной іерархіи, въ XV вѣкѣ у многихъ не только противниковъ, но и искреннихъ приверженцевъ западной Церкви, болѣе и болѣе утверждалась мысль о необходимости преобразованія Церкви въ ея главѣ и членахъ. Знаменитѣйшіе Богословы, знаменитѣйшаго въ то время Парижскаго Университета—Іоаннъ Жерсонъ, д'Алляко, Клеманжисъ начали развивать новую теорію панства, по идеѣ которой западная Церковь изъ монархіи ееократической должна была преобразоваться въ монархію конституціонную. Древнѣйшая форма высшаго законодательства и управленія церковнаго, Вселенскій соборъ сталъ получать болѣе и болѣе признанія въ мнѣніяхъ западныхъ Богослововъ. Впрочемъ не многіе изъ нихъ могли вполне отрѣшиться отъ укоренившихся римскихъ предразсудковъ. Не многіе допускали ту мысль, что соборъ долженъ быть вполне независимъ и можетъ собираться безъ соизволенія папы, что соборъ выше папы, можетъ низлагать и судить

папу, и устроить церковный порядокъ, помимо власти папской. Большая часть самыхъ либеральныхъ западныхъ Богослововъ держалась той мысли, что соборы должны заниматься устройствомъ и преобразованиемъ Церкви, подъ председательствомъ и подъ руководствомъ папы, который все таки долженъ оставаться единою верховною главою Церкви и управлять ею при содѣйствіи соборовъ. Эта спутанность и непоследовательность въ понятіяхъ, была причиною того, что благонамѣренныя стремленія умѣренно либеральной западной богословской партіи XV вѣка, старавшейся устроить и преобразовать порядокъ церковный при посредствѣ соборовъ, почти не имѣли никакого успѣха. Всѣ понимавшіе дѣло и благонамѣренные люди западной Европы громко требовали соборовъ для прекращенія раскола и устр^аженія порядка церковнаго. Но папы и ихъ приверженцы всячески старались противодѣйствовать созванію соборовъ и правильному направленію дѣйствій соборныхъ.

Безнадежность къ исправленію безпорядковъ церковныхъ мирнымъ церковнымъ путемъ, стала приводить людей болѣе рѣшительныхъ къ мысли совсѣмъ отложиться отъ западной церкви. Въ Англіи приверженцы мнѣніи Виклефа еще съ XIV вѣка составили враждебную римской Церкви секту Лоллардовъ. Въ Богеміи въ началѣ XV столѣтія явился еще болѣе опасный противникъ папству въ лицѣ профессора пражскаго университета Іоанна Гусса. Человѣкъ одушевленный христіанскою

ревностью, чистый праведникъ по жизни, высокообразованный. Богословъ, замѣчательный ораторъ, горячій патріотъ, Іоаннъ Гуссъ имѣлъ огромное вліяніе между своими единоплеменниками Чехами. Развивая въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ высшую идею единой Вселенской Церкви въ смыслѣ древняго православія, Гусъ горячо возставалъ противъ папы, какъ непогрѣшимаго главы Церкви, противъ злоупотребленій безп्राветнаго притязательнаго латинскаго духовенства, противъ мірскаго направленія жизни церковной, противъ indulgenцій, и требовалъ возстановленія въ церкви древней христіанской чистоты и простоты жизни и древнихъ, искорененныхъ папствомъ, святыхъ обычаевъ, преимущественно причащенія мірянъ подъ обоими видами тѣла и крови Христовой. Проповѣдь его тѣмъ болѣе имѣла успѣха въ народѣ, что у Чеховъ, бывшихъ когда-то православными и потомъ насильственно обращенныхъ въ латинство, оставались еще преданія о древнихъ православныхъ обрядахъ и живое сочувствіе къ нимъ.

Наконецъ въѣдствие заявляемыхъ отовсюду настоятельныхъ требованій общественнаго мнѣнія, болѣе благонамѣренные кардиналы Римской и Авіньонской партій, вмѣстѣ съ парижскими Богословами, рѣшились наконецъ въ 1409 г. созвать въ Пизѣ соборъ для прекращенія раскола и преобразования Церкви. На этомъ соборѣ положено было римскаго папу Григорія XII и Авіньонскаго Бенедикта VIII, за соблазнъ производимый ими въ

церкви, низложить, и избрать новаго папу Александра V, обязавъ его позаботиться объ исправленіи злоупотребленій церковныхъ. Но эти мѣры способствовали еще большему увеличенію соблазна. Ни Григорій, ни Бенедиктъ не думали отказываться отъ своихъ притязаній, и такимъ образомъ, теперь явилось уже не два, а три соперничающихъ папы (а Испанія скоро затѣмъ избрала себѣ своего особеннаго четвертаго папу). Александръ V, избранный Пизскимъ Соборомъ объявилъ, что теперь прямо приступить къ преобразованію церкви нельзя, а для этого, послѣ предварительной подготовки, нужно будетъ собрать черезъ три года новый соборъ. Между тѣмъ черезъ годъ Александръ V умеръ отравленный, какъ полагали, однимъ изъ своихъ кардиналовъ — Балтазаромъ Коссою, который затѣмъ и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Іоанна XXIII. Этотъ Балтазаръ Косса, бывшій прежде морскимъ разбойникомъ, человѣкъ не вѣрившій въ будущую жизнь и запятанный всевозможными злодѣяніями убійства, распутства, клятвопреступничества и симоніи, показалъ міру новый примѣръ поруганія церкви. По опредѣленію Пизскаго собора, онъ смѣло объявилъ въ 1412 г. открытіе новаго собора въ Римѣ для преобразованія церкви. Но всѣ дороги въ Римъ были заняты разбойниками, какъ говорили, нарочно для этого случая подкупленными папою; вслѣдствіе этого епископы другихъ странъ не могли явиться на соборъ и папа отерывъ его съ нѣс-

колькими своими римскими приверженцами, скоро опять распустилъ, ничего не сдѣлавши.

Наконецъ, по настоянію самаго императора Сигизмунда, въ 1414 г. былъ открытъ въ Костницѣ новый Вселенскій соборъ. Этотъ соборъ по своей многочисленности и внѣшнему великолѣпію не имѣлъ себѣ равнаго между всѣми когда либо собиравшимися церковными соборами. Сюда, кромѣ императора и папы, собрались государи, князья, рыцари, высшіе сановники церкви, ученые богословы изъ всѣхъ странъ западной Европы. Однихъ епископовъ здѣсь было болѣе двухъ тысячъ, а всѣхъ духовныхъ около восемнадцати тысячъ, а всѣхъ христіанъ, прибывшихъ въ Костницѣ по поводу этого собора, около пятидесяти тысячъ (и между прочимъ болѣе тысячи публичныхъ женщинъ). Соборъ началъ свои дѣйствія довольно энергично. Чтобы не дать преобладанія пристрастнымъ въ пользу папства итальянскимъ епископамъ, которыхъ по числу на соборахъ всегда бывало больше, чѣмъ другихъ, опредѣлено было рѣшать вопросы не по приговору большинства голосовъ, а по мнѣніямъ цѣлыхъ національных партій; для этого представители каждой національности прежде общихъ засѣданій собора обсуждали подлежащіе рѣшенію вопросы въ своихъ частныхъ собраніяхъ. На папу Іоанна XXIII представлено было собору множество тяжкихъ обвиненій. Папа, увидѣвши, что соборъ принимаетъ неблагопріятное для него направленіе, бѣжалъ изъ Костница,

Неудовлетворительность результатовъ, достигнутыхъ на Костницкомъ соборѣ, побуждала ревнителей реформы настаивать на созваніе новаго Вселенскаго собора. Послѣ значительнаго проти-

вою сторону на Базельскомъ Соборѣ, общаая сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки—дозволить проповѣдь слова Божія на народномъ языкѣ и употребленіе чаши въ причащеніи мірянъ. Знаменитый полководецъ и умный правитель Георгъ Подебрадь (Гусситъ) успѣлъ на нѣкоторое время соединить Чешскія партіи и создать въ Богеміи сильное государство. Но по смерти его (1471 г.) вражда между партіями, еще болѣе усилилась. Кромѣ собственно гусситскихъ партій, въ Чехіи поднялось множество другихъ мелкихъ сектъ, издавна гнѣздившихся въ этой странѣ отъ преслѣдованій католической инквизиціи: катары, валденсы, лолларды, пикарды, адамиты своими нелѣпыми и дикими ученіями волновали народъ, и, смѣшиваясь съ настоящими гусситами, утверждали въ общественномъ мнѣніи темное понятіе о самомъ гусситствѣ. Уже въ концѣ XV вѣка, гусситство обезсиленное внутренними раздорами и истребительными войнами, стало ослабѣвать. Въ XVI вѣкѣ, когда въ Германіи началось сильное протестантское движеніе, многіе гусситы пристали къ нему; но другимъ протестантское ученіе казалось несоотвѣтствующимъ строгости истинно—христіанскихъ воззрѣній. Въ XVII столѣтіи въ Богеміи воздвигнуто было жесточайшее гоненіе на протестантовъ, и еще болѣе на гусситовъ. Католицизмъ хитростью езуитовъ и усиліями австрійскаго правительства сдѣлался преобладающимъ исповѣданіемъ въ Чехіи. Съ тѣхъ поръ остатки гусситовъ лишь малыми партіями держались въ Богеміи, Моравіи, Польшѣ подъ именемъ моравскихъ и богемскихъ братьевъ. Въ началѣ XVIII столѣтія особенная отрасль ихъ при содѣйствіи богатаго графа Цинцендорфа, пожертвовавшаго все свое состояніе въ пользу общества, утвер-

водѣйствіи со стороны папистической партіи, соборъ наконецъ собрался въ Базель въ 1431 году. Находясь подѣ влияніемъ непріязненной папству нѣмецкой партіи, Базельскій соборъ, подобно Костницкому, началъ свои дѣйствія довольно энергично: предположено было рѣшительно ограничить папскую власть, многочисленность и злоупотребленія папскихъ соборовъ, и поставить значеніе Вселенскаго собора выше папы. Но папа Евгений IV, какъ скоро увидѣлъ, что соборъ принимаетъ неблагопріятное для него направленіе, отозвалъ оттуда большую часть своихъ итальянскихъ и другихъ приверженныхъ къ нему епископовъ и открылъ свой соборъ (1438 г.) въ Феррарѣ, потомъ во Флоренціи, которому также предположено было придать значеніе Вселенскаго, и особенный авторитетъ мнимымъ соединеніемъ съ греческою цер-

квіи свой центръ въ мѣстечкѣ Геригутъ (въ Лузаціи), и отсюда распространилась въ разныя стороны подѣ именемъ Геригутеровъ (въ Россіи есть колонія ихъ въ Саратовской губерніи). Впрочемъ въ ученіи нинѣшнихъ геригутеровъ и моравскихъ братьевъ нельзя видѣть точнаго выраженія идей Гусса; оно много разъ измѣнялось подѣ различными влияніями. Въ ученіи нинѣшнихъ моравскихъ братьевъ много слѣдовъ протестанства (въ ученіи о пресуществленіи они сходятся съ кальвинистами); Впрочемъ они и значительно отличаются отъ всѣхъ сектъ протестантскихъ, преимущественно строгую, правильную организацію своихъ общинъ, устроенныхъ по подражанію христіанскимъ общинамъ первыхъ вѣковъ, и строгостью своихъ нравственныхъ воззрѣній.

и не хотѣлъ явиться для оправданія. Соборъ осудилъ и низложилъ его заочно, наложилъ даже проклятіе и опалу на покровительствовавшаго ему Герцога Австрійскаго Фридриха, — и при содѣйствіи свѣтскихъ властей принудилъ того и другаго подчиниться своему рѣшенію. Папа Авиньонскій Бенедиктъ XIII, послѣ продолжительныхъ увѣщаній не хотѣвшій отказаться добровольно отъ своихъ притязаній, также былъ низложенъ, какъ еретикъ и возмутитель мѣра церковнаго. Третій папа Григорій XII, испугавшись энергическихъ мѣръ Собора, самъ сложилъ съ себя папское достоинство. Такимъ образомъ одна цѣль собора была достигнута — единство церкви восстановлено. Но далѣе энергія членовъ собора къ преобразованію церкви ослабѣла. Враги реформы Итальянскіе и многіе французскіе епископы настояли на томъ, чтобы прежде, нежели будетъ начато преобразование церкви, былъ избранъ новый папа. Хитрый итальянецъ Огтонъ Колонна, избранный папою, подъ именемъ Мартина V-го, ловко обманулъ ожиданія всѣхъ ревнителей реформы, запуталъ членовъ собора въ распри и интриги, заключилъ отдѣльные договоры (конкордаты) съ различными національностями и затѣмъ, давши всѣмъ участвовавшимъ въ соборѣ отпущеніе грѣховъ на всю жизнь, закрылъ соборъ, и торжественно выѣхалъ изъ Костница, не сдѣлавши ничего для преобразования церкви (1418 г.). Еще прежде того соборъ запятналъ себя несправедливымъ осужденіемъ

чешскаго проповѣдника Іоанна Гусса и его друга Іеронима Пражскаго, которыхъ измѣнническимъ образомъ чрезъ Императора Сигизмунда заманили въ Костницъ и сожгли на кострѣ. (*).

(*) Сожженіе Гусса не обошлось для западной церкви даромъ. Въ чехіи, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ о неправедной казни Гусса, поднялось сильнѣйшее народное возстаніе противъ римской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ угнетавшей чеховъ нѣмецкой національности. Причащеніе подъ обоими видами (*sub utraque*) чаша евхаристическая — сдѣлалась соединительнымъ національнымъ символомъ для чеховъ. Подъ предводительствомъ неустрашимыхъ полководцевъ Яна Жижки, Прокопа большаго и Прокопа малаго, Гусситы производили страшныя опустошенія: разрушали укрѣпленные замки, цѣлыя города, и съ особенною свирѣпостью католическіе монастыри, безпощадно истребляли своихъ враговъ, ругались надъ католической святыней, и навели повсюду такой ужасъ, что названіе „Гусситы“ на нѣсколько вѣковъ сдѣлалось самымъ ненавистнымъ и страшнымъ именемъ для нѣмцевъ католиковъ. Они имѣли на первыхъ порахъ большой успѣхъ и почти совершенно успѣли завоевать себѣ религіозную и политическую самостоятельность. Папы проповѣдовали противъ Гусситовъ крестовыя походы, нѣмецкіе князья соединенными силами всячески старались истребить ихъ, но ничего не могли имъ сдѣлать, пока Гусситы держались въ союзѣ между собою. Но скоро началось между ними раздѣленіе: партія умѣренныхъ Гусситовъ, каликстинны или утрависты, стремившіеся главнымъ образомъ къ религіозной реформѣ, и крайняя гусситская партія—табориты, желавшіе произвести не религіозную только, но и социальную реформу на самыхъ широкихъ основаніяхъ, стали враждовать между собою. Пользуясь ихъ междоусобіями, Римская Церковь значительную часть каликстиновъ успѣла опять привлечь на

нравственную жизнь или тщеславившихся вольнодумствомъ и кощунствомъ, изобрѣтающихъ только постоянно новые способы къ тому, чтобы грабить церкви и народъ (*). Приготовление новаго крс-

(*) Послѣ Энея Сильвея, сдѣлавшагося папою подъ именемъ Пія II, человека весьма умнаго и ученаго, но запятнавшаго себя отступничествомъ отъ своихъ убѣжденій, который былъ когда-то горячимъ ревнителемъ реформы, а сдѣлавшись папою самъ сталъ упорнѣйшимъ защитникомъ папскаго всевластія и произвола, — на престолѣ римскомъ являются: *Павелъ II*, *Сикстъ IV*, *Иннокентій VIII*, всѣ три открыто производившіе развратную жизнь. Изъ нихъ второй открылъ папству новый источникъ доходовъ съ публичныхъ домовъ разврата въ Римѣ, а послѣдній, за свое нѣжное попеченіе объ обогащеніи своихъ незаконныхъ шестнадцати сыновей и дочерей прозванъ былъ римлянами въ насмѣшку „отцомъ отечества“. Далѣе слѣдовали *Александръ VI* изъ фамиліи Борджіа — замѣчательный политическій интриганъ и чудовище безнравственности, запятнавшій себя самыми тяжкими злодѣяніями кровосмѣшенія, тайныхъ и явныхъ убійствъ, — умеръ отъ яда, приготовленнаго его сыномъ Цезаремъ Борджіа для отравленія богатыхъ кардиналовъ, которыхъ имѣнія нужно было взять въ папскую казну. *Юлій II* все время управленія своего провелъ въ интригахъ и войнахъ, расточая, когда оказывалось нужнымъ, страшныя ананемы противъ своихъ политическихъ противниковъ; всѣ признавали въ немъ болѣе способности и призванія къ предводительствованію войсками, нежели къ управленію церковью. Наконецъ *Левъ X*, при которомъ началась реформація, извѣстнѣйшій, самый аристократическій папа изъ извѣстной фамиліи Медичисовъ покровитель наукъ и искусствъ, только едва ли имѣвшій какія нибудь твердыя религіозныя убѣжденія, называвшій исторію Христа прибыльною для духовенства сказкою, расточавшій цер-

стоваго похода противъ турковъ утвердившихся въ Европѣ (1453 г.), который впрочемъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе, — построеніе новой великолѣпной церкви св. Петра въ Римѣ, щедрое покровительство изящнымъ искусствамъ, которымъ папскій дворъ въ то время любилъ тщеславиться, роскошнѣйшая жизнь папъ и другихъ многочисленныхъ сановниковъ римской Церкви, веденіе политическихъ интригъ и частыхъ войнъ, содержаніе папскихъ сыновей, дочерей и многочисленныхъ родственниковъ, которые открыто надѣлялись огромнѣйшими богатствами на счетъ церкви, содержаніе многочисленныхъ незаконныхъ дѣтей итальянскаго монашества и духовенства и другіе расходы заставляли папъ непрестанно изобрѣтать новые источники церковныхъ сборовъ. По всѣмъ землямъ западной Европы (и особенно по Германіи), постоянно разсылались сборщики денегъ въ пользу Рима, отъ которыхъ народъ и правительство нерѣдко должны были защищаться вооруженною силою. И въ этихъ сборахъ продавалась за деньги вѣра, совѣсть и всякая святость.

Глубокая деморализація, объявшая римскую курію, отражалась на всей западной церкви. Цер-

ковныя деньги безъ счета и всякихъ границъ, и въ слѣдствіе этого доведшія симонію до такихъ чрезвычайныхъ размѣровъ, какихъ наконецъ не могли вынести подчивенные папству христіанскіе народы.

ковью. Базельскій Соборъ всячески отстаивалъ самостоятельность своихъ дѣйствій противъ интригъ папы. Члены Базельскаго Собора, заочно низложили Евгенія IV, и избрали на его мѣсто своего папу Феликса V. Но этого новаго папу нигдѣ не хотѣли признавать. Между тѣмъ Евгеній IV мало по малу переманивалъ на свою сторону одного за другимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ собора. Ему удалось привлечь къ себѣ и главныхъ вождей реформаторской партіи, ученыхъ итальянцевъ Энея Сильвія Никколомини и Николая Кузу. Соборъ мало по малу терялъ всякое значеніе, и наконецъ самъ собою закрылся въ 1443 г., подчинившись преемнику Евгеніеву, Николаю V.

Этимъ и закончились въ XV вѣкѣ благородныя попытки лучшихъ людей католицизма исправить церковныя злоупотребленія посредствомъ соборовъ. Попытки эти, при извѣстномъ строѣ западныхъ понятій и западной церковной жизни, не имѣли почти никакого успѣха. Папская партія одержала верхъ. Только во Франціи, при Карлѣ VII, на Буржскомъ національномъ соборѣ постановлено было ограничить папское вліяніе на мѣстную церковь (преимущественно на избраніе епископовъ и церковныя сборы) такъ называемою прагматическою санкцію, составленною въ смыслѣ опредѣленій костницкаго и базельскаго соборовъ (1438 г.). Впрочемъ папы долго оспаривали законность этой прагматической санкціи, не желая терять своего вліянія на галликанскую церковь.

Между тѣмъ, по заведенному уже порядку, въ XV и XVI вѣкахъ на западѣ, и послѣ Базельскаго собора, продолжали собираться новые соборы, будто бы для преобразованія церкви. Но эти соборы или не имѣли никакого значенія, или были орудіями папской партіи. На соборахъ въ Мантуѣ въ 1459 г. (при Піѣ II) и на двухъ Латеранскихъ соборахъ въ 1512 и 1517 годахъ (при Юліѣ II и Львѣ X) папамъ удалось еще болѣе возвысить авторитетъ своей власти, отмѣнивъ всѣ ограниченія по этому предмету, сдѣланныя на Соборахъ костницкомъ и базельскомъ, какъ на соборахъ еретическихъ.

V.

СОСТОЯНІЕ ПАПСТВА И ВСЕЙ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КОНЦѢ XV И НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ—ПРЕДЪ РЕФОРМАЦІЕЮ.

Одержавъ видимый перевѣсъ надъ стремленіями либеральной церковной партіи и не видя ни въ чемъ ограниченія своему произволу, папство къ XVI вѣку стало все болѣе и болѣе предаваться произволу и нравственной распущенности. Подъ конецъ XV и въ началѣ XVI столѣтія мы видимъ на римскомъ престолѣ папъ, занимающихся исключительно политическими интригами и свѣтскими развлеченіями и не обращающихъ никакого вниманія на дѣла Церкви, людей открыто проводившихъ без-

ковная жизнь видимо разлагалась. Духовенство высшее, утопая въ роскоши и свѣтскихъ удовольствіяхъ, къ дѣламъ вѣры относилось равнодушно и часто скептически. Духовенство низшее коснѣло въ невѣжествѣ и грубомъ развратѣ. Монашествующіе многочисленныхъ западныхъ орденовъ производили всюду великіе соблазны—своими взаимными распрями, своимъ бродяжничествомъ и безнравственною жизнью, жадностью и корыстолюбіемъ, грубыми поддѣлками и обманами, совершаемыми во имя и подъ покровомъ религіи, ненавистью къ просвѣщенію и ко всякимъ живымъ общественнымъ стремленіямъ, шпионскими и инквизиторскими наклонностями и т. под. Народъ не имѣлъ почти никакой пищи для удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ. Библію рѣдко брали въ руки самые ученые богословы (*) Богослуженіе совершалось на непонятномъ языкѣ;

(*) Лютеръ знаменитый западный богословъ въ первый разъ взялъ біблію въ руки на 20 году жизни, а его товарищъ по профессорству и реформѣ Кальтштадтъ на 30; и это не было исключеніемъ, а многіе богословы и высшіе сановники церкви совсѣмъ никогда не читали біблію. Одинъ нѣмецкій князь епископъ, которому случайно на глаза попалась біблія, почитавши нѣсколько, выразился о ней такъ: „я не знаю, что это“ за книга, только въ ней слишкомъ много противнаго намъ. Народу же—мірянамъ было совсѣмъ запрещено читать біблію папскими буллами; папы и западные богословы не смущались называть біблію еретическою книгою и источникомъ всевозможныхъ ересей.

проповѣди церковной не было. Оставаясь въ крайнемъ невѣжествѣ относительно истинъ вѣры, народъ коснѣлъ въ грубомъ суевѣріи, готовомъ перейти въ крайнее озлобленіе противъ церкви. Въ высшихъ сословіяхъ господствовали чувственно эцикурейскіе взгляды и холодное равнодушіе къ дѣламъ вѣры.

Между тѣмъ повсюду начало распространяться просвѣщеніе. Ученые греки, по паденіи Константинополя (1453 г.), удалившіеся въ западную европу, пробудили здѣсь склонность къ изученію древней классической литературы. Стали возникать ученныя общества, университеты и другія учебныя заведенія. Вновь изобрѣтенное книгопечатаніе способствовало быстрому обмѣну идей. При глубокомъ религіозномъ невѣжествѣ и крайней распушенности церковной жизни, просвѣщеніе угрожало принять направленіе враждебное вѣрѣ и церкви. Это прежде всего сказалось въ Италіи; вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія здѣсь быстро распространилось религіозное вольнодумство; отрицаніе, кощунство сдѣлалось моднымъ направленіемъ въ самыхъ высшихъ аристократическихъ кружкахъ, и этимъ направленіемъ увлекались многіе итальянскіе духовные, монахи, кардиналы, даже папы. Потомъ такое же направленіе стало распространяться и въ Германіи, подъ болѣе серіозною, но всетаки непріязненно сложившеюся по отношенію къ вѣрѣ, формою критически—научнаго отношенія къ религіознымъ пред-

метамъ (*). Вольнодумство и критическое отноше-
ніе къ предметамъ вѣры не ограничивалось
учеными кружками и высшими классами обще-
ства, но начинало проникать и въ народные мас-
сы. Множество сатиръ, памфлетовъ, карикатуръ,
публицистическихъ представлений, въ которыхъ изобра-
жались невежество, безправственность и користо-
любіе монашества и духовенства, но вмѣстѣ съ
тѣмъ часто неосторожно затрогивались и самые
серьезные предметы вѣры, — растлѣвали въ народѣ
религіозное чувство и подрывали уваженіе къ вѣ-
рѣ и церкви (**).

(*) Славнѣйшими представителями германской науки были
въ то время Эразмъ роттердамскій и Рейхлинъ. Оба они
много сдѣлали для серьезнаго изученія богословія главнымъ
образомъ тѣмъ, что возбудили вниманіе богослововъ къ изу-
ченію подлиннаго греческаго и еврейскаго текста священнаго
писанія, но оба же много и вредили церкви — первый своими
ѣдкими и открытыми нападками на схоластику, монашество
и духовенство западное; а послѣдній своимъ соблазнитель-
нымъ споромъ съ монахами и богословами кельнскими изъ за
говора противъ еврейскихъ книгъ, споромъ, оскандализирова-
вшимъ кельнскихъ богослововъ — предъ всею Германіею.

(**) Замѣчательнѣйшими изъ подобныхъ произведеній были
сатиры ученаго Эразма и рыцаря революціонера Гуттена,
такъ называемыя „письма темныхъ людей (*epistolae obscu-
riorum virorum*)“, неизвѣстно кѣмъ составленныя во время
спора Рейхлинова съ кельнскими богословами, „Дурацкій
корабль“ Себастьяна Брандта и др. Всѣ эти сочиненія пере-
водились на разныя языки и распространялись во множествѣ
экземпляровъ; много также растлѣвалось религіозное чувство

Люди съ теплою душою и благочестивымъ религіознымъ настроеніемъ или искали удовлетворенія своимъ стремленіямъ гдѣ либо внѣ церкви, или пламенно ожидали обновленія жизни церковной. Въ противоположность сухому схоластическому богословію, разлагающему всякую живую религіозную идею на отвлеченныя логическія формулы, и въ противоположность внѣшнимъ требованіямъ церковной дисциплины, машинально опредѣляющимъ каждый шагъ религіозной жизни, сильно развивалось мистическое направленіе, стремящееся къ внутреннему духовному служенію и таинственному общенію съ Богомъ. Сочиненія писателей мистическаго направленія (Эккарта, Таулера Сузо, Рюнсброка, и въ особенности ^{Томы} Кемпійскаго) (*) хотя и несма назидательныя и не противорѣчащія прямо догматамъ католицизма, тѣмъ не менѣе, однакожъ,

разными католически-религіозными представленіями въ родѣ праздника дураковъ, праздника ословъ, святочныхъ представленій и т. п., разрѣшаемыми и поощряемыми католическою церковью.

(*) Сочиненія именованныхъ нами мистическихъ писателей до нынѣ пользуются большою славой на западѣ, какъ самыя назидательныя народныя книги; они имѣли множество изданій. Особенно извѣстна книга ^{Томы} Кемпійскаго „о подражаніи Христу“, переведенная на всѣ европейскіе и нѣкоторые не европейскіе языки, имѣвшая до настоящаго времени 3000 изданій (послѣ библіи, говорятъ, самая распространенная книга въ свѣтѣ). Она много разъ переводима была и на русскій языкъ.

проникнутыя совершенно особеннымъ духомъ, представлявшія народу сомѣнь иной идеаль христіанства, нежели какой представляла ему католическая церковь, имѣли въ народѣ гораздо болѣе вліянія, нежели писаніемъ оффиціально признанныхъ авторитетныхъ церковныхъ учителей, въ родѣ *Томы Аквината* и подобныхъ. Въ народѣ распространилось множество свободныхъ мистическихъ обществъ, живущихъ по своеобразнымъ оффиціально немыслимымъ церковію уставамъ, и не рѣдко расходящихся съ церковью въ самыхъ догматическихкихъ вопросахъ своихъ. Эти свободныя общества, *Братство общаго житія* (весьма замѣчательное братство, много способствовавшее распространенію народнаго образованія въ Германіи), *общество друзей Божіихъ, братьевъ и сестеръ свободнаго духа, Безардовъ и Бегуиновъ*, даже самыя странныя изъ нихъ, какъ *общество фламандцевъ или бичующихся, плясунъ св. Вита* и т. п. возбуждали въ народѣ гораздо болѣе сочувствія и уваженія, нежели оффиціально признанная церковью братства различныхъ монашескихъ орденовъ.

Въ средѣ самыхъ оффиціальныхъ служителей Церкви — монаховъ и богослововъ, появлялись личности, требовавшія радикальнаго преобразованія Церкви. Въ Италіи, въ концѣ XV вѣка, явился пламенный обличитель безнравственности духовенства и общества, доминиканскій монахъ *Иеронимъ Саванорола*. Своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ,

рѣзкими обличеніями, строгостью жизни, истинными или мнимыми предсказаніями, онъ привлекъ къ себѣ народныя массы, и успѣлъ было уже положить начало религиозной и политической реформѣ, образовавъ во Флоренціи строгую есекратическую республіку. Но крайняя строгость его требованій скоро стала тяжела для легкомысленныхъ и изнѣженныхъ итальянцевъ, и Саванорола, осужденный папою Александромъ VI, былъ сожженъ на кострѣ, какъ еретикъ, обманщикъ и возмутитель народа (1498 г.). Въ Германіи также реформаторскія идеи распространялись въ университетахъ и монастыряхъ. Въ сочиненіяхъ германскихъ богослововъ конца XV столѣтія, Пунпера, Весселя и Везеля, развивались уже тѣ самыя мысли о значеніи папскаго и вообще церковнаго авторитета, о священномъ писаніи и священномъ преданіи, о предопредѣленіи и благодати, объ оправданіи чловѣка, о чистилищѣ и индульгенціяхъ, о почитаніи святыхъ, иконъ и мощей, о монашествѣ, постахъ и другихъ внѣшнихъ обѣтахъ и дѣлахъ благочестія, какія, впоследствии, сдѣлались основаніемъ протестантскаго богословія.

Таково было состояніе западной церкви въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Вся жизнь церковная находилась въ разложеніи и броженіи. Вездѣ скоплялось множество оппозиціонныхъ силъ противъ папства. Нуженъ былъ какой нибудь внѣшній поводъ къ тому, чтобы силы эти вытолкнули наружу, и въ церкви вспыхнула сильнѣйшая рево-

люціи. Этотъ поводъ данъ былъ при Львѣ X усиленною и наглою продажей индульгенцій католическими монахами въ Германіи въ 1517 г. Лютеръ въ Германіи и Цвинглій въ Швейцаріи подали знакъ къ возстанію противъ католической Церкви, и это возстаніе въ короткое время поднялось во всѣхъ странахъ западной Европы, съ особенною силой въ сѣверо-западныхъ германскихъ племенахъ и отторгло отъ римско-католической Церкви почти цѣлую половину ея членовъ.

VI.

НАИСТВО ПОСЛѢ РЕФОРМАЦІИ—ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ.
ИЗУНТЫ, ТРИДЕНТСКІЙ СОВОРЪ. ГАЛЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
ЯНСЕНИСТЫ.

Сильное реформаціонное движеніе, открывшееся въ западной Церкви въ началѣ XVI столѣтія, и отторгнувшее отъ нея почти цѣлую половину ея членовъ, заставило представителей церкви обратить серьезное вниманіе на ея положеніе, и принять дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы удержать подъ своимъ вліяніемъ еще оставшіяся вѣрными ему европейскія племена и государства, а если возможно возстановить свою власть и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже утвердился реформація. Кромѣ мѣръ внѣшнихъ—репрессивныхъ, усиленіи инкви-

зпціи, строгаго надзора за распространяющеюся повсюду свободою мыслей, политическихъ интригъ и заключенія союзовъ противъ протестантскаго движенія, нужно было принять для этого и какія нибудь положительныя мѣры, позаботиться о внутреннемъ обновленіи Церкви и исправленіи злоупотребленій. Нѣкоторыя стремленія къ внутреннему преобразованію, хотя и вынужденныя силою и не очень твердыя и искреннія, замѣчаются въ римско-католической церкви съ XVI вѣка. На престолѣ папскомъ являются большею частью личности строгой нравственности, вмѣстѣ съ тѣмъ большею частію и безчуждо строгихъ воззрѣній—фанатики, озлобленные противъ современнаго порядка вещей и всякихъ проявленій умственной и общественной свободы. Но никакими усиліями папы уже не могли возвратить себѣ своего прежняго значенія. Самые даровитые и энергичные изъ папъ послѣ реформаціи, каковы напр. были въ концѣ XVI вѣка — Павелъ III, Григорій XIII (*) и въ особенности Сикстъ V (изъ бѣднаго пастушескаго состоянія необыкновеннымъ умомъ и хитростію

(*) Этотъ папа особенно замѣчателенъ своею ревностію къ распространенію Римскаго вліянія на востокъ и введеніемъ новаго, такъ называемаго Григоріанскаго Календаря. Впрочемъ этотъ календарь былъ принятъ только въ католическихъ странахъ. Протестантскіе народы стали принимать его уже въ XVIII столѣтіи, а православные восточные доселѣ не принимаютъ.

достигшіи папскаго престола) уже не смѣли мечтать о томъ, къ чему стремились Григорій VII и Иннокентій III, и заботились только о томъ, чтобы сохранить нравственное вліяніе надъ народами и правительствами Европы, и получше укрѣпить за собою и устроить свою церковную область. Въ низшемъ духовенствѣ католической церкви также замѣтна была перемена къ лучшему. Приходское духовенство стало болѣе внимательно къ нуждамъ своей паствы. Монахи прежнихъ орденовъ сдѣлались болѣе осторожны въ своемъ поведеніи. Открытіе новыхъ орденовъ ограничено болѣе строгими постановленіями. Новые ордена, открывавшіеся послѣ реформаци (Театинцы, Барнабиты, Капуцины, Лазаристы) большею частію посвящали свою дѣятельность на служеніе непросвѣщенному и страдающему челоуѣчеству.

Ни одинъ изъ западныхъ монашескихъ орденовъ не имѣлъ такого значенія и не оказалъ папству такихъ услугъ, какъ орденъ іезуитовъ, основанный искалеченнымъ испанскимъ рыцаремъ фанатикомъ Игнатіемъ Лойолою, и утвержденный папою Павломъ III въ 1540 г. Орденъ этотъ посвящалъ себя на безграничное повиновеніе папѣ и преданность интересамъ Римской Церкви. Папа указалъ его усердію современную цѣль въ противодѣйствіи протестантскому либерализму и распространеніи колебавшагося вліянія Римской Церкви. Іезуиты предалися на служеніе этой цѣли съ такою ревностію, что скоро превзошли въ забо-

тахъ о славѣ и пользѣ Римской Церкви самихъ папъ. Искусно устроивъ самое воспитаніе своихъ адептовъ такъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ совершенно замеръ живой человѣкъ съ свободною мыслью, волею и чувствами, и оставался только іезуитъ всѣмъ существомъ своимъ преданный цѣлямъ ордена,—связавъ всѣхъ членовъ общества безусловнымъ повиновеніемъ и строжайшимъ взаимнымъ контролемъ, раскинувъ сѣти своего общества по всѣмъ концамъ міра, допустивъ въ своемъ уставѣ большую свободу во внѣшнихъ правилахъ монашеской жизни — въ одеждѣ, религіозныхъ упражненіяхъ, образѣ жизни, потребовавъ себѣ право имѣть не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, явныхъ и тайныхъ (якому, кромѣ верховнаго генерала ордена, невѣдомыхъ) членовъ, и наконецъ положивъ себѣ правиломъ употреблять всякія (хотя бы и самыя безнравственныя) средства для достиженія своихъ цѣлей,—іезуиты скоро явились страшною силою, охватившею христіанскій міръ, видимо и невидимо распространяющею вездѣ вліяніе папства, а иногда въ случаѣ разногласія опасною и для самаго папства. Одни изъ нихъ заняли высокія мѣста при дворахъ европейскихъ въ качествѣ духовниковъ государей, и искусно направляли политику государствъ въ пользу Римской Церкви и своего ордена. Другіе подчиняли своему вліянію и развращали совѣсть народа чрезъ исповѣдь, приобрѣтши себѣ славу, какъ самыя искуснѣйшіе духовники, отлич-

но умѣвше притворяться къ настроеніямъ и
вкусамъ кающихся, и отличающіеся легкими, сни-
сходительными воззрѣніями на строгость нрав-
ственныхъ христіанскихъ требованій. Третьи ста-
рались захватить въ свои руки воспитаніе моло-
даго поколѣнія, привлекая преимущественно дѣтей
знатныхъ и богатыхъ родителей въ свои школы,
славившіяся отличнымъ внѣшнимъ устройствомъ,
но систематически направленны къ подавленію
свободной мысли и развитію фанатизма или ли-
цемернаго благочестія въ молодыхъ поколѣніяхъ.
Иные пустились въ торговлю, и имѣя многочи-
сленникъ агентовъ, въ разсыпныхъ по всему
сѣверу членахъ братства, приумножали материаль-
ную силу ордена. Дѣйствуя такимъ образомъ, гдѣ
нравственнымъ вліяніемъ, гдѣ интригами, гдѣ
подкупомъ, гдѣ строгими инквизиционными мѣрами,
іезуиты успѣли въ нѣкихъ странахъ остановить
развитіе протестантизма, а въ другихъ совсѣсть
почти искоренить его, и удержать за католиче-
скую Церковь почти полное владычество между
юго-западными романскими племенами, и значи-
тельную силу въ сѣверо-западныхъ германскихъ
племенахъ. Утверждая власть папскую въ Европѣ,
іезуиты старались распространить ея владѣнія и
внѣ Европы. Рвѣнительные и самоотверженные мис-
сіонеры ихъ общества (Ксаверій, Риччи) пропе-
сли христіанскую проповѣдь въ Индію, Китай и
Японію, въ страны внутренней Африки и Амери-
ки, гдѣ они основали даже цѣлое, подчиненное

ордену государство—Парагвай. Впрочемъ и въ своихъ миссіонерскихъ подвигахъ они не столько старались о распространеніи чистой евангельской истины, сколько о томъ, чтобы подчинять своему вліянію непросвѣщенныя племена. Въ проповѣдываніи чистой христіанской истины они бывали иногда такъ снисходительны и либеральны, что позволяли себѣ принаравливать высокія христіанскія понятія къ самымъ грубымъ суевѣрнымъ язычникамъ. (*).

Вышедши изъ первой борьбы съ протестантизмомъ хотя не безъ большихъ потерь, но все еще увѣренное въ своемъ долговѣчномъ существованіи и господствѣ, панство, для избѣжанія большихъ потрясеній, на будущее время должно было позаботиться о томъ, чтобы получить укрѣпить и исправить внутренній строй своей Церкви. Уже вскорѣ послѣ начала протестантскихъ движеній въ Германіи, въ самомъ Римѣ, въ средѣ самаго высшаго духовенства, образовалась партія, поставившая своею задачею составить планъ внутренней реформы католицизма. — Свѣтскіе государи и князья,

(*) Для большаго успѣха въ распространеніи римско-католической вѣры между язычниками, и также между христіанами другихъ исповѣданій (особенно Восточными) было основано въ Римѣ (1622 г.) папою Григоріемъ XV особенное учрежденіе congregatio propagandae fidei, въ которомъ изучались всѣ извѣстныя языки, и множество молодыхъ людей готовилось къ миссіонерскимъ подвигамъ.

оставшіеся вѣрными католицизму, также требовали отъ папъ созванія вселенскаго собора для преобразованія Церкви. Въ уваженіе этихъ требованій папа Навель III открылъ соборъ въ Тріентѣ въ 1545 г. Но изъ опасенія, какъ бы соборъ не поддавался здѣсь влиянію нѣмецкой, враждебной интересамъ папства, партіи, папа, подъ предлогомъ распространенія моровой язвы, въ 1547 г. перевелъ его, подъ свой ближайшій надзоръ, въ Болонью, и тамъ совсѣмъ закрылъ (1549 г.). Въ другой разъ, по настоянію свѣтскихъ государей, соборъ открылся въ Тріентѣ при папѣ Юліѣ III въ 1551 г., но скоро опять долженъ былъ закрыться вслѣдствіе военныхъ безпокойствъ въ Германіи. Наконецъ по временномъ прекращеніи междоусобій въ Германіи Аугсбургскимъ религіознымъ миромъ, соборъ открылся въ третій разъ при папѣ Піѣ IV въ январѣ 1562 г., и продолжался до конца 1563 г. На соборъ этотъ (состоявшій въ послѣднихъ полныхъ своихъ собраніяхъ изъ 255 чело-вѣкъ), на которомъ были представители различныхъ національныхъ церквей, возлагались католиками большія надежды; надѣялись, что соборъ совершитъ радикальную реформу Церкви, въ духѣ современныхъ общественныхъ требованій, и своими разумными и либеральными уступками привлечетъ даже опять въ Церковь самыхъ протестантовъ. И на самомъ дѣлѣ неоднократно приглашались на соборъ, для общаго совѣщанія о дѣлахъ вѣры, и протестантскіе богословы; многіе

французскіе и нѣмецкіе епископы предлагали естественныя реформы (напр. возстановленіе причащенія подъ обоими видами, уничтоженіе безбрачія священниковъ и коренное преобразование духовенства, введеніе народнаго языка въ богослуженіе); въ нѣкоторыхъ членахъ собора обнаружилась даже склонность къ протестантскому либерализму. Но большинство членовъ собора составляли итальянскіе епископы, консерваторы по убѣжденіямъ или по личнымъ интересамъ. По этому консервативная партія одержала верхъ. Ограничившись незначительнымъ исправленіемъ злоупотребленій іерархическихъ, соборъ въ важнѣйшихъ вопросахъ Церковныхъ только укрѣпилъ, возвелъ въ догматъ и оградилъ антагонизмомъ большую часть среднѣ-католическихъ нововведеній и заблужденій католицизма. Такъ напр. ученія о главенствѣ папы, о чистилищѣ, объ индульгенціяхъ (въ нѣсколько смягченномъ видѣ) были возведены здѣсь на степень божественныхъ догматовъ. Безбрачіе духовенства, причащеніе мирянъ подъ однимъ видомъ, отиѣна причащенія младенцевъ также утверждены для употребленія Церковнаго на будущія времена. Въ богослуженіи народный языкъ употреблять не позволено. Библию также подтверждено читать не только на латинскомъ языкѣ, но и непосредственно по извѣстному латинскому переводу (Вульгатѣ), который объявленъ каноническимъ и богодуховеннымъ. Въ перечисленіи библейскихъ книгъ

ветхаго заветѣ книги не каноническія смѣшаны съ каноническими и т. д. Опредѣленіи Тридентскаго собора положено было считать неизмѣннымъ выраженіемъ вѣрованій церковныхъ на всѣ будущія времена. И послѣ Тридентскаго собора до послѣдняго папы Пія IX католическая Церковь уже не созывала большихъ соборовъ, и опредѣленія Тридентскаго собора считались въ ней главными и неизмѣнными основаніями вѣрованія церковнаго. Впрочемъ не всѣ католическія страны безусловно подчинились опредѣленіямъ Тридентскаго собора. Они приняты были вполне только въ большей части католическихъ владѣній Италіи и Германіи, въ Португаліи и Польшѣ. Въ Испаніи же, Бельгіи и особенно во Франціи они вызвали много протестовъ, и приняты были съ большими ограниченіями.

Не смотря на всѣ усилія папства возстановить свое прежнее вліяніе въ Европѣ, самый ходъ развитія европейскихъ народовъ, все болѣе и болѣе высвобождавшася изъ подъ вліянія Церкви, постепенно ослаблялъ папское вліяніе въ самыхъ католическихъ странахъ. Уже въ XVII столѣтіи, въ самыхъ католическихъ государствахъ Европы стало высказываться стремленіе ограничить папское вліяніе не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, и дать большее развитіе самостоятельности мѣстныхъ Церквей. Почти во всѣхъ государствахъ Европы, усвояемая папами права

верховнаго главенства и контроля надъ помѣстными церквами, были ограничены такъ называемыми конкордатами, т. е. государственными договорами, по которымъ папской власти на столько давалось вліяніе въ извѣстной странѣ, на сколько это допускала государственная власть. Во Франціи, въ концѣ XIV^у столѣтія король Людовикъ XIV, католикъ въ иныхъ случаяхъ весьма ревностный, но желавшій держать себя самостоятельно по отношенію къ папѣ, приказалъ мѣстнымъ епископамъ своей страны собраться на соборъ въ Парижъ (1682 г.), и на немъ опредѣлить отношенія галликанской церкви къ папѣ. Епископы выразили эти отношенія въ четырехъ такъ называемыхъ предложеніяхъ галликанскаго клира: 1) власть папская имѣетъ отношеніе только къ духовнымъ, но не къ свѣтскимъ дѣламъ; 2) самая духовная власть папы, по смыслу опредѣленій костницкаго собора должна подчиняться высшему авторитету вселенскихъ соборовъ; 3) во франціи собственно власть папская ограничивается древними правами мѣстной галликанской церкви; 4) мнѣнія папы только въ такомъ случаѣ можно считать непогрѣшимыми, когда они служатъ выраженіемъ вѣрованій всей церкви. Папы (Иннокентій XI, Иннокентій XII и ихъ преемники) горячо возстали противъ этихъ предложеній, и ни за что не хотѣли утвердить ихъ. Но и французскіе богословы, во главѣ которыхъ стоялъ умный и краснорѣчивый

епископъ Боссюетъ, также твердо отстаивали самостоятельность и права своей мѣстной церкви (*).

Около того же времени папская власть была сильно оскандализирована предъ общественнымъ мнѣніемъ Франціи, въ спорахъ такъ называемыхъ инсенистовъ съ іезуитами. Въ 1635 году одинъ ученый и благочестивый французскій епископъ Инсеній, возмущенный тѣми безнравственными и вредными правилами жизни, какія внушали своимъ почитателямъ іезуиты—на исповѣди, въ школахъ и на кафедрахъ (**) издалъ въ свѣтъ со-

(*) Въ реакцію этой теоріи умѣренного *Галликанскаго* католицизма, развитой Боссюетомъ и другими французскими богословами, стала развиваться въ римской церкви другая крайне—строгая и ревностная къ интересамъ папства католическая теорія, имѣвшая своимъ главнымъ представителемъ іезуита богослова кардинала Беллармина. Такъ какъ эта теорія находила себѣ приверженцевъ преимущественно между заальпійскими и итальянскими епископами, то приверженцы ея и названы ультрамонтанами (загорцами). Партія ультрамонтанская самая не популярная въ католицизмѣ—слишкомъ фанатическая, и до нынѣ, не смотря на всѣ неблагоприятныя для папства обстоятельства времени, продолжаетъ поддерживать то высокое понятіе о папской власти и тѣ непомерныя притязанія папства, какія могли имѣть значеніе только во времена Григорія VII и Иннокентія III.

(**) Іезуиты слишкомъ легко смотрѣли на нравственность; они напр. учили, что всякое безнравственное дѣло только тогда можетъ быть вѣнчаемо челоѣку въ грѣхъ, когда совершается съ полнымъ сознаниемъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ,—что челоѣкъ можетъ давать ложную клятву, имѣя

чиненіе подь названіемъ „Августинъ“, въ которомъ старался представить христіанскому обществу высшія правила нравственности, основанныя преимущественно на ученіи блаженнаго Августина. Сочиненіе это нашло себѣ много почитателей между лучшими французскими учеными (Наскаль, Арно, Николь, Кенель), и распространилось преимущественно въ одномъ изъ знатныхъ женскихъ монастырей близъ Парижа: Поръ-Рояль. Іезуиты замѣтили, что книга Янсенія была направлена противъ нихъ и выхлопотали у папы запрещеніе на нее. Папа, самъ не читавшій книги, сгоряча по доносу іезуитовъ, осудилъ въ ней такія положенія, какихъ тамъ совсѣмъ не было. Іезуиты стали было увѣрять, что эти положенія непременно должны быть въ книгѣ Янсенія, потому что ихъ нашелъ тамъ самъ папа, который не можетъ

при этомъ на умѣ какую нибудь оговорку относительно того, въ чемъ клянется: (*мысленная оговорка*), что въ случаѣ ка-кого нибудь затруднительнаго и сложнаго нравственнаго вопроса всякій можетъ избирать себѣ такое рѣшеніе его, какое ему покажется *приблизительно* истиннымъ (*пробабиллизмъ*). Наконецъ іезуиты въ теоріи и на практикѣ проводили безнравственное начало, что добрая дѣль оправдываетъ и освящаетъ всякія недобрыя средства. Поэтому, согласно съ смысломъ ихъ ученія, самыя тяжкія преступленія,—ложь, обманъ, грабительство, тайное убійство, заговоръ, возмущенія, цареубійство—могли считаться невинными, если совершались на пользу церкви — для славы Божіей (*ad maiorem Dei gloriam*).

ошибаться, даже ни въ какомъ частномъ случаѣ. Но такою защитою они только болѣе осквернили папу и самихъ себя. Геніальный Наскаль въ своихъ „провинціальныхъ письмахъ“ и другіе приверженцы янсенизма въ запальчивомъ спорѣ съ іезуитами безпощадно разоблачили ихъ безнравственность и вредныя правила и тенденціи, и тѣмъ не мало способствовали посрамленію іезуитизма и самаго папства.

VII.

ПАПСТВО ВЪ XVIII И XIX ВѢКАХЪ.

Въ XVIII вѣкѣ во всей западной Европѣ сталъ распространяться духъ вольномыслія враждебнаго церкви. Духъ этотъ сказывался какъ въ настроеніи общественнаго мнѣнія, такъ и въ самыхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ. Папство особенно раздражало этотъ духъ своею нетерпимостью и ретроградными стремленіями, и потому особенно много потеряло отъ него.

Прежде всего непріязненное настроеніе общественнаго мнѣнія выразилось противъ іезуитовъ. Ихъ безнравственныя правила и вредное вліяніе на народъ, ихъ вмѣшательство во всевозможныя интриги, заговоры, соблазнительные процессы, огромныя богатства, приобретаемыя нерѣдко темными путями, постоянныя противодѣйствія всякимъ жи-

вымъ свободнымъ стремленіемъ правительствъ и обществъ — возбудили противъ нихъ всеобщую ненависть. Самыя правительства Европы признали нужнымъ уничтожить этотъ орденъ. Первый примѣръ на это подалъ либеральный португальскій министръ Помбаль, озлобленный противъ іезуитовъ постояннымъ противодействіемъ ихъ реформаторскимъ планамъ его. Интригамъ іезуитовъ приписано было возмущеніе, произведенное въ Парагваѣ и покушеніе на жизнь короля Іосифа Еммануила; на этомъ основаніи 1759 г. изданъ былъ указъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Португаліи. Папа Климентъ XIII издалъ буллу въ защиту іезуитовъ; но Португальскій министръ запретилъ обнародовать буллу, прервалъ всякія сношенія съ Римскимъ дворомъ, выслалъ папскаго нунція за границу, и за тѣмъ приказалъ посадить всѣхъ находившихся въ Португаліи іезуитовъ на суда и переправить къ папѣ въ Италію. Примѣру португальскаго послѣдовали и другіе правительства: французскій король соглашался оставить іезуитовъ въ своей странѣ подъ условіемъ преобразованія ордена. Но гордый генералъ іезуитовъ Риччи отвѣчалъ: „пусть они остаются, каковы теперь, или пусть ихъ вовсе не будетъ (Sint, ut sunt, aut non sint)“. По этому и изъ Франціи ихъ изгнали въ 1764 г. Также изъ Испаніи, Неаполя, Пармы. Наконецъ новый папа Климентъ XIV (Ганганелли), избранный враждебною іезуитамъ партіею въ 1773 году издалъ буллу о совершенномъ уни-

чтоженіи іезуитскаго ордена, состоявшаго тогда официально изъ 22000 человекъ (послѣ этого не прошло года и наиа былъ отравленъ). Съ тѣхъ поръ іезуиты официально перестали существовать во всѣхъ католическихъ государствахъ Европы, хотя тайно продолжали существовать и вести свои интриги; только въ схизматическихъ государствахъ либеральнаго Фридриха II прусскаго и императрицы русской Екатерины II имъ позволено было существовать законнымъ образомъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія противъ папства возбуждено было сильное движеніе въ Германіи. Старѣйшія архіепископы Германіи стали заявлять стремленія къ освобожденію своей національной церкви отъ римскаго вліянія. Въ этомъ смыслѣ постановлены были новыя основанія для управленія національною германскою церковью на духовномъ конгрессѣ въ Эмсѣ въ 1786 году. Постановленія эти не могли быть приведены въ дѣйствіе, потому что много еще оказалось въ католической Германіи епископовъ, приверженныхъ къ папской власти; тѣмъ не менѣе заявленное стремленіе къ независимости не осталось безъ результатовъ для католической Германіи. Болѣе сильный ударъ нанесъ папству Австрійскій императоръ Іосифъ II-й. Широкія преобразованія, предпринятія имъ въ имперіи, коснулись и церкви. Онъ далъ въ своихъ владѣніяхъ протестантамъ полную свободу и равныя права съ католиками, закрылъ въ Австріи около 700 монастырей съ 30000 монашеств-

вующихъ, обративъ имущество ихъ на учебныя заведенія, ограничилъ сношенія своею національною церкви съ римскимъ дворомъ, приказавъ ввести нѣмецкіе гимны въ Богослуженіе церковное, и заботился о распространеніи въ народѣ чтенія библіи на нѣмецкомъ языкѣ. Папа Пій VI горячо протестовалъ противъ этихъ реформъ, — рѣшился даже самъ предпринять путешествіе въ Вѣну, въ 1782 году (случай доселѣ небывалый), чтобы отклонить императора отъ его замысловъ. Императоръ сдѣлалъ папѣ великолѣпный пріемъ, но и личное вліяніе папы нисколько не измѣнило его плановъ церковной реформы. Реформы Іосифа II и братъ его Леопольдъ герцогъ Тосканскій примѣнили къ церквямъ своихъ владѣній.

Еще болѣе тяжкій ударъ нанесенъ былъ папству и вообще церкви во Франціи. Революція, низвергавшая государственный порядокъ Франціи, поколебала и національную церковь. Во Франціи объявлена была полнѣйшая свобода совѣсти, монастыри закрыты, имущества церковныя обращены на государственныя потребности, духовные, не хотѣвшіе присягнуть законамъ республики, лишены своихъ мѣстъ. Была даже сдѣлана попытка совсѣмъ ниспровергнуть христіанство, и замѣнить его такъ называемою религіею разума. Въ 1798 году французскія войска завладѣли Италіею, и объявили въ Римѣ республику. Папа Пій VI былъ взятъ въ плѣнъ и въ униженіи умеръ во Франціи въ 1799 г.

Наполеонъ I-й, сдѣлавшись первымъ консуломъ

республики, и потомъ императоромъ Франціи, возстановилъ прежній порядокъ церковный и права папы, впрочемъ съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы отобранныя имущества церковныя оставались собственностью государства, а духовенство содержалось на жалованье отъ правительства, чтобы выборы епископовъ зависѣли отъ правительства, и ни одна булла папская не была объявляема во Франціи безъ позволенія государственной власти. Папа Пій VII не хотѣлъ согласиться на эти требованія. Тогда Наполеонъ вторично завладѣлъ Римомъ, объявилъ, что онъ отнимаетъ у папъ подарокъ, данный имъ его предшественникомъ Карломъ Великимъ (т. е. свѣтскую власть папы въ Италіи) и переселилъ Пія VII въ почетное заточеніе въ Фонтенбло (1809 г.), назначивъ ему на содержаніе два милліона франковъ. Тщетно папа протестовалъ противъ насилія, и думалъ устрашить императора проклятіями. Онъ оставался въ своемъ заточеніи до низверженія Наполеона, и тогда уже освобожденный союзными войсками, торжественно возвратился въ Римъ, какъ исповѣдникъ, страдавшій за права церкви, въ Маѣ 1814 г.

Страшное потрясеніе, произведенное въ Европѣ французскою революціею и войнами Наполеона I, вызвало за собою по низверженіи Наполеона реакцію въ пользу возстановленія и охраненія старыхъ церковныхъ и политическихъ порядковъ (реставрація). Для папъ и католической церкви было весьма благопріятно такое направленіе вре-

менн; — реакція высказалась даже во многихъ протестантскихъ странахъ сильнымъ тяготѣніемъ къ католицизму. Но папы не научились понимать потребности и настроенія времени; они такъ далеко вдались въ реакцію, что скоро опять всюду возстановили противъ себя общественное мнѣніе. Обязанный возстановленіемъ своихъ духовныхъ и свѣтскихъ правъ чужеземнымъ, и при томъ не принадлежащимъ къ католической церкви, государямъ, папа Пій VII началъ протестовать противъ дѣйствій этихъ государей на Вѣнскомъ конгрессѣ, между прочимъ напр. за то, что они уничтожили духовныя курфиршества въ Германіи. Затѣмъ первымъ долгомъ папы было возстановленіе ордена іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ, упавшихъ въ послѣднее время. Налуганные крайними проявленіями свободомыслія, правительства и народы Европы на первыхъ порахъ съ готовностью приняли іезуитовъ, какъ самую надежную стражу противъ всякаго свободомыслія. Но іезуиты скоро своею чрезмѣрною ревностью въ этомъ направленіи своими ретроградными и своекорыстными стремленіями, своимъ вмѣшательствомъ во всѣ некасающіяся ихъ дѣла, опять возбудили противъ себя всеобщую непріязнь, и ихъ опять стали выгонять то изъ той, то изъ другой страны. Само папство со времени возстановленія своего и до послѣднихъ дней не переставало идти путемъ крайней реакціи, непрестанно враждуя со всѣмъ живыми и свободными, даже самыми благонамѣренными и къ

интересамъ церкви направленными стремленіями. Такъ въ Германіи въ тридцатыхъ годахъ папство воздвигло преслѣдованія противъ ученаго направленія Боннскаго профессора Гермеса, за то, что онъ хотѣлъ Богословію католическому дать научную форму, догматы вѣры прояснить и утвердить разумными доказательствами, и въ то же время во Франціи папство подвергло запрещенію сочиненія благочестиваго аббата Ботэня, проповѣдывавшаго, что вѣра не нуждается въ доказательствахъ разума, а должна основываться на чувствахъ. Такъ во все продолженіе 19-го вѣка папы не представляли враждовать противъ переводовъ библіи на разные языки, противъ библейскихъ обществъ, противъ стремленій ко взаимному сближенію, обнаруживающихся среди различныхъ христіанскихъ обществъ. Этимъ систематическимъ обскурантизмомъ и ретроградствомъ папство успѣло оттолкнуть отъ себя многихъ самыхъ искреннихъ и ревностныхъ приверженцевъ католицизма. Такъ во Франціи въ 40-хъ годахъ даровитый и энергическій аббатъ Ламэнне, бывшій прежде ревностнымъ поборникомъ папскаго авторитета, послѣ многократно-заявленныхъ имъ и отвергнутыхъ папствомъ представлений о необходимости преобразования Церкви, сдѣлался самымъ крайнимъ социалистомъ и злѣйшимъ противникомъ Церкви. Во всѣхъ католическихъ государствахъ Европы въ XIX вѣкѣ продолжаютъ высказываться отъ времени до времени стремленія къ освобожденію отъ верховнаго

панскаго авторитета. Въ строго-католической Испаніи изуѣрство и фанатизмъ католическихъ монаховъ неоднократно вызвали противъ себя взрывы народнои оппозиціи, угрожавшіе неистовствами французской революціи. Во Франціи аббать Шатель (1842 г.) положилъ начало независимой отъ папы либеральной Ново-католической общинѣ. Въ Германіи подобныя же общины основали въ 1844 году священники Іоаннъ Ронжъ въ Силезіи и Іоаннъ Черскій въ Познани. Между низшимъ католическимъ духовенствомъ всѣхъ странъ Европы болѣе и болѣе распространяются мысли объ уничтоженіи безбрачія лицъ духовныхъ, и основаніи самостоятельной католической Церкви, независимой отъ папы подъ верховнымъ управленіемъ соборовъ.

Наконецъ самую опасную враждебную силу папство создало себѣ въ Италіи. Здѣсь въ XIX вѣкѣ съ особенною силою пробудилось стремленіе къ національной независимости и политическому объединенію. Папство конечно отнеслось враждебно къ этимъ стремленіямъ, и этимъ вооружило противъ себя Итальянцевъ. Вражда политическая отражается на религіозномъ состояніи Италіи распространеніемъ невѣрія, или склонностью многихъ къ протестантству. Крайне-несовременнымъ, безпорядочнымъ и тяжелымъ управленіемъ церковной области, папство воспитало противъ себя сильную неприязнь въ своихъ ближайшихъ подданныхъ. Эта неприязнь достигла уже крайней степени въ 40-хъ

годахъ при строгомъ папѣ Григоріѣ XVI (1831—1846 г.).

Вступленіе на престолъ новаго папы Пія IX (это 259-й папа по римскому счету), извѣстнаго прежде либерала и патріота, пробудило большія надежды въ патріотической итальянской партіи. Думали, что онъ станетъ въ главѣ національных стремленій къ самостоятельности и объединенію Италіи. Папа популярно началъ свое правленіе всеобщей амнистіею — освобожденіемъ множества политическихъ преступниковъ, заключенныхъ въ римскіе казематы при его предшественникѣ. Но когда, по убѣжденію неблагонамѣренныхъ совѣтниковъ ультрамонтанской партіи, папа сталъ измѣнять свою политику, мѣсто прежней довѣренности заступила сильнѣйшая народная непріязнь. Въ ноябрѣ 1848 года папа отъ раздраженія народныхъ партій долженъ былъ спастись бѣгствомъ въ Гаэту, и въ слѣдъ затѣмъ въ Римѣ провозглашена была республика. Чужеземные воиса подавили революцію въ Италіи и папа получилъ возможность возвратиться въ Римъ въ апрѣлѣ 1850 года. Но положеніе его съ того времени остается весьма шаткимъ. До 1865 года папскій престолъ былъ охраняемъ чужеземными французскими и австрійскими войсками. Съ того времени папа находится подъ великодушнымъ покровительствомъ итальянскаго короля Виктора Еммануила, неоднократно предаваемого имъ проклятію и самостоятельно устрояющаго не только государствен-

ный, но и церковный порядокъ Италіи, упраздняющаго монастыри, отбирающаго церковныя имущества безъ всякаго вниманія и уваженія къ папскимъ протестамъ и прещеніямъ.

Тѣмъ не менѣе папство и въ настоящее время старается выказать свою полную увѣренность въ неприкосновенности усвоенныхъ имъ въ средніе вѣка правъ и притязаній—устанавливаетъ новыя догматы (о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы въ 1854 году), совершаетъ торжественныя канонизаціи святыхъ, открываетъ въ Римѣ блестящіе юбилеи; созываетъ своею властію вселенскій соборъ, рассыпаетъ грозныя энциклики, въ которыхъ предастъ анаѣмѣ весь современный порядокъ вещей; налагаетъ проклятія и отлученія на государей и т. д. А приверженцы папства ультрамонтаны стараются изъ всѣхъ силъ доказать непогрѣшимость духовной и даже свѣтской власти папъ... Только мало уже теперь обращаютъ вниманія на эти несовершенныя заявленія разваливающагося колосса.

Католическая церковь, и въ настоящее время, имѣетъ еще много жизненныхъ силъ, но онѣ не могутъ развиваться подъ покровомъ создавшейся въ средніе вѣка абсолютной монархіи папской. Ихъ естественный исходъ, ихъ спасеніе можетъ быть въ возвращеніи къ древнему устройству церковному и древнимъ вѣрованіямъ православія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ
ВЪРОУЧЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ
ЦЕРКВИ.

I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЪРОИСПОВѢДНОЙ СИСТЕМЫ. КАКЪ ОБРАЗОВАЛИСЬ И РАЗВИЛИСЬ ВЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ РАЗЛИЧНЫЯ ОТСТУПЛЕНІЯ ОТЪ ДРЕВНИХЪ ПРЕДАНІЙ, И ВЪ КАКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ НАХОДИТСЯ ОНѢ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

До отдѣленія отъ Церкви Восточной, Западная Церковь была согласна съ Восточною въ ученіи вѣры, основныхъ началахъ церковнаго устройства и существенныхъ частяхъ христіанскаго богослуженія. Были нѣкоторыя разности въ обрядахъ церковныхъ, напр. въ постахъ, но эти разности были немногочисленны и не касались сущности вѣры. Частныя особенности церковнаго устройства, правъ и положенія духовенства, отношеній его къ народу разнообразились на Востокѣ и Западѣ, по мѣстнымъ условіямъ жизни народной и отношеній Церкви къ государству; но эти разности не нарушали основныхъ каноническихъ правилъ церковнаго благоустройства, установленныхъ древними соборами. Въ ученіи вѣры на Западѣ съ VI вѣка стало распространяться особенное

У.

мнѣніе объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, но это мнѣніе до IX вѣка не было тамъ принято повсемѣстно, и не возводилось на степень общепризнаннаго и утвержденнаго всею западною Церковію догмата вѣры.

Со времени раздѣленія Церквей, съ IX и особенно съ XI вѣка, въ западной Церкви время отъ времени болѣе и болѣе стали распространяться противныя древнимъ преданіямъ нововведенія въ ученіи вѣры, церковномъ устройствѣ, и обрядахъ богослуженія. Главною причиною этому было самое несчастное раздѣленіе Церквей. Разорвавъ союзъ съ Восточною Церковью, Западная Церковь лишилась въ ней просвѣщенной руководительницы, которая могла бы во время останавливать и предостерегать ее отъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ ошибокъ и отступленій. Западная Церковь, какъ до отдѣленія отъ Восточной, такъ и послѣ отдѣленія не имѣла такихъ высоко - просвѣщенныхъ учителей церковныхъ, какихъ имѣла Восточная Церковь, ни вообще такого твердаго богословскаго образованія, какое сохранялось въ греческой Церкви, даже въ средніе вѣка; по этому Западная Церковь, отдѣлившись отъ Восточной и ставши на путь самостоятельнаго богословствованія и устройства церковнаго, не могла твердо и правильно держаться на этомъ пути. Представители и руководители Западной Церкви — папы и духовенство латинское сами много способствовали распростра-

ненію въ Церкви нововведеній и заблужденій, — иногда ненамѣренно, по невѣжеству, увлекались предрасудками народными, и возводили ихъ въ церковныя вѣрованія, — иногда намѣренно, по расчетамъ властолюбія и корыстолюбія, распространяли въ народѣ фальшивыя понятія и неправильные обычаи, — иногда даже по упорству, что бы только не уступить Восточной Церкви, и тверже закрѣпить свое раздѣленіе съ нею, отстаивали свои прежнія и выдумывали новыя отступленія отъ древняго православія.

Средневѣковое западное схоластическое богословіе, возникшее изъ не совсѣмъ чистаго источника (оно образовалось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ языческой Аристотелевской философіи, искаженной средневѣковыми арабскими учеными), не имѣло въ своихъ умствованіяхъ твердой опоры къ рѣшенію высшихъ вопросовъ вѣры, — ни хорошаго знанія священнаго писанія и исторіи Церкви, ни вообще хорошаго богословскаго смысла и добраго христіанскаго направленія, во всемъ полагалось главнымъ образомъ на пустую утонченную діалектику, въ иныхъ случаяхъ готово было сознательно подслуживаться интересамъ Римской іерархіи вопреки истинѣ. Но этому оно также способствовало не къ проясненію и очищенію, а нерѣдко напротивъ къ затемненію религіозныхъ понятій и къ укрѣпленію заблужденій. Съ своимъ одностороннимъ искусственнымъ діалектическимъ методомъ, съ своею невѣжественно — самоувѣренною привычкою

братся за рѣшеніе всевозможныхъ вопросовъ, безъ надлежащаго пониманія дѣла,—всякую простую истину затемнять хитрыми толкованіями, и самыя высокія непостижимыя тайны вѣры представлять въ грубо чувственномъ видѣ, схоластики сдѣлали много зла христіанству, извративъ въ западно христіанскомъ мірѣ правильное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. Подъ вліяніемъ неправильнаго отношенія разума къ вѣрѣ, установившагося въ западной наукѣ, живыя религіозныя убѣжденія обратились въ предметъ пустыхъ умствованій и словопреній,—существенные религіозные вопросы смѣшались съ вопросами празднаго любопытства,—высочайшіе непостижимые предметы вѣры, на ряду съ обыкновенными человѣческими истинами, подчинены всѣмъ произвольнымъ операціямъ человѣческаго ума, который нерѣдко, ничего не понимая въ нихъ, тѣмъ не мѣнѣе обращается съ ними, какъ полновластный господинъ и судья—толкуетъ ихъ такъ или иначе, признаетъ, или отвергаетъ по своему усмотрѣнію. Такое отношеніе къ предметамъ вѣры,—въ средніе вѣка, пока умъ еще съ рабскою боязливостью и суевѣріемъ преклонялся предъ содержаніемъ вѣры, даже и въ то время, когда произвольно обращался съ ними, — было обильнымъ источникомъ темныхъ вымысловъ и суевѣрій, выдаваемыхъ за религіозную истину, когда же западная мысль ближе освоивалась съ этимъ неправильно понятымъ ею содержаніемъ вѣры, — для

нен открылся здѣсь источникъ религіознаго отрицанія и невірїя; вмѣстѣ съ фальшивыми и шаткими основаніями, на которыхъ средневѣковая схоластика пыталась утвердить великіе христіанскіе догматы; стали подрываться и самыя эти догматы, на ряду съ вымыслами празднаго любопытства и суевѣріями, выдаваемыми схоластиками за религіозную истину, стали отвергаться и существеннѣйшія религіозныя истины.)

Поставляя своею задачею всевозможными разсудочными соображеніями и доказательствами, подкрѣпить все, что принималось за вѣрованіе Церковное, схоласти не умѣли различать между существенными догматами вѣры, произвольными мнѣніями частныхъ лицъ и темными вымыслами суевѣрія и своекорыстія, между преданіями древняго вселенскаго православія и нововведеніями папства. И тѣ и другіе они старались соединить въ одну стройную цѣльную систему, и на тѣ и на другія пріискать какъ можно болѣе подтвержденій и доказательствъ. Тамъ, гдѣ не доставало доказательствъ сколько нибудь твердыхъ и правдивыхъ, выдумывались завѣдомо фальшивыя и выдавались за истинныя; для подкрѣпленія ученій новыхъ приводились свидѣтельства древнія въ искаженномъ видѣ, или такія, которыя совсѣмъ не принадлежали древности. Вырывались отрывками и перетолковывались совершенно произвольно мѣста изъ древнихъ писателей; искажались древніе манускрипты произвольными вставками и поправками;

выдумывались небывалые историческіе факты; составлялись цѣлыя подложныя сочиненія и выдавались подъ именами извѣстныхъ учителей церковныхъ и т. д. Вслѣдствіе всего этого, западное схоластическое Богословіе среднихъ вѣковъ образовало въ себѣ такое смѣшеніе правпльныхъ христіанскихъ понятій, произвольныхъ вымысловъ и темныхъ заблужденій, что человѣку, запутавшемуся въ немъ, рѣшительно не было возможности отличить и отдѣлать одно отъ другаго. Это было причиною того, что и протестантскіе Богословы XVI вѣка, поставившіе своею задачею преобразовать Западную Церковь и очистить схоластическое Богословіе отъ вымысловъ и заблужденій, не зная древняго преданія въ его чистомъ и цѣльномъ видѣ, при всей искренности и учености своей, такъ запутались въ своемъ предпріятіи, что многія существеннѣйшія истины христіанства и преданія древняго православія отвергли на ряду съ повиднѣйшими фальшивыми вымыслами папства, а нныя нововведенія папства удержали за истинныя и священныя преданія древности христіанской.

Большая часть нововведеній, которыми католическая Церковь отличается отъ православной восточной, получили свое начало или развились въ X, XI, XII и XIII вѣкахъ, т. е. во времена самаго глубокаго упадка просвѣщенія на западѣ, самаго крайняго развитія папскаго произвола и фальшивой схоластической науки. Понятно, что ученія и обряды, появившіеся въ это время, не могли

отличаться такою разумностью и правильностью, какъ тѣ, которые утвердились въ Церкви въ цѣлѣтупіе вѣка христіанскаго просвѣщенія, въ періодѣ вселенскихъ соборовъ. Въ темные средніе вѣка, самые грубые вымыслы, самыя вредныя суевѣрія могли получать церковное освященіе отъ католической іерархіи и научное оправданіе и развитіе въ схоластическомъ богословіи. Съ XVI вѣка, когда XVвлияніе панства начало слабѣть, мракъ невѣжества разсѣиваться, и въ средѣ самаго католицизма и схоластики начала зарождаться оппозиція противъ папской власти, злоупотребленій духовенства и суевѣрія народнаго, — развитіе новыхъ ученій и установленій въ Западной Церкви должно было остановиться; ревностные приверженцы католицизма въ XIV и XV вѣкахъ ограничивались только тѣмъ, что защищали уже укоренившіяся нововведенія и злоупотребленія, придавая имъ приличный смыслъ, приводя ихъ въ научную систему и очищая отъ слишкомъ грубыхъ крайностей. Протестантское движеніе XVI вѣка заставило представителей Западной Церкви серьезнѣе подумать объ очищеніи и исправленіи католическаго вѣроученія и церковнаго устройства. Съ этою цѣлію между прочимъ созванъ былъ Тридентскій соборъ. Но такъ какъ на этомъ соборѣ консервативная католическая партія одержала верхъ надъ приверженцами реформы, — то соборъ этотъ не только не искоренилъ средневѣковыхъ нововведеній католицизма, но еще болѣе закрѣпилъ ихъ. Почти все

произвольныя нововведенія, допущенныя католическою Церковью въ средніе вѣка, только нѣсколько очищенныя отъ грубыхъ крайностей, на Тридентскомъ соборѣ включены въ систему общеобязательныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, возведены на степень догматовъ, ограждены анафемою и завѣщаны для неизмѣннаго храненія католической Церкви на будущія времена. Съ этого времени католическое вѣроученіе и церковное устройство въ существенныхъ чертахъ остаются неизмѣнными въ томъ видѣ, въ какомъ они окончательно сформировались на Тридентскомъ соборѣ. Иногда папы дѣлаютъ нѣкоторыя перемѣны въ Церкви, внося что либо новое или уничтожая старое; богословы, іезуиты и ультрамонтаны заявляютъ стремленіе возвратитъ католическую Церковь къ тѣмъ крайностямъ притязательности и произвола, какими она отличалась въ средніе вѣка. Съ другой стороны новѣйшія движенія науки, духъ времени, общественныя и государственныя условія и требованія новыхъ вѣковъ вынуждаютъ иногда католическую Церковь отступаться отъ нѣкихъ ея мнѣній и притязаній, допускать уступки и ограниченія своихъ принциповъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ своемъ строѣ и направленіи, католическая Церковь остается вѣрна Тридентскому собору и упорно держится утвержденныхъ и освященныхъ ею пововведеній, — хотя наиболѣе безпристрастные католическіе учение время отъ времени болѣе и болѣе приходятъ къ

сознанію, что эти особенности католицизма не имѣютъ для себя основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ преданіяхъ древней христіанской Церкви, ни въ требованіяхъ здраваго христіанскаго смысла и разумно-направленнаго христіанскаго чувства.

II.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ, РАЗВИТІЕ ЭТОГО УЧЕНІЯ, ЕГО СМЫСЛЪ И ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Главное отличіе римско-католическаго вѣроученія отъ православнаго заключается въ догматѣ о папѣ, какъ видимой верховной и непогрѣшимой главѣ Церкви—Божіемъ намѣстникѣ на землѣ.

Догматъ этотъ составляетъ основаніе всей римско-католической вѣроисповѣдной системы и даетъ особенный характеръ всему устройству римской Церкви. Догматъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и главную преграду къ соединенію западной Церкви съ восточною. За него крѣпче всего держатся сами папы и римскіе богословы. Во всѣхъ другихъ своихъ мнѣніяхъ и требованіяхъ они готовы бывають изогда допускать всевозможныя послабленія и уступки. Но догматъ о власти папской признается ими за самую основу католицизма; посему догматъ этотъ и въ прежніе вѣка

былъ всегда главнымъ предметомъ полемики между восточною и западною Церквами, и въ настоящее время не потерялъ этого своего значенія и требуетъ особенно внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія со стороны всякаго православнаго изслѣдователя, занимающагося вопросомъ о римскомъ католицизмѣ.

Странность и неистинность этого догмата для здраваго христiанскаго разсужденія очевидна изъ самыхъ простыхъ соображенiй. Для Церкви, имѣющей главою Самаго Христа (Ефес. V гл. 23 стр.), всегда пребывающаго съ нею до скончанiя вѣка (Матѣ. XXVIII гл. 20 ст.), и непрестанно одушевляемой и управляемой Духомъ Святымъ, очевидно нѣтъ надобности ни въ какой другой видимой главѣ. У Церкви, *Божественнаго тѣла* Христова, не можетъ быть *человѣческая глава*. Никто изъ людей смертныхъ не можетъ быть главою великаго тѣла, имѣющаго пребывать во всѣ роды вѣковъ (Ефес. III гл. 21 стр.), обнимающаго собою не только безчисленные ряды поколѣнiй, живущихъ на землѣ, но и безчисленные сонмы вѣрующихъ, отшедшихъ отъ мiра святыхъ, находящихся на небесахъ. Всѣ самые высокiе, самые святые христiане — не болѣе какъ члены Церкви; сами апостолы называли себя служителями Церкви (Колос. I гл. 24, 25 стр.). Римскiе католики, называя папу *главою Церкви*, очевидно приписываютъ ему власть и почетъ, приличествующую одному Богу, т. е. *боготворятъ простаго смертнаго чловѣка*.

Ученіе о необходимости видимой главы въ Церкви развилося на западѣ постепенно и имѣло нѣсколько различныхъ фазисовъ въ своемъ развитіи. Въ древней Церкви, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, не знали никакой видимой главы; главою Церкви признавали одного Христа. Каждая помѣстная Церковь управлялась своимъ епископомъ; нѣкоторые изъ епископовъ почитались старѣйшими (римскій, константинопольскій, alexандрійскій, антiохійскій, іерусалимскій), другіе младшими. Младшіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ старшихъ и воздавали имъ особенное уваженіе, но въ своихъ существенныхъ правахъ, всѣ они считались равны между собою, и ни одинъ не имѣлъ власти надъ всею Церковью. Высшею властью, признаваемою всею Церковью, былъ вселенскій соборъ, какъ полнѣйшее выраженіе вѣрованій и опредѣленій вселенской Церкви, утверждаемыхъ изволеніемъ Духа Святаго. Римскій епископъ считался старѣйшимъ между епископами запада, *первымъ* во всемъ христіанскомъ мірѣ, но никакъ не главою Церкви. Онъ имѣлъ власть *высшаго надзора* надъ подчиненными ему епископами западнаго округа, и то за исключеніемъ нѣкоторыхъ епископовъ, считавшихся самостоятельными. Но надъ епископами другихъ округовъ-восточныхъ онъ не имѣлъ никакой власти; на ряду со всѣми другими, и римскій епископъ подчинялся суду вселенскаго собора. Особенныя *временныя* историческія обстоятельства содѣйствовали намъ усилиться болѣе другихъ епископовъ.

Съ теченіемъ времени папы не только приобрѣли необыкновенное духовное вліяніе надъ западно-европейскими народами, но и свѣтскую власть. Это расположило нѣкоторыхъ изъ папъ къ мысли домогаться власти надъ всею церковью, и закувить свои случайныя, *вслѣдствіе временныхъ историческихъ обстоятельствъ* доставшіяся имъ права и преимущества, *незыблемыми религиозными основаніями на вѣчныя времена*. Пока западная Церковь находилась въ союзѣ съ восточною, папы не могли этого сдѣлать. Фальшивыя притязанія и вымыслы, направленные къ возвеличенію папской власти, встрѣчали обличенія и твердое противодѣйствіе на востокѣ, который былъ независимъ отъ папы, на которомъ сохранялось ясное пониманіе идеи Церкви—твердое знаніе древнихъ правилъ и преданій. Но когда западъ сталъ болѣе и болѣе отдѣляться отъ православнаго востока сначала въ политическомъ отношеніи, наконецъ совершенно прервалъ съ нимъ и всякое церковное общеніе,—папамъ уже не трудно было распространить высокое понятіе о своей власти—не какъ о человеческой, а какъ о Божественной власти, и возвести это понятіе въ догматъ вѣры на западѣ Европы, гдѣ издавна помѣстные церкви подчинялись папѣ, гдѣ самый народъ относился къ власти папской съ особеннымъ благоговѣніемъ, гдѣ мало было просвѣщенныхъ людей, могущихъ разоблачить фальшивыя основанія, придумываемыя для возвеличенія папской власти, и удержать западную Церковь

отъ чрезмѣрнаго, суевѣрнаго и раболѣннаго благо-
~~собрания~~ ^{денна} передъ этою властью. Вслѣдствіе особен-
ныхъ историческихъ обстоятельствъ, все тогда на
западѣ Европы благопріятствовало папамъ. Не
только сами папы заботились о своемъ возвышеніи,
не только монашество и духовенство, интересы
которыхъ были тѣсно связаны съ папскими инте-
ресами, ревностно помогали папамъ возвыситься;
но и народъ искренно желалъ возвеличенія пап-
ской власти, какъ нравственно обуздывающей силы,
надъ всѣми другими силами и властями, не мало
угнетавшими народныя массы; сами государи за-
падныя непрерывъ другъ предъ другомъ заиски-
вали благоволенія у папы, и въ его власти пола-
гали опору своихъ собственныхъ правъ.

Первое *формальное* закрѣпленіе папскаго господ-
ства надъ Церковію сдѣлано было въ такъ назы-
ваемыхъ *лженсидоровскихъ* декретахъ. Здѣсь
папа объявленъ былъ верховнымъ, отъ Бога по-
ставленнымъ, правителемъ Церкви, отъ котораго
получаютъ свои права и во всемъ зависятъ всѣ
другія власти церковныя, волею котораго соби-
раются соборы, рѣшаются всѣ важныя дѣла, ут-
верждаются всѣ постановленія и узаконенія цер-
ковныя. Но здѣсь господству папскому дано было
только *каноническое*, но еще не *догматическое* зна-
ченіе; такъ какъ и самыя декретаціи представля-
ли собою юридическій или каноническій сборникъ,
но не догматическое изложеніе вѣрованій Церкви.
Папа здѣсь признанъ былъ верховнымъ правителемъ

церкви; но это еще не считалось существеннымъ, необходимымъ для спасенія догматовъ вѣры. Въ догматическомъ ученіи западной Церкви папская идея развилась преимущественно съ XI вѣка (со временъ Гильдебранда) до XIV, т. е. во времена самаго высшаго политическаго могущества папской власти и крайняго развитія схоластики. Въ это-то время ученіе о власти папской было не только возведено въ догматъ вѣры, безъ признанія котораго невозможно спасеніе, но въ догматъ самый основной, на которомъ держатся всѣ другіе догматы. Западные 'схоластическіе богословы, намѣренно прислуживавшіе папамъ, развили это ученіе, по истинѣ можно сказать, до чудовищныхъ крайностей и странностей. Папская власть объявлена самою высшею на землѣ, непосредственно и исключительно отъ Бога происходящею властью. отъ которой происходятъ и которою держатся всѣ другія земныя власти духовныя и свѣтскія. Папы стали называть главами Церкви—намѣстниками апостола Петра, намѣстниками Христа, сначала просто въ смыслѣ почетнаго титула, потомъ начали соединять съ этими названіями опредѣленное понятіе о божественности папской власти. Безъ власти папской, по ученію схоластиковъ, не можетъ стоять Церковь, не можетъ держаться вѣра, не можетъ дѣйствовать никакая другая власть: ни власть государственная въ мірскихъ дѣлахъ, ни власть епископовъ и вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ духовныхъ; безъ признанія власти папской

не можетъ спастись ни одинъ человекъ. Одинъ папа имѣетъ и можетъ другимъ сообщать ключъ къ разумѣнію божественной воли и божественнаго слова; онъ можетъ вводить новые догматы, постановлять новые законы въ церкви, поставлять, судить, излагать и возвышать всѣ церковныя власти. Онъ можетъ, если найдетъ нужнымъ, нарушать и отмѣнять законы церковные, и другихъ, по усмотрѣнію, освобождать отъ исполненія уставовъ церковныхъ, клятвъ, различныхъ обязательствъ и т. д. Онъ можетъ разрѣшать грѣхи людямъ не только за прошедшее, но и на будущее время. Власть папская простирается не только на живыхъ людей и Церковь земную, но и на міръ загробный, на Церковь небесную. У папы ключи отъ царства небеснаго, данныя Христомъ апостолу Петру, и отъ него перешедшія по преемству къ папамъ. Папа можетъ облегчать мученія людей въ чистилищѣ, и, вѣдая заслуги людей праведныхъ людямъ грѣшнымъ, переводить души изъ чистилища въ рай, ранѣе того срока, какъ они сами этого заслужили у Бога. Чтобы папы могли правильно пользоваться этими, по истинѣ, *божественными правами*, имъ усвоено *божественное свойство непогрѣшимости*. По ученію нѣкоторыхъ богослововъ западныхъ непогрѣшимость папская простирается не только на вопросы вѣры и дѣла церковныя, но и на дѣла мірскія, и на всѣ частныя случаи обыкновенной жизни т. е. папа ни въ чемъ не можетъ ошибаться и заблуждаться, какъ про-

стой человѣкъ. Иные имѣли дерзость утверждать, что если бы даже папа сталъ говорить что либо вопреки ясному смыслу Священнаго Писанія, требованіямъ совѣсти и нравственнаго чувства, свидѣтельству очевиднаго факта, и въ такомъ случаѣ нужно вѣрить болѣе папѣ, нежели Священному Писанію, голосу совѣсти, показаніямъ собственныхъ чувствъ, свидѣтельству очевидныхъ фактовъ. Власть папская простирается не только на духовныя, религіозныя, но и на мірскія государственныя дѣла. Такъ какъ всякая земная власть происходитъ отъ папы, и только папская непосредственно отъ Бога, то и власть государственная должна подчиниться папѣ. Государь—министры (minister) папы въ различныхъ странахъ, какъ папа—министры Бога на всей землѣ. Государственная власть простирается отъ папской, какъ свѣтъ луны отъ свѣта солнца. Папа избираетъ или утверждаетъ государей, надсматриваетъ надъ ихъ частною жизнью, чтобы они подавали подданнымъ хорошій примѣръ, и надъ ихъ государственными дѣйствіями; можетъ утверждать или отмѣнять постановляемые ими законы. Въ случаѣ надобности, онъ судитъ государей, низлагаетъ съ престола, избираетъ на мѣсто низверженнаго новаго государя, освобождаетъ подданныхъ отъ присяги и повиновенія осужденному государю,—можетъ наказать цѣлую страну (интердиктомъ или востовнымъ походомъ, за преступленіе и упорство государя). Нѣкоторые схоластики позволяли себѣ выражать—

ся такъ, что папа могъ бы, еслибъ захотѣлъ, за разъ всѣхъ государей низложить съ престоловъ, и установить на землѣ совершенно новый образъ правленія.

Соотвѣтственно съ такою необычайной властью надъ Церковью и государствомъ. папѣ воздаются необычайныя вѣншія почести, духовныя и свѣтскія. Папа есть верховный монархъ и первосвященникъ всего міра. Его резиденція—Римъ, столица всего христіанства. Сюда собирается несмѣтное количество денегъ и безчисленное множество поклонниковъ, со всѣхъ христіанскихъ странъ. Папскій дворъ (курія) многочисленнѣе и роскошнѣе царскихъ дворовъ. Папѣ прислуживаютъ высшіе сановники духовные, гражданскіе и военные. Папа носитъ царскую и первосвященническую тиару, т. е. къ обыкновенной епископской митрѣ у него присоединены три короны—въ знакъ его власти надъ Церковью, государствомъ и надъ міромъ загробнымъ (надъ чистилищемъ) (*). Во время торжественныхъ процессій папу носятъ на великолѣпномъ тронѣ—подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи множества духовныхъ сановниковъ и воин-

(*) Въ древности папы носили простую епископскую митру. Папа Александръ III въ XII вѣкѣ приказалъ придѣлать къ ней царскую корону, Бонифатій VIII въ началѣ XIV вѣка другую корону, а одинъ изъ его преемниковъ третью; папы впрочемъ надѣваютъ тиару только въ особенно торжественныхъ случаяхъ.

скихъ чиновъ, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, пальбою пушекъ, громомъ музыки и т. д. Во время торжественныхъ выѣздовъ не простые прислужники, а государи должны подводить папѣ коня или осла, держать ему стремя, вести папѣ ~~папу~~ — осла подъ уздцы и т. д. Въ извѣстные дни года папа съ своего балкона даетъ торжественное благословеніе не только всему городу Риму, но всему міру (*urbi et orbi*). При коронованіи своемъ папа восходитъ и садится не просто на царскій тронъ, но на самый престолъ Господа Вседержителя, гдѣ совершается безкровная жертва. Всѣ христіане и старѣйшіе епископы, патріархи, кардиналы, князья и государи, въ знакъ особеннаго уваженія къ папѣ, должны цѣловать туфли папы; на туфлѣ папской изображается св. крестъ. Даже и Св. Тайнъ папа причащается не такъ, какъ другіе епископы. Не онъ подходитъ къ святому престолу причащаться, а къ нему, сидящему на богатоубранномъ тронѣ, посреди Церкви, кардиналъ съ колѣнопреклоненіемъ подноситъ св. чашу. Вотъ до какихъ чудовищныхъ крайностей развилось на западѣ Европы, въ средніе вѣка, почитаніе или вѣрнѣе сказать—боготвореніе папы. Иные изъ западныхъ писателей среднихъ вѣковъ прямо называли папу *Господомъ Богомъ* (*Dominus Deus*); иные задавались вопросами такого рода: „кого нужно почитать болѣе: папу или св. ангеловъ и угодниковъ Божіихъ“, и рѣшали вопросъ такъ, что папу нужно почитать болѣе, чѣмъ ангеловъ и святыхъ

людей—какъ самаго Христа,—ибо папа намѣстникъ христовой власти..... Можно ли на рѣшеніе папы, если оно покажется несправедливымъ, апеллировать къ Богу, и надѣяться, что Богъ измѣнитъ рѣшеніе папы?— Нѣтъ, ибо у Бога и папы одна мысль, одна воля, одно рѣшеніе!?”

Съ XIV вѣка, когда власть папская стала ослабѣвать на практикѣ, и папы, во время пребыванія въ Авиньонѣ и великаго раскола (бывшаго въ западной Церкви между 1378—1417 гг.) сильно опозорили себя предъ общественнымъ мнѣніемъ—и въ средѣ католическихъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ, начали раздаваться голоса противъ папы. Свѣтскіе легисты (законники) начали развивать юридическую теорію, что власть государственная имѣетъ такое же непосредственное происхожденіе отъ Бога и священное значеніе, какъ и папская, и поэтому папы не должны вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Либеральные богословы западные стали учить, что папа есть только старѣйшій епископъ христіанскаго міра и власть вселенскаго собора выше папской власти. А еще болѣе либеральные писатели прямо называли папу *антихристомъ*, незаконно предвосхитившимъ себѣ божественныя права и почести. Соборы: низскій, констанцскій и базельскій дѣлали попытки къ ограниченію папской власти. Но папы, еще не получившіе себѣ строгаго урока, относились съ пренебреженіемъ ко всѣмъ неблагопріятнымъ для нихъ теоріямъ и ревностнѣйшіе приверженцы ихъ

до самаго XVI вѣка продолжали развивать ученіе о папѣ въ тѣхъ крайнихъ, чудовищно нелѣпыхъ формахъ, въ какихъ оно выше представлено.

Реформація дала папству чувствительный урокъ, и заставила католическихъ богослововъ серьезно подумать о болѣе точномъ опредѣленіи ученія о власти папской. Съ XVI-го вѣка римско-католическими богословами въ ученіи о власти папской отброшены тѣ нелѣпныя крайности, до какихъ это ученіе развилось въ средневѣковомъ схоластическомъ богословіи. Тѣмъ не менѣе существенные пункты этого ученія, что папа есть глава Церкви и Божій намѣстникъ на землѣ, что онъ имѣетъ высокое свойство непогрѣшимости въ дѣлахъ вѣры, что его власть выше власти вселенскихъ соборовъ, и безъ нея не можетъ существовать Церковь— эти пункты доселѣ твердо держатся въ католическомъ богословіи, какъ существенный догматъ вѣры, необходимый для спасенія. Впрочемъ, различными богословскія партіи и цѣлыя національныя Церкви въ средѣ католическаго міра различно толкуютъ и прѣмѣняютъ это ученіе. Въ галликанской церкви, которая издавна между всѣми католическими церквами отличалась болѣе свободнымъ отношеніемъ къ Риму, которая и въ древности долѣе всѣхъ западныхъ церквей отстаивала свою независимость отъ всеподавляющаго абсолютизма папскаго, которая въ XV вѣкѣ ревностнѣе всѣхъ западныхъ церквей заявляла стремленіе ограничить власть папъ вселенскими соборами, которая дол-

гое время не хотѣла признавать авторитетъ Тридентскаго собора и принимать его рѣшеній, въ концѣ XVII вѣка, преимущественно подъ руководствомъ епископа Боссюэта и другихъ французскихъ богослововъ, развилась *галликанская* теорія умѣреннаго католицизма. Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что она признаетъ власть папскую, но только въ духовныхъ дѣлахъ, и то съ ограниченіемъ ея властію вселенскихъ соборовъ, и насколько она не противорѣчитъ древнимъ правамъ мѣстныхъ церквей; непогрѣшимыми папскія мнѣнія галликанская теорія считаетъ только въ такомъ случаѣ, когда они служатъ выраженіемъ вѣрованія всей Церкви, — личную же непогрѣшимость папы отвергаетъ. Теорія эта въ католической Церкви держится до послѣдняго времени и все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ себѣ послѣдователей какъ во Франціи, такъ и въ другихъ католическихъ странахъ. Но вопреки этой умѣренной теоріи, преимущественно іезуитами (Белларминомъ, въ новѣйшія времена графомъ де-Местромъ и др.) и итальянскими богословами, развита другая, такъ называемая *ультрамонтанская*, теорія строгаго католицизма. Эта теорія не только старается защищать ученіе о *духовной* неограниченной власти и непогрѣшимости папъ въ средневѣковомъ смыслѣ, но старается даже возвести въ догматъ вѣры самую *свѣтскую* власть папы. Относительно свѣтской власти папъ нужно впрочемъ, сказать, что еще съ XV и XVI вѣка, папы, по измѣнявшимся истори-

ческимъ обстоятельствамъ, начали оставлять свои прежнія мечты о господствѣ надъ всѣмъ міромъ, о подчиненіи себѣ всѣхъ государей и стали главнымъ образомъ заботиться только о томъ, чтобы крѣпче утвердить свою государственную власть въ находящейся подъ управленіемъ ихъ церковной области итальянской. И приверженцы папъ въ новѣйшія времена теоретически формулируютъ этотъ вопросъ такъ, что папѣ для сохраненія его духовной независимости и нравственнаго вліянія нельзя жить во владѣніяхъ какого либо другаго государя, а необходимо имѣть подъ властью своею хотя малое государство.

Въ XVIII и XIX вѣкахъ духовной и свѣтской власти папъ на практикѣ нанесены сильные удары распространеніемъ новыхъ либеральныхъ идей, стремленіями европейскихъ правительствъ какъ можно болѣе освободить управляемыя ими страны отъ вліянія папы не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ, появленіемъ либеральныхъ стремленій въ самомъ католическомъ духовенствѣ, французскою революціею, самовластіемъ Наполеона I-го, новѣйшими итальянскими движеніями. Тѣмъ не менѣе католическій міръ и въ настоящее время далеко еще не можетъ оторваться отъ тѣхъ ложныхъ представленій, что папа есть глава церкви, что безъ папы не можетъ держаться единство и самостоятельность церкви, что папѣ, для поддержанія духовной власти, нужна свѣтская власть и т. д. По крайней мѣрѣ наиболѣе непри-

страстные послѣдователи католическаго ученія въ новѣйшее время болѣе и болѣе сознають себя вынужденными и на практикѣ и въ теоріи отказываться отъ большей части тѣхъ фальшивыхъ основаній, на которыхъ утверждено было религіозное значеніе папской власти въ средніе вѣка.

III.

РАЗСМОТРѢНІЕ РИМСКАГО УЧЕНІЯ О ГЛАВЕНСТВѢ ПАПЫ
НА ОСНОВАНІИ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ И АПО-
СТОЛЬСКОЙ ИСТОРІИ.

На чемъ основывается римское ученіе о папѣ, какъ верховной и непогрѣшимой видимой главѣ Церкви?

Римско-католическіе богословы утверждаютъ, что самъ Іисусъ Христосъ, бывшій во время своей земной жизни главою основанной имъ Церкви, послѣ себя оставилъ верховную власть надъ Церковью апостолу Петру, давши ему особенныя преимущества предъ другими апостолами,—свойство непогрѣшимости,—ключи отъ царствія небеснаго, руководство и надзоръ за другими апостолами,—сдѣлавши его какъ бы княземъ апостоловъ, монархомъ христіанскаго міра. Въ доказательство этой мысли римскіе богословы указываютъ преимущественно на три мѣста изъ Евангелія:

1) „Когда Иисусъ Христосъ, пришедши въ страны Кесаріи Филипповой, спрашивалъ учениковъ своихъ, за кого люди и сами апостолы почитаютъ Его,—Симонъ Петръ, первый изъ всѣхъ апостоловъ, сказалъ Ему: *Ты Христосъ Сынъ Бога живаго*. Тогда Иисусъ Христосъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ: не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ мой, сущій на небесахъ. И я говорю тебѣ: ты Петръ (камень), и на этомъ камнѣ я созижду мою Церковь и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго, и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ (Матѳ. 16 г. 13—19 ст.)“.

Изъ всего смысла приведеннаго разсказа видно, что высокія обѣтованія, высказанныя здѣсь апостолу Петру, относятся собственно не къ личности Петра, а къ самой вѣрѣ во Христа, какъ сына Божія, первымъ исповѣдникомъ которой явился здѣсь апостолъ Петръ, но которую раздѣляли въ то же время и всѣ другіе апостолы и которая слѣдалась достояніемъ всего христіанскаго міра. Петръ первый изъ людей исповѣдалъ Христа сыномъ Бога живаго. Это было высокое и святое убѣжденіе, по истинѣ, не плотью и кровью, т. е. необыкновеннымъ человѣческимъ соображеніемъ, а самимъ Отцемъ Небеснымъ открытое людямъ. Это высокое исповѣданіе—эта вѣра во Христа, какъ сына Божія, стала въ человѣчествѣ твердымъ камнемъ, на ко-

торомъ основалась Церковь христіанская и стоитъ до сего времени, и будетъ стоять до ^Скончанія вѣка. Симонъ первый исповѣдалъ эту вѣру, и потому первый названъ камнемъ (Петромъ), взятымъ отъ Господа въ созиданіе Церкви. Но эта вѣра не была только личнымъ убѣжденіемъ Симона; это общее убѣжденіе и всѣхъ другихъ апостоловъ, и всѣхъ вѣрующихъ христіанъ; поэтому и другіе апостолы, какъ содѣйствовавшіе распространенію и утвержденію вѣры во Христа, называются въ Писаніи основаніями, на которыхъ зиждется Церковь; и всѣ вѣрующіе христіане могутъ быть названы камями, изъ которыхъ составляется великое зданіе Церкви (Еф. 2 гл. 20 ст. Анос. 21 гл. 14 ст. 1 посл. Петра гл. 2 ст. 6—7). Но очевидно, что самымъ первымъ основаніемъ, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ утверждается это зданіе, равно какъ и единою главою, вѣнчающею его, можетъ быть названъ только самъ Іисусъ Христосъ (Еф. 2 гл. 20—22 ст. 1. Кор. 3 гл. 11 ст. Еф. 1 гл. 22—23 ст.), вѣра въ котораго служить основаніемъ и вѣнцемъ Церкви. Вѣра во Христа открыла людямъ доступъ—дала *ключи въ Царство небесное*. Петръ первый исповѣдалъ вѣру во Христа, поэтому первый и получилъ высокую власть *вязать и разрѣшать грѣхи*. Но затѣмъ и другимъ апостоламъ, имѣвшимъ одну вѣру съ Петромъ, также сказано отъ Господа: *что свяжете на землѣ, будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшено на небесахъ*,

(Мате 18 гл. 18 Иоан. 20 гл. 21—23 стран.) Апостолы передали эту власть пастырямъ Церкви, и она всегда неизмѣнно сохраняется въ Церкви христіанской, какъ сохраняется самая вѣра во Христа. Въ такомъ смыслѣ объясняли указанное мѣсто изъ Евангелія Матвея и древніе учителя церковные.

2). Въ послѣдней бесѣдѣ съ учениками — на тайной вечери—Иисусъ Христосъ, прекративъ возникшій между учениками споръ о первенствѣ и общавъ имъ за терпѣніе и преданность Ему высокую награду въ будущемъ небесномъ царствѣ, обратился съ особенными словами къ Симону Петру: „Симонъ, Симонъ! Сатана просилъ, чтобы сѣять васъ, какъ пшеницу. Но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратившись, утверждай братьевъ твоихъ (Лук. 22 гл. 31—32 ст.)“⁴. Въ этихъ словахъ римскіе богословы, также видятъ указаніе на особенныя преимущества Петра предъ другими апостолами. По ихъ мнѣнію, Иисусъ Христосъ высказываетъ здѣсь ту мысль, что Петръ, оставшись послѣ него главою Его послѣдователей, и надѣленный свыше высокимъ даромъ непогрѣшимости къ вѣрѣ, долженъ быть руководителемъ въ вѣрѣ и для другихъ апостоловъ и для другихъ христіанъ. Но для всякаго безпристрастнаго человѣка изъ самаго смысла и связи рѣчи очевидно, что здѣсь нѣтъ и рѣчи о какихъ либо преимуществахъ, общаемыхъ апостолу Петру, а есть только печальное предостереженіе и предсказаніе о предстоящемъ ему искушеніи и паденіи.

Смыслъ всей рѣчи таковъ: „доселѣ вы были вѣрны Мнѣ, пребывали со Мною во всѣхъ напастьхъ Моихъ. Но вотъ теперь предстоитъ вамъ великое искушеніе; сатана намѣревается разсѣять васъ отъ Меня, какъ пшеницу. И ты, Петръ, готовый болѣе всѣхъ увѣрять Меня въ своей преданности ко Мнѣ, особенно поддашься искушенію, верный измѣнникъ Мнѣ. Но Я молился, чтобы Отецъ Мой подерѣвилъ васъ въ искушеніи, чтобы ваша колебавшаяся вѣра не оскудѣла до конца. Пройдетъ время искушенія, и вы опять обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ. Помни это Петръ. Ты болѣе всѣхъ поддашься искушенію. Самъ извѣдавъ человѣческую слабость, и возставши (обратившись) отъ паденія будь внимателенъ къ другимъ, утверждай въ вѣрѣ братьевъ твоихъ“. Петръ такъ и принялъ эти слова—не какъ обѣщаніе преимущества, а какъ предостереженіе отъ паденія, ибо вслѣдъ затѣмъ усиленно началъ увѣрять Господа, что готовъ идти съ нимъ въ темницу и на смерть (ст. 33). А Господь въ отвѣтъ на это еще яснѣе сказалъ, что онъ въ эту ночь трижды отречется отъ Него, и затѣмъ еще разъ всѣмъ апостоламъ подтвердилъ, чтобы они были готовы къ искушенію (ст. 34—38). Нужно еще принять во вниманіе, что Господь предъ этою рѣчью только что обличилъ въ ученикахъ Своихъ стремленіе къ преимуществамъ весьма сильно. Можно ли думать, чтобы Онъ, вслѣдъ за этимъ обличеніемъ, сталъ въ виду всѣхъ давать

одному изъ учениковъ преимущества предъ другими?

3). Въ 21 главѣ Евангелія Св. Іоанна разсказывается, какъ однажды Іисусъ Христосъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ, явился семи ученикамъ, ловившимъ рыбу на морѣ Тверіадскомъ. Давши имъ чудесный уловъ рыбы, Онъ пригласилъ ихъ обѣдать, и во время трапезы обратился къ Петру съ такими словами: „Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петръ отвѣчалъ: такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ сказалъ: *наси агнецъ Мойхъ*. Затѣмъ опять спросилъ его: Симонъ Іонинъ, любишь ли Меня? Петръ сказалъ: такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. И Господь опять сказалъ: *наси овецъ Мойхъ*. Наконецъ въ третій разъ спросилъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли Меня. Петръ опечалился, что Онъ въ третій разъ спрашиваетъ — любишь ли Меня, — и съ волненіемъ отвѣчалъ: Господи! Ты все знаешь, — Ты знаешь, что я люблю Тебя. Господь еще разъ сказалъ: *наси овецъ Мойхъ*, и затѣмъ предсказалъ Петру о предстоящей ему въ старости мученической кончинѣ (ст. 15 и 18).

Въ этой бесѣдѣ Спасителя съ апостоломъ Петромъ римскіе богословы также видятъ указаніе на особенныя преимущества, данныя Петру, будто Господь вѣрилъ ему здѣсь верховную власть надъ всею церковію, какъ надъ простыми вѣрующими — *агнцами*, такъ и надъ самыми пастырями *овцами*. Непредубѣжденный же здравый смыслъ и древніе

учители церковные согласно признають, что Христосъ въ этой бесѣдѣ хотѣлъ растрогать совѣсть апостола Петра, омраченную бывшимъ паденіемъ, возбудить его къ покаянію, и затѣмъ утѣшить его, и въ присутствіи другихъ апостоловъ возстановить въ апостольскомъ достоинствѣ. Троекратнымъ вопрошеніемъ „любилъ ли меня“, Христосъ видимо хотѣлъ напомнить Петру о его троекратномъ отреченіи (Въ первый разъ Христосъ спрашиваетъ, не просто *любишь ли меня*—но *любишь ли меня больше другихъ учениковъ*: это напоминаніе Петру о томъ, какъ онъ когда то увѣрялъ, что если и всѣ ученики соблазнятся и оставятъ Господа, онъ пойдетъ съ нимъ въ темницу и на смерть). Такъ и подѣйствовали эти слова на Петра, ибо когда Господь спросилъ его въ третій разъ, Петръ *опечалился*, конечно отъ того, что вспомнилъ о своемъ паденіи. Троекратнымъ повтореніемъ *паси агнцевъ и овецъ Моихъ* Господь возстановлялъ Петра въ его апостольскомъ званіи; здѣсь нѣтъ никакихъ особенныхъ преимуществъ, а только та власть, которая дана и всѣмъ другимъ апостоламъ и отъ нихъ передана пастырямъ церковнымъ: *пасти стадо Божіе* (1 Петр. 5 гл. 2—3 стран.) (и конечно, только произвольное схоластическое толкованіе могло утверждать, что подъ агнцами Христосъ разумѣлъ здѣсь простыхъ вѣрующихъ, а подъ овцами самихъ пастырей). Наконецъ и заключеніе бесѣды предсказаніемъ о мученической смерти Петра видимо имѣетъ близкое

отношеніе къ прежней бесѣдѣ о троекратномъ отреченіи. На тайной вечери Петръ самонадѣянно увѣрялъ, что онъ готовъ идти съ Господомъ въ темницу и на смерть, хотя бы и всѣ оставили Его. И Господь отвѣчалъ, что самонадѣянность его въ ту же ночь будетъ постыждена троекратнымъ искушеніемъ. Теперь на вопросъ Господа Петръ уже не осмѣливается утверждать, что онъ любитъ Его болѣе всѣхъ, и готовъ идти на смерть за Него, но смиренно съ скорбію о своемъ паденіи отвѣчаетъ: Господи! Ты все знаешь,—Ты знаешь, что я люблю Тебя. И Господь, увѣривъ его въ возстановленіи прежняго апостольскаго достоинства, предсказываетъ, что онъ и завершитъ свою апостольскую жизнь достойно мученическою смертію.

Такимъ образомъ, ни въ одномъ изъ указываемыхъ римскими богословами мѣстъ Евангелія не находится подтвержденія той мысли, будто Іисусъ Христосъ далъ апостолу Петру преимущественную власть надъ другими апостолами.

Вообще же можно сказать, что эта мысль противорѣчитъ всему духу, всему смыслу евангельскихъ повѣствованій. Ни въ чемъ не обличалъ Іисусъ Христосъ учениковъ своихъ такъ сильно, ни противъ чего не предостерегалъ ихъ такъ ревностно, какъ именно противъ духа превозношенія—противъ стремленія къ преимуществамъ. Онъ постоянно внушалъ имъ ту мысль, что подобныя стремленія не должны имѣть мѣста въ христіанскомъ

обществѣ, что между ними не должно быть первыхъ и послѣднихъ, начальниковъ и подчиненныхъ, что между ними даже никто не долженъ называться отцомъ, учителемъ или господиномъ, но всѣ они должны считаться братьями и искренно услуживать другъ другу, какъ самъ онъ—ихъ Божественный учитель, показалъ имъ высочайшій образецъ въ этомъ (см. Матѳ. гл. 20 ст. 20—28; Лук. гл. 22 ст. 23—27; Марка X гл. 42—45 ст. Иоанна гл. 13 ст. 13—16)

Послѣ Евангелія, римскіе богословы въ исторіи апостольской стараются найти подтвержденіе тому взгляду, будто апостолъ Петръ, по вознесеніи Иисуса Христа на небо, оставался главою христіанства, княземъ другихъ апостоловъ, верховнымъ правителемъ Церкви. Въ доказательство этого они любятъ указывать преимущественно на первые главы книги „Дѣяній апостольскихъ“, гдѣ въ иныхъ случаяхъ личность Петра выступаетъ болѣе, нежели личности другихъ апостоловъ. Петръ *напримѣръ* первый предлагаетъ избрать 12-го апостола на мѣсто отпаднаго Іуды; первый начинаетъ проповѣдь по сошествіи Св. Духа; первый обращаетъ въ христіанство язычника Корнилія, первый держитъ рѣчь на соборѣ апостольскомъ. Но изъ всѣхъ этихъ фактовъ ничего особеннаго не слѣдуетъ. Изъ того, что въ первой половинѣ книги „Дѣяній“ говорится болѣе объ апостолѣ Петрѣ,—а во второй еще гораздо болѣе объ апостолѣ Павлѣ нисколько не слѣдуетъ, будто тотъ

или другой апостолъ имѣли какую либо преимущественную власть надъ прочими апостолами. Напротивъ факты показываютъ, что всѣ апостолы, по заповѣди Спасителя, считались равными между собою. Вопросы, возникавшіе въ обществѣ апостольскомъ, могли быть предлагаемы кѣмъ-либо однимъ, но рѣшались согласно мнѣніямъ всѣхъ. Такъ избранъ былъ 12-й апостолъ Матеей на мѣсто отпаднаго Іуды (Дѣян. гл. 1); такъ избраны были первые семь діаконѣвъ (гл. 6); такъ рѣшенъ вопросъ о необязательности ветхозавѣтнаго обрядоваго закона для обращающихся въ христіанство язычниковъ на соборѣ апостольскомъ (гл. 15). Между апостолами, по сказанію апостола Павла, пользовались особеннымъ уваженіемъ: Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, братъ Господень, предстоятель Церкви іерусалимской. Они считались какъ бы *столпами* Церкви, но не имѣли никакихъ особенныхъ правъ и власти надъ другими. Апостолъ Павелъ и себя самаго, призваннаго къ апостольскому служенію уже послѣ сошествія Св. Духа, считалъ нисколько не ниже другихъ апостоловъ самовидцевъ Іисуса Христа, и въ извѣстномъ случаѣ находилъ нужнымъ спорить съ апостоломъ Петромъ и обличать его. Вообще апостолы возставали противъ яристрастія иныхъ христіанъ къ авторитету того или другаго изъ проповѣдниковъ христіанства. Апостолъ Павелъ строго обличалъ коринѣскихъ христіанъ за то, что у нихъ одни называли себя Павловыми, другіе Петровыми,

третьи Аполосовыми и т. д. „Развѣ, говорилъ онъ, не одинъ и тотъ же для всѣхъ Христосъ? развѣ Павелъ за васъ распинался, или во имя Павлово вы крестились? Мы по волѣ Божіей только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, сотрудники у Бога, а вы Божія нива, Божіе строеніе. Одинъ насаждалъ, другой поливалъ, а возрастилъ Богъ. Насаждающій и поливающій ничто, а все Богъ возвращающій. Никто не хвались, кѣмъ либо изъ людей. Павелъ ли, или Аполосъ, или Кнеа, или міръ, или жизнь, или смерть, или гостоящее, или будущее—все ваше. Вы же Христовы, а Христосъ Божій“ (1 кор. главы 1, 2, 3).

Если бы и дѣйствительно апостолъ Петръ имѣлъ преимущественную власть надъ другими апостолами, какимъ образомъ это могло бы имѣть отношеніе къ притязаніямъ римскихъ папъ?

Римскіе богословы говорятъ, что апостолъ Петръ, сдѣлавшись главою—какъ бы монархомъ христіанскаго міра, избралъ своею резиденціею Римъ; здѣсь онъ основалъ Церковь, здѣсь епископствовалъ въ продолженіи 25-ти лѣтъ; здѣсь принималъ мученическую кончину, и при кончинѣ передалъ свою власть надъ церковію своему преемнику, слѣдовавшему за нимъ римскому епископу. Послѣ него эта власть переходитъ отъ одного папы къ другому.

Здѣсь каждое положеніе невѣрно. Изъ безпристрастнаго разсмотрѣнія историческихъ фактовъ оказывается напротивъ, что 1) апостолъ Петръ, какъ объяснено выше, не былъ главою или ка-

кимъ либо монархомъ христіанскаго міра; 2) апостолъ Петръ не жилъ въ Римѣ 25 лѣтъ, ибо такое разчисленіе времени не согласно съ пзвѣстіями о проповѣди апостола въ другихъ странахъ; 3) апостолъ Петръ не былъ епископомъ римскимъ, ибо епископами назывались мѣстные правители церковные, неотлучно находящіеся при одной своей церкви, апостолъ же Петръ, подобно другимъ апостоламъ, утверждалъ христіанство въ различныхъ странахъ и различныхъ церквахъ; 4) апостола Петра нельзя даже назвать по преимуществу основателемъ Церкви римской. Церковь римская основана и устроена не однимъ Петромъ, а вмѣстѣ Петромъ и Павломъ. Есть даже основанія предполагать, что въ устроеніи римской Церкви и поставленіи перваго римскаго епископа Лина (еще при жизни первоверховныхъ апостоловъ) больше участія принималъ апостолъ Павелъ, нежели апостолъ Петръ (*). 5) Кромѣ Рима, апостоломъ Пет-

(*) Сравни дѣянія Апостол. гл. XXIII ст. 11, гл. XXVIII ст. 22—31; Рим. 1 гл. 5, 6, 13, 15 ст. 2. Тим. 4 гл. 21 ст. Думаютъ, что Церковь основана въ Римѣ первоначально сотрудниками апостола Павла: потомъ утверждена апостоломъ Павломъ, который поставилъ въ ней первыхъ епископовъ Лина и Анаклета; апостолу же Петру преданіе, и то не совсемъ достовѣрное, приписываетъ только поставленіе третьяго римскаго епископа Климента. Апостолъ Петръ прибылъ въ Римъ вѣроятно уже въ послѣдніе годы своей жизни, никакъ не прежде апостола Павла, котораго въ первый разъ привезли туда въ 61 году по Р. Хр.

ромъ, или Петромъ и Павломъ вмѣстѣ устроены церкви и во многихъ другихъ мѣстахъ. Такъ въ устроении антіохійской Церкви оба первоверховные апостолы принимали участія не менѣе, чѣмъ въ устроении римской (**). Александрійская Церковь также основана была апостоломъ Петромъ, и первымъ епископомъ здѣсь былъ любимѣйшій ученикъ Петра евангелистъ Маркъ. Старше же и почетнѣе всѣхъ по своему происхожденію была безъ сомнѣнія іерусалимская Церковь, мать церквей, основанная самимъ Іисусомъ Христомъ, откуда по пошествіи Св. Духа начало распространяться христіанство во всѣ концы міра, куда изъ своихъ отдаленныхъ путешествій нерѣдко сходились апостолы для свиданія, отчета объ успѣхахъ проповѣди, взаимныхъ назиданій и совѣщаній, гдѣ по преданію первымъ епископомъ отъ самаго Господа былъ поставленъ одинъ изъ 12-ти апостоловъ Іаковъ братъ Господень. 6) Такимъ образомъ римскаго епископа нельзя называть ни преемникомъ власти Петровой, ибо Петръ не былъ епископомъ, а только поставлялъ епископовъ въ Римѣ, въ Александріи, въ Антіохіи и другихъ мѣстахъ, ни тѣмъ болѣе преемникомъ какихъ—либо верховныхъ правъ его надъ церковью, ибо такихъ правъ самъ Петръ не имѣлъ. И странно предполагать, чтобы

(**) Въ антіохійской церкви также въ древности было преданіе, будто апостолъ Петръ епископствовалъ тамъ 25 лѣтъ съ 38 до 63 года по Р. Хр.

послѣ смерти Петра римскіе епископы считались верховными правителями церкви, когда оставались въ живыхъ еще нѣкоторые апостолы? Странно предполагать, чтобы любимѣйшій и приближеннѣйшій ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ, послѣ смерти Петра жившій на землѣ еще болѣе 35 лѣтъ, подчинялся римскому епископу какъ верховному главѣ и правителю церкви.

IV.

РИМСКОЕ УЧЕНІЕ О ГЛАВЕНСТВѢ ПАПЫ НА ОСНОВАНІИ
СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ХРИСТІАНСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ
ВѢКОВЪ.

Исторія древней христіанской церкви послѣ времени апостольскихъ также не представляетъ основаній въ пользу римскаго ученія о главенствѣ папы въ церкви. Римско-католическіе историки и богословы стараются доказать, будто въ христіанской церкви не только въ западной, но даже и въ восточной съ первыхъ вѣковъ и до патріарха Фотія, дерзновенно возмущались противъ папской власти; папы имѣли такую же власть надъ всѣми епископами и церквами, какую они теперь имѣютъ въ римско-католическомъ христіанствѣ. Въ подтвержденіе такого взгляда, католическіе ученые въ исторіи древней христіанской церкви подыскиваютъ свидѣтельства и факты, будто бы оправды-

вающіе ихъ мысль. Но всѣ эти свидѣтельства и факты, обыкновенно представляемые римскими учеными отрывочно, внѣ связи съ цѣльнымъ смысломъ и характеромъ ими же указываемыхъ историческихъ событій, безъ соотношенія съ другими историческими фактами, яснѣе раскрывающими мысль дѣла, — вовсе не имѣютъ того значенія, какое стараются придать имъ католическіе ученые.

„Папы, говорятъ, въ самые первые вѣка являются верховными правителями церкви, имѣющими особенную власть надъ епископами другихъ церквей. Папы II и III вѣковъ: Климентъ, Сотиръ, Викторъ, Корнилій, Стефанъ пишутъ пастырскія посланія къ различнымъ церквамъ, — и ихъ посланія въ этихъ церквахъ принимаются съ уваженіемъ. Къ папамъ приходятъ совѣтоваться о церковныхъ дѣлахъ епископы отдаленныхъ даже восточныхъ церквей, — напр. св. Полликарпъ (въ половинѣ II вѣка) приходилъ въ Римъ совѣтоваться съ папою Аникитою о времени празднованія Пасхи. Папы въ Римѣ созываютъ соборы, разбираютъ и осуждаютъ лжеученія, уже осужденныя въ другихъ церквахъ, своимъ верховнымъ судомъ какъ бы утверждая судъ другихъ церквей; такъ извѣстный гностикъ Валентинъ (II вѣка), осужденный на востокѣ, былъ окончательно осужденъ въ Римѣ. Другіе еретики, осужденные внѣ Рима, приходятъ въ Римъ, и просятъ папу вновь пересмотрѣть ихъ дѣло и разрѣшить ихъ отъ наложенной на нихъ клятвы; это именно извѣстно о

лжеучителяхъ Монтанѣ и Маркіонѣ (II вѣка). Наконецъ рѣшительныя дѣйствія папы Виктора во II вѣкѣ, въ дѣлѣ о празднованіи Пасхи, и Стефана въ III вѣкѣ, въ дѣлѣ о крещеніи еретиковъ, показываютъ, что папы сами сознавали за собою право считать себя старѣйшими всѣхъ другихъ епископовъ — епископами епископовъ, наблюдать за церковнымъ порядкомъ во всѣхъ церквахъ западныхъ и восточныхъ, требовать отъ нихъ во всемъ согласія съ римскою Церковію, дѣлать обличенія и приказанія другимъ епископамъ; въ случаѣ непослушанія грозить имъ судомъ и даже отлучать отъ церкви“.

Всѣ указываемые здѣсь факты исторически вѣрны, но не вѣрно объясняемые — не имѣютъ того значенія, какое стараются придать имъ римско-католическіе ученые, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе говорятъ противъ, нежели въ пользу несправедливой мысли о главенствѣ папы, приписываемомъ будто бы въ христіанской церкви съ самыхъ первыхъ вѣковъ:

1) Нѣкоторые изъ насъ писали пастырскія посланія къ другимъ церквамъ; но это вовсе не по праву какой-либо власти или главенства надъ другими церквами, а по духу братскаго общенія, соединявшаго тогда всѣ христіанскія церкви. Въ силу этого общенія особенно уважаемые епископы не одной римской, а и другихъ церквей, когда оказывалось нужнымъ, обращались съ пастырскими посланіями къ чужимъ церквамъ. Такъ отъ св.

Игнатія Богоносца, епископа антїохійскаго (Пвѣка), до нашего времени сохранилось семь посланій къ различнымъ церквамъ, и между прочимъ къ римской. Св. Поликарпъ, епископъ смирнскій, писалъ посланіе къ церкви филиппійской. Отъ св. Діонисія коринѣскаго, Ириней лїонскаго, Кипріяна кареагенскаго, Діонисія александрійскаго, Григорія Чудотворца неокесарійскаго, осталось много посланій къ другимъ епископамъ и различнымъ церквамъ (между ними нѣсколько и къ римской), и посланія эти въ тѣхъ церквахъ, куда они посланы, въ силу братскаго общенія принимались не съ меньшимъ уваженіемъ, какъ и помянутыя посланія римскихъ епископовъ.

2) Въ силу того же братскаго общенія, епископы однихъ церквей ходили иногда совѣтоваться о церковныхъ дѣлахъ съ епископами другихъ церквей. Такъ св. Поликарпъ ходилъ къ римскому епископу Анникитѣ совѣтоваться о празднованіи Пасхи. Что онъ приходилъ къ нему какъ равный къ равному за совѣтомъ, а не какъ низшій къ высшему или подчиненный къ начальнику за приказаніемъ, это видно уже изъ того, что св. Поликарпъ, не смотря на убѣжденія Анникиты, не согласился подчиниться мнѣнію папы и принять въ малоазійскія церкви римскій обычай празднованія Пасхи, — напротивъ, самого папу увѣщавалъ ввести малоазійскій обычай въ римскую Церковь. И разногласіе въ спорномъ вопросѣ не нарушило добрыхъ отношеній между двумя епископами;

римскій епископъ Аникита во время пребыванія св. Поликарпа въ Римѣ относился къ нему не какъ къ подчиненному или зависимому, а напротивъ какъ къ старѣйшему, особенно уважаемому сослужителю своему, и даже предоставлялъ ему первенство въ служеніи при совершеніи литургіи въ своей церкви.

3) Что въ римской Церкви иногда собирались соборы и осуждались лжеученія, уже осужденныя въ другихъ церквахъ, подобнаго рода факты въ первые вѣка христіанства встрѣчаются не въ одной римской, а и въ другихъ церквахъ. Еретикъ Валентинъ проповѣдывалъ свое ученіе сначала на востокѣ, потомъ въ Римѣ, поэтому и осужденъ былъ прежде на востокѣ, а потомъ вновь въ Римѣ. Также и многіе другіе еретики, лжеученія которыхъ распространялись изъ одной страны въ другую, бывали по нѣскольку разъ соборно осуждаемы, сначала въ одной своей мѣстной, потомъ въ другихъ церквахъ, куда распространялось заблужденіе. Такъ противъ ересей Савеллія и Павла Самосатскаго было нѣсколько соборовъ въ различныхъ церквахъ.

4) Что нѣкоторые лжеучители, именно Маркіонъ и Монтанъ, осужденные въ своихъ помѣстныхъ церквахъ, дѣлали попытки исходатайствовать себѣ разрѣшеніе въ римской Церкви, это показываетъ только хитрость упомянутыхъ лжеучителей, желавшихъ провести свои заблужденія подъ покровомъ законнаго авторитета, если не въ той, то въ дру-

гой церкви, и ихъ неправильныя понятія о правѣ и судѣ церковномъ, позволявшія имъ надѣяться, что одна помѣстная церковь можетъ принять на себя право отиѣнять опредѣленія другой помѣстной церкви. Но сама же римская Церковь строго остерегалась усвоить себѣ такое право, незаконно въ личныхъ видахъ предлагаемое ей лжеучителями, и принимать въ церковное общеніе людей отлученныхъ въ другихъ церквахъ. Марціону, отлученному отъ церкви его собственнымъ отцемъ, епископомъ понтіескимъ, и старавшемуся исходатайствовать себѣ разрѣшеніе въ римской церкви, римскій клиръ далъ такой отвѣтъ: „Мы не можемъ этого сдѣлать безъ дозволенія твоего достопочтеннаго отца,—такъ какъ у насъ вѣра одна и законоположеніе одно (т. е. одинаково обязательное какъ для понтіискаго, такъ и для римскаго епископа)“. Пройсхи Монтана въ Римѣ были успѣшнѣе. Пользуясь легкомысліемъ и опрометчивостью римскаго папы Виктора, онъ съумѣлъ, на нѣкоторое время, расположить его на свою сторону, и получить отъ него не *разрѣшеніе*, а *ходатайственныя грамоты о разрѣшеніи* къ епископамъ фригійскимъ и малоазійскимъ, осудившимъ Монтана. Но и то, какъ скоро Викторъ чрезъ нѣсколько времени узналъ правду о Монтанѣ, онъ поснѣшилъ возвратить назадъ свои ходатайственныя грамоты.

5) Что касается наконецъ до заявленій папы Виятора въ спорѣ о празднованіи Пасхи и папы Стефана въ спорѣ о крещеніи еретиковъ, то здѣсь

несомнѣнно въ первый разъ высказалось въ папахъ высокое сознаніе о ихъ верховной власти въ церкви, будто они старѣйшіе епископы—епископы надъ епископами, будто они имѣютъ право наблюдать за порядкомъ во всѣхъ церквахъ, требовать отъ другихъ церквей строгаго согласія съ уставами и обычаями римской Церкви, обличать, судить, и даже отлучать другихъ епископовъ. Но нужно припомнить, какъ приняты были эти заявленія римскихъ епископовъ въ другихъ церквахъ. Они встрѣтили дружный и рѣшительный отпоръ отъ другихъ епископовъ не только восточныхъ, но и западныхъ. Честолюбивымъ папамъ было поставлено на видъ, что никто изъ епископовъ не имѣетъ права именовать себя старшимъ епископомъ—епископомъ епископовъ, повелительно относиться къ другимъ епископамъ, требовать отъ всѣхъ согласія съ своимъ мнѣніемъ, во имя обычаевъ своей мѣстной церкви осуждать обычай другихъ мѣстныхъ церквей, и наконецъ отлучать другихъ епископовъ отъ общенія своего, *подвергая себя самого въ такомъ случаѣ опасности быть отлученнымъ отъ общенія всѣхъ*. Честолюбивыя притязанія папъ, такъ рѣзко выступившія въ противность господствовавшему въ христіанской церкви въ то время духу братства и свободы, были названы *неосновательными, нечестивыми, превышающими права власти епископской, безчестящими достоинство кathedры блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла*. Подобнаго рода факты, конечно, гораздо

болѣе говорятъ противъ, нежели въ пользу римской мысли о главенствѣ папы въ церкви, будто бы начавшемся съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанской исторіи. Къ этимъ фактамъ можно прибавить еще указаніе на споръ извѣстнаго учителя церковнаго III вѣка, св. Ипполита, съ современнымъ ему папою римскимъ Каллистомъ. Несмотря на то, что св. Ипполитъ былъ епископъ непосредственно зависимый отъ римскаго епископа (онъ былъ епископъ пристани римской, — какъ бы викарій главнаго римскаго епископа), онъ не стѣснялся открыто и рѣзко уличать папу Каллиста въ ереси и безправственность, и призывать его къ суду. Значитъ тогда въ самомъ Римѣ не было и мысли о непогрѣшимости и неподсудимости папъ.

Вообще, безпристрастно и внимательно разсматривая цѣлый общій строй христіанской жизни въ первые вѣка, нельзя найти тамъ и малѣйшаго основанія къ тому предположенію, будто управленіе тогда въ церкви было подобное существующему теперь въ римско-католической Церкви, будто римскому, или какому либо другому епископу принадлежала тогда какая либо особенная верховная власть надъ прочими епископами. Всѣ епископы считались тогда равными въ своихъ существенныхъ правахъ. Пользовались нѣкоторые изъ нихъ преимущественнымъ уваженіемъ между другими, напр. епископы такъ называемыхъ кафедръ апостольскихъ, т. е. основанныхъ самими апостолами,

начиная съ кафедръ іерусалимской церкви-матери церквей, пользовались также уваженіемъ епископы большихъ городовъ (митрополіи) отъ епископовъ городовъ меньшихъ, провинціальныхъ. Но это не давало никакихъ особенныхъ преимуществъ власти однимъ епископамъ надъ другими; и, главное, не было никогда признаваемо надъ всѣми епископами одного общаго правителя. Личныя достоинства давали преимущества и вліяніе въ церкви епископамъ то той, то другой кафедръ; и иногда епископъ самой незнатной кафедры имѣлъ въ церкви вліянія гораздо болѣе епископовъ старѣйшихъ и знатнѣйшихъ кафедръ. На римской кафедрѣ въ первые три вѣка мы даже немного встрѣчаемъ вліятельныхъ личностей—менѣе, нежели на нѣкоторыхъ другихъ кафедрахъ, напр. alexandрійской, антиохійской, кареагенской. Ни одинъ изъ римскихъ папъ въ первые три вѣка не имѣлъ столько вліянія во всей церкви, сколько имѣли во 2-мъ вѣкѣ святые: Игнатій антиохійскій и Поликарпъ смирнскій, или въ 3-мъ вѣкѣ святые Кирианъ кареагенскій, Діонисій alexandрійскій или св. Григорій чудотворецъ, епископъ кафедры неокесарійской, которая до него вовсе не существовала, и при возведеніи его въ епископскій санъ, состояла только изъ семнадцати вѣрующихъ, и которая тѣмъ не менѣе во время жизни св. Григорія сдѣлалась весьма извѣстна и вліятельна между другими.

V.

РАЗСМОТРѢНІЕ УЧЕНІЯ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ НА ОСНОВА-
НІИ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ — ПЕРІОДА
ВСЕЛЕНСКИХЪ СОВОРОВЪ.

Съ 4-го до 9-го вѣка идетъ въ церковной ис-
торіи періодъ вселенскихъ соборовъ. Самое это наз-
ваніе показываетъ, что тогда въ церкви не было
мѣста какому либо единоличному *монархическому*
управленію, и верховною властью въ церкви счи-
талась не власть папстан, а власть вселенскихъ
соборовъ.

Римско-католическіе ученые говорятъ, что и при
вселенскихъ соборахъ главенство папы имѣло свое
полное значеніе. Неоднократно были дѣлаемы по-
пытки доказать, что самые вселенскіе соборы въ
древней церкви (какъ на западѣ въ средніе вѣка)
были созываемы папами,—папы будто бы и пред-
сѣдательствовали на нихъ или лично, или въ ли-
цѣ своихъ легатовъ, — ихъ вліяніемъ рѣшались
дѣла на соборахъ, и всякое соборное опредѣленіе
тогда только получало силу, когда было утверж-
даемо папою. Но исторія опровергаетъ всѣ эти
положенія. 1) На созваніе вселенскихъ соборовъ
въ древней церкви папы не имѣли никакого влія-
нія; всѣ вселенскіе соборы были созываемы гре-
ческими императорами. 2) Предсѣдательствовали
на соборахъ не папы, — лично ни одинъ папа не

присутствовали ни на одномъ изъ вселенскихъ соборовъ,—и не легаты папскіе (на нѣкоторыхъ вселенскихъ соборахъ не было и легатовъ папскихъ,—напримѣръ на 2-мъ, на 5-мъ на 7-мъ, 3-й вселенскій соборъ также открытъ былъ до пріѣзда папскихъ легатовъ), а предсѣдательствовалъ на соборѣ обыкновенно тотъ изъ старѣйшихъ восточныхъ патріарховъ, который лично здѣсь присутствовалъ (напримѣръ на первомъ соборѣ Евстафій антиохійскій, на второмъ сначала Мелетій антиохійскій, нужно замѣтить непризнаваемый въ то время римскою церковію законнымъ архіепископомъ Антиохіи, потомъ послѣ его смерти Григорій Богословъ константинопольскій, и наконецъ по удаленіи его Тимоѳеѣй александрійскій,—на третьемъ соборѣ предсѣдательствовалъ св. Кириллъ александрійскій, — на седьмомъ св. Тарасій константинопольскій. 3) Сила преобладающаго вліянія и рѣшеніи дѣлъ на соборахъ отъ папъ или ихъ представителей зависѣла столько же, сколько и отъ другихъ православныхъ епископовъ, на сколько каждый изъ нихъ являлся вѣрнымъ представителемъ истины. На первомъ вселенскомъ соборѣ вліятельнѣе всѣхъ старѣйшихъ членовъ собора былъ молодой архидіаконъ александрійской церкви св. Аѳанасій великій, на третьемъ св. Кириллъ александрійскій, на седьмомъ св. Тарасій константинопольскій. На четвертомъ соборѣ (заочный) голосъ римскаго папы Льва великаго имѣлъ преобладающее вліяніе, и посланъ его на соборъ ека-

звалося особенное уваженіе, — но это не вслѣдствіе особенныхъ преимуществъ римской катедры, а потому что св. Левъ, по своимъ личнымъ достоинствамъ и твердости своихъ убѣжденій, былъ тогда вліятельнѣйшимъ пастыремъ христіанскаго міра, главнымъ защитникомъ православія противъ монофизитства, а старѣйшіе епископы востока были болѣе или менѣе замѣшаны въ спорахъ монофизитскихъ. Впрочемъ и здѣсь, дабы честолюбіе римское не воспользовалось случайнымъ преимуществомъ своего положенія, какъ извѣстно, нарочно сдѣлано было особенное подтвержденіе о равенствѣ правъ константинопольскаго патріарха съ римскимъ. На всѣхъ другихъ вселенскихъ соборахъ, кромѣ четвертаго, незамѣтно, чтобы голоса папъ или ихъ представителей имѣли какое либо преобладающее значеніе. 4) Сила и законность опредѣлений вселенскихъ соборовъ отъ утвержденія римскаго папы зависѣла всегда столько же, сколько и отъ утвержденія всякаго другаго патріарха. Рѣшенія соборовъ даже и тѣхъ, на которыхъ не присутствовали ни папы, ни ихъ представители, получали полную силу, и для этого не считалось нужнымъ, какъ въ средніе вѣка на западѣ, посылать ихъ въ Римъ на окончательное утвержденіе. Даже, если бы въ римской Церкви почему либо не нравились опредѣленія какого либо изъ соборовъ, это не подрывало ихъ значенія въ другихъ церквахъ. Такъ, извѣстно, римской Церкви непріятно было признать постанов-

ленія трулльскаго собора, сдѣлавшаго нѣсколько строгихъ замѣчаній противъ нѣкоторыхъ ея неправильныхъ обычаевъ. Это однакожъ не воспринимало постановленій трулльскаго собора получить значеніе, наравнѣ съ опредѣленіями другихъ вселенскихъ соборовъ. 5) Къ этому нужно прибавить, что древніе вселенскіе соборы, считая себя высшимъ органомъ церковной власти, признавали за собою право, по требованію обстоятельствъ, судить, какъ всякаго мірянина и клирика, нарушавшаго миръ церкви, такъ и епископа, такъ и всякаго старѣйшаго патріарха (какъ и судили многихъ патріарховъ александрійскихъ и константинопольскихъ и антиохійскихъ), такъ и римскаго папу. На шестомъ вселенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими патріархами константинопольскими и другими виновниками и покровителями заблужденія былъ осужденъ за моноелитство и римскій папа Гонорій. Ясное доказательство, что на вселенскихъ соборахъ не были признаваемы ни какое либо верховное главенство, ни непогрѣшимость, ни неопосудность папы.

„Но, говорятъ, сами вселенскіе соборы признавали за папою первенство между другими старѣйшими епископами (1-го всел. соб. прав. 6-е, 2-го всел. соб. прав. 3-е, 4-го соб. прав. 28-е)„ Это справедливо. Первенство за папами всегда признавала и восточная Церковь, и никогда не стала бы отказывать имъ въ немъ; если бы папы своими незаконными притязаніями и отступленіями отъ

православія не сдѣлали себя недостойными этого преимущества, / усвоеннаго имъ древними отцами церкви ради чести древнюю царственную традицію. Но первенство (primatus) не есть главенство (suprematus). Первенство бываетъ между равными (primus inter pares), главенство надъ низшими и подчиненными. Первенство давало папамъ преимущественную честь между другими епископами, но никакой власти надъ ними. И тѣже самые соборы (2-й и 4-й), которые говорили о первенствѣ папы, какъ признающіе фактъ, во всемъ равняли права константинопольскаго епископа съ римскимъ. А 3-й вселенскій соборъ строго наставлялъ на томъ, чтобы даже во внѣшнихъ преимуществахъ, усвоенныхъ старѣйшими епископамъ церкви, не было дѣлаемо нововведеній и разширеній, дабы не жила тѣмъ гордость мірскаго властолюбія (2-го Всел. соб. прав. 3-е; 3-го соб. прав. 8-е 4-го соб. прав. 28-е; 6-го соб. прав. 36-е).

„Замѣчательнѣйшій изъ помѣстныхъ соборовъ 4-го вѣка соборъ сардинійскій (343) предоставилъ римскому папѣ Юлію право принимать апелляціи отъ епископовъ, и пересматривать спорныя дѣла между ними, уже рѣшенныя на помѣстныхъ епископскихъ соборахъ (сардин. собора прав. 3, 4, 5)„. Но соборъ сардинійскій былъ соборъ не вселенскій, а помѣстный, состоявшій изъ западныхъ епископовъ, и потому опредѣленіе его относилось только къ западному церковному округу, подчиненному папѣ. Тѣмъ правомъ, которое въ этомъ

опредѣленіи усвоилось римскому папѣ, пользовался въ пзвѣстной степени всякій патріархъ въ своемъ округѣ,—и халкидонскій вселенскій соборъ формально утвердилъ такое же право за патріархомъ константинопольскимъ. Была попытка разширить значеніе сардинійскаго правила. Уже въ концѣ IV вѣка приверженцы папской власти пытались присоединить его къ правиламъ никейскаго собора. Но эта попытка была обличена на одномъ изъ карфагенскихъ соборовъ, который по этому случаю сдѣлалъ даже особенное постановленіе, вопреки сардинійскому правилу, не переносить дѣлъ на апелляцію въ Римъ изъ сѣверо-африканской церкви. Вообще нужно замѣтить, что предоставленное папѣ сардинійскимъ соборомъ право принимать апелліаціи отъ епископовъ, и пересматривать дѣла мѣстныхъ соборовъ, даже до X вѣка, въ самыхъ западныхъ церквахъ не было безусловно признаваемо, и противъ него часто спорили, въ особенности епископы галльскіе, и въ самой Италіи медіоланскіе, равеннскіе, аквилейскіе, до тѣхъ поръ, пока папское всевластіе на западѣ Европы не подавило окончательно (уже въ X и XI вѣкѣ) самостоятельности мѣстныхъ церквей.

„Нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ формальными узаконеніями утверждали за папайи преимущественныя права надъ другими епископами и церквами. Такъ въ 445 году западный императоръ Валентиніанъ III, по случаю нѣкоторыхъ неустройствъ въ галликанской Церкви, сдѣлалъ

постановленіе, которымъ папамъ предоставлялось право имѣть надзоръ надъ другими церквами, высылать къ себѣ на оудъ епископовъ другихъ церквей, опредѣленіемъ канскимъ усвоилась сила закона въ церкви, и папѣ давалось имя правителя (Rector) Церкви. / Вѣ началѣ 7-го столѣтія византійскій военно-начальникъ Фока, безчеловѣчнымъ образомъ умертвившій императора Мавркія со всѣмъ его семействомъ, и занявшій его престолъ, когда былъ за это отлученъ отъ Церкви константинопольскимъ патріархомъ Киріакомъ, а римскій папа Бонифацій 3-й предложилъ ему снять это отлученіе, въ благодарность за расположеніе папское, съ своей стороны далъ папѣ грамоту, въ которой только ему одному предпочтительно предъ другими патріархами усвоилось титуло *Вселенскаго* (изъ за котораго тогда спорили папы съ константинопольскими патріархами), и даже наименовалъ его главою Церкви“. Эти факты справедливы. Но безъ сомнѣнія римско-католическимъ богословамъ не совсѣмъ удобно утверждать свой догматъ о главенствѣ папы въ церкви на указахъ императорскихъ, и притомъ такихъ, какъ помянутые указы Валентиніана и Фоки (*). / Указъ Валентиніана 3-го, од-

(*) Еще одинъ подобный фактъ особеннаго вниманія государственной власти къ папамъ встрѣчается въ исторіи гораздо ранѣе — въ эпоху языческихъ императоровъ. Въ 272 году римскій императоръ Авреліанъ, овладѣвши царствомъ Зиновія Пальмирской, услышалъ, что въ Антиохіи между

ного изъ послѣднихъ и слабѣйшихъ императоровъ западной римской имперіи (указъ вызванный притомъ особенными обстоятельствами), мало могъ имѣть значенія даже для епископовъ западныхъ церквей, въ особенности когда чрезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи этого указа западная римская имперія совсѣмъ пала,—по отношенію же къ вос-

христіанами происходить слѣдуетъ изъ — за того, что бывший тамъ епископъ Павелъ Самосатскій, за ересь и безпримиримую жизнь осужденный церковнымъ соборомъ еще въ 269 г., и послѣ изложенія церковнаго, пользуясь покровительствомъ прежней царицы, не оставлялъ епископскаго мѣста. Аврелианъ, узнавши объ этомъ, приказалъ это дѣло рѣшить такъ, какъ присудятъ римскій и италійскіе епископы,—послѣ чего Павелъ Самосатскій и былъ изгнанъ изъ епископскаго дома. И этотъ фактъ нѣкоторыми римско-католическими писателями приводится въ подтвержденіе того, что судъ папъ въ древней церкви считался верховнымъ. Весьма характеристично для римскаго богословія утверждать свой основный догматъ о главенствѣ папъ на опредѣленіи лавческаго императора. Что касается до смысла этого опредѣленія, то при безпристрастномъ обсужденіи дѣла представляется весьма естественнымъ, если Аврелианъ императоръ — язычникъ, конечно незнавшій хорошо внутреннихъ порядковъ, правъ и законовъ христіанской Церкви, опредѣлилъ рѣшить возникшее между христіанами на дальнемъ востокѣ дѣло такъ, какъ присудятъ представители наиболѣе извѣстнаго правительству и ближайшаго къ нему христіанскаго общества—римскій и италійскіе епископы* (не одинъ римскій, а вмѣстѣ съ другими италійскими епископами). Но отсюда ни сколько не слѣдуетъ того, будто въ самой Церкви въ то время судъ папскій признавался верховнымъ судомъ, и самъ папа какимъ-либо главою.

точной Церкви этотъ указъ не могъ имѣть никакого значенія. / Указъ Фоки тѣмъ болѣе не могъ имѣть никакого значенія ни въ восточной, ни въ западной церкви, такъ какъ Фока былъ не законный императоръ, а узурпаторъ и царь-убійца, насиліемъ захватившій на нѣкоторое время власть въ свои руки, и затѣмъ казненный, какъ преступникъ, самымъ позорнымъ образомъ. Послѣ его смерти, конечно, должны были потерять силу и всѣ его незаконныя постановленія. Указъ Фоки для нагѣдователей исторіи папства представляетъ не опору для законнаго признанія папской власти, а развѣ позорное свидѣтельство о томъ, какъ папы старались пользоваться самыми темными обстоятельствами и незаконными средствами для своего возвышенія; этотъ указъ одно изъ позорныхъ пятенъ въ исторіи папства.

„Когда нѣкоторые изъ папъ, во время ост-готскаго владычества надъ Италіею, являлись въ Константинополь посланн отъ королей ост-готскихъ, и потомъ, со временемъ Юстиніана, когда Италіею управляли императорскіе намѣстники, и папы опять иногда должны были являться въ Константинополь съ какими-либо ходатайствами за Италію,— въ Константинополь отъ самыхъ императоровъ византійскихъ папамъ былъ оказываемъ особенный почетъ,—такой почетъ, какого императоры не оказывали никому изъ восточныхъ патріарховъ, ни даже ближайшему ко двору константинопольскому патріарху“. Это также справедливо; но это не имѣетъ

никакого отношенія къ церковному главенству папъ. Императоры византійскіе, не всегда съ должнымъ уваженіемъ относившіеся къ зависѣвшимъ отъ нихъ (въ гражданскомъ отношеніи) и мадо имѣвшимъ политическаго вліянія восточнымъ патриархамъ, имѣли особенныя основанія быть болѣе почтительными, иногда даже льстивыми по отношенію къ папѣ. Папа болѣе всѣхъ восточныхъ патриарховъ былъ независимъ по отношенію къ византійскимъ императорамъ, не только во время самостоятельнаго существованія западной римской имперіи или ост-готскаго владѣчества въ Италіи (въ V и первой половинѣ VI вѣка), но и во время византійскаго управленія въ Италіи (со второй половины VI до VIII вѣка). Папы имѣли болѣе политическое вліяніе въ Италіи, а потомъ и вообще на западѣ Европы. Черезъ нихъ могли поддерживать тамъ свое вліяніе и византійскіе императоры. Поэтому они имѣли особенныя побужденія ласкать папъ, даже льстить имъ. Папамъ дѣлаемы были въ Константинополѣ торжественныя встрѣчи и приемы, но не какъ верховнымъ правителямъ церкви, а какъ представителямъ политическаго вліянія въ Италіи. И всѣ посольства и путешествія папъ въ Константинополѣ были предпринимаемы по гражданскимъ дѣламъ, и къ церковнымъ дѣламъ не имѣли отношенія. Иногда эти посольства даже совершенно не соответствовали церковнымъ обязанностямъ папъ, какъ напр. ост-готскій царь Теодорикъ присылалъ въ Константинополѣ

папу Іоанна ходатайствовать за права аріанъ. На Церковь восточную, во время пребыванія въ Константинополь, папы не имѣли никакого вліянія. Наконецъ бывали и такіе случаи во время византійскаго управленія въ Италіи въ VII вѣкѣ, когда нѣкоторые императоры (напр. Констансъ 2-й и Юстиніанъ 2-й) и ихъ намѣстники расправлялись съ папами не менѣе грубо и деспотично, какъ и съ другими епископами, подпадавшими опалѣ византійскаго двора. Это, конечно, не служитъ къ нравственному униженію папской власти, но показываетъ только, что придворныя отношенія императоровъ къ папамъ никакъ не могутъ служить мѣрою или показателемъ церковнаго значенія папъ въ разсматриваемое время.

Указываютъ наконецъ изъ исторіи смуть церковныхъ между IV и IX вѣками нѣсколько частныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ будто объ особенномъ значеніи папъ въ церкви, показывающихъ будто бы, что папы тогда были и считались верховными рѣшителями дѣлъ и примирителями смуть церковныхъ, защитниками угнетаемой правды, опорою колеблемаго православія. „Такъ въ IV вѣкѣ, когда въ защиту невинно изгнаннаго и преслѣдуемаго аріаниномъ императоромъ Констанціемъ св. Афанасія Великаго, восточные епископы не осмѣливались возвысить своего голоса, его мужественно принялъ подъ свое покровительство и оправдалъ римскій папа Юлій. Точно также въ началѣ V вѣка папа Иннокентій I-й сильнѣе всѣхъ возвысилъ свой

голосъ въ защиту невинно-преслѣдуемаго праведника св. Іоанна Златоустаго. Далѣе въ V вѣкѣ, въ спорахъ несторіанскихъ и еutihianскихъ, сами старѣйшіе восточные епископы придаютъ особенное значеніе папамъ. Св. Кириллъ александрійскій, узнавъ о ереси Несторія, почтительно уведомляетъ о томъ папу Целестина, прося содѣйствія противъ еретика, и папа Целестинъ держитъ въ Римѣ соборъ, на которомъ осуждаетъ Несторія. При началѣ распрей между св. Флавіаномъ константинопольскимъ и еретикомъ Евтихіемъ, и тотъ и другой стараются склонить на свою сторону папу Льва Великаго, и папа Левъ пишетъ наложеніе вѣры, которое даетъ твердую опору истинѣ противъ заблужденія, и которое самимъ вселенскимъ халкидонскимъ соборомъ признается за образецъ чистаго православія. Въ половинѣ VII вѣка папа св. Мартинъ является твердою опорою православія противъ покровительствуемаго императоромъ Константиномъ 2 моноелитства. Въ VIII и IX вѣкахъ во время гоненій на православіе отъ императоровъ иконоборцевъ, константинопольскіе защитники православія (напр. св. Θεодоръ Студитъ) также ищутъ въ Римѣ опоры для противодѣйствія ереси. Всѣ эти факты безъ сомнѣнія дѣлаютъ честь римской наедрѣ и ея замѣчательнѣйшимъ представителямъ. Но не мало можно указать и между представителями другихъ наедръ (напр. константинопольской или александрійской) такихъ личностей, которыя въ извѣстныя времена являлись

твердую опору православія, защитниками угнетенной справедливости, развѣдательными и умирительными споровъ церковныхъ. Развѣ имена свв. Афанасія и Кирилла александрийскихъ, св. Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, или свв. Германа, Никифора, Тарасія константинопольскихъ, св. Василія Великаго кесарійскаго, св. Софронія, патріарха іерусалимскаго и многихъ другихъ св. пастырей восточныхъ можно въ этомъ отношеніи оставить ниже именъ пасті: Юлія, Иннокентія, Целестина, и даже св. Льва Великаго и Мартина? Всѣ приведенные здѣсь факты изъ истории римской кathedры, взятые на разстояніи вѣкомыныхъ вѣковъ, показываютъ только, что и на римской кathedрѣ, также, какъ и на другихъ, являются замѣчательныя личности, имѣвшія въ свое время большое вліяніе, заправлившія важнѣйшими дѣлами въ Царствѣ, но не показываютъ, чтобы сама по себѣ римская кathedра, во все продолженіе времени между IV и IX вѣками, имѣла какое-либо главенство во всей Церкви. Притомъ, чтобы каждый изъ этихъ фактовъ можно было понять и объяснить вполне безпристрастно и точно, нужно разсматривать ихъ въ связи съ другими фактами, имѣющими къ нимъ ближайшее отношеніе, въ связи съ тѣми условіями и обстоятельствами времени, среди которыхъ эти факты совершались; тогда эти факты представляются не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ угодно выставляютъ ихъ римско-католическіе ученые. Пасті Юлію, впрочемъ, дѣлаетъ

честь то, что онъ защищалъ св. Афанасія Великаго въ то время, какъ восточные епископы не смѣли вознестись свой голосъ за него; но, независимо отъ твердаго православнаго убѣжденія Юлія, нужно принять во вниманіе и то, что ему и вообще западнымъ епископамъ въ то время было гораздо удобнѣе, нежели восточнымъ, стоять за православіе и за Афанасія, потому что западные епископы находились подъ владычествомъ западнаго императора Констанса, приверженнаго къ православію и лично расположеннаго въ Афанасію, а восточные епископы, подъ деспотическою властью армінина Констанція, преслѣдователи Афанасія и всѣхъ православныхъ. Когда перемѣнились обстоятельства, когда Констанцій, по смерти брата, сдѣлался единодержавнымъ обладателемъ всей римской имперіи, — и изъ западныхъ епископовъ, по слабости человѣческой, многие возмужали, и отступились отъ Афанасія даже такіе пастыри, какъ преемникъ Юлія, Либерій, папа римскій, а мужъ испытанной твердости убѣжденій и высокой правдивости, престарѣлый Осія кордубскій. Точно также Инноцентію 1-му было гораздо свободнѣе, нежели кому-либо изъ восточныхъ епископовъ, протестовать противъ несправедливаго изгнанія св. Златоуста, — потому что онъ жилъ во владѣніяхъ западнаго императора Гонорія, также возмущеннаго сэнликою Златоуста, а не восточнаго Аркадія, по вліянію жены своей изгнаннаго Златоуста. Вообще нельзя не согласиться съ тѣмъ,

что въ отношеніяхъ къ императорамъ византійскимъ римскіе епископы могли держаться самостоятельныя восточныхъ епископовъ, — но не потому, чтобы имъ принадлежалъ какой-либо верховный неприкосновенный авторитетъ въ Церкви, а потому, что въ политическомъ отношеніи они стояли къ императорамъ болѣе независимо во все продолженіе времени между 4-мъ и 9-мъ вѣками, не исключая даже и того времени, когда Италия (са время Юстиніана до Льва Исаврійскаго) находилась подъ управленіемъ византійскихъ вѣдѣтниковъ: императоры, какъ мы замѣтили, въ этихъ случаяхъ, даже имѣли побужденія заставить расположенія папы, — опять повторимъ — не ради его церковнаго авторитета, а ради его политическаго вліянія.... Указанные выше факты изъ истории смуть несторіанскихъ и монофизитскихъ также не служатъ подтвержденіемъ мысли о главенствѣ папы. Св. Кириллъ александрійскій извѣщалъ папу Целестина (и не его одного) о ереси Несторія, и св. Флавіанъ константинопольскій папу Льва Великаго о ереси Евтихія, не какъ подчиненные верховныхъ начальниковъ и судей, а какъ братья братьевъ и сослужителей, пожалуй старѣйшихъ — почетнѣйшихъ, но не болѣе того. Таковъ былъ общій обычай между древними папскими — извѣщать другъ друга объ опасностяхъ, возникавшихъ въ Церкви. И приговоръ папы Целестина по дѣлу Несторія, положенный на римскомъ соборѣ, и Льва Великаго по дѣлу Евтихія,

при всей ихъ справедливости, не были приняты за окончательныя рѣшенія дѣла (слѣдовательно судъ пани не считался высшею инстанціей въ дѣлахъ церковныхъ). Для окончательнаго суда надъ Несторіемъ созванъ вселенскій соборъ ефесскій, а для суда надъ Евменіемъ вселенскій соборъ халкидонскій (слѣдовательно судъ вселенскихъ соборовъ былъ выше суда панискаго, что несомнѣнно и изъ другихъ вышеприведенныхъ фактовъ). Во время смутъ моноислитскихъ, при императорѣ Констансѣ, папа Мартинъ между прочимъ епископами явился самымъ твердою опоромъ православія; но еще ранѣе его былъ таковы же твердымъ защитникомъ православія противъ моноислитства св. Софроній, патриархъ іерусалимскій, — и имѣеть отъ св. Мартина не менѣе твердымъ защитникомъ православія св. Максимъ немоѳидинскій, даже не епископъ. Олѣдовательно и этотъ фактъ, несомнѣнно служащій въ похвалу св. Мартина, не имѣеть значенія для возвеличенія идеи папства.. Во время смутъ иконоборческихъ папы: Григорій 2-й, Григорій 3-й и ихъ преемники смѣло протестовали противъ насильственныхъ дѣйствій императоровъ — иконоборцевъ. И это нисколько не удивительно. Насильственнымъ и возмущительнымъ дѣйствіямъ императоровъ — иконоборцевъ вызвали смѣлыхъ обличителей въ самомъ Константинополѣ между ближайшими подданными этихъ императоровъ, которыхъ жизнь зависѣла отъ нихъ alone, и которые, дѣйствительно, платились таковыми стра-

дѣяніями и самою жизнью за свои смѣлыя обличенія. Панами же въ то время протестовать противъ императоровъ византійскихъ было гораздо свободнѣе. Они уже не были подданными византійскими; съ Григорія 2-го они отложились отъ Византіи. Паны сильны были своимъ вліяніемъ на западѣ; они закрѣпили свое положеніе союзовъ съ сильными правителями Франціи, карловингами, въ лицѣ которыхъ они прямо указывали себѣ крѣпкую заступниковъ въ отвѣтъ на угрозы двора византійскаго. Въ самомъ народѣ паны на западѣ не имѣли противъ себя такой сильной партіи противниковъ иконопочитанія, какая была на востоцѣ. Паны очень хорошо знали, что ихъ смѣлый протестъ противъ императоровъ—иконоборцевъ будетъ сочувственно поддержанъ итальянскимъ народомъ, — тѣмъ болѣе, что этотъ протестъ имѣлъ не религіозное только, а едва ли не главнымъ образомъ политическое значеніе. Пана Григорій 2-й, начавшій этотъ протестъ имѣлъ въ виду, не только обличить иконоборческое нечестіе Льва Исавринина, но и возбудить народъ итальянскій къ сверженію давно уже тяготѣвшаго его византійскаго господства, — что ему и удалось сдѣлать. Такимъ образомъ смѣлыя дѣйствія панъ во время смутъ иконоборческихъ имѣютъ даже, можетъ быть, не столько церковное, сколько политическое значеніе. Не удивительно и то что эти смѣлыя дѣйствія вызвали восторженное сочувствіе во многихъ константинопольскихъ про-

тинникахъ иконоборчества. Скажемъ болѣе, неудивительно, если въ эти времена, ко 2-й половинѣ 9-го вѣка начала образовываться въ Константинополѣ, и между людьми весьма благонамѣренными, хотя можетъ быть и не очень дальновидными, партія особенно расположенная къ иначеству. Въ виду возмутительныхъ насилій, нѣрѣдко въ это время угнетавшихъ церковь константинопольскую со стороны государственной власти, съ другой стороны въ виду того вѣснаго положенія, какаго достигла на западѣ папская власть, въ это время уже не только сдѣлавшаяся независимой отъ государственной власти, но и сама начинавшая заявлять стремленія въ преобладанію надъ государственной властью, — неудивительно, если въ Константинополѣ нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ ревнителей православія и независимости церковной начинали склоняться къ той мысли, чтобы утвердить въ Римѣ опору и для самостоятельности восточной церкви, власть папскую противопоставить власти государственной. Эта зараждавшаяся партія, кажется, главнымъ образомъ образовывалась въ знаменитомъ Студійскомъ монастырѣ, бывшемъ тогда главною твердынею православія и противодѣйствія власти государственной, утѣставшей самостоятельность церковную. Отсюда то, въ половинѣ 9-го вѣка, и вышла большая часть тѣхъ приверженцевъ низверженнаго патріарха Игнатія, которые въ Римѣ искали суда на Варду и Фотія, и между которыми были несомнѣнно личности

весьма почтенныя, видѣвшія въ борьбѣ между партіями патріарховъ Игнатія и Фотія, борьбу самостоятельности церковной противъ деспотизма государственнаго и придворнаго клановъ, но не сошедшіе правильно понимавшіе положеніе дѣла, и имѣвшіе неправильныя понятія о безнормативности напскаго несправедливаго и суда. Тѣмъ не менѣе въ Константинополѣ и на всемъ востокѣ, въ то время, какъ и всегда, далеки были отъ того, чтобы признаніемъ папскаго главенства, на мѣстѣ деспотизма государственнаго, по временамъ стѣснявшаго *внутреннюю* свободу церкви, закрѣплять надъ собою самодержавно іерархическій деспотизмъ папскій, угрожавшій подавить самую *внутреннюю* свободу церкви, какъ она подавлена была въ послѣдствіи на западѣ. Что константинопольская и вся восточная церковь была далека отъ этого,—это доказываетъ вся дальнѣйшая исторія восточной церкви. Конечно, не патріархъ Фотій удержалъ или отклонилъ восточную церковь отъ признанія главенства папы, будто бы уже утвердившагося или готоваго утвердиться въ ней. Такое предположеніе не имѣетъ историческаго смысла; личность Фотія, какъ бы она не была сильна и вліятельна, не могла бы отвлечь восточную церковь отъ подчиненія папѣ, если въ ней было расположеніе къ тому. Но въ томъ то и дѣло, что въ восточной церкви, свято хранившей древнія церковныя преданія и оберегавшейся отъ всякихъ человѣческихъ измышленій, вовсе не было тѣхъ идей и располо-

жений въ пользу папства, какія въ 9-му вѣку стали распространяться въ западной церкви, начинавшей уклоняться отъ древняго строя вселенско-церковной жизни. Патріархъ Фотій въ отрицаніи папскихъ притязаній былъ только представителемъ древнихъ преданій восточной и всей вселенской церкви, — и въ томъ его существенная заслуга и величіе въ исторіи восточной и всей вселенской церкви (*).

(*) Некоторые изъ новыхъ римско-католическихъ ученыхъ (Мелеръ, Ньюманъ, кардиналъ Виземанъ, аббатъ Пассалы, изъ самыхъ новѣйшихъ Пихлеръ, извѣстный авторъ „Исторіи раздѣленія Церквей“ признаются, что въ древней христіанской церкви (первыхъ восьми вѣкахъ) не было ясно выработаннаго признанія папской идеи, — что идея папского главенства, какъ всякая историческая идея, имѣла свое постепенное развитіе; въ первые вѣка христіанства; высказывалась она незамѣтно, затѣмъ до 9-го вѣка болѣе и болѣе росла и развивалась, наконецъ въ средніе вѣка въ западной Церкви явилась въ полномъ своемъ развитіи. Самое возникновеніе такого взгляда между римско-католическими учеными свидѣтельствуетъ, что идея папства въ самомъ католицизмѣ значительно колеблется. Этотъ взглядъ есть уже отступленіе отъ строгаго католическаго воззрѣнія. Для насъ со стороны католическихъ ученыхъ важно признаніе, что идея папства есть только историческая, а не догматическая (въ собственномъ смыслѣ этого слова) идея. Она развивалась вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ и слѣдовательно вслѣдствіе другихъ новыхъ историческихъ обстоятельствъ можетъ ослабѣть и совершенно пасть. Эту мысль и мы признаемъ совершенно справедливою; только въ примѣненіи даемъ ей гораздо болѣе широкій смыслъ, нежели новѣйшіе либеральные

VI.

РАЗСМОТРѢНІЕ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ВЪ ПОЛЪЗУ ПАПСКОЙ
ВЛАСТИ. ЗАЙМУЕМЫХЪ ИЗЪ ПИСАНІЙ ДРЕВНИХЪ ЦЕР-
КОВНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И ИЗЪ БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Не имѣя возможности точнымъ представленіемъ историческихъ фактовъ оправдать свою мысль о признаніи главенства папы въ древней Церкви, римско-католическіе ученые стараются, покрайней мѣрѣ, укрѣпить ее свидѣтельствами отдѣльных личностей, имѣвшихъ значеніе въ древней Церкви.

римско-католическіе ученые. Но съ признаніемъ историческаго развитія идеи папства, по нашему мнѣнію, должно отрицаться догматическое значеніе этой идеи. Догматы вѣры — божественныя истины, данныя человечеству чрезъ откровеніе и составляющія основныя начала христіанства, не подчиняются условіямъ историческаго развитія въ томъ смыслѣ, въ какомъ подлежатъ ему всякія другія идеи человѣческаго происхожденія. Различныя условія историческаго развитія въ извѣстной степени могутъ отражаться на ихъ внѣшней формѣ, въ различныхъ способахъ ихъ научнаго опредѣленія, раскрытія, уясненія, доказыванія. Но самое содержаніе ихъ остается неизмѣнно такимъ же, — при всѣхъ различныхъ условіяхъ историческаго развитія, остается такимъ же, каковыя это содержаніе первоначально дано божественнымъ откровеніемъ. Догматы о Троицности Лицъ въ Богѣ или о воплощеніи Христовомъ и до нынѣ остаются въ своей сущности тѣми же, каковыя они были, начиная съ первыхъ временъ

Для этого они выискивают у древних писателей различных вѣковъ — преимущественно у писателей западныхъ — отдѣльныя фразы и отрывы, въ которыхъ высказываются уваженіе и похвала апо-

христіанства во всѣ вѣка въ православномъ мірѣ. Ни провозглашеніе вѣры христіанской господствующею при Константинѣ Великомъ, ни паденіе западной римской имперіи, ни нашествіе варваровъ на Европу, ни паденіе Византіи, ни другія важнѣйшія историческія событія ничего не прибавили, не убавили въ содержаніи и смыслѣ этихъ догматовъ. Между тѣмъ развитіе папской идеи именно находилось въ зависимости отъ такихъ обстоятельствъ, какъ паденіе западной римской имперіи, утвержденіе въ Европѣ новыхъ племенъ и государствъ, возвышеніе Каролингской монархіи, ослабленіе христіанскаго востока, крестовые походы, — и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ, еще болѣе частныхъ, вѣстныхъ и случайныхъ. Следовательно идея папства есть дѣйствительно идея историческая т. е. человѣческая, временная, переходящая, а не догматическая — Божественная, вѣчная, неизмѣняемая. Далѣе, относительно самаго процесса развитія папской идеи мы должны замѣтить, что въ возвращеніяхъ на этотъ процессъ мы во многомъ не можемъ согласиться даже и съ такими нестрогими каролингскими учеными, каковы напр. Пихлеръ. Во первыхъ несправедливо, что развитіе папства всегда совершалось будто бы само собою, какъ законный историческій процессъ самой церковной жизни, естественно и послѣдовательно, безъ особенныхъ усилій со стороны самаго папства. Папство развивалось и укрѣплялось, часто опираясь на вѣнущую силу, на политическое вліяніе, иногда при посредствѣ насилій, обмановъ, каковы лжеисидоровскія декреты, гильдебрандовскія реформы, усиленная пропаганда папской идеи монашескими и рыцарскими орденами, дѣйствія инквизиціи и т. под. Далѣе — несправедливо то, что развитіе папской идеи

столу Петру, какъ первоверховному апостолу, или римской Церкви, какъ знаменитѣйшей между церквами, или какому-либо папѣ, какъ цервенствующему епископу въ христіанскомъ мірѣ; въ каждомъ изъ этихъ отрывочныхъ выраженій католическіе ученые стараются представить неопровержимое свидѣтельство въ пользу той мысли, что за нѣскою признаваема была верховная власть въ древней церкви. Такихъ свидѣтельствъ приводится очень много. Смыслъ ихъ тщательно разобрали многими православными писателями греческими и русскими; неоднократно было доказано, что эти

съ первыхъ вѣковъ христіанства до 9-го вѣка нѣко постоянно и постепенно, и потомъ съ такою же постепенностью продолжалось въ западной Церкви послѣ 9-го вѣка. Въ первые восемь вѣковъ, если и сказывались нѣкоторыя—такъ сказать—первыя обнаруженія папской идеи (т.—е. папскихъ стремлений къ господству надъ церковью), то именно не постепенно, а отрывочно, временами, когда на папскомъ престолѣ появлялись честолюбивыя личности, или папскій престолъ находился въ какихъ-либо особенныхъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ; притомъ подобныя стремленія и идеи высказывались преимущественно относительно западной Церкви, въ которой издавна римская Церковь пользовалась особеннымъ уваженіемъ. Съ 9-го же вѣка, а преимущественно со времени Гильдебранда, стремленіе къ господству не надъ западною одною только церковью, но надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, сдѣлалось постояннымъ преданіемъ (потомъ и догматическимъ вѣрованіемъ) въ римской Церкви, и стало осуществляться на практикѣ не только болѣе и болѣе *прогрессивно и усиленно, но и послѣдовательно*.

свидѣтельства имѣють совсѣмъ другой смыслъ, а не тотъ, какой придается имъ въ римскомъ богословіи. Тѣмъ не менѣе добросовѣстность римско-католической науки не смущается и доселѣ, въ пользу предзанятой мысли, пользоваться такими аргументами, несостоятельность которыхъ съ очевидностью доказана; и доселѣ многими католическими учеными въ подтвержденіе догмата о главенствѣ папы приводятся такіа свидѣтельства, которые многократно были опровергнуты восточными полемистами. Въ краткомъ очеркѣ католическаго ученія намъ нѣтъ возможности разсматривать подробно эти свидѣтельства. Достаточно указать тѣ общіе приемы, посредствомъ которыхъ римско-католическіе ученые стараются обращать ихъ въ пользу своей предзанятой мысли. Вообще эти свидѣтельства приводятся отрывочно, внѣ связи съ полнымъ смысломъ рѣчи, изъ которой заимствуются, съ натянутыми и преувеличенными объясненіями, нерѣдко съ искаженіемъ смысла, съ опущеніемъ подлинныхъ и вставкою неподлинныхъ словъ; иногда даже извѣстнымъ древнимъ писателямъ приписываются такіа мысли и выраженія, какія нигдѣ не были ими высказываемы. Все это съ достаточною очевидностію въ разныя времена было раскрываемо православными учеными. При подобномъ способѣ доказательствъ, конечно, можно доказать, какую угодно мысль. Нужно притомъ замѣтить, что большая часть свидѣтельствъ въ пользу главенства папы заимствуется римскими богословами у писа-

телей западныхъ церквей, въ которыхъ издавна было распространено особенное уваженіе къ римской Церкви, какъ Церкви знаменитѣйшей и не имѣющей себѣ равной на всемъ Западѣ (но имѣющей нѣсколько равныхъ себѣ на Востокѣ), какъ къ матери большей части западныхъ Церквей (но не имѣющей такого значенія по отношенію къ восточнымъ церквамъ). Нельзя, наконецъ не подивиться тому, что римско-католическіе ученые не смущаются приводить свидѣтельства въ подтвержденіе верховной власти папъ и изъ такихъ писателей, о которыхъ извѣстно, что они горячо боролись противъ притязаній папства на верховную власть; даже изъ такихъ сочиненій ихъ, которыя прямо писаны были противъ подобныхъ притязаній (напр. изъ писемъ св. Кириана карфагенскаго и Фирмилиана киппадокійскаго, писанныхъ противъ превозношенія папы Стефана). Приверженцамъ догмата о главенствѣ папы достаточно встрѣтить у какого-либо древняго писателя самую незначительную фразу съ выраженіемъ похвалы или уваженія объ апостолѣ Петрѣ, или о римской церкви, или о комъ-либо изъ древнихъ достойныхъ уваженія папъ, чтобы вывести изъ такой фразы признаніе главенства папы во всей древней Церкви. Повторяемъ, подобнымъ способомъ доказательствъ можно доказать какую угодно мысль.

Напрасно римско-католическіе ученые мало обращаютъ вниманія на свидѣтельства другаго рода, изъ которыхъ можно бы было видѣть, что въ

древней Церкви не было и не могло быть признанія одной какой—нибудь верховной главы, что тамъ тщательно предупреждались всякія попытки къ преобладанію надъ церковью, что восточныя Церкви вели свои дѣла совершенно независимо отъ Церкви римской, и многіе западные епископы въ своихъ округахъ считали себя такими же самостоятельными правителями Церкви, какъ и римскій папа. Такихъ свидѣтельствъ, въ которыхъ бы или буквально выражались, или ясно видны были эти положенія, у древнихъ писателей не только восточныхъ, но и западныхъ, можно найти много. Блаженный Иеронимъ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ западныхъ писателей конца IV вѣка, говорилъ: „если разсуждать объ авторитетѣ (церковномъ), то міръ больше Рима. Гдѣ бы ни былъ епископъ—въ Римѣ или на Дону, или въ Евгубіи (Eugubium одно изъ незнатныхъ епископствъ въ Италіи, недалеко отъ Рима), онъ имѣетъ тоже достоинство, тоже священство. Огромное богатство и смиренное убожество не дѣлаютъ епископа ни высшимъ, ни низшимъ. Всѣ они равно преемники апостоловъ“. Когда во второй половинѣ шестаго вѣка константинопольскіе патріархи, по волѣ императора и епископовъ восточныхъ, стали усвоить себѣ наименованіе вселенскихъ патріарховъ, хотя это наименованіе было только почетнымъ титуломъ и вовсе не выражало стремленія подчинить одной кафедрѣ всю вселенскую Церковь, папы римскіе первые возстали противъ этого

наименованіи, находя въ немъ безразсудную гордость, оскорбленіе правъ другихъ епископовъ, угнетеніе свободы церковной, опасность для самой вѣры. Вотъ какъ разсуждалъ объ этомъ тогдашній папа—знаменитѣйшій изъ римскихъ папъ—св. Григорій Великій: „Этой безразсудною надменностію возмущается миръ всей Церкви, оскорбляется благодать, сообщенная другимъ епископамъ. Никто изъ апостоловъ, никто изъ святыхъ не хотѣлъ называться вселенскимъ; всѣ они принадлежать къ тѣлу Господню, состоятъ въ числѣ членовъ Церкви.../ Если вселенскимъ назовется одинъ патріархъ, у прочихъ отнимется имя патріарха. Но этого не должно быть! Прочь отъ мысли христіанской чѣ бы то ни было желаніе усвоить себѣ то, чѣмъ умалается въ какомъ—нибудь отношеніи честь собратій... Убоимся быть причисленными къ тѣмъ, которые любятъ „предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія на синагогахъ, и привѣствія въ народныхъ собраніяхъ и чтобъ люди звали ихъ: учитель, учитель! Христосъ сказалъ: „Вы не называетесь учителя; одинъ у васъ учитель Христосъ; вы же всѣ братья.... Кто хочетъ между вами быть первымъ, пусть будетъ вамъ рабомъ“.. Никого и никогда не должно называть вселенскимъ, чтобы себя не лишить должнаго, когда другому усвоится не должное./ И никто не долженъ принимать этого названія, ни соглашаться на него. Но, какъ подобаетъ служителямъ Бога всемогущаго, каждый пусть хранитъ

себя отъ этой ядовитой заразы, и не воскипаетъ себѣ мѣста коварнаго оболъстителя, ибо оно наноситъ обиду, ведетъ къ разрыву всей Церкви, соединено съ презрѣніемъ ко всѣмъ/ Если называющійся вселенскимъ впадетъ въ заблужденіе, то уже не найдется ни одного епископа, стоящаго въ правдѣ; если одинъ вселенскій, то прочіе не епископы; если одного епископа назвать вселенскимъ, при паденіи этого единого падетъ вся Церковь. Я смѣло говорю: кто называетъ себя, или желаетъ, чтобъ другіе называли его вселенскимъ святителемъ, тотъ превозношеніемъ своимъ предшествуетъ антихристу, надменно поставляя себя выше прочихъ. Какъ тотъ сынъ погибелный хочетъ показаться Богомъ надъ всѣми людьми, такъ и этотъ; кто бы онъ ни былъ, желающій называться единственнымъ святителемъ, возносится надъ прочими святителями". Какое ясное и сильное опроверженіе всѣхъ папскихъ притязаній отъ лица знаменитѣйшаго изъ папъ (*):

(*) Нѣкоторые предполагаютъ, что папа Григорій Великій потому только такъ сильно возставалъ противъ наименованія *вселенскій*, что наименованіе это въ его время было усвоено константинопольской, а не римской кафедрѣ; порицая въ другихъ стремленіе къ преобладанію въ Церкви, онъ самъ, говоря, стремился къ нему, называлъ себя преемникомъ апостола Петра, какъ перваго изъ апостоловъ, и болѣе, чѣмъ другой кто-либо изъ папъ, сдѣлалъ для возвышенія римской кафедры. Последнее справедливо; едвали кто изъ папъ своими нравственными достоинствами и своею дѣятельностію способствовалъ

Есть еще оригинальный приемъ аргументаціи, посредствомъ котораго приверженцы догмата о главенствѣ папы стараются доказать, будто не только древняя вселенская Церковь признавала,

столько возвышенію римской катедры, какъ Григорій Великій. Но чтобы онъ намѣренно направлялъ свою дѣятельность къ приобретенію преобладанія во всей Церкви, это едвали можно сказать. Истинное величіе возвышается само собою, когда и нисколько не заботится о своемъ возвышеніи. Изъ писемъ Григорія Великаго къ патріархамъ восточнымъ—Анастасію антиохійскому и Евлогію александрійскому видно, что онъ и себѣ не желалъ усвоить того, что порицалъ въ другихъ. Когда антиохійскій патріархъ въ письмѣ своемъ назвалъ его *вселенскимъ папою*, и употребилъ выраженіе: *какъ вы приказали*; св. Григорій въ отвѣтъ на это писалъ: „Прощу васъ удалить отъ моего слуха это это слово: *приказаніе*. Я знаю, кто я, и кто вы; по мѣсту вы мнѣ братья, а по добродѣтели отцы... Подобныхъ словъ вы не должны писать ни мнѣ, ни кому-либо другому... Вы называете меня *вселенскимъ папою*. Прощу васъ болѣе этого не дѣлать: ибо у васъ самихъ отнимается то, что дается другому сверхъ надлежащаго. Я ищу славы не въ наименованіяхъ, а въ добродѣтеляхъ, и не почитаю честью то, что лишаетъ чести моихъ братьевъ. Честь для меня то, что служить честью для церкви вселенской. Честь моя непоколебимая сила моихъ братьевъ. Я тогда истинно почтенъ, когда каждому воздается должная честь. Когда ваша святость называетъ меня *папою вселенскимъ*, то отнимаетъ у себя это достоинство. Да не будетъ сего! Да удалятся слова, надмѣвающія тщеславіе и оскорбляющія любовь“ // Григорій Великій считалъ для себя великою честью именоваться преемникомъ катедры св. апостола Петра, но въ такой же степени приписывалъ эту честь и патріархамъ: александрійскому и антиохійскому. Три катедры—римскую, александрійскую и ан-

но и нынѣшняя восточная Церковь, хотя сама того не сознавая, исповѣдуетъ этотъ догматъ. Доказательства на это они находятъ въ богослужебныхъ книгахъ православной восточной Церкви. Въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ — въ службахъ апостолу Петру и тѣмъ изъ древнихъ папъ римскихъ, которые и западною и восточною Церковью признаются святыми — напримѣръ св. Клименту, Сильвестру, Льву Великому, Григорію Двоеслову, св. Мартину, встрѣчаются похвальные выраженія такого рода: св. Петръ называется *основаніемъ, похвалою, утвержденіемъ церкви, камнемъ въры, ключаремъ небеснаго царствія, первымъ верховнымъ апостоломъ*; св. Климентъ — *твердынею церкви, столпомъ благодѣтія, преемникомъ престола Петрова*, св. Левъ — *столпомъ православія, твердымъ основаніемъ въры, сшаръшимую верховнаго собора, наслѣдникомъ престола Петрова, свѣтильникомъ вселенной* и т. д. Конечно всѣ подобныя выраженія никакого особеннаго догматическаго значенія не имѣютъ, и ничего другаго не доказываютъ, кромѣ усердія Церкви къ прославленію помя-

тіюкійскую, основанную апостоломъ Петромъ, онъ признавалъ какъ бы за одну кафедру, и всѣмъ тремъ усвоилъ равную честь. Это ясно выражалъ онъ въ письмѣ къ Евлогію, александрійскому патріарху. Такія разсужденія совершенно противорѣчатъ римско-католическому воззрѣнію, будто напѣ есть исключительно преемникъ апостола Петра, и на этомъ основаніи, глава вселенской Церкви.

ти св. людей, бывшихъ ей славою при жизни. Выраженія, подобныя тѣмъ, которыми Церковь ублажаетъ память св. апостола Петра, наводятся и въ службахъ другимъ апостоламъ. Точно также поменьшими, а въ иныхъ случаяхъ еще и большими похвалами, нежели каковыя находятся въ службахъ св. Клименту римскому, Льву и Григорію Великимъ, Церковь ублажаетъ и многихъ другихъ—восточныхъ св. отцевъ. А трехъ извѣстныхъ св. учителей 4-го вѣка—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго православная Церковь не въ отдѣльныхъ только службахъ, составленныхъ въ честь ихъ, но почти на всѣхъ службахъ своихъ ублажаетъ, какъ великихъ іерарховъ, вселенскихъ учителей и блаженнейшихъ. Изъ этого очевидно вовсе не слѣдуетъ, что бы эти великіе іерархи были какими-либо главами надъ другими іерархами, и чтобы имъ приписывалась полнота ученія и святительства для всей вселенской Церкви (какъ сосредоточивается она, по ученію римскаго богословія, въ папѣ). Тѣмъ менѣе кому-либо могло бы притти на мысль утверждать такия права за самими мѣстами ихъ служенія—за кафедрою кесарійскою, на которой святительствовалъ св. Василій великій, и константинопольскою, гдѣ возсѣдали Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Между тѣмъ приверженцы папства изъ вышеприведенныхъ и подобныхъ имъ похвальныхъ выраженій объ апостолахъ Петрѣ и св. папахъ Климентѣ, Львѣ, Григоріѣ, Мартинѣ, дѣлаютъ именно

такое заключеніе, будто наша Церковь признавала и призывает апостола Петра княземъ апостоловъ, и папъ главами Церкви .. По истинѣ оригинальный способъ заключенія! Безъ сомнѣнія, самой восточной Церкви и ея чадамъ лучше, чѣмъ кому бы то ни было, знать, что признается, и во что вѣрить восточная Церковь. И, конечно, никто не увѣритъ насъ въ томъ, будто мы признаемъ папу главою Церкви, когда мы слишкомъ далеки отъ такого признанія. . . . Нужно сказать, что этотъ замѣчательный способъ доказательства въ пользу папской идеи изобрѣтенъ и употребляется въ дѣло не столько истинными римско-католическими учеными, изъ которыхъ едвали кто когда и изучалъ наши богослужебныя книги, сколько тѣми *отступниками* отъ православія, которые, сдѣлавшись приверженцами папства, стараются и самихъ себя и другихъ увѣрить, что они не измѣнили ученію восточной Церкви. Первоначально этотъ способъ доказательства былъ пущенъ въ ходъ во время распространенія уни въ юго-западной Россіи. Пропагандисты униатства, рассчитывая на невѣжество русскихъ, старались увѣрить ихъ, будто ученіе римской Церкви въ самомъ главномъ догматѣ своемъ о папской власти не противорѣчитъ ученію восточной Церкви. Однакоже эта фальшивая попытка уже и въ тѣ времена была обличена православными русскими богословами—Захаріею Копыстенскимъ, потомъ Стефаномъ Яворскимъ и др. Въ наши времена этотъ фальшивый способъ доказа-

тельства папской идеи вновь пушенъ былъ въ ходъ тѣми отступниками отъ православія изъ русскихъ, которые сами сдѣлавшись іезуитами, возмечтали и всю Русь сдѣлать католическою. И въ наше время многіе русскіе богословы должны были взять на себя терпѣливый трудъ опровергать эту пустую и недобросовѣстную выведку, прикрывающуюся видошъ ученой аргументаціи.

VII.

Справедливо ли говорятъ римскіе богословы, будто папская власть служить необходимымъ условіемъ самаго существованія Церкви,—будто безъ папской власти не можетъ поддерживаться единство и самостоятельность Церкви,—ни сохраняться въ ней чистота православнаго ученія.

Кромѣ доказательствъ фактическихъ, заимствуемыхъ изъ исторіи евангельской и апостольской и исторіи древней вселенской Церкви, приверженцы папства стараются подкрѣпить свой догматъ о папской власти разными общими соображеніями софистическаго характера. „Признаніе главенства папы, говорятъ, необходимо вытекаетъ изъ самой идеи Церкви; имъ обусловливается существованіе Церкви; безъ папской власти Церковь не могла бы сохранять свою самостоятельность; безъ папской власти не могла бы сохраняться чистымъ

и непоколебимымъ самое ученіе церкви; папская власть даетъ правильное, живое развитіе всей духовной жизни Церкви." Всѣ эти софизмы также фальшивы и слабы, какъ и историческія доказательства, приводимыя въ пользу папской власти.

1) „Признаніе главенства папы необходимо вытекаетъ изъ самой идеи Церкви; имѣть обусловливается существованіе Церкви. Всякій живой организмъ, всякое благоустроенное общество имѣетъ свою главу. Необходимо должна имѣть свою главу и Церковь. Безъ такой главы невозможно существованіе Церкви, какъ невозможно безъ главы существовать никакому живому организму.“ Но у Церкви христіанской есть единая, Божественная вѣчная глава, дающая ей жизнь, разумъ и благоустройство, — безъ которой Церковь дѣйствительно не могла бы жить и производить плоды духовнаго развитія, какъ не могутъ жить и приносить плодовъ вѣтви, отдѣленныя отъ виноградной лозы. (Іован. гл. XV). Эта глава — Самъ Господь Іисусъ Христосъ, стажавшій Церковь честною кровію Своею, — единый небесный Женихъ единой непорочною невѣстѣ (Ефес. гл. 5). Іисусъ Христосъ никогда не оставляетъ Свою Церковь, но непрестанно, по обѣтованію своему, пребываетъ съ нею до скончанія вѣка. Поэтому Церковь, находясь въ непрестанномъ живомъ союзѣ съ своимъ небеснымъ Женихомъ, не можетъ знать никакого другаго жениха; — находясь подъ управленіемъ единой Божественной главы, не можетъ имѣть никакой другой главы,

и не нуждается ни въ какомъ видимомъ намѣстникѣ или представителѣ главенства Христова надъ нею. Понятіе о двухъ главахъ противорѣчитъ понятію о единой Церкви; признаніе намѣстника или представителя Христовой власти надъ церковію возможно было бы тогда, когда бы Христосъ не находился въ живыхъ союзе съ церковью и не управлялъ ею самъ. Да и никто изъ смертныхъ людей не можетъ стоять какъ бы на ряду съ побѣдителемъ смерти—не только какъ другая самостоятельная глава Церкви, но и какъ видимый представитель или намѣстникъ невидимой главы — Христа. Никто изъ слабыхъ и ограниченныхъ людей не можетъ быть представителемъ или намѣстникомъ всемогущаго и всесовершеннаго Бога, какъ въ управленіи всѣмъ міромъ Божиимъ, такъ и въ управленіи церковью Божіею. Церковь есть *тѣло Божественное*, у ней не можетъ быть главы *человѣческой*. Церковь *святая и непокорная*; у ней не можетъ быть главы *подверженной слабостямъ и порокамъ*. Церковь *вѣчная*; у ней не можетъ быть главою *смертный человѣкъ*, у котораго предѣлъ жизни *селедесять лѣтъ*, и *аще въ силахъ, восемьдесятъ лѣтъ*. Церковь обнимаетъ собою вѣрующихъ людей всѣхъ вѣковъ, живыхъ и отшедшихъ изъ міра сего—величайшихъ праведниковъ, св. апостоловъ, мучениковъ, высокихъ подвижниковъ и учителей христіанскаго міра. Можетъ ли быть главою ея *человѣкъ*, по природѣ своей не стоящій выше усло-

вѣй земнаго существованія, по разуму и нравственнымъ качествамъ не превосходящій самихъ высшихъ святыхъ учителей и подвизниковъ христіанскихъ? Римскіе католики, чтобы представить своего папу достойнымъ божественнаго наименованія главы Церкви, на самомъ дѣлѣ приписываютъ ему божественныя свойства. Они желаютъ признать за нимъ божественное свойство непогрѣдимости, божественную власть надъ судьбою міра: загробнаго (чистилища), — и желали бы усвоить ему божественное полновластіе и всемогущество въ мірѣ земномъ. Но развѣ это не есть очевидная ложь, и даже болѣе — возмутительная хула? Развѣ это не есть своего рода идолопоклонство — приписывать человѣку божественныя свойства, божественную власть и почесть, — и такимъ образомъ обоготворять человека?.. Развѣ не знаютъ всѣ, что папы — такіе же, какъ и другіе, простые люди, подверженные чловѣческимъ слабостямъ, что между ними бывали люди высокаго ума и высокой жизни, бывали и самые обыкновенные люди, бывали и такіе, которые своею жизнію позорили не только папскій престолъ, но и самое чловѣческое достоинство. Исторія рассказываетъ намъ, что на престолѣ римскомъ бывали папы еретики, явно заблуждавшіеся въ ученіи вѣры (напримѣръ еще въ древней Церкви Каллистъ, обличенный въ гностицизмъ св. Ипполитомъ, Готторій осужденный за моноелитство 6. вселенскимъ соборомъ, — въ ореднихъ вѣкахъ Ле-

антъ XXII, неоднократно упоминаемый въ заблужденіяхъ самими же католическими богословами; самого Григорія VII, вѣдителя папскаго могущества, многіе подозревали въ истинности догматическихъ убѣжденій, въ смелости въ ученіи Беренгара, осужденному самою западною церковью); бывали папы совершенные безбожники, отвергавшіе самыя основныя начала христіанства и вообще религіи (напр. Іоаннъ XII, клявшийся именемъ дьявола и языческихъ боговъ, и совершавшій церковныя службы въ конюшнѣ, — Іоаннъ XXIII, котораго на констанскомъ соборѣ обвиняли въ отрицаніи безсмертія души, — Левъ X, называвшій жизнь Христа и христіанство прибѣлною для духовенства сказкою); бывали папами злодѣи убійцы (изъ упомянутыхъ уже Іоаннъ XII, убившій многіхъ своихъ церковныхъ служителей, Іоаннъ XXIII, отравившій своего предшественника, бывшій прежде предводителемъ разбойнической шайки, и на престолѣ папскомъ обращавшійся иногда къ услугамъ своихъ прежнихъ товарищей, Александръ VI Борджіа—чудовище злодѣйства, и другіе папы, умершвыя между прочимъ своихъ предшественниковъ), бывали папами безстыдные развратники, и поощрявшіе развратъ (цѣлые ряды папъ преимущественно изъ 10, 14 и 15 вѣковъ), гнусные корыстолюбцы, готовые торговать всѣмъ святымъ (опять цѣлые ряды папъ 10, 11, 14, 15 и 16 вѣковъ); едва ли небольшая часть папъ среднихъ и позднѣйшихъ вѣковъ были честлюб-

цы, дессоты, политическіе интриганы и т. д. Уже-ли же не есть постыдное безуміе и возмутитель-ная хула — такихъ личностей почитать непогрѣ-шенными Божиими намѣстниками и представителя-ми, главами Церкви, не имущей скверны или по-рока?...

2) „Безъ папской власти не можетъ поддержа-ваться единство въ церкви. Верховный папскій ав-торитетъ есть высшее средоточіе, живой символъ, живое выраженіе церковнаго единства. Какимъ об-разомъ можно представить единою церковь, не имѣющую высшаго средоточія власти, раздѣлен-ную между нѣсколькими, не зависящими одинъ отъ другаго правителями? А единство, по общему хри-стіанскому вѣрованію, составляетъ одно изъ су-щественнѣйшихъ свойствъ церкви. Церковь хри-стіанская распространена во всемъ мірѣ, состоитъ изъ множества различныхъ по своимъ природнымъ особенностямъ племенъ и народностей. Верховный авторитетъ папскій, служащій средоточіемъ пра-вительственной дѣятельности всѣхъ другихъ цер-ковныхъ властей, можетъ поддерживать въ един-ствѣ и порядкѣ всѣ эти разнохарактерныя части христіанскаго міра. Съ отрицаніемъ власти пап-ской, съ уничтоженіемъ централизаціи іерархичес-кой, поддерживаемой однимъ высшимъ церковнымъ правителемъ, церковь должна распасться на секты; въ ней появится множество ересей и расколовъ“. Такъ рассуждаютъ защитники папской власти. Но нельзя не замѣтить въ такихъ рассужденіяхъ слѣд-

номъ внѣшнего, можно сказать ~~грубо~~ матеріальнаго понятіи о единствѣ церковномъ и вообще о Церкви. Какъ будто единство церкви ни въ чемъ иномъ не можетъ выражаться, какъ только въ подчиненіи всего христіанскаго міра одному внѣшнему авторитету, и ничѣмъ другимъ не можетъ поддерживаться, какъ только строжайшею централизацией іерархіи церковной?.. Но и въ устроительствѣ земныхъ государствъ одно подчиненіе внѣшнему авторитету и централизція правительственной далеко не считаются главнымъ и даже единственнымъ условіемъ государственнаго или общественнаго единства; если же считаются гдѣ, то развѣ только тамъ, гдѣ въ обществѣ недостаетъ болѣе крѣпкихъ нравственныхъ связей, или гдѣ мало вѣрятъ въ нихъ, а вѣрятъ только въ одну внѣшнюю силу. Но въ церкви христіанской — духовномъ царствѣ Божіемъ, помыю внѣшняго іерархическаго надзора и управленія, есть много другихъ, болѣе крѣпкихъ нравственныхъ связей. Единство духа — единство вѣры, надежды и любви, единство убѣжденій, высшихъ чаяній, основныхъ началъ христіанской жизни, основныхъ правилъ церковнаго благоустройства, единство стремленій, интересовъ и цѣлей, братское единодушіе, взаимная любовь другъ къ другу — развѣ такое внутреннее единство само по себѣ не выше того наружнаго единства, которое выражается только въ повиновеніи всѣхъ одной верховной власти? И если церкви непременно нуженъ внѣшній символъ —

внѣшнее выраженіе внутренняго единства, разнѣ вселенскій соборъ, какъ самое полное, живое и свободное проявленіе внутренняго единомыслія и единодушія въ церкви, распространенной въ разныхъ концахъ міра, не есть гораздо высшее выраженіе церковнаго единства, чѣмъ самая строгая внѣшняя централизація іерархическая? Признаніе папской власти въ сущности, какъ мы уже замѣтили, противорѣчитъ идее церковнаго единства. Какимъ образомъ у единой церкви признаніемъ двѣ главы — одна невидимая, но тѣмъ же менѣе непрестанно пребывающая съ церковію въ живомъ союзѣ — Христосъ, другая видимая, внѣшнимъ образомъ управляющая церковію — папа?.. Исторія же римской церкви представляетъ намъ не мало такихъ случаевъ, когда на престолѣ папскомъ явились одновременно по двѣ и по три личности, какъ бывало неоднократно въ 11 и 12 вѣкахъ, какъ было почти въ продолженіе сорока лѣтъ сразу, въ концѣ 14 и началѣ 15 вѣковъ (1379—1417 гг.). (Какъ согласить такіе случаи съ идеею даже внѣшняго единства церкви съ католической воочию зрѣнимъ? Не послѣдовательно ли, съ католической точки зрѣнія, во времена расколовъ въ западной церкви нѣкоторые искренніе католики приходили въ такой мысли, что церковь римская представляетъ собою не апокалиптическую невісту — Агнца, а двуглаваго дракона? Римскіе богословы на это недоразумѣніе даютъ такой отвѣтъ, что и во времена расколовъ церковныхъ на анос-

тольскомъ престолѣ всегда былъ только одинъ истинный папа, другой же называвшійся папою былъ самозванецъ; такимъ образомъ понятіе о единствѣ церкви могло оставаться твердымъ. Но развѣ это не есть жалкій софизмъ? Могли ли бы самые римско-католическіе богословы разъяснить, кого напр. во времена такъ называемаго великаго раскола, бывшаго въ западной церкви, можно было считать единственнымъ истиннымъ папою—Урбана VI или Климента VII, Бонифация IX или Бенедикта XIII? Какъ римскихъ, такъ и авиньонскихъ папъ въ то время не только отдѣльными личности и партіи, но цѣлыя страны и церкви, признаваемые истинно католическими, а не схизматическими, искренно почитали за истинныхъ папъ; и такимъ образомъ въ римско-католической церкви было двѣ видимыхъ главы. Какая же изъ нихъ была истинная? Если отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ исторической повѣркѣ той мысли, будто папскою властью церковь предохраняется отъ расколовъ и расколовъ, эта мысль также представится совершенно несостоятельною. Сравнимъ судьбу восточной и западной церкви—со времени ихъ раздѣленія съ 10 или 11 вѣка: гдѣ болѣе за это время появилось ересей и расколовъ—въ той ли части христіанскаго міра, которая не признаетъ папскаго главенства, или въ той, которая признаетъ его? Въ восточной части христіанскаго міра, — при всѣхъ непріятныхъ условіяхъ ея исторической судьбы, при внѣшней разобщен-

ности православныхъ восточныхъ племенъ, иногда доходившей до того, что нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку вѣковъ не имѣли сношенія съ другими, при политическомъ порабоженіи многихъ православныхъ восточныхъ странъ невѣрному владычеству, при отсутствіи средоточныхъ пунктовъ и удобныхъ средствъ къ взаимнымъ сношеніямъ между восточными помѣстными церквами въ продолженіи всѣхъ минувшихъ, тяжелыхъ для православнаго востока, вѣковъ сохранялось и доселѣ сохраняется болѣе единства въ ученіи вѣры, устройствѣ церковномъ, въ самыхъ обрядахъ богослуженія, нежели въ западной церкви, при всѣхъ ея великихъ заботахъ и усиленныхъ мѣрахъ къ соблюденію единообразія церковнаго, при всей строгой централизаціи ея іерархическаго управленія, при всей преданности папскому авторитету, при всемъ единодушіи и ревности къ соблюденію церковныхъ или по крайней мѣрѣ іерархическихъ интересовъ въ многочисленномъ и строго дисциплинованномъ западномъ духовенствѣ и монашествѣ. Значить, безъ папской власти лучше поддерживалось церковное единство, нежели подъ ея управленіемъ (*). Тотъ же выводъ даетъ намъ

(*) Въ доказательство того, что въ восточныхъ Церквахъ, безъ высшаго средоточія церковной власти, не крѣпко будто бы держится единство Церкви, католическіе писатели нерѣдко указываютъ на то, что на востокѣ иногда Церкви, прежде соединенныя не только въ догматическомъ вѣрованіи, но и

исторія западной церкви, если будемъ рассматри-
вать ее безъ отношенія къ восточной. До времени
Николая I или даже Гильдебранда, т. е. до времени
полнаго развитія папской власти на западѣ, тамъ

въ іерархическомъ управленіи, потомъ отдѣлялись одна отъ
другой, изъ одной самостоятельной церкви образовывалось
нѣсколько самостоятельныхъ по управленію церквей. Такъ
напримѣръ Церкви сербская и болгарская въ продолженіе
своей исторіи, то находились въ зависимости отъ константино-
польской Церкви, то отдѣлялись отъ нея по управленію и
имѣли своихъ самостоятельныхъ патріарховъ, то опять под-
чинялись константинопольскому патріарху. Такъ Церковь рус-
ская сначала находилась въ зависимости отъ константино-
польскихъ патріарховъ, потомъ получила своихъ самостоятель-
ныхъ патріарховъ, наконецъ стала управляться свѣтѣйшимъ
синодомъ. Такъ въ Церкви королевства Ново-Греческаго не-
давно образовался свой самостоятельный Синодъ и т. д. Но
что же изъ этого? Развѣ открытіе новыхъ патріаршескихъ
кафедръ, при—томъ съ согласія отъ другихъ патріарховъ (въ
Изнѣ, Терновѣ, Москвѣ), или образованіе самостоятельныхъ
Синодовъ въ Петербургѣ и Аѳонахъ можно назвать распада-
ніемъ единства церковнаго—расколомъ церковнымъ, (какъ не
удѣло называютъ на западѣ по неумѣию, или не желанію
правильно понять идею единства церковнаго)? Въ русской,
сербской и болгарской Церкви какъ во время ихъ іерархи-
ческой зависимости отъ константинопольскаго патріарха, такъ
и во время ихъ самостоятельнаго управленія — содержались
и содержатся одни и тѣ же догматы вѣры, св. таинства, на-
чала нравственной жизни и управленія церковнаго, и под-
держивается нравственная братская связь съ константино-
польскою церковью ... При началѣ христіанства, послѣ се-
шествія Св. Духа, весь христіанскій міръ сосредоточивался въ
одной іерусалимской церкви. Потомъ открылись востокъ самосто-

періоду кріпче держалось церковне єдність, герездо менше появлялось єретическихъ и раскольниковыхъ партій, нежели послѣ Николая I и Григорія VII. Этого не можетъ отрицать никакая исторія, хотя бы обработанная въ самомъ крайнемъ ультрамонтанскомъ духѣ. И еще мало того,

лтемъ церкви; антиохійская, ефесская, коринфская, александрійская, римская и множество другихъ. Развѣ же открытіе новой церкви, образованіе новой самостоятельной кафедры патриаршей или епископской— было всегда распаденіемъ единства церковнаго—расколомъ въ церкви?... Единство церкви состоитъ не въ единообразіи внѣшняго административнаго порядка, не въ тождественности однихъ и тѣхъ же формъ и центровъ управленія церковнаго (такое единство было бы рабствомъ и подавленіемъ жизни, развѣ оно и есть въ римско-католической церкви),—но въ единствѣ духа—въ единствѣ жизненныхъ началъ, въ единствѣ благодати Божіей, соединяющей всю Церковь, при самыхъ разнообразныхъ формахъ и измѣненіяхъ ея внѣшняго іерархическаго строя, необходимо условливаемыхъ длиніемъ исторической жизни... Что же касается до недостатка внѣшнихъ способовъ къ выраженію внутренняго единства, до недостатка сношеній между православными церквами находящимися въ русскіхъ, турецкихъ и австрійскихъ владѣніяхъ, объ этомъ конечно нельзя не скорбѣть; нельзя не жалеть, чтобы въ церквахъ, сокращающихъ внутреннее единство духа, было всегда больше и внѣшнихъ связей. Но нельзя вѣстѣ съ тѣмъ и не возблагодарить Бога за то, что Онъ даетъ намъ сохранять наше внутреннее единство, даже и тогда, когда мы сами, по внѣшнимъ обстоятельствамъ независимымъ отъ насъ, или по собственному нашему нерадію мало поддерживаемъ внѣшнее общеніе съ братьями нашими православными христіанами другихъ странъ.

что въ западной церкви при развитіи папской власти стало больше появляться ересей и расколовъ; самая исторія возникновенія этихъ ересей и расколовъ, и ихъ характеръ, ихъ направленіе по-казываютъ, что большая часть ихъ появлялась именно вслѣдствіе крайняго развитія папской власти. Большая часть средневѣковыхъ западныхъ сектъ — катары, валденсы, альбигойцы, лолларды, бусситы и позднѣйшія протестантскія секты распространялись и усиливались на западѣ, именно ~~на~~ реакція или оппозиція противъ папскаго догматизма. Главный пунктъ, съ котораго у западныхъ сектантовъ начиналось отпаденіе отъ церкви, было отрицаніе папской власти — духовной и свѣтской... И догматъ въ Римско-католической церкви абсолютизмъ папскій служилъ главною причиною, подъ вліяніемъ которой въ отдѣльных личностяхъ и цѣлыхъ странахъ западныхъ образуется и укрѣпляется религиозное охлажденіе, вольнодумство, озлобленіе противъ церковнаго авторитета, отъ времени до времени обнаруживающееся и открытыми отпаденіями отъ церкви. И это неудивительно. Тамъ, гдѣ къ живому организму церкви представляется брѣнная гнилая глава, гнилость ея производитъ разрушительное дѣйствіе во всемъ организмѣ. Тамъ, гдѣ личность человѣческая облекается правами и свойствами авторитета божественнаго, давленіе такого авторитета становится невыносимымъ для другихъ личностей. Тамъ, гдѣ единство и порядокъ между членами общест-

ва поддерживаются только рабскимъ подчиненіемъ
всѣхъ одному ви́шнему авторитету, стѣсняется
свободное развитіе личностей, и является естест-
венной протестъ противъ этого авторитета. Явно
такимъ образомъ, что папство въ западномъ хри-
стіанствѣ не скрѣпляетъ—не объединяетъ, но раз-
рушаетъ организмъ церковный, какъ вредный на-
ростъ, какъ заразительная болѣзнь, разрушительныя
дѣйствія которой, хотя не всегда бывають замѣтны
непосредственно, но тѣмъ не менѣе постоянны и
зловещественны. И эти разрушительныя дѣйствія до
тѣхъ поръ не теряютъ своего вліянія въ римско-
католическомъ мірѣ, пока духовная власть папы
не войдетъ въ свои нормальныя предѣлы (т. е. не
сдѣлается обычной властью старѣйшаго епископа),
а свѣтская власть, не соотвѣтствующая духу на-
стырскаго служенія, совсѣмъ не уничтожится.

3) „Папская власть служить опорою церковной
самостоятельности. Жизнь церкви только тогда
можетъ развиваться свободно и независимо, не
подчиняясь чуждымъ вліяніямъ, когда у церкви
есть глава, свой верховный правитель, могущій
отстаивать ея самостоятельность противъ всякихъ
ви́шнихъ притязаній и стѣсненій. Когда у церкви
нѣтъ своей главы—своего высшаго авторитета,
церковь неизбежно подчиняется ви́шнимъ вліяні-
ямъ и стѣсненіямъ. Гдѣ нѣтъ папизма, тамъ, по
выраженію новѣйшихъ католическихъ ученыхъ,
господствуетъ цезаропапизмъ, т. е. гдѣ папа не
признается главою церкви, тамъ церковь подпа-

дѣствъ въ зависимость отъ государственной власти. Это подтверждается примѣрами исторіи. Римско-католическая церковь, находясь подъ покровомъ папской власти, всегда сохраняла свою самостоятельность, не подчинялась вліянію государственной власти; въ цвѣтушія времена своей исторіи она усмѣвала даже подчинять себѣ самую государственную власть; въ неблагопріятныя времена въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ она умѣетъ охранять себя, оставаясь какъ бы самостоятельнымъ государствомъ внутри всякаго государства, относящагося къ ней не совсѣмъ благопріятно, и не допуская государственную власть вмѣшиваться въ ея внутреннія церковныя дѣла. Съ другой стороны исторія восточныхъ церквей древней византійской, нынѣшней русской (не говоря уже о церквахъ, поработенныхъ магометанскому господству), — также исторія протестантскихъ обществъ въ Англіи, Германіи и другихъ мѣстахъ представляетъ частныя примѣры вмѣшательства государственной власти въ церковныя дѣла — господства государства надъ церковію. Для правильнаго разъясненія такихъ воззрѣній, значительно распространенныхъ и не въ одномъ католическомъ мірѣ, прежде всего нужно различать въ понятіи о церковной самостоятельности двѣ стороны — внутреннюю и внѣшнюю, нерѣдко смѣшиваемыя между собою. Внутренняя самостоятельность церкви проявляется въ ея твердости — хранить неприкосновенными свое ученіе вѣры, свой внутренній строй, свои нравст-

венныя стремленія. Внѣшняя же самостоятельность церковная можетъ опредѣляться болѣе или менѣе свободнымъ положеніемъ, большими или меньшими правами, большимъ или меньшимъ политическимъ вліяніемъ, какими она, какъ внѣшнее общество по внѣшнему своему положенію, пользуется въ извѣстномъ государствѣ. На внутреннюю самостоятельность церкви не можетъ имѣть вліянія никакая внѣшняя сила; она не подчиняется переѣнчивымъ условіямъ исторической жизни; она можетъ оставаться твердою и неприкосновенною, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ внѣшняго положенія церкви. Внѣшняя же самостоятельность церкви зависитъ отъ внѣшнихъ историческихъ условій, отъ тѣхъ идей и отношеній, какія въ извѣстную историческую эпоху устанавливаются по отношенію къ церкви въ извѣстныхъ государствахъ. Внутренняя и внѣшняя самостоятельность церкви не всегда необходимо развиваются одна при другой, но иногда даже находятся въ обратномъ отношеніи одна къ другой. Иногда бываетъ такъ, что чѣмъ лучше внѣшнее положеніе церкви, чѣмъ большимъ политическимъ вліяніемъ она пользуется, тѣмъ слабѣе бываютъ ея нравственныя силы, и на оборотъ. Никогда христіанская Церковь не находилась по внѣшности въ такомъ бѣдственномъ, въ такомъ стѣсненномъ положеніи, какъ въ первые вѣка христіанской исторіи, — и никогда нравственная жизнь церкви — твердость ея убѣжденій, чистота стремленій, крепость внутренней связи ея членовъ между собою,

не обнаруживалась въ такихъ высшихъ проявленіяхъ, какъ именно въ первые вѣка христіанства.... Не совсѣмъ добросовѣстно потому кому бы то ни было упрекать восточную Церковь въ томъ, что она не имѣла и не имѣетъ такого сильнаго политическаго могущества и вліянія, какимъ пользовалась западная Церковь въ средніе вѣка, — что восточная Церковь по внѣшнему своему положенію находилась иногда въ тяжелой зависимости отъ государственной власти. Въ томъ не вина восточной Церкви, что она не имѣла такихъ благоприятныхъ условій для внѣшняго возвышенія, какія имѣла западная Церковь. Во томъ даже заслуга и честь восточной Церкви, что она, оставаясь вѣрно своему духовному призванію, не старалась такъ, какъ западная Церковь, о своемъ политическомъ возвышеніи, не употребляла для этого незаконныхъ средствъ, подобныхъ тѣмъ, какія употреблялись на западѣ въ средніе вѣка, но, въ смиренной преданности волѣ Божіей, старалась поспѣшно совершать дѣло своего призванія при благоприятныхъ и неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Главное дѣло въ томъ, что восточная Церковь, и при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ своего внѣшняго положенія — и при незаконномъ вмѣшательствѣ государственной власти въ церковныя дѣла (примѣровъ которому не мало встрѣчается преимущественно въ византійской исторіи, и подъ тяжелымъ игомъ магометанскимъ) въ продолженіи многихъ вѣковъ сохранила свое

ученіе вѣры, свой порядокъ церковный, свои нравственные начала въ большей чистотѣ и непримосновенности, нежели западная Церковь, при самыхъ лучшимъ условіямъ своего внѣшняго политическаго положенія. Значить внутренней крѣпости и самостоятельности въ восточной Церкви было больше, нежели въ западной, не смотря на то, что внѣшняя самостоятельность церкви на востокѣ кажется болѣе подавленою, нежели на западѣ... Нужно притомъ замѣтить, что самое подавленіе внѣшней самостоятельности въ восточной Церкви—древней византійской и русской представляется западными писателями въ слишкомъ преувеличенномъ видѣ. На западѣ несправедливо думаютъ, что въ восточной Церкви государственная власть имѣетъ полновластное значеніе, можетъ все одѣлать — не только дать или отнять у церкви известныя привилегіи, назначить или смѣнить каковаго-либо іерарха, такъ или иначе опредѣлить внѣшніе отношенія главнаго вѣроисповѣданія въ государствѣ къ другимъ исповѣданіямъ, дать такому или другому закону церковному известное гражданское значеніе, но даже измѣнить внутренній каноническій порядокъ церковный, перемѣнить, еслибы того захотѣлось государственной власти, какой-либо догматъ, соединить, напримѣръ, православную Церковь съ католическою или протестантскою путемъ договоровъ и мѣръ государственныхъ и т. п. Такой взглядъ есть взглядъ ложный; въ немъ сказывается именно грубое непониманіе воз-

возможности представить себѣ внутреннюю самостоятельность церковную, независимо отъ условій ея внѣшняго положенія (*). Исторія не подтверждаетъ

(*) Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ значительно распространенъ въ нашемъ русскомъ образованномъ обществѣ, и поддерживается нерѣдко такими людьми, которые, кажется, могли бы сами имѣть и другимъ внушать болѣе правильныя понятія о дѣлѣ. Жалко и обидно бывасть читать, какъ иные изъ нашихъ самихъ первостепенныхъ самостоятельныхъ, и въ тоже время самыхъ благонамеренныхъ, искренно преданныхъ интересу родной страны и церкви, литературныхъ дѣателей позволяютъ себѣ печатно употреблять выраженія такого рода, что *церковь русская въ послѣдніе вѣки находится въ полной зависимости отъ государства, что церковь русская, въ ея настоящемъ состояніи, есть государственное (или даже иногда выражаются полицейское) учрежденіе,—что церковь стала функциею государственной жизни, что правительство въ церкви русской можетъ сдѣлать все, что угодно и т. под..* Конечно подобныя выраженія употребляются только для усиленія рѣчи, имъ не придается строгаго и точнаго смысла; они выходятъ иногда изъ ревности о независимости церковной, изъ желанія видѣть церковь болѣе свободною, изъ негодованія противъ всякихъ стѣсненій церковной самостоятельности.... Но зачѣмъ неточныя слова, усиленныя фразы, фальшивыя представленія дѣла въ такомъ вопросѣ, который требуетъ самой точной и строгой постановки? Ложное представленіе о дѣлѣ, изъ какихъ бы благородныхъ побужденій ни проистекало, всегда болѣе повредить дѣлу, а не направить его на истинный путь. Не странно ли изъ ревности о чести и благѣ русской церкви и русскаго народа способствовать распространенію такихъ мнѣній, которыя унижаютъ честь русской церкви и русскаго народа, которыя смущаютъ совѣсть многихъ некрѣпкихъ православныхъ русскихъ людей, которыя могутъ раде-

такого взгляда, а представляет факты противные ему. Что касается до исторіи русской, то она не представляет даже ни одного примѣра, чтобы кто либо изъ законныхъ государей русскихъ захотѣлъ посягнуть на внутреннюю свободу Церкви— на неприкосновенность ея догматовъ и законовъ. Только однажды въ русскомъ народѣ было подозрѣніе относительно этого на незаконнаго обладателя престола Лже-Димитрія I, обѣщавшагося іезуитамъ ввести католицизмъ въ Россіи. И это подозрѣніе главнымъ образомъ стояло Лже-Димитрію лишенія престола и жизни — не по намѣренному подстрекательству представителей Церкви, а вслѣдствіе возбужденія самаго народнаго духа. Самый самодержавный и наиболѣе властительно и свободно относившійся къ вѣншему положенію

вать самыхъ злонамѣренныхъ враговъ нашихъ, служа какъ-бы съ нашей же стороны подтвержденіемъ ихъ давнихъ клеветъ на русскій народъ, на русскую церковь, на русское правительство. Если есть что либо ненормальное, во вѣншемъ положеніи Церкви и отношеніяхъ ея къ государству, если что либо стѣснительное и несправедливое въ государственныхъ узаконеніяхъ о церкви, лучше прямо и опредѣленно указывать это безъ страсти и преувеличенія; такіа указанія, безъ лишняго раздраженія, несомнѣнно принесутъ пользы дѣлу гораздо болѣе всякихъ преувеличенныхъ и несправедливыхъ, хоть бы и самыхъ горячихъ и искреннихъ, общихъ фразъ. *Церковь православная никогда не была, и по милости Божіей, никогда не можетъ быть полицейскимъ учрежденіемъ, или функцией государственной жизни.*

царемъ русскій государь, Петръ I, устранялъ себя отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла церковной жизни. Въ отвѣтъ на предложеніе о соединеніи церквей лстиннымъ ему Сорбонскимъ богословамъ Петръ сказалъ, что это дѣло не его, а представителей Церкви. Византійская исторія представляетъ не мало случаевъ вмѣшательства государственной власти во внутреннія дѣла Церкви — въ рѣшеніе самыхъ высшихъ вопросовъ совѣсти, въ опредѣленіе догматовъ вѣры. Но за то она же представляетъ и цѣлый рядъ твердыхъ, свободныхъ протестовъ противъ такого незаконнаго вмѣшательства, — протестовъ, никогда не допускавшихъ государственную власть рѣшить по своему произволу такой или другой церковный вопросъ, вопреки древнимъ преданіямъ вѣры и внутреннему праву церкви, — протестовъ, показывающихъ, что въ византійской церкви никогда не исчезала нравственная сила, внутренняя твердость и самостоятельность, и дающихъ намъ нѣсколько другое понятіе о характерѣ греческаго народа, нежели какое составилось на западѣ (будто бы народъ и духовенство въ византійской имперіи до раболѣпства, до самаго крайняго самоуниженія противъ совѣсти, противъ убѣжденія — готовы были повиноваться во всемъ своему деспотическому нравительству). Исторія аrianства, моноелитства, инеборчества, исторія лiонской и флорентійской уніи представляютъ самыя неопровержимыя свидѣтельства о томъ, что въ греческой церкви произволь государственной

власти ничего не могъ сдѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ встрѣчался съ внутреннимъ правомъ церкви, съ твердымъ и живымъ религіознымъ убѣжденіемъ народа./ Не мало подобныхъ же случаевъ внутренней твердости и самостоятельности представляетъ греческая Церковь даже и въ то время, когда вѣнныя ея самостоятельность была подавлена до крайней степени — подъ турецкимъ господствомъ. Можетъ ли западная Церковь представить такіе примѣры внутренней твердости и самостоятельности? Твердость и самостоятельность западной Церкви не подвергалась такимъ тяжелымъ испытаніямъ и стѣсненіямъ, какъ греческой. Поэтому она и не можетъ быть сопоставлена въ этомъ отношеніи съ греческою Церковью (*).. Что касается до вѣнныей самостоятельности, до политическаго могущества и вліянія, его безспорно было больше въ западной Церкви, нежели въ восточной; но можно ли почитать это въ особенную заслугу, въ особенное преимущество церкви?... Притомъ можно ли доказать, что самою вѣнною

(*) Многие западные государи, какъ напр. Карлъ Великій, Оттонъ I, Оттонъ III, Генрихъ III, обращались съ папами не менѣе властительно и произвольно, какъ и византійскіе императоры съ своими патріархами. Конечно, обстоятельство папства было въ томъ, что не всѣ государи западные были, и, по особеннымъ условіямъ западной политической жизни, могли быть таковы. Иначе, можетъ быть, папы были бы еще въ большей зависимости отъ государственной власти, чѣмъ византійскіе патріархи.

своею самостоятельностью и политическимъ могуществомъ западная Церковь была обязана именно папамъ—признанію папской власти?... Еслибъ не особенныя условія западно-европейской жизни, — еслибъ не невѣжество варварскихъ народовъ, населявшихъ западную Европу послѣ паденія западной римской имперіи, — еслибъ не хаотическое броженіе общественныхъ силъ въ тогдашнихъ государствахъ западной Европы, давшее возможность надъ всѣми другими сословіями возвыситься духовенству, какъ самому образованному и самому благоустроенному сословію, папамъ никогда бы не удалось возвысить западную Церковь до такого сильнаго политическаго могущества и вліянія. При другихъ условіяхъ жизни, напримѣръ при тѣхъ, какія существовали въ византійской имперіи, или въ послѣдствіи въ русскомъ государствѣ, папская власть никогда бы не возвысилась бы до такой степени. Папамъ въ дѣлѣ возвышенія западной церкви принадлежить только та заслуга и честь, что умнѣйшіе изъ нихъ во время хорошо умѣли пользоваться благоприятными для возвышенія Церкви условіями, какія представляла западно-европейская жизнь. Но и при этомъ папы забывали себя тѣмъ, что не знали мѣры, не хотѣли положить предѣловъ своимъ стремленіямъ, — не довольствуясь естественнымъ благоприятнымъ для нихъ ходомъ событій, стали усиленнымъ образомъ заботиться о расширеніи своей власти; дѣло возвышенія Церкви обратили въ дѣло своего личнаго

честолюбіи, или, по крайней мѣрѣ, исключительныя іерархическія интересы; — слишкомъ заботясь о внѣшнемъ политическомъ возвышеніи Церкви, нередко забывали о ея высшемъ духовномъ призваніи; наконецъ для возвышенія церкви и своего собственнаго, не сообразились употребить мѣры недостойныя, жестокия, не нравственныя. Такимѣрмъ, какими папы въ средніе вѣка старались закрѣпить господство Церкви надъ государствомъ, на примѣръ дѣйствія Григорія VII и его преемниковъ въ борьбѣ съ императоромъ Генрихомъ IV, дѣйствія Александра III противъ Фридриха Барбароссы и англійскаго короля Генриха II, дѣйствія Григорія IX противъ императора Фридриха II и дальнѣйшихъ папъ противъ всей фамиліи Гогенштауфеновъ — политическія анаемы, интердикты, крестовые походы, истребленія тысячъ людей во имя вѣры и интересовъ церкви, на самомъ дѣлѣ въ видахъ властолюбія, — заговоры, интриги, политическія убійства, подкуны, измѣны, возмущенія подданныхъ противъ законнаго правительства, — наконецъ и тѣ многочисленныя интриги, посредствомъ которыхъ папы въ новѣйшія времена стараются поддерживать унадающее вліяніе католицизма въ европейскихъ государствахъ, дать ему преобладаніе предъ другими христіанскими исповѣданіями, сохранить римско-католическую Церковь какъ бы самостоятельнымъ, знающимъ одного своего верховнаго главу, государствомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ только есть римско-католическіе

подданные, (обязанные, конечно, со всѣми другими подчиняться законному гражданскому правительству), — всѣ такіа мѣры и дѣйствія, въ высшей степени недостойныя и не соотвѣтствующія высокому характеру и духовному призванію Церкви и пастырскаго служенія, останутся навсегда позорными пятнами въ исторіи папства. И при всемъ томъ, римско-католическая Церковь и папская власть въ послѣдніе вѣка болѣе и болѣе теряютъ свое политическое могущество и вліяніе въ самыхъ римско-католическихъ государствахъ. Въ виду событій послѣднихъ вѣковъ, въ виду тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, которымъ подвергается самое духовное вліяніе папъ въ римско-католическихъ государствахъ, — въ виду тѣхъ ударовъ, какіе нанесены папству и католицизму въ XVIII вѣкѣ, того самовластиа, съ какимъ дѣйствовали по отношенію къ папамъ Наполеонъ I, наконецъ въ виду современнаго положенія дѣлъ въ самой Италіи, въ виду того, какъ свободно король Викторъ Эммануиль подлѣ самаго, такъ сказать, папскаго престола распоряжается церковными дѣлами, назначеніемъ епископовъ, упраздненіемъ монастырей, и подданные папы со дня на день ожидаютъ счастья избавиться отъ своего владыки, и радуются всякому успѣху его отъявленныхъ враговъ, — въ настоящее время приверженцамъ папизма уже нельзя по прежнему много хвалиться внѣшнимъ величіемъ, твердою самостоятельностью, сильнымъ политическимъ вліяніемъ римско-католичес-

кой Церкви, поставлять это внѣшнее величіе въ высокую нравственную заслугу своей Церкви, и объяснять ее тѣмъ, что римско-католическая Церковь имѣетъ своимъ главою папу. Признаніе главенства папы и доселѣ держится въ римско-католической Церкви, а того могущества, той самостоятельности, какими она пользовалась въ средніе вѣка, давно уже нѣтъ. Значить не папская власть, а исторія создала и поддерживала это величіе римско-католической церкви, и она же, въ послѣдніе времена, въ виду всѣхъ разрушаетъ его. Значить даже и внѣшнее величіе, внѣшняя самостоятельность церкви не имѣютъ того непосредственного отношенія въ признанію догмата о папской власти, какое находятъ въ немъ приверженцы папства.

4) Папскій авторитетъ въ церкви служить органомъ чистаго правовѣрія, и слѣдовательно опорою непогрѣшимости и непоколебимости церковной. (Какимъ образомъ въ церкви могло бы сохраняться чистымъ ученіе вѣры, если бы въ ней не было этого высшаго авторитета, который, самъ обладая полнотою праваго пониманія и непогрѣнимаго толкованія вѣры, можетъ служить для всей церкви блюстителемъ правыхъ догматовъ, органомъ истинныхъ ученій? Какимъ образомъ церковь могла бы предохранить себя отъ колебаній и заблужденій, если бы въ ней не было одного всегда вѣрнаго органа для повѣрки своихъ убѣжденій, для отличія истинныхъ ученій отъ ложныхъ. Безъ власти папской самое основаніе церкви—вѣра ея могла

бы поколебаться“. Православная восточная церковь имѣетъ другія понятія объ условіяхъ непогрѣшимости и непоколебимости вѣры. „Мы несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, пишется въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ, принимаемой восточною церковью въ руководство праваго ученія, что католическая церковь не можетъ погрѣшати или заблуждаться и изрѣкать ложь вмѣсто истины; ибо Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно служащихъ отцевъ и учителей церкви, предохраняетъ ее отъ всякаго заблужденія“. Вотъ кто признается въ православной церкви единымъ вѣрнымъ блюстителемъ истиннаго ученія вѣры и непогрѣшимости церковной — Духъ Святый, Духъ истины; изъ людей никому не приписывается Божественное свойство всевѣдѣнія и непогрѣшимости. Органомъ же Духа Божія въ православной церкви признается не одинъ какой либо или нѣкоторые изъ пастырей и учителей церкви, а вся церковь — столпъ и утвержденіе истины, т. е. всѣ истинно вѣрующіе, соединенные священнымъ преданіемъ вѣры, совокупно и преемственно, по устроенію Божію составляющіе единую Божію церковь (какъ говорится въ Православномъ Катихизисѣ), преимущественно же вѣрно служащіе церкви пастыри и учителя, поставляемые Духомъ Божіимъ пасти церковь Господа и Бога. Посему высшимъ внѣшнимъ выраженіемъ откровеній и изволеній Духа Божія, высшимъ органомъ для отличія истинныхъ ученій отъ лож-

ныхъ въ православной церкви признается не одно какое нибудь лицо, а собраніе вѣрныхъ пастырей и учителей церковныхъ по возможности со всей вселенной, т. е. Вселенскій Соборъ. Примѣромъ самихъ апостоловъ указанъ, голосомъ всей древней вселенской церкви признанъ, и опытомъ многихъ вѣковъ оправданъ этотъ высшій органъ ученія, законодательства и суда церковнаго, какъ самая твердая опора правовѣрія, какъ самое вѣрное средство въ различенію истинныхъ ученій отъ ложныхъ. Самые ревностные приверженцы папства должны признать, что въ эпоху самыхъ бурныхъ волненій, самыхъ великихъ опасностей, угрожавшихъ непоколебимости православія въ древней церкви, ни одна ересь, ни одно лжеученіе не могли вторгнуться въ церковь и поколебать основаніе вѣры, въ то время, когда высшею охраною правыхъ ученій во всей церкви — въ восточной и западной — признавался вселенскій соборъ. Приверженцы папства не могутъ того же сказать о западной церкви среднихъ и позднѣйшихъ вѣковъ. Съ того времени, какъ въ западной церкви авторитетъ папскій поставленъ выше авторитета вселенскихъ соборовъ, церковь начинаетъ колебаться время отъ времени болѣе и болѣе. На западѣ, въ древности славившемся твердостью мира церковнаго, почти отсутствіемъ ересей и расколовъ, поднимаются разномыслія, споры и волненія, какихъ никогда не бывало въ церкви, образуется множество севтъ враждебныхъ церкви, возникаетъ рас-

водъ, отторгающій отъ церкви почти половину ея членовъ. Въ самой римской Церкви, славившейся нѣкогда особенною преданностью древнимъ преданіямъ, является множество отступленій отъ ~~древнихъ~~ преданій не только въ простыхъ обрядахъ и виѣшней дисциплинѣ церковной, но и въ самыхъ догматахъ вѣры, и въ совершеніи святыхъ таинствъ. На самомъ папскомъ престолѣ появляются личности, словомъ и примѣромъ поучающіе своихъ пасомыхъ, вмѣсто непогрѣшимой истины, нечестію, кощунству, безбожію. Что если бы, согласно съ ученіемъ приверженцевъ папства, вся западная Церковь покорно слѣдовала за такими руководителями въ вѣрѣ? Съ западною Церковью могло бы случиться то, чего опасался для всей Церкви знаменитѣйшій изъ древнихъ папъ св. Григорій Великій:—*съ паденіемъ одного, признаваемаго главою Церкви, могла бы пасть и вся Церковь, съ заблужденіемъ верховнаго епископа не могъ бы устоять въ правдѣ ни одинъ изъ подчиненныхъ ему епископовъ*, за невѣрующими и нечестивыми папами должно было бы распространиться невѣріе и нечестіе на всю Церковь. И никто изъ членовъ Церкви не могъ бы ни обличить папу въ невѣріи и нечестіи, ни предостеречь другихъ отъ увлеченія его примѣромъ; потому что надъ папою, по ученію римскихъ схоластиковъ, нѣтъ никакого суда—ни человѣческаго, ни даже божескаго,—у самого Бога съ папою одна мысль, одно опредѣленіе, одна воля,—голосъ

папы неограничимъ, и ему, по учению иныхъ западныхъ учителей, нужно вѣрить болѣе, нежели свидѣтельству священнаго писанія, голосу нравственного чувства, показанію очевиднаго факта. Къ счастію, для западной Церкви папскій авторитетъ въ ней на дѣлѣ никогда не имѣлъ такого непомѣрнаго значенія, какое приписывалось ему въ теоріи римскими богословами.... Вообще говоря, судьба ученія церковнаго въ западной Церкви далеко не была въ такой зависимости отъ авторитета папскаго, какъ должно бы это быть по теоріи римскаго богословія. На дѣлѣ папская кафедра въ западной Церкви никогда не считалась ни высшимъ исключительнымъ органомъ какихъ-либо новыхъ откровеній Духа Божія, ни высшимъ исключительнымъ трибуналомъ въ различеніи истинныхъ ученій отъ ложныхъ; старые догматы хранились и новыя ученія и обычаи распространялись въ Церкви большею частію помимо авторитета папскаго. Большая часть новыхъ мнѣній и обычаевъ, распространившихся на западѣ въ средніе вѣка, не отъ папской кафедры вышли, а возникли первоначально внѣ ея—въ той или другой мѣстной Церкви или богословской школѣ. Папы только утверждали или отрицали своимъ авторитетомъ уже распространенное мнѣніе, сами склоняясь въ сужденіи о немъ на сторону той или другой богословской партіи, и нерѣдко мѣняя свои мнѣнія съ перемѣною обстоятельствъ. Такъ напримѣръ новый догматъ, провозглашенный папою Піемъ IX въ

1854 году—о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы—не папою первоначально изобрѣтенъ. Это ученіе возникло и развивалось давно, еще вѣка съ XII и XIII, помимо папской катедры, въ средѣ западныхъ богослововъ преимущественно францисканскаго, и позднѣе іезуитскаго ордена. Многіе изъ папъ прежнихъ вѣковъ отвергали это ученіе, другіе колебались, принять или не принять его. Наконецъ нынѣшній папа нашелъ для себя побужденія рѣшительно склониться на сторону іезуитской партіи, поддерживающей это ученіе. Если такимъ образомъ развитіе богословскаго ученія въ самой западной Церкви идетъ помимо папскаго авторитета, если мнѣнія самихъ папъ случайно слѣдуютъ за мнѣніями той или другой богословской партіи, и иногда противорѣчатъ одно другому,—какимъ образомъ папскій авторитетъ можетъ быть признаваемъ за высшій, самостоятельный, и притомъ всегда себѣ вѣрный и непогрѣшимый органъ откровенія, распространенія и охраненія правыхъ учений, за коренную опору правовѣрія и непоколебимости церковной? Сами папы наиболѣе добросовѣстные откровенно высказывались, что они не могутъ считать себя непогрѣшимымъ органомъ внушеній Духа Божія, на которомъ бы могла опираться твердость вѣры христіанской. Вотъ какъ напримѣръ выражался объ этомъ честный папа Адріанъ VI, избранный въ 1522 году послѣ Льва X на папскій престолъ для возстановленія мира церковнаго, возмущеннаго дви-

женіями германской реформаціи, и скоро умершій въ печальной безнадежности возстановить благосостояніе западной Церкви: „извѣстно, что верховный первосвященникъ можетъ погрѣшати даже въ предметахъ касающихся вѣры, научая ереси своими постановленіями или декретами; такъ какъ много было первосвященниковъ еретиковъ, каковымъ еще недавно оказался Іоаннъ XXII, который публично внушалъ, возвѣщалъ и приказывалъ всему міру держаться заблужденія.“ Однѣ изъ преемниковъ Адріана — папа Павелъ IV въ консисторіи, собранной въ 1557 году для обсужденія вопроса объ исправленіяхъ церковныхъ, объявилъ: „Не стѣсняйтесь ни примѣрами моихъ предшественниковъ, ни тѣмъ, что они сдѣлали; я не желаю слѣдовать имъ болѣе, чѣмъ сколько дозволяетъ это авторитетъ священнаго писанія и богословскія доказательства. Я не сомнѣваюсь, что мы подвержены заблужденію.“ Такимъ образомъ авторитетъ папы въ дѣлахъ вѣры имѣетъ такое же значеніе, какъ и частный авторитетъ всякаго другаго епископа, но никакимъ образомъ не можетъ считаться за непогрѣшимый органъ истины, и исключительную опору правовѣрія церковнаго.

VIII.

СПРАВЕДЛИВО ЛИ БУДТО ПАПСКАЯ ВЛАСТЬ СЛУЖИТЬ УСЛОВІЕМЪ ПРАВИЛЬНАГО И ПЛОДОТВОРНАГО РАЗВИТІЯ РЕЛИГІОЗНО — ПРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

„Подъ покровомъ папскаго авторитета духовная жизнь въ римско-католической Церкви развивается съ такими успѣхами, приноситъ такіе богатые плоды, какихъ нельзя найти ни въ какомъ другомъ христіанскомъ обществѣ или исповѣданіи. Ни восточная Церковь, ни протестантскія общества, ни другія христіанскія исповѣданія не могутъ сравниться съ римско-католическою церковью обширностью распространенія и многочисленностью членовъ, важностью историческаго значенія, силою общественнаго вліянія, обширностью и успѣхами миссіонерской дѣятельности, широкимъ развитіемъ монашеской жизни, давшей западу много высокихъ подвижниковъ вѣры, энергичностью и вліятельностью приходскаго духовенства, широкимъ развитіемъ благотворительныхъ учрежденій, вліяніемъ на развитіе наукъ и искусствъ... Отчего это происходитъ? Отъ того, что духовная жизнь въ римско-католической Церкви, развивается болѣе нормально, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ обществахъ. Только въ общеніи съ главою можетъ поддерживаться и плодотворно разви-

ваться духовная жизнь въ великомъ тѣлѣ Церкви. Въ тѣхъ христіанскихъ обществахъ, которыя отдѣляются отъ союза съ видимою главою Церкви, духовныя силы естественно должны или оставаться въ безплодномъ оцѣпенѣніи, какъ въ восточномъ христіанствѣ, или постепенно приходятъ къ разложению, какъ въ протестантскихъ обществахъ. Вотъ новѣйшій доводъ, который иногда приводятъ римскіе богословы въ пользу папской власти... Несправедливо было бы отрицать то, что духовная жизнь западной Церкви, даже и послѣ ея отдѣленія отъ восточной, произвела много прекрасныхъ плодовъ. Нельзя относиться безъ надлежащей серьезности и должнаго уваженія ко многимъ историческимъ заслугамъ западной Церкви (напр. по отношенію къ развитію просвѣщенія и смягченію нравовъ на западѣ Европы въ средніе вѣка), къ обширности и усердію ея миссіонерской и благотворительной дѣятельности, къ славѣ ея знаменитѣйшихъ учителей и высокихъ подвижниковъ и т. д. Но какое значеніе по отношенію ко всему этому имѣло папство? Можно ли ему приписывать въ честь и заслугу все то, что сдѣлано и дѣлается хорошаго въ западной Церкви? Никогда нельзя доказать того, чтобы папство, которое всегда было гнетомъ для западной Церкви, могло благотворно дѣйствовать на развитіе ея духовной жизни. Скорѣе можно сказать, что духовная жизнь западной Церкви могла развиваться, приносить духовные плоды, несмотря на гнетъ папскій,—что

самая почва, на которой росли эти плоды, и сѣмена, изъ которыхъ они развивались (т. е. сѣмена самаго христіанства), были такъ хороши, такъ полны жизни, что ихъ не могъ изсушить — лишить живаго развитія гнетъ папскій. Гнетъ папскій во всякомъ случаѣ не проникъ еще до самой глубины западной религіозной жизни, не исказилъ первоначальныхъ основъ ея; католическая Церковь все еще остается прежде всего христіанскою, а потому уже можетъ быть названа папскою; папство для нея внѣшній варостъ, подъ которымъ остаются еще непогибшими (хотя и значительно искаженными) истинныя христіанскія начала жизни. И изъ этихъ то началъ развиваются тѣ высокіе плоды духовной жизни, которые папство нерѣдко приписываетъ себѣ. Миссіонерство, благотворительность, высокое подвижничество и другія подобныя стремленія очевидно выходятъ изъ началъ христіанскихъ, общихъ римской Церкви со всѣми другими церквами, а не исключительно изъ началъ папскихъ, отличающихъ римскую Церковь отъ другихъ христіанскихъ обществъ. Посему—то подобные плоды и стремленія духовной жизни въ различной степени и въ различныхъ формахъ обнаруживаются не въ одной римской Церкви, а во всѣхъ другихъ христіанскихъ обществахъ. Гдѣ ихъ соврѣваетъ и обнаруживается болѣе, въ римской или другой какой Церкви, объ этомъ довольно трудно судить по однимъ внѣшнимъ обнаруженіямъ духовной жизни въ той или другой части

христіанскаго міра, и притомъ за извѣстное только время. Какъ въ жизни политической въ иную эпоху тотъ народъ имѣеть первенствующее значеніе въ исторіи, а въ другую другой; такъ и въ жизни религіозной въ иное время въ такомъ христіанскомъ обществѣ обнаруживается болѣе плодовъ духовнаго развитія, а въ иное время въ другомъ. Внѣшнія обнаруженія духовной жизни въ различныхъ христіанскихъ обществахъ нерѣдко зависятъ отъ внѣшнихъ же обстоятельствъ,—отъ того, на сколько историческія условія жизни извѣстнаго народа и общества въ такое или другое время благопріятствуютъ или не благопріятствуютъ развитію въ немъ духовныхъ стремленій. Если изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія или миссіонерской дѣятельности въ древніе вѣка особенно отличался народъ греческій, въ средніе вѣка племена романскія, а въ новѣйшія германскія племена,—славянскіе же народы доселѣ не показали большихъ успѣховъ на этихъ поприщахъ,—изъ этого еще не слѣдуетъ, что духовная жизнь славянскихъ народовъ, развивающихся подъ руководствомъ православной Церкви, сама по себѣ скуднѣе сравнительно съ жизнью племенъ романскихъ и германскихъ, воспитавшихся въ католицизмѣ и протестантствѣ, а можетъ быть слѣдуетъ только то, что для развитія духовной жизни православнаго славянства еще не пришло время; православно-славянскій міръ доселѣ не имѣлъ такихъ благопріятныхъ

условія для развитія своихъ духовныхъ силъ, какія имѣли романскія и германскія племена. А сколько въ какомъ народѣ или какой Церкви, независимо отъ внѣшнихъ проявленій духовнаго развитія въ такое или другое время, кроется самыхъ духовныхъ силъ, внутреннихъ залоговъ къ развитію на будущія времена, объ этомъ можетъ быть извѣстно только одному Богу,—и объ этомъ едва ли можно кому—нибудь судить прежде суда Божія. Можно думать только, что конечно въ тѣхъ народахъ или въ тѣхъ обществахъ христіанскихъ кроются лучшіе залоговъ для духовнаго развитія, у которыхъ въ большой чистотѣ сохраняются самыя вѣрованія, самыя идеалы, самыя основныя начала христіанской жизни. Съ этой точки зрѣнія развитіе духовной жизни въ римско-католической Церкви, при безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣла, не можетъ представиться образцомъ высшаго совершенства. Папство искажило въ римско-католической церкви чистый идеаль христіанства. Высокую идею церкви, духовнаго царствія Божія, оно низвергло въ стремленіяхъ создать политическое земное государство. Насколько эти стремленія отозвались на духовномъ развитіи западнаго христіанства, настолько они внесли порчи во всѣ самыя высокія его проявленія. Повидимому папство какъ будто не препятствовало, даже способствовало развитію духовныхъ стремленій въ западной церкви; указывая имъ двоякую цѣль — высшую духовную и земную политическую, оно усиленно старалось

возбуждать ихъ къ дѣятельности двоякими мѣрами и побужденіями — духовными религіозными и внѣшними матеріальными политическими. Естественно при этомъ развитіе духовныхъ силъ въ западномъ христіанствѣ должно было выразиться въ усиленной напряженной дѣятельности; но эта самая усиленная дѣятельность, при смѣшеніи высшихъ и низшихъ, духовныхъ и матеріальныхъ цѣлей и побужденій, естественно также должна была часто принимать превратное направленіе. Напримѣръ папство старалось дать широкое развитіе миссіонерскимъ стремленіямъ. Не имѣя конечно эти стремленія первоначальн) вызваны въ дѣятельности; онѣ возникли въ западной церкви, какъ и въ восточной, изъ глубокихъ источниковъ христіанской любви и ревности, гораздо прежде, нежели папство взялось заправлять движеніями западной религіозной жизни. Но папство съ своей стороны усиленнымъ образомъ старалось дать западному миссіонерству какъ можно болѣе широкое развитіе и опредѣленное направленіе съ тѣмъ, чтобы оно распространяло по всей землѣ духовное царство Божіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ мірское могущество паны. Что же, послужило ли въ пользу западному миссіонерству это направленіе, данное ему папствомъ? Оно усилило внѣшнюю дѣятельность западнаго миссіонерства, но вмѣстѣ съ тѣмъ растлило самый духъ его, низвергло его значеніе. Въ духѣ этого направленія на западѣ дѣйствительно образовывалось не мало такихъ

миссіонеровъ, которые заботясь болѣе о распространеніи царства Божія, готовы были употреблять въ дѣло незаконныя насильственные средства, искажать самую чистоту евангельской истины, вступать въ сдѣлки со всякими предразсудками и страстями человѣческими—съ тѣмъ только, чтобы приобрести напѣ возможно большее число безсознательно рабски покоренныхъ подданныхъ, или утвердить духовное вліяніе папы и свое собственное въ извѣстной странѣ. Послѣдствія неоднократно показывали римской Церкви, какъ непрочны духовные плоды такого миссіонерства... Точно также папство на западѣ содѣйствовало развитію монашества. Конечно опять не авторитетомъ папскимъ монашество первоначально вызвано къ жизни; оно возникло и развилось первоначально изъ чистыхъ христіанскихъ стремленій въ такихъ мѣстахъ, на которыя вовсе не простиралось вліяніе папъ. Но папство напало свои выгоды особенно содѣйствовать распространенію монашества; потому что многочисленные и разнообразныя монашескіе ордена, разсѣянные въ разныхъ странахъ, и всѣ непосредственно зависящіе отъ папы, могли также сдѣлаться однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій къ распространенію и поддержанію всемірнаго папскаго вліянія. Монашество въ западной церкви должно было сдѣлаться духовнымъ воинствомъ папской монархіи. Папство естественно заботилось объ умноженіи этого воинства; но вмѣстѣ, съ умноженіемъ монастырей и монашескихъ орденовъ, въ западномъ

монашествѣ постепенно искажался монашескій духъ. Монашество прониклось мірскими стремленіями, запуталось въ интригахъ, обезславilo себя безнравственною жизнію. И плодомъ всего этого вышло то, что на западѣ, вмѣсто высокаго уваженія, распространилось повсюду отвращеніе и ненависть къ монашеству, униженъ и осмѣянъ самый идеалъ монашеской жизни. Точно также папство искусственными мѣрами (обязательнымъ безбрачіемъ, строгою дисциплиною) воспитало особеннаго рода ревность и энергію въ католическомъ приходскомъ духовенствѣ. Но эта ревность и энергія, превращающаяся нерѣдко духовныхъ служителей алтаря въ политическихъ агентовъ папскаго господства, также приноситъ не совсѣмъ благотворные плоды какъ для истинныхъ интересовъ Церкви, такъ и для интересовъ общественнаго развитія... Таковъ можетъ быть правильный взглядъ на развитіе духовной жизни въ западной Церкви подѣ вліяніемъ папства. Всѣ лучшія духовныя стремленія обнаружившіяся въ жизни западнаго христіанства, возникли и развились въ немъ, независимо отъ папства, изъ чистыхъ началъ христіанства. Но все, что въ этихъ стремленіяхъ обнаружилось худаго, вреднаго, противнаго истинному духу Церкви, все это развилось болѣе или менѣе въ зависимости отъ папской системы.... Папство въ средніе вѣка, задаваясь идеею всемірной церковной монархіи, имѣло въ виду не столько осуществленіе высшихъ цѣлей своего духовнаго призванія, сколько блестя-

щую историческую роль—временнаго преобладанія въ мірѣ. На служеніе этой исторической роли оно старалось обратить всѣ высшія стремленія западной религіозной жизни. Очень естественно, что эти стремленія, всячески возбуждаемыя искусственными средствами, и направляемыя не столько къ внутреннему укрѣпленію и совершенствованію, сколько къ внѣшнему обнаруженію, дали на время пышный цвѣтъ—блистательные плоды. Папство, при пособіи искусственно возбужденныхъ, и въ его интересахъ направленныхъ силъ западной религіозной жизни, блистательнымъ образомъ нѣсколько вѣковъ осуществляло свою историческую роль. Но всякая историческая роль бываетъ временная, проходящая. Было время, когда папство могло предъ цѣлымъ міромъ хвалиться этимъ напряженнымъ возбужденіемъ духовныхъ силъ въ католицизмѣ. Въ настоящее время отъ этого возбужденія остаются только слабые остатки и славныя воспоминанія. А можетъ быть прійдетъ, если уже не пришло, еще такое время, когда папству и католицизму нужно будетъ тяжело расплачиваться за это ненормальное возбужденіе и направленіе духовныхъ силъ къ несоотвѣтствующимъ имъ цѣлямъ—за то именно, что историческое значеніе папства было когда-то слишкомъ блистательно, миссіонерская пропаганда его слишкомъ ревностна, монашество слишкомъ многочисленно, духовенство слишкомъ энергично и вліятельно, вліяніе на общество, на науку, на искусство слишкомъ сильно и т. д.

Потому и нельзя слишком много говорить о блестящем развитіи духовной жизни въ римско-католической церкви, преимущественно предъ другими христіанскими обществами, и въ особенности предъ восточною церковью.

Восточной церкви, можетъ быть, не пришло еще время показать въ полнотѣ плоды своей духовной жизни; на этомъ предположеніи естественно остановиться, припоминая, какія неблагопріятныя условія для духовнаго развитія имѣли до позднѣйшихъ вѣковъ православныя восточныя страны—греческія и славянскія. А можетъ быть даже и такъ, что духовная жизнь восточнаго христіанства, произраставшая въ тишинѣ для Бога, а не для міра, имѣла только меньше внѣшняго блеска, но въ сущности принесла не менѣе полезныхъ плодовъ, чѣмъ блистательная дѣятельность западной Церкви.... Трудно судить о томъ, гдѣ болѣе всегда произрастало тѣхъ внутреннихъ плодовъ духовнаго развитія, которые остаются сокровенными въ душахъ вѣрующихъ, и которые тѣмъ не менѣе составляютъ самую сущность религіозной жизни—плодовъ вѣры, смиренія, преданности и любви къ Богу и ближнему, чистоты мыслей и нравовъ, теплоты религіознаго чувства, уваженія къ церкви—на востокѣ, или на западѣ. Съ этой точки зрѣнія измѣрять и сравнивать успѣхи религіозной жизни въ той или другой странѣ гораздо труднѣе, нежели измѣрять и сравнивать успѣхи науки, искусства, политической и торговой дѣятельности въ томъ или другомъ госу-

дарствѣ.... Но если даже, не касаясь этихъ внутреннихъ сокровенныхъ плодовъ духовной жизни, смотрѣть на одни внѣшнія обнаруженія церковной дѣятельности, каковы напримѣръ: миссіонерство, развитіе монастырской жизни, успѣхи богословской науки, — можетъ быть и въ этомъ отношеніи, при точномъ разсмотрѣніи дѣла, трудно было бы съ несомнѣнною очевидностью доказать преимущество западной церковной дѣятельности предъ восточною. Западная церковь славится своимъ миссіонерствомъ. И безспорно, восточная Церковь не имѣла и не имѣетъ ни такихъ большихъ средствъ, ни такихъ прочно организованныхъ учрежденій для развитія миссіонерской дѣятельности, какъ западная. И однакожь, если взять исторію христіанства со временемъ раздѣленія церквей—съ патріарха Фотія, и точно разчислить, сколько *новыхъ приобретений* для вѣры въ это время сдѣлано въ западной, и сколько въ восточной церкви, едва ли можно будетъ отдать большее, и даже какое нибудь преимущество первой предъ послѣднею. Нужно при этомъ взять во вниманіе, что ко времени патріарха Фотія западная романская и германская Европа почти вся уже была просвѣщена христіанствомъ, а въ восточной славянской посѣвались только первыя сѣмена его, а далѣе на сѣверъ и востокъ отъ славянства въ племенахъ финскихъ и монгольскихъ, христіанство со всѣмъ не было извѣстно; нужно взять во вниманіе и то, что западная Церковь очень нерѣдко пособіемъ полити-

ческой силы готова была распространять и отстаивать свои миссіонерскіе успѣхи, а восточная не пользовалась этимъ; — западные миссіонеры часто имѣли обыкновеніе строить *на чужомъ основаніи*, и пожинать плоды чужихъ трудовъ, т.-е. всевозможными средствами утверждать вліяніе римской Церкви тамъ, гдѣ христіанство прежде нихъ распространено было восточными и протестантскими миссіонерами, а восточное миссіонерство никогда не позволяло себѣ дѣлать этаго; нужно припомнить и то, что большая часть православныхъ восточныхъ народовъ въ продолженіи многихъ вѣковъ находились въ такомъ положеніи, что съ великимъ трудомъ могли только сохранять христіанство въ своихъ странахъ, а не то, что распространять его въ чужихъ, — что у восточной Церкви насильственно отняты были цѣлыя племена и страны — на востокъ магометанствомъ, на западъ католицизмомъ. Если сообразить все это, можетъ быть и прійдется сказать, что существенная разница между трудами и плодами миссіонерской дѣятельности въ восточномъ и западномъ христіанствѣ заключается едва ли не въ томъ, что о западномъ миссіонерствѣ говорятъ слишкомъ много, а о восточномъ слишкомъ мало... Или, на примѣръ, смиренному, бѣдному, и безъ сомнѣнія необладающему желаемыми совершенствами духовенству восточной Церкви нерѣдко поставляютъ на видъ энергичность и вліятельность католическаго духовенства. И, безъ сомнѣній, самое положеніе западныхъ безсемейныхъ священниковъ, вну-

тренныя организація и условія матеріальнаго благосостоянія ихъ дають имъ болѣе средствъ къ проявленію энергій и приобрѣтенію вліянія въ своемъ служеніи. И однакоже въ концѣ концовъ почитателямъ западнаго духовенства можетъ быть очень нелегко было бы безпристрастно рѣшить въ свою пользу вопросъ, гдѣ духовенство ведетъ себя сообразнѣе своему сану, гдѣ усерднѣе исполняетъ оно обязанности духовнаго призванія, и болѣе приноситъ духовной пользы пасомымъ, гдѣ ближе и искреннѣе стоитъ оно къ своимъ пасомымъ — на востокѣ или на западѣ, въ Россіи, или во Франціи и Италіи?... На западѣ въ средніе и позднѣйшіе вѣка гораздо болѣе сдѣлано изслѣдованій, написано книгъ по всѣмъ богословскимъ наукамъ, чѣмъ на востокѣ... Но можно ли поставлать въ упрекъ восточной Церкви то, что въ восточномъ христіанствѣ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ невиновата восточная церковь, до позднѣйшихъ временъ мало могло появляться книжныхъ дѣятелей, какъ по богословскимъ, такъ и по всѣмъ другимъ наукамъ?... И при всѣмъ томъ, если строго оцѣнить результаты, выработанные западною богословскою наукою, — сообразить, сколько здѣсь съ полезными плодами знанія выросло вредныхъ плевелъ заблужденія и невѣрія, и рѣшить безпристрастно, много ли вообще западная богословская наука подвинула впередъ разумѣніе христіанства, много ли сдѣлала она для освѣщенія вопроса вѣры не какъ вопроса простой

любезности, а какъ нравственнаго вопроса— вопроса совѣсти, вопроса жизни,—можетъ быть восточной богословской наукѣ и не придется много жалѣть о томъ, что ей, до позднѣйшаго времени не приходилось участвовать въ томъ научномъ прогрессѣ, какой дѣлало западное богословіе, а приходилось оставаться при тѣхъ началахъ богословскаго вѣдѣнія, которыя указаны древними церковными восточными учителями, бывшими когда то руководителями богословской мысли и для восточной и для западной Церкви...

Въ чемъ еще можно указать несомнѣнное преимущество западной Церкви предъ восточною? Въ томъ ли, что западная Церковь обширнѣе восточной, что католиковъ числомъ болѣе, нежели православныхъ христіанъ, или въ томъ, что западные народы живутъ счастливѣе и богаче восточныхъ, дѣлаютъ болѣе успѣховъ на поприщѣ внѣшней цивилизаціи, въ наукѣ, искусствѣ, промышленности, торговлѣ и т. д?.. (Западные писатели не стыдятся иногда поставлять въ упрекъ восточной Церкви самыя политическія бѣдствія греческихъ и славянскихъ племенъ, которыя будто бы наказываются Богомъ за непокорность папѣ и отчужденіе отъ него). Но по мѣтвому замѣчанію извѣстнаго учителя русской Церкви (въ Разговорѣ между испытующимъ и увѣреннымъ), въ древности десятикоѣнное израильское царство было гораздо обширнѣе двухъ-коѣннаго іудейскаго. Можно прибавить къ этому замѣчанію, что израильское царство

по внѣшности, было и цивилизованнѣе іудейскаго. Израильское царство болѣе находилось въ связи съ общимъ движеніемъ тогдашней восточной цивилизациі; а іудейское царство болѣе держалось въ сторонѣ отъ нея. И однакожъ именно въ іудейскомъ народѣ должно было совершиться исполненіе обѣтованій, данныхъ потомству Израиля; здѣсь сохранялась истинная Церковь Божія, и приготавливалось спасеніе міру, а не въ израильскомъ царствѣ.

Идея папства, т.—е. идея всемірной церковной монархіи, въ которой высшая власть человѣческая прикрывается авторитетомъ, или полномочіемъ божественнымъ, не есть идея чисто духовнаго христіанскаго происхожденія. Эта идея взята приверженцами церковнаго монархизма съ мірскаго государственнаго устройства, и преимущественно отъ древней языческой монархіи, которая также, какъ и нынѣшняя католическая Церковь, имѣла своею резиденціею священный городъ Римъ—*городъ вѣчный, городъ правды*, какъ его тогда называли, — которая также, какъ и средневѣковое папство, полагала своею задачею всемірное распространеніе и всемірное преобладаніе, и въ которой также, какъ и въ папствѣ, верховная власть человѣческая была облечена авторитетомъ божественнымъ въ лицѣ древнихъ римскихъ императоровъ. (Римскіе императоры, подобно средневѣковымъ папамъ, не смотря на всѣ свои заблужденія, пороки и преступленія, въ собственныхъ своихъ глазахъ и

въ глазахъ своихъ подданныхъ имѣли также божеское достоинство). Нигдѣ и никогда система абсолютнаго, неограниченнаго монархизма не была возвышена до такой высоты и развита до такихъ крайностей, какъ въ древнемъ языческомъ и средневѣковомъ католическомъ Римѣ. Съ точки зрѣнія этой системы, взятой во всемъ ея крайнемъ развитіи, представляются весьма понятными и послѣдовательными всѣ тѣ ультрамонтанскія понятія о значеніи папской власти въ церкви, которыя разобраны выше, и странность которыхъ съ перваго взгляда не можетъ не изумлять всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Съ точки зрѣнія крайняго монархизма представляется естественнымъ думать что въ церкви христіанской, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, во всякомъ государствѣ, необходимымъ условіемъ внутренняго единства, порядка, крѣпости, самостоятельности, всякаго успѣха и развитія, самаго существованія общества должно быть безусловное, рабское подчиненіе всѣхъ одному авторитету, одной крѣпкой волѣ, одной верховной власти. Но эта крайняя точка зрѣнія не признается истинною, а тѣмъ болѣе единственно истинною, безусловно—идеально совершенною, и по отношенію къ устройству земныхъ государствъ; тѣмъ болѣе она не можетъ быть признана такою въ примѣненіи къ церкви — духовному царству Божію. Вездѣ въ самыхъ земныхъ государствахъ сознана та истина, что безусловное рабское подчиненіе никакъ не

можетъ быть признаваемо исключительнымъ, или даже главнымъ условіемъ единства, порядка, крѣпости, самостоятельности, живаго развитія общества, и что напротивъ тамъ, гдѣ преимущественно расчитываютъ на это условіе, — государственное единство, порядокъ, крѣпость, самостоятельность, живое развитіе общества находятся въ большой опасности. Несостоятельность идеала всемірной абсолютной монархіи, въ которой все должно держаться на внѣшнемъ объединеніи и подчиненіи — на насиліи, рабствѣ и страхѣ, доказана судьбою той самой древней римской имперіи, отъ которой и унаслѣдованъ этотъ идеалъ средневѣковою римскою Церковью, — и еще прежде судьбою древнихъ деспотическихъ восточныхъ государствъ... Церковь христіанская, по началамъ своего устройства, должна стоять не ниже земныхъ государствъ, а быть высшимъ идеаломъ для всѣхъ ихъ. Церковь есть духовное царство Божіе; къ ней вообще съ большею осторожностью должны быть примѣняемы внѣшнія начала и формы государственнаго устройства. Церковь, по преимуществу, есть царство внутренней правды, свободы и любви; въ ней не должно быть мѣста принужденію, насилію, рабству и страху.. Иисусъ Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „почитающіеся князьями народовъ (въ земныхъ государствахъ) господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами (въ царствѣ Божіемъ) не должно быть такъ: между вами кто хочетъ быть большимъ, да будетъ вамъ

слугою, и кто хочет быть господиномъ, да будетъ всѣмъ рабомъ. Ибо и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу свою для искупленія многихъ. (Марка, 10 глава, 42—44 ст.). Не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель Христосъ; вы же всѣ братья. И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ; ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками; ибо одинъ у васъ наставникъ Христосъ. (Матѣ. 23 гл., 8—10 ст.)⁴. Посему Іисусъ Христосъ никого изъ учениковъ и послѣдователей Своихъ не поставилъ верховнымъ учителемъ, руководителемъ, главою церкви. Онъ Самъ навсегда до скончанія вѣка остался ея Главою, Учителемъ, Руководителемъ. Онъ умолилъ Отца послать ей Духа святаго въ ея просвѣщеніе и руководство. Живой союзъ со Христомъ, просвѣщеніе и руководство отъ Духа Святаго — вотъ для церкви христіанской единственными и существеннѣйшія условія ея крѣпости, самостоятельности, непогрѣшимости, единства, живаго развитія и самаго существованія. Признавать силу Божію какъ бы недостаточною для охраненія церкви, поставять необходимою опорою церковной непоколебимости авторитетъ человѣческій, значить — болѣе вѣрять въ силу человѣческую, нежели въ силу Божію.

IX.

СВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПЫ; ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ПОСТЕПЕННОЕ РАЗВІТІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Римскій папа въ западномъ христіанскомъ мірѣ сдѣлался не только главою Церкви, но и свѣтскимъ государемъ. Въ его лицѣ высшая духовная власть соединилась съ высшею свѣтскою властію. Соединеніе это сначала образовалось случайно, вслѣдствіе временныхъ историческихъ обстоятельствъ, но потомъ оно вошло въ нравственный принципъ латинства, и сдѣлалось также одною изъ преградъ препятствующихъ западной церкви возвратиться въ древнему чистому православію. Свѣтскія политическія притязанія папъ въ средніе вѣка простирались до того, что нѣкоторые изъ нихъ замыслили сдѣлаться властителями всего міра, и поставить отъ себя въ зависимость всѣхъ другихъ государей. Въ послѣдніе вѣка папы довольствуются тѣмъ, что владѣютъ небольшимъ государствомъ въ средней Италіи, такъ называемою Церковною областію; и въ ней ихъ государственная власть постепенно слабѣетъ и колеблется болѣе и болѣе. Тѣмъ не менѣе папы все-таки не думаютъ отказываться отъ свѣтской власти, и богословы западныя, въ послѣднее время, даже съ особенными усиліями стараются свѣтской власти папъ придать религіозное значеніе, и доказать ея необходимость для

благосостоянія Церкви. На римскомъ соборѣ, начавшемся 8-го декабря 1869 года, предполагалось многими изъ приверженцевъ папства самую свѣтскую власть папы позвести въ догматъ вѣры.

Откуда явилась въ западномъ христіанскомъ мірѣ самая идея соединенія верховной власти религіозной и государственной, духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ? Она очевидно не могла возникнуть изъ началъ чисто христіанскихъ. Іисусъ Христосъ, когда утверждалъ на землѣ Церковь Свою, не искалъ мірской власти надъ людьми; напротивъ всею жизнію своею и ученіемъ своимъ Онъ опровергалъ предразсудокъ іудеевъ, ожидавшихъ себѣ въ лицѣ Мессіи земнаго царя. *Царство Мое не отъ міра сего*, говорилъ Іисусъ Христосъ (Іоан. XVIII гл., 36 ст.), и не искалъ никакой власти въ мірѣ, и не хотѣлъ пользоваться мірскими средствами для огражденія своей личности и для распространенія своего ученія. Исполняя обязанности подданнаго по отношенію къ земнымъ властямъ, Іисусъ Христосъ не только не хотѣлъ устроить себѣ на землѣ какое нибудь царство, но не имѣлъ мѣста, гдѣ главу приклонить. Имѣя въ виду одну высшую духовную цѣль своего Божественнаго посланничества, Онъ всегда удалялся отъ народа въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ, увлеченный Его ученіемъ и чудесами, хотѣлъ объявить Его своимъ царемъ, или сдѣлать судьей и рѣшителемъ своихъ житейскихъ дѣлъ (Іоан. VI гл., 15 ст., Лук. XII гл., 13, 14 ст.). Апостолы, распространяя вѣру Хри-

стову на землѣ, также не искали мірской власти, не заботились о пріобрѣтеніи владѣній, не вмѣшивались въ мірскія дѣла и отношенія людей. Не имѣя на землѣ никакого владѣнія, ни даже опредѣленнаго мѣстопробыванія, они и преемникамъ своимъ, пастырямъ церкви, ничего не могли завѣщать, кромѣ высокихъ даровъ вѣры и благодати. И древняя христіанская Церковь не представляетъ намъ примѣровъ, чтобы пастыри Церкви соединяли въ своемъ лицѣ пастырское служеніе съ государственною властію. Стремленіе къ вмѣшательству въ государственныя дѣла, со стороны лицъ принадлежащихъ къ клиру церкви, было строго осуждаемо въ древней Церкви. Въ правилахъ Апостольскихъ прямо воспрещается епископамъ и пресвитерамъ вмѣшиваться въ народныя управленія, и предписывается имъ неупустительно быть при дѣлахъ церковныхъ; „ибо никто не можетъ двумъ господамъ работать, по заповѣди Господней. (пр. 18-е)“ Въ III-мъ вѣкѣ на соборѣ Антиохійскомъ (269) извѣстному антиохійскому епископу, еретику Павлу Самосатскому, было поставлено въ вину, между прочимъ, то, что онъ, пользуясь покровительствомъ царицы Зиновіи, занимался управленіемъ государственными дѣлами, и въ образѣ жизни подражалъ свѣтскимъ сановникамъ, являлся предъ народомъ съ пышностію, окруженный большою толпою тѣлохранителей, предшествующихъ ему и сопровождающихъ его (подобно тому, какъ нынѣ являются папы), устроилъ себѣ трибуну и судный

совѣтъ на подобіе мірскихъ судовъ. Подобно па-
стырямъ другихъ церквей и древніе папы римскіе
твердо сознавали несовмѣстимость свѣтской госу-
дарственной власти съ духовнымъ пастырскимъ
служеніемъ. Вотъ какъ разсуждалъ объ этомъ одинъ
изъ самыхъ уважаемыхъ римскихъ папъ св. Гела-
сій, жившій въ концѣ V-го вѣка: „До пришествія
Исуса Христа нѣкоторыя лица, какъ *напримѣръ*
Мелхиседекъ, въ значеніи *прообразовъ*, были цари-
ми и священниками въ одно и тоже время. Этому
старался подражать и демонъ; по его внушенію,
языческіе императоры также принимали на себя
имя верховнаго первосвященника (maximus ponti-
fex). Но съ тѣхъ поръ, какъ обратились къ Тому,
Кто есть истинный Царь и вмѣстѣ истинный перво-
священникъ,—съ тѣхъ поръ ни императоръ болѣе
не назывался первосвященникомъ, ни первосвящен-
никъ болѣе не присвоивалъ себѣ царскаго досто-
инства. Богъ, зная слабость человѣческую, и же-
лая, путемъ смиренія, вести своихъ вѣрныхъ ко
спасенію, отдѣлилъ отъ правленія одной власти отъ
другой, чтобы христіанскіе императоры слѣдовали
руководству первосвященниковъ въ томъ, что от-
носится къ жизни вѣчной, и первосвященники
подчинились императорамъ въ дѣлахъ мірскихъ,—
чтобы служащій Богу не вмѣшивался въ житей-
скія дѣла, а тотъ, кто поставленъ для этихъ дѣлъ,
не распоряжался предметами Божественными“. Въ
этихъ словахъ св. Геласія заключается, какъ
самое ясное обличеніе свѣтскимъ притязаніямъ

папства, такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе на тотъ источникъ, изъ котораго могли возникнуть въ западной церкви эти притязанія. Въ древней Церкви ветхозавѣтной бывали случаи соединенія высшей власти религіозной и государственной въ одномъ лицѣ, — такъ какъ вообще въ народѣ еврейскомъ жизнь государственная находилась въ непосредственной связи съ жизнью религіозною. Но это оказывалось нужнымъ только на время въ виду особенныхъ цѣлей религіознаго воспитанія народа еврейскаго. Въ Церкви христіанской, предназначенной къ религіозно-нравственному воспитанію не одного какого нибудь народа, а цѣлаго человечества, область жизни религіозной отдѣлена отъ отпавленій жизни государственной, и вмѣстѣ съ тѣмъ служеніе пастырское отъ служенія государственнаго. Возродившееся въ средневѣковомъ католицизмѣ стремленіе опять соединить вмѣстѣ власть государственную и религіозную, едва ли можно объяснить подраженіемъ ветхозавѣтной іудейской Церкви, хотя несомнѣнно то, что въ католицизмѣ среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ чистаго идеала древней христіанской церкви, стали обозначаться въ нѣкоторой степени и ветхозавѣтныя іудейскія стремленія. Скорѣе нужно предположить, что стремленіе къ соединенію власти религіозной съ государственною папство унаслѣдовало отъ того самаго языческаго Рима, отъ котораго заимствовало оно и стремленіе къ всемірному распространенію и всемірному господству. Въ древнемъ

Римъ во времени распространенія христіанства съ особенною силою развилась эта идея, — соединенія высшей власти религіозной и государственной въ одномъ лицѣ. Императоры римскіе (начиная съ Августа и даже до Граціана, жившаго уже подъ конецъ IV-го вѣка) были вмѣстѣ съ тѣмъ и верховными первосвященниками языческой религіи — *maximus pontifex*; это названіе въ послѣдствіи буквально усвоили себѣ римскіе папы, и до сихъ поръ носятъ его. Въ первые восемь вѣковъ христіанской исторіи, когда римская Церковь болѣе была вѣрна христіанскому духу и древнимъ преданіямъ, крѣпче держалась въ союзѣ съ восточною — вообще съ другими православными Церквями, въ Римѣ не могли имѣть силы языческія преданія, и въ папахъ мало было стремленій къ захвату государственной власти. Особенныя историческія обстоятельства — удаленіе императоровъ съ запада на востокъ въ IV-мъ столѣтіи, крайнее ослабленіе, и за тѣмъ разрушеніе западной римской имперіи въ V-мъ вѣкѣ, неустроенное политическое положеніе Италіи съ V-го до IX-го вѣка, выборъ на престолъ папскій лицъ изъ знатныхъ патриціанскихъ фамилій, имѣвшихъ хорошее политическое образованіе и дѣйствительно способныхъ оказывать народу помощь и руководить имъ въ трудныя времена, дали папамъ въ Италіи большое вліяніе на политическія дѣла. Но это участіе въ государственныхъ дѣлахъ, вызванное случайными обстоятельствами, не было признаваемо папами существенно относящимся къ

обязанностями ихъ пастырскаго служенія, и не возбуждало въ нихъ мысли сдѣлаться самостоятельными свѣтскими государями. До половины VIII столѣтія эта мысль не появлялась ни у одного изъ нихъ.

Случайное, и при томъ не дѣлающее чести намъ, обстоятельство подало имъ поводъ взять въ свои руки правительственную власть, и возбудило въ нихъ властолюбивыя стремленія къ расширенію ея, и закрѣпленію за своимъ престоломъ. Во второй половинѣ VIII-го столѣтія Пипинъ Короткій, — правитель Галліи, родоначальникъ извѣстной карловинской династіи, вошелъ въ сношенія съ папою по тому поводу, что ему хотѣлось у древняго рода королей французскихъ — Меровинговъ отнять царскую корону, и возложить ее на себя, получивъ на это соизволеніе — религіозную санкцію отъ главы римской церкви. Папа Захарія согласился на желаніе Пипина; и съ его соизволенія извѣстный западный миссіонеръ св. Бонифацій, архіепископъ майнцскій, короновалъ Пипина королевскимъ вѣнцемъ. Преемникъ Захаріи папа Стефанъ, стѣсненный въ Италіи завоевательными стремленіями лонгобардовъ, самъ отиравился во Францію просить помощи у Пипина, и тамъ вновь совершилъ надъ нимъ торжественное коронованіе. Пипинъ защитилъ Римъ отъ лонгобардовъ, и отнявши у нихъ занятые ими земли, составлявшія прежде наместничество Византійскихъ императоровъ въ Италіи — такъ называемый равеннскій экзархатъ,

пожертвовалъ эти земли римской Церкви, положивши дарственную записъ на нихъ на гробъ св. Петра (756 г.). Преемникъ Иппина—Карлъ великій, разрушивъ окончательно Ломбардское царство, и получивъ отъ папы Льва III-го императорскую корону, умножилъ владѣнія папъ новыми пожертвованіями, и вновь подтвердилъ ихъ на будущія времена (800 г.). Съ этого времени у папъ пробудилось стремленіе закрѣпить за собою государственную власть въ Италіи, и распространить свое политическое вліяніе на другія государства, считаясь какъ бы верховными раздавателями царскихъ вѣнцевъ для всѣхъ государей Европы.

На первыхъ порахъ эти стремленія были еще слабы. Западные государи рѣдко считали нужнымъ обращаться за благословеніемъ къ папѣ, когда, по праву наслѣдства, возлагали на себя царскіе вѣнцы. И даже тѣ земли, которыя были подарены напамъ Карловингами, не составляли еще для нихъ прочной собственности, и не были въ ихъ полномъ распоряженіи. Верховными властителями (патронами) Рима и принадлежащихъ къ нему областей считались сами императоры; папы въ зависимости отъ императоровъ считались только лѣнными владѣльцами этихъ областей. Въ непосредственное управленіе Римомъ папы рѣдко вмѣшивались; имъ управляли, или намѣстники императорскіе, или разныя римскіе магнаты—владѣтельные князья въ качествѣ *патриціевъ* римскихъ, или римскій сенатъ; смотря по обстоятельствамъ получала преобла-

даніе та, или другая, или третья сила. Первый изъ папъ вздумалъ взять въ свои руки управленіе (свѣтскими дѣлами въ Римѣ въ половинѣ X-го вѣка папа Іоаннъ XII, извѣстный своимъ безбожіемъ и безнравственностью. Какъ сынъ римскаго патриція Альберика, онъ, сдѣлавшись папою по праву наслѣдства, соединилъ съ властью первосвященника и власть свѣтскаго правителя Рима, и пользуясь происходившими тогда въ Италіи смутами, хотѣлъ сдѣлать Римъ совершенно независимымъ отъ власти императорской. Но сильный Германскій императоръ Оттонъ I-й смирилъ мятежнаго папу, и заставилъ итальянцевъ признавать себя, какъ и прежде признавали они Карла великаго, верховнымъ властителемъ Италіи (962 г.). Преемники его Оттонъ 2-й, Оттонъ 3-й, Генрихъ 3-й крѣпкою рукою поддерживали верховную власть въ Италіи и Римѣ; при такихъ государяхъ папы не могли сдѣлаться независимыми владѣтелями Рима, и опять почти не вмѣшивались въ управленіе имъ.

Между тѣмъ однакожь, благодаря особенному стеченію обстоятельствъ и настроенію эпохи, вліяніе папъ въ различныхъ государствахъ Европы въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ распространялось болѣе и болѣе, не смотря даже на ничтожество и безнравственность большей части личностей, въ то время занимавшихъ папскій престолъ. Въ Европѣ происходили тогда частые политическіе перевороты. Одно государство усиливалось на мѣсто другого; одна династія свержала другую. Папы

пользовались для своихъ выгодъ всякими политическими смутами — образованіемъ новыхъ государствъ, прекращеніемъ старыхъ династій, спорами возникавшими между нѣсколькими претендентами за одну и ту же королевскую или императорскую корону. Папы привлекали сильнѣйшихъ претендентовъ на свою сторону, склоняли ихъ искать опору для побѣды надъ соперниками въ авторитетѣ церковномъ, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе распространялась мысль, что верховное право утверждать за государями ихъ владѣтельныя права принадлежитъ главѣ церкви. Сначала только въ спорныхъ случаяхъ владѣтели близкихъ странъ — Франція, Германія — обращались къ папѣ за утвержденіемъ своихъ правъ и полученіемъ царскихъ вѣнцовъ; потомъ это стало почти общимъ обычаемъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, при вступленіи новыхъ владѣтелей на престолъ. Въ Европѣ распространилось убѣжденіе, что никто изъ государей безъ благословенія папскаго не можетъ возложить на себя царскаго вѣнца. При Григоріѣ VII-мъ, мечтавшемъ весь міръ обратить въ теократическую монархію, и всѣхъ государей сдѣлать вассалами папскаго престола, это убѣжденіе сдѣлалось сильно; большая часть европейскихъ государей старались получить корону изъ рукъ папы, обязуясь быть вѣрными римской Церкви. При Григоріѣ VII-мъ и непосредственныя владѣнія папы въ Италіи были усилены и распространены тѣмъ,

что норманнскій герцогъ Робертъ Гвискаръ, владѣтель южной Италіи и Сициліи, призналъ себя вассаломъ папы (1061 г.), а потомъ въ средней Италіи завѣщала обширныя владѣнія римской ка-едрѣ тосканская марекграфиня Матильда (1076 г.). Впрочемъ Григорій VII, мечтавшій распространить свое вліяніе на весь міръ, не обращалъ большаго вниманія на свои итальянскія владѣнія, и подобно своимъ предшественникамъ мало вступался въ непосредственное управленіе ими. Да и самое смутное состояніе Италіи въ то время, борьба папъ съ императорами (Генрихомъ IV и Генрихомъ V) за права инвеституры, отзвывавшіяся частыми волненіями въ самомъ Римѣ, не позволяли здѣсь папамъ прочно утвердить свою правительственную власть.

Преимущества Григоріи VII, усилившіеся преимущественно въ слѣдствіе того религіознаго, энтузіазма какой распространился въ западной Европѣ при началѣ крестовыхъ походовъ, стали сильнѣе заявлять свои политическія притязанія. Въ XII-мъ вѣкѣ папы свои сицилійскія и тосканскія земли отдавали большею частію въ лѣнное владѣніе императорамъ, но самымъ Римомъ, хотя онъ признавалъ надъ собою еще верховное господство императоровъ, стали управлять сами.

Это вмѣшательство духовной власти въ управленіе свѣтскими дѣлами на первыхъ же порахъ было встрѣчено неблагопріятно. Въ самомъ римскомъ народѣ ясно было сознаніе несовмѣстимости

пастырскаго служенія съ государственною властью. Энергическимъ выразителемъ этого стремленія явился при папѣ Иннокентіѣ II одинъ замѣчательный итальянскій клирикъ—Арнольдъ Бреніанскій, ученикъ извѣстнаго богослова Абелярда. Вдохновленный высокими идеалами первобытной христіанской церкви, съ другой стороны увлеченный глубокимъ уваженіемъ къ древнимъ формамъ римскаго республиканскаго устройства, Арнольдъ началъ горячую проповѣдь противъ свѣтской власти папъ, вообще противъ вмѣшательства епископовъ и клириковъ въ мірскія дѣла, противъ приобрѣтенія церковію огромныхъ богатствъ и владѣній; во всемъ этомъ онъ видѣлъ глубокую порчу нравственнаго состоянія церкви и вредъ для народа. Подъ вліяніемъ его восторженныхъ рѣчей, римляне отказались виноваться папамъ, и провозгласили у себя республику съ древними формами римскаго республиканскаго управленія—съ древнимъ сенатомъ, консулами и трибунами. Папы пустили въ ходъ свое духовное вліяніе, наложили интердиктъ на римлянъ, стали возбуждать противъ нихъ иностранныхъ государей, и такими средствами успѣли подавить народное волненіе. Арнольдъ былъ проклятъ на Латеранскомъ соборѣ 1139-го года, и потомъ захваченный въ плѣнъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссой, преданъ сожженію, и самый прахъ его былъ брошенъ въ Тибръ (1155 г.). Врочемъ какъ въ то время, не только противники, но и самые ревностные приверженцы папъ относились

(неблагопріятно къ ихъ политическимъ притязаніямъ и вѣнательству въ управленіе государственными дѣлами, это видно изъ тѣхъ мыслей, какія имѣлъ объ этомъ предметѣ знаменитѣйшій подвижникъ и богословъ западный Бернардъ клервосскій. Когда его ученикъ, бывшій прежде инокомъ въ клервосскомъ монастырѣ, достигъ папскаго престола подъ именемъ Евгенія III-го (1145 г.); знаменитый клервосскій пустынникъ вотъ какіе совѣты преподавалъ ему въ своемъ сочиненіи *de consideratione*: „Никто никогда ни объ одномъ изъ Апостоловъ не можетъ доказать, чтобы какой либо изъ нихъ былъ судьей людей, или опредѣлителемъ поземельныхъ границъ, или раздѣлителемъ владѣній. Апостолы были приводимы въ судилища, но сидѣли между обвиняемыми и судимыми, а не на судейскомъ мѣстѣ, судя другихъ.... Дѣла земныя имѣютъ своими судьями царей и князей земли. Зачѣмъ же вы переступаете предѣлы ближняго, зачѣмъ ставите вашу пяту на чужую межу?... Можетъ быть, вы думаете, что св: Апостоль Петръ оставилъ вамъ имперію, или право господствовать? Но св: Петръ не могъ дать того, чего самъ не получилъ отъ Христа. Онъ далъ тебѣ, что имѣлъ, т. е. попеченіе о церквахъ. Можетъ быть, онъ оставилъ тебѣ и господство? но слушай что онъ говоритъ: *не господствуйте надъ наследіемъ господнимъ, но примѣромъ смиренія бывайте стаду* (1. Пет. V гл. 3 ст.) А что бы ты не подумалъ, что Апостоль сказалъ это только по смиренію, слу-

пай, какъ самъ Господь говоритъ въ евангелии: князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими; но между вами не должно быть такъ (Мѡ. XX гл, 25, 26) Одно изъ двухъ; или ты, желая господствовать, похитилъ Апостольство, или давая себѣ титулъ „Апостольскій“ похитилъ господство. Если же то и другое хочешь имѣть, то и другое потеряешь“. Въ другомъ мѣстѣ, объясняя папѣ, какъ много времени и труда отнимаютъ у него занятія свѣтскими дѣлами отъ духовныхъ обязанностей св: Бернадъ говоритъ: „я тебя спрашиваю, что значать эти процессы съ утра и до вечера и выслушиваніе тяжущихся сторонъ? Я не сомнѣваюсь, что ты самъ оплакиваешь подобный порядокъ дѣлъ; но слезы были бы напрасны, если бы не позаботился избавиться отъ такой пагубной для тебя дѣятельности. Поспѣши не только уменьшить, или сократить, не только удалить, но и совершенно отвергнуть отъ себя это иго самого тяжкаго рабства. Что можетъ быть болѣе рабскаго и недостойнаго для званія римскаго первосвященника, какъ постоянно быть занятымъ такими дѣлами—не говорю каждадневно, но почти ежечасно?... Когда же намъ послѣ этого заниматься молитвою? Когда учить народъ? Когда заботиться объ устроеніи Церкви? Когда размышлять о законѣ Господнемъ? Нѣтъ сомнѣнія, въ твоёмъ дворцѣ всякій день говорятъ о законахъ; но Юстиніановыхъ, а не Господнихъ“. Такъ при самомъ утвержденіи свѣтской власти папѣ въ Римѣ, люди съ добрымъ

христіанскимъ смысломъ изъ самыхъ приверженцевъ паства понимали несоотвѣтствіе мірскихъ государственныхъ заботъ и стремленій съ служеніемъ папъ. Но фальшивое настроеніе господствовавшего въ римскомъ клирѣ образа мыслей и честолюбіе папъ взяли верхъ надъ представленіями людей, здраво понимавшихъ требованія христіанства, — и свѣтская власть папы со второй половины XII вѣка стала болѣе и болѣе утверждаться въ Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ со временъ папъ Александра III-го и Иннокентія III-го стали болѣе и болѣе усиливаться въ папахъ стремленія подчинить своему вліянію, сдѣлать какъ бы своими лэнниками и государей всѣхъ другихъ странъ Европы. Папа Александръ III заявилъ гордую мысль — самую императорскую власть, т. е. самую высшую власть въ западной Европѣ, поставить лэномъ папскаго престола, а Иннокентій III развилъ эту мысль до такого положенія, что власть императорская происходитъ отъ папской, какъ свѣтъ луны отъ солнечнаго свѣта, и послѣдняя во столько разъ больше первой, во сколько солнце больше луны.

Впрочемъ въ XII-мъ вѣкѣ основанія свѣтской власти папъ, и отношенія ея къ императорской власти еще не установились опредѣленно. Запутанность этихъ отношеній преимущественно обуславливалась тѣмъ, что и папа, и императоръ имѣли формальныя основанія считать одинъ другаго зависимымъ отъ себя. Папа, какъ правитель Рима, получившій власть надъ нимъ отъ императоровъ,

долженъ былъ, по представленію послѣднихъ, считать себя ленникомъ императорской власти. Императоры, въ свою очередь, получая отъ папъ въ ленное владѣніе земли южной и средней Италіи (сицилійскія и тосканскія), должны были, по требованію папъ, давать имъ присягу на ленную вѣрность. Каждый изъ нихъ старался не только освободиться изъ подъ зависимости отъ другаго, но и сдѣлаться, господиномъ другаго; и это главнымъ образомъ послужило поводомъ къ столѣтней борьбѣ папъ съ императорами Гогенштауфенами. Папамъ хотѣлось, сохранивъ верховную власть надъ сицилійскими и тосканскими владѣніями, уничтожить всякую тѣнь зависимости отъ императоровъ въ самомъ Римѣ. Императоры въ свою очередь, сохраняя давнее право патроната надъ Римомъ, желали обратить въ послѣдственную собственность своего рода южно-италійскія владѣнія. Побѣда въ этой борьбѣ, вслѣдствіе происковъ, интригъ и злоупотребленія духовнымъ, вліяніемъ въ политической борьбѣ, осталась, какъ извѣстно, на сторонѣ папъ. Папамъ постепенно удалось пріобрѣсти себѣ все, чего они желали. Мужественный императоръ Фридрихъ Барбарусса, начавшій борьбу съ папою Александромъ III, не имѣя возможности одолѣть интригъ возбужденныхъ противъ него палствомъ въ верхней Италіи, долженъ былъ признать свои италійскія владѣнія леномъ папы (1176 г.). Въ малолѣтство Фридриха II-го, папа Иннокентій III, пользуясь междоусобіями, возникшими въ Германіи ме-

жду двумя претендентами на императорский престолъ, Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ, принявъ сторону Оттона, склонилъ его къ тому, что онъ отказался отъ правъ патронатства надъ Римомъ (1201 г.); такимъ образомъ съ начала XIII вѣка папы сдѣлались совершенно самостоятельными владѣтелями Рима. Наконецъ, послѣ побѣды надъ мужественнымъ императоромъ Фридрихомъ II, и позорной казни послѣдняго Гогенштауфена Конрадина (1268 г.), папы успѣли не только удержать за собою верховную власть надъ всѣми своими италійскими владѣніями, но и поставить отъ себя въ значительную зависимость императоровъ Германскихъ, а за ними и другихъ западно-европейскихъ владѣтелей. Это время было эпохою сильнѣйшаго возвышенія папской власти: духовной и свѣтской. Въ это время папы по преимуществу могли мечтать сдѣлаться владѣтелями міра не только въ религіозномъ, но и въ государственномъ отношеніи, и на самомъ дѣлѣ стали вести себя по царски, носить двойную и потомъ тройную корону, выражаться въ своихъ буллахъ тономъ государей, имѣть при своихъ дворахъ царскую пышность, требовать себѣ отъ всѣхъ не только простыхъ людей, но и владѣтельныхъ особъ царственныхъ почестей и т. д. Въ это время, по преимуществу, между приверженцами папства стали развиваться нелѣпыя теоріи о томъ, что папа можетъ возводить на престолъ и низлагать государей, утверждать или отмѣнять постановляемые

ими законы, освобождать подданныхъ отъ повиновения государямъ, измѣнять существующій на землѣ образъ правленія и т. д.

Но, достигши всего высшаго развитія, свѣтская власть папъ также, какъ и духовная съ XIV вѣка приняла обратный ходъ, и начала склоняться къ упадку. Переселеніе въ Авиньонъ, поставивъ папъ въ зависимость отъ королей французскихъ, подорвало силу ихъ политическаго вліянія въ другихъ странахъ, и отвлекло ихъ отъ непосредственнаго управленія итальянскими владѣніями. Въ Римѣ, во время отсутствія папъ, итальянцемъ Ріенци вновь была сдѣлана попытка возстановить древнее республиканское управленіе (1347 г.). Во всѣхъ другихъ странахъ Европы государственное право начало выдѣляться изъ области церковнаго права, и получать самостоятельное значеніе; вездѣ стала распространяться такой взглядъ, что государственная власть также непосредственно и самостоятельно установлена отъ Бога, какъ и папская, и что области духовной и свѣтской власти должны быть строго разграничиваемы. Смуты, происходившія во время раскола, бывшаго въ римской Церкви, и реформація XVI вѣка нанесли еще болѣе тяжкій ударъ и духовному и политическому вліянію папъ. Вслѣдствіе этого папы въ XV и XVI вѣкахъ уже перестаютъ мечтать о распространеніи своего политическаго господства на весь міръ или на всю Европу. По отношенію къ различнымъ государствамъ, находящимся внѣ Италіи, папы становятся вынужден-

ними довольствоваться тѣмъ, чтобы сколько возможно поддерживать въ нихъ свое духовное вліяніе. На политическія же дѣла различныхъ государствъ они по временамъ приобретаютъ вліяніе только косвеннымъ образомъ чрезъ духовниковъ разныхъ королей и королевъ, чрезъ кардиналовъ министровъ, чрезъ духовенство и монашество, и вообще чрезъ такъ называемую въ западной Европѣ клерикальную партію. За то тѣмъ съ-большою ревностію папы въ XV, XVI и дальнѣйшихъ вѣкахъ сосредоточиваютъ силу своего политическаго вліянія на непосредственно принадлежащихъ имъ итальянскихъ областяхъ. Въ Европѣ въ это время во всѣхъ странахъ совершалось утвержденіе монархическихъ началъ надъ прежними феодальными, округленіе государственныхъ границъ, приведеніе силъ различныхъ государствъ къ такъ называемому политическому равновѣсію. Папское государство становится совершенно въ рядъ другихъ государствъ, и папы также какъ и другіе государи, стараются округлить и расширить свои владѣнія, укрѣпить въ нихъ монархическій принципъ, подавить остатки феодальной вольности, устроить государственный порядокъ, и занять въ общеовропейской политикѣ вліятельное мѣсто въ ряду другихъ государей. Для укрѣпленія своей власти въ Италіи и обеспечения своего вліянія въ европейской политикѣ, папы употребляютъ всѣ тѣ средства, какими пользуются другіе государи, — заключаютъ союзы, дѣлаютъ договоры, заводятъ

интриги, совершаютъ подкупы, ведутъ войны, и т. д. Известная макиавелевская политическая система находитъ себѣ самое широкое приложеніе преимущественно въ папскомъ государствѣ. У многихъ изъ папъ (каковы напримѣръ были въ началѣ XVI-го столѣтія Александръ VI, Юлій II, Левъ X и др.) заботы государственныя совершенно закрываютъ дѣятельность первосвященническую. Геніальнѣйшіе умы и сильнѣйшіе характеры наиболѣе замѣчательныхъ папъ XVI и XVII столѣтія, каковы напримѣръ были Юлій II, Григорій XIII, Сикстъ V, Григорій XV, которые въ наиболѣе благоприятное время готовы были бы, подобно Григорию VII или Иннокентію III, распространять свое вліяніе на весь міръ, теперь полагаютъ свою дѣятельность на то, чтобы получше устроить и украсить городъ Римъ, водворить порядокъ въ римской области, поставить свое государство въ благоприятныя отношенія къ другимъ государствамъ, обезопасить свою власть отъ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ и т. д. Государство римское входитъ въ свои опредѣленныя ^{нынѣ} границы; высшіе духовные сановники папскаго двора получаютъ въ свое завѣдываніе различныя отрасли государственнаго управленія, а это вѣриканско-монархическое управленіе церковною областью продолжаетъ твердо держаться въ ней до конца XVIII столѣтія.

Замѣчательно то, что хотя свѣтская власть уже нѣсколько вѣковъ фактически существовала въ римской области, католическимъ богословамъ не приходило

на мысль придавать ей особенное религиозное значение и дѣлать изъ нея особенный догматъ для католической церкви до тѣхъ поръ, пока въ обстоятельствахъ времени не открылись для свѣтской власти папѣ нѣкоторые опасные признаки. Это начало обнаруживаться преимущественно съ конца XVIII-го вѣка. Французская революція, поставившая себя цѣлю ниспроверженіе монархическаго принципа не только во Франціи, но по возможности и въ другихъ странахъ, не остановилась предъ авторитетомъ папской власти. Республиканскія войска заняли Римъ, и объявили въ немъ республику (1798 г.). Папа Пій VI умеръ плѣнникомъ во Франціи. Его преемника Пія VII Наполеонъ возвратилъ въ Римъ, но онъ предоставилъ ему управленіе римскою областію на тѣхъ началахъ, на какихъ предоставляли правительственную власть древнимъ папамъ сильные императоры: Карлъ великій и Оттонъ великій, т. е. подъ условіемъ верховнаго признанія Императорской власти и покорнаго повиновенія ей. Когда же Пій VII сталъ противорѣчить нѣкоторымъ требованіямъ императора, Наполеонъ приказалъ военною силою вывести его изъ Рима съ его кардиналами и перевезти во Францію, а римскую область опять присоединилъ къ французскимъ владѣніямъ, давъ титулъ римскаго короля своему младенцу сыну. (1809 г.) Союзники войска, по низверженіи Наполеона, возвратили папу въ Римъ въ 1814 году, и на Вѣнскомъ конгрессѣ вновь утверждены его государственныя права. Съ

тѣхъ поръ папы опять стали управлять своимъ римскимъ государствомъ; но ихъ власть въ немъ, сильно поколебленная, не могла получить прежней прочности. Нѣсколько лѣтъ французскаго управленія, хотя оно и представляло для итальянцевъ иноземную силу, и имѣло военнодеспотическій характеръ, познакомили римлянъ съ лучшими порядками, съ лучшими законами, съ болѣе широкою свободою, нежели какими они привыкли пользоваться подъ управленіемъ своихъ государей-первосвященниковъ. По этому возстановленіе папскаго правленія показалось итальянцамъ тяжелымъ. Въ Италіи, въ самомъ Римѣ образовалось нѣсколько тайныхъ политическихъ обществъ, и отсюда стала распространяться революціонная пропаганда не только по всей Италіи, но въ другія страны Европы. Въ особенности суворовое и продолжительное правленіе папы Григорія XVI-го (1831—1846 г.) довело въ народѣ не довольство и раздраженіе до высшей степени. Римскіе казематы наполнились тысячами политическихъ преступниковъ. Папа Пій IX-й, вступивъ на престолъ, рѣшился дать болѣе свободы народу; но въ его правленіе пришло время выйти наружу тому раздраженію, какое накопилось при его предшественникахъ. Въ 1848-мъ году въ Римѣ вновь вспыхнула революція, и папа опять долженъ былъ бѣжать изъ Рима. Въ 1850-мъ году, при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, папа возвратился въ Римъ. Но съ этого времени, свѣтская власть папы должна была находиться въ постоянной

опасности. Во время новой революціи 1860-го года, значительная часть церковной области была отдѣлена къ Пьемонтскому государству, и всѣ итальянскіе патріоты выражали желаніе, чтобы Римъ, переставъ быть папскимъ городомъ, сдѣлался столицей единой Италіи. Когда пьемонтскій король Викторъ Еммануилъ, сдѣлавшійся королемъ объединенной Италіи, отказался отъ этой мысли, извѣстный вождь итальянскихъ патріотовъ—Гарibaldi самъ нѣсколько разъ покушался овладѣть Римомъ. Только вмѣшательство иностранной политики и сила иностранныхъ войскъ сохранили свѣтскую власть папы, до новыхъ взрывовъ народнаго раздраженія, или до новыхъ перемѣнъ въ направленіи европейской политики, которыя неминуемо должны послѣдовать, такъ какъ никакими усиліями, никакой фальшью нельзя поддержать того, что отжило свой вѣкъ.

Папство очевидно доживаетъ послѣднія времена своего свѣтскаго могущества. Замѣчательно, однакожь, что именно въ это то время, когда свѣтская власть папы особенно сильно стала колебаться, проявилась между ультрамонтанскими писателями особенная ревность къ поддержанію ея. Съ конца прошлаго столѣтія стало появляться много сочиненій въ пользу свѣтской власти папы, исполненныхъ самыми неестественными софизмами. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ сочиненія извѣстнаго графа де-Местра. При папѣ Піѣ IX литература и полемика по вопросу о свѣт-

ской власти папства особенно усилились на западѣ Европы. Впрочемъ мнѣнія самихъ католическихъ писателей по этому предмету сильно расходятся. Только самые ярые ультрамонтаны защищаютъ полную неприкосновенность свѣтской власти папы во всемъ ея *state quo*, и стараются доказать, что эта власть непрерывно связана съ самою духовною властію церкви, и на ней держатся всѣ интересы религіи, права государей, спокойствіе и благосостояніе народовъ и т. д. Другіе болѣе умѣренные писатели высказываютъ такой взглядъ, что хотя свѣтская власть и нужна для поддержанія духовной самостоятельности папы, но при этомъ вопросъ о большей или меньшей обширности папскихъ владѣній не имѣетъ большаго значенія; папамъ можно оставить одинъ городъ Римъ; а всѣ остальные ихъ владѣнія отдѣлить къ итальянскому королевству. Еще болѣе рѣшительные допускаютъ, что такъ какъ Римъ, по своимъ историческимъ преданіямъ, не можетъ быть отдѣленъ отъ Италіи, то папу можно бы переселить въ какое нибудь другое мѣсто, но все таки въ качествѣ независимаго владѣтеля извѣстнаго города или области. Наконецъ самые искренніе и безпристрастные изъ католиковъ сознаются, что свѣтская власть составляетъ не необходимость, не опору, а лишнее бремя для духовной самостоятельности папъ, глубокую болѣзнь, вредный наростъ въ римской церкви и исторіи итальянскаго народа; что папамъ, если они дорожатъ благомъ цер-

кви и своимъ духовнымъ вліяніемъ, необходимо скорѣе отказаться отъ этой власти; иначе вслѣдствіи ихъ упорства можетъ произойти то, что вмѣстѣ съ насильственнымъ отнятіемъ свѣтской власти будетъ ниспровергнуто и самое духовное вліяніе папъ, и настанетъ сильная опасность для самой церкви (римско-католической). Этотъ взглядъ болѣе и болѣе распространяется, и находятъ себѣ многихъ приверженцевъ въ самомъ духовенствѣ католическомъ, не только во Франціи и Германіи, но и въ Италіи. И безъ сомнѣнія папѣ, если онъ дорожитъ сохраненіемъ своего нравственнаго вліянія, было бы гораздо лучше, не дожидаясь новыхъ взрывовъ народнаго раздраженія и принужденій со стороны иностранной политики, самому отказаться отъ свѣтской власти,—хотя несомнѣнно, что такой отказъ долженъ произвести большую перемѣну и въ самомъ духовномъ положеніи папъ—въ невыгодѣ ихъ личныхъ притязаній, но ко благу Церкви.. Въ народѣ итальянскомъ и въ другихъ странахъ Европы есть убѣжденіе, что Пій IX будетъ послѣднимъ изъ папъ, соединяющихъ въ своемъ лицѣ духовную и государственную власть въ Римѣ..

Х.

РАЗБОРЪ ОСНОВАНІЙ, ПРИВОДИМЫХЪ РИМСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ ВЪ ПОЛЗУ СВѢТСКОЙ ВЛАСТИ ПАПЪ.

На чемъ основывается въ римской Церкви соединеніе высшей духовной и мірской власти въ одномъ лицѣ папы—первосвященника и вмѣстѣ съ тѣмъ государя?

Какъ для всѣхъ другихъ вымысловъ и злоупотребленій римскихъ, такъ и для этого злоупотребленія латинскіе писатели старались найти основаніе въ самомъ священномъ писаніи—въ примѣрѣ самаго Іисуса Христа. „Іисусъ Христосъ, говорятъ, есть вмѣстѣ первосвященникъ и царь; точно также и папа—Его образъ и намѣстникъ на землѣ—долженъ быть первосвященникомъ и царемъ.“ Но не говоря о томъ, какъ мало правъ имѣютъ папы прилагать къ себѣ черты Божественной личности Іисуса Христа, и считать себя, по преимуществу, Его точнымъ образомъ на землѣ, достаточно сообразить, въ какомъ смыслѣ самому Іисусу Христу приписывается въ Священномъ Писаніи царское достоинство. Въ предсказаніяхъ древнихъ пророковъ, Мессія, имѣющій прійти въ міръ, часто представлялся въ образѣ Царя (2 царствъ, VII, 12—19; 2-й Псл. 6, 8 ст.; Исаи II, 2—4; IX, 6—7; XI, 1—10; Іезек. XXXIV, 23—24; Дан. II, 44). И Ангель, предвозвѣстившій Пресвятой

Дѣвъ рожденіе отъ Ней Спасителя, сказали о Немъ, что Онъ *воцарится въ дому Іаковѣ во вѣки, и царствію Ею не будетъ конца* (Лук. 1, 3, 5). Большая часть іудеевъ на самомъ дѣлѣ и думали увидѣть въ ожидаемомъ Мессіи земнаго царя, который прійдетъ возстановить Давидово царство, и покорить ему другихъ народовъ. Но Іисусъ Христосъ всею своею жизнію опровергалъ это ихъ чаяніе, и показывалъ, что его царскаго достоинства нельзя понимать въ земномъ смыслѣ. „Царство Мое не отъ міра сего“ сказали Іисусъ Христосъ на вопросъ Пилата: „Царь-ли Ты“? (Іоан. XVIII, 33, 36 ст.) Нѣкоторые изъ латинскихъ богослововъ пытались перетолковать и эти ясныя слова, обличающія мірскія притязанія папъ, объясняя ихъ такимъ образомъ, что Іисусъ Христосъ этими словами не отрицалъ въ себѣ достоинства царя земнаго, но выражалъ только ту мысль, что свои царскія права онъ получилъ не отъ міра сего, не отъ людей—но праву преемства или завѣщанія, а непосредственно отъ Самаго Бога—Отца Своего (*). Но дерзкая произвольность та-

(*) До какой степени представители и сборники папской идеи способны извращать и перетолковывать въ смыслъ своихъ незаконныхъ притязаній самыя высокія истины и факты евангелія, образцемъ этому можетъ служить одна изъ рѣчей папы Пія IX, недавно опубликованная въ газетахъ,—именно та, которую онъ сказалъ главнокомандующему своей арміи въ отвѣтъ на принесенное отъ нея поздравленіе съ новымъ

кого объясненія ясно обличается слѣдующими же словами Иисуса Христа Пилату: *„если бы Царство Мое было отъ міра сего; то служителя Мои под-*

лодомъ. Вотъ отрывокъ изъ этой *замѣчательной*, въ своемъ родѣ, рѣчи: „Я съ удовольствіемъ принимаю поздравленія моей маленькой арміи. Я счастливъ, видя ваше усердіе въ служеніи великому дѣлу, на защиту котораго явилось столько благородныхъ и мужественныхъ юношей со всѣхъ концовъ свѣта. Говорятъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ и св. Петръ не были властелинами міра и не имѣли арміи, а вслѣдствіе этого и намъ отказываютъ въ наименованіи монархами и въ правѣ имѣть армію. Но мы знаемъ изъ Священнаго Писанія, что когда Спаситель находился въ саду Геосиманскомъ, предъ нимъ явилась толпа Гарибальдійцевъ того времени, спрашивая о Иисусѣ Назаряннѣ. Онъ отвѣчалъ: „Азъ есмь!“ и всѣ они пали ницъ. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что обладаетъ силою Божественною, а ученикамъ, прибѣжавшимъ къ нему на помощь, Онъ велѣлъ остановиться, потому, что Отецъ Его, еслибъ только Онъ захотѣлъ, ниспослалъ бы ему легіоны ангеловъ. Какъ бы то ни было Иисусъ Христосъ объявлялъ Себя царемъ предъ іудеями, которые (?) потону и написали объ этомъ на трехъ языкахъ на крестѣ.... Что касается до св. Петра, *пресмнника* Иисуса Христа, онъ былъ рыбаремъ и не имѣлъ войска, но за то онъ обладалъ даромъ чудодѣйствія, и однимъ словомъ поражалъ людей, подобныхъ Ананіи и Сафирѣ... Но *такъ какъ* я пользуюсь только титуломъ монарха, не обладая даромъ чудотворенія, то мнѣ необходима армія, маленькая армія, для защиты этого престола, столь же маленькаго самаго по себѣ, но великаго по своему громадному вліянію, *и по богатству истини, которой онъ служитъ источникомъ*... Трудно представить себѣ богѣ дерзкое и кощунственное прииѣненіе великихъ фактовъ священной исторіи въ устахъ самаго послѣдняго христіанина, а не то—что въ

визались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ иудеямъ; но Царство Мое не отсюда." (Тотъ же 36-й ст.) Этими словами Иисусъ Христосъ отвергалъ не только мірское происхожденіе, но и мірской характеръ—мірскую силу своего царства. И вся жизнь Иисуса Христа показываетъ, что Онъ не считалъ Себя и не намѣревался быть царемъ на землѣ. Онъ родился не на тронѣ, а въ ясляхъ; Онъ во время жизни Своей не имѣлъ, гдѣ главу приклонить; Онъ умеръ позорною смертію; не потому конечно, что не успѣлъ или не могъ занять престолъ Давида отца своего; Онъ могъ бы покорить себѣ всѣ царства міра; Онъ могъ бы призвать себѣ на помощь и защиту легіоны ангеловъ (Мате. XXVI, 53.) Но Онъ на то родился, и на то пришелъ въ міръ, чтобы властвовать надъ сердцами людей, не могуществомъ внѣшней силы, а только могуществомъ истиннымъ. Въ этомъ Его владычество, Его царство, какъ самъ Онъ объяснилъ Пилату (также Іоан. XVIII гл. 37 ст.). Онъ прошелъ въ мірѣ путемъ крайняго униженія, претерпѣлъ страданія и крестную смерть, дабы показать людямъ, что истина, какъ бы ни была унижаема и преслѣдуема, должна покорить себѣ сердца людей. Онъ не искалъ внѣшней опоры для своего дѣла, не

устахъ почтеннаго престарѣлаго епископа, котораго миллионы христіанъ считаютъ *Главою Церкви*, и котораго сотни богослововъ и епископовъ желали бы, въ настоящее время, догматически провозгласить *непогрѣшимымъ!* ..

старался приобретать власть надъ людьми, чтобы они лучше слушались Его ученія; Онъ удался, когда народъ увлекаемый Его ученіемъ и чудесами, хотѣлъ провозгласить Его царемъ (Іоан. VI, 15 ст.) или сдѣлать судьей и рѣшителемъ своихъ житейскихъ дѣлъ (Лук. XII, 13—14 ст.) Самъ исполняя обязанность подданныго по отношенію къ царю земному, и притомъ иноплемennomу невѣрному (Луки II, 1—6, Мате. XVII, 25—27), Онъ и послѣдователямъ своимъ завѣщалъ воздавать Божію Вогови, и Кесарева Кесареви (Мате. XXII, 21).

„На тайной вечери Іисусъ Христосъ общалъ ученикамъ своимъ за претерпѣнные ими страданія *царство* (Лук. XXII, ст. 30), и заповѣдалъ имъ имѣть при себѣ *два меча* (тамъ же ст. 38). Эти слова римскіе писатели относятъ по преимуществу къ апостолу Петру, и въ нихъ, по праву преемства отъ апостола Петра, думаютъ находить основанія для свѣтской власти папъ. *Два меча*, по ихъ толкованію, выражаютъ знаменіе двойной власти надъ людьми: духовной и свѣтской. Но, не говоря уже о томъ, что оба эти мѣста, взятые изъ 32-й главы Евангелія Луки, вовсе не относятся исключительно къ апостолу Петру, а относятся во всемъ вмѣстѣ апостоламъ,—изъ той же самой главы видно, что этихъ словъ никакъ нельзя разумѣть о земномъ царствѣ или владычествѣ надъ людьми. *Царство*, обѣщанное апостоламъ, по изъясненію самаго Іисуса Христа должно состоять въ ближайшемъ общеніи съ Нимъ въ будущей жизни,

когда они сидятъ на двенадцати престолахъ судить двенадцати колынамъ пераилевымъ (ст. 30). А какое значеніе имѣетъ въ этой главѣ упоминаніе о мечѣ или о *двухъ мечахъ*, это довольно трудно объяснить. Но что въ немъ нельзя видѣть завіщанія или дозволенія употреблять земной мечъ или земное могущество на защиту или подтвержденіе истины, это ясно видно изъ другихъ словъ, яснѣйшихъ, сказанныхъ уже именно апостолу Петру: *возерати мечъ отъ его мѣсто* (у другаго евангелиста: *вложи мечъ въ ножны*); *всѣ взяли мечъ мечемъ помбнутъ* (Матѣ. XXVI ст. 52 сравни Іоанна XVIII, 10—11 ст.). И въ той же самой бесѣдѣ на тайной вечери, изъ которой приверженцами свѣтской власти панъ берутся выраженія о *царствѣ* и о *двухъ мечахъ*, Іисусъ Христосъ, обличивъ въ ученикахъ стремленіе къ превозношенію другъ предъ другомъ, ясно высказалъ, что имъ должно быть чуждо всякое желаніе мірскаго преобладанія: „*цари языковъ господствуютъ надъ ними, и князья обладаютъ ими, но между вами не должно быть такъ. Между вами кто хочетъ быть большимъ, да будетъ вамъ слуга. Такъ, какъ и Сынъ человѣческой не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу свою для искупленія многихъ* (Матѣ. XX, ст. 25, 26, 28 сравн и Луки XXII ст. 25—27.) И при всякихъ другихъ случаяхъ Іисусъ Христосъ старался разсѣивать въ умахъ учениковъ своихъ мечты о мірскомъ владычествѣ. Между

тѣмъ ему было бы удобнѣе, если-бы то нужно было, дѣйствовать обратно, т. е. утверждать въ ученикахъ своихъ стремленіе къ мірскому преобладанію. Иудеи ожидали въ Мессіи земнаго царя завоевателя. И сами апостолы, до сошествія на нихъ Св. Духа, не были чужды этого предразсудка, и ожидали, что Іисусъ Христосъ придетъ устроить царство израильское, въ которомъ имъ придется занять первыя мѣста (Марка X, 37. Дѣян. 1—6). Но Іисусъ Христосъ внушалъ ученикамъ своимъ, что имъ придется пить ту чашу, которую Онъ пилъ, и креститься тѣмъ крещеніемъ, какимъ Онъ крестился, т. е. не властвовать надъ міромъ, а страдать въ мірѣ (Марк. X, 35—45 ст.).

Римскіе папы основываютъ свои государственныя права на преемствѣ власти отъ апостола Петра, и самыя владѣнія свои называютъ *наслѣдіемъ* Петра (Patrimonium Petri). Но не говоря уже о томъ, что папы не имѣютъ за собою никакого исключительнаго права считаться преемниками и *наслѣдниками* апостола Петра, нужно спросить, какими же владѣтельными правами пользовался апостолъ Петръ, и въ какомъ смыслѣ Римъ, съ принадлежащею къ нему областью, можетъ быть названъ *наслѣдіемъ* его?... Апостолъ Петръ также, какъ и всѣ другіе апостолы, не имѣлъ на землѣ и не старался пріобрѣтать владѣній. *Мы все оставимъ, и послѣдовамъ Тебѣ*, говорили апостолы Іисусу Христу (Матѣ. XIX. 27). Въ Римѣ, какъ справедливо говорятъ, нельзя назвать *наслѣдіемъ*

Петра или принадлежавшимъ ему даже того клочка земли, коворый сдѣлался его могилой. Онъ и казненъ былъ въ Римѣ казнію не римскаго гражданина, какъ казненъ апостоль Павелъ, но казнію преступника — пришлеца или раба, не пользовавшагося правомъ гражданства. Не имѣя самъ ни какихъ владѣній, онъ никому не могъ и завѣщать ничего въ этомъ родѣ. Напротивъ, какъ бы предвидя, что впоследствии найдутся люди, которые, прикрываясь его именемъ и пастырскою властью, станутъ домогаться господства надъ христіанскими душами, онъ ясно въ посланіи своемъ выразилъ ту мысль, что пастырямъ неприлично *господствовать* надъ своими пасомыми, или считать ихъ *своимъ наслѣдіемъ*, а нужно смотрѣть на нихъ, какъ на *наслѣдіе принадлежащее Богу*. „Пастырси, пишетъ онъ (I. посл. Петра гл. V ст. 1 — 3.) умоляю я, какъ *сопастырѣ* (а не какъ начальникъ пастырей): пасите Божіе стадо, какое у васъ, не ради гнусной корысти, а изъ усердія, — *не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ*, но подавая примѣръ стаду. И когда явится *пастыреначальникъ*, вы получите неувядающій славу вѣнецъ (а не на землѣ царскій вѣнецъ долженъ быть наградою пастырскаго служенія)“ ... Въ мірскихъ отношеніяхъ апостоль Петръ заповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ повиноваться царю, правителямъ отъ него посылаемымъ, и всякому *человѣческому начальству* (I. Петр. гл. II ст. 13—14), нимало ни домогаясь начальствовать или властвовать надъ кѣмъ либо. Наслѣдіемъ же, до-

стойнымъ христіанскаго стремленія, апостолъ Петръ называлъ *наслѣдіе нетлѣнное, непорочное, неуязвимое, хранящееся на небесахъ* (I. Петр. гл. I. ст. 4).

Была пускаема въ ходъ въ западной Церкви и такая мысль, что хотя апостолъ Петръ не непосредственно отъ Іисуса Христа наслѣдовалъ власть надъ Римомъ, но ее будто бы передалъ апостолу Петру самъ императоръ Неронъ, увлеченный его чудесами. Но это выдумка такъ невѣроятна и нелѣпа, что она не могла имѣть хода даже между самыми предубѣжденными и пристрастными приверженцами папства.

Гораздо болѣе держалась и распространялась въ западномъ христіанствѣ другая выдумка, будто императоръ Константинъ великій, принявъ въ Римѣ крещеніе отъ папы Сильвестра, и перенесши свою столицу на востокъ, Римъ отдалъ во владѣніе папѣ, на что и далъ ему дарственную запись. Но и этотъ вымыселъ ясно изобличенъ западными же учеными еще въ XV и XVI вѣкахъ. Извѣстно, что Константинъ великій и крестился не въ Римѣ, а въ Никоидіи, и папа Сильвестръ умеръ еще до крещенія Константина. Константинъ великій не давалъ ему никакой записи на Римъ, и послѣ Константина Италіей продолжали владѣть его преемники—императоры, а не папы. Сказка о дарѣ Константина великаго Папѣ Сильвестру была выдумана въ концѣ VIII столѣтія, для оправданія незаконнаго приобрѣтенія владѣтельныхъ правъ надъ землями,

полученными папами отъ Пипина. И сами католическіе ученые давно считаютъ ее сказкою, хотя и доселѣ по временамъ пользуются случаями увѣрять незнающихъ и легковѣрныхъ людей, будто свѣтская власть папъ существовала еще со временъ Константина великаго.

Въ настоящее время серьезные римско-католическіе ученые сознаютъ, что искать основаній свѣтской власти папъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства нельзя; тѣмъ не менѣе, говорятъ, эта власть имѣетъ за собою несомнѣнное историческое право, — такъ она выработалась постепенно законнымъ и естественнымъ историческимъ путемъ, а не была какою либо насильственной узурпаціею со стороны папства. Папы съ IV-го до VIII-го вѣка оказали очень много услугъ Риму и Италіи, и вслѣдствіе этого постепенно приобрѣтали себѣ тамъ болѣе и болѣе политическаго вліянія. Въ VIII вѣкѣ ихъ владѣтельные права надъ Римомъ закрѣплены дарственной грамотою Пипина, и потомъ въ слѣдующіе вѣка вновь подтверждены грамотами Карла великаго, Людовика благочестиваго, Оттона I-го, Маркграфини Матильды, и др. Въ новѣйшія времена владѣтельные права папы въ Италіи подтверждены европейскими государями на Вѣнскомъ конгрессѣ. Положимъ, что все это справедливо. Можно согласиться, что всѣ эти грамоты, акты, договоры даютъ папамъ историческое право на владѣніе своимъ государствомъ; но, безъ сомнѣнія, не на вѣчныя же времена. Какъ скоро

вопросъ о свѣтской власти папъ ставится на историческую почву, то и рѣшаться онъ долженъ исторически. Что слагается исторіею въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ въ одинъ вѣкъ, то и разрушается ею же въ силу другихъ обстоятельствъ въ другіе вѣка. Папы, въ прежніе вѣка, оказали много услугъ итальянскому народу, и тѣмъ приобрѣли вліяніе на политическія дѣла. Духъ времени, настроеніе эпохи утвердили за ними свѣтскую власть. Но, въ настоящее время, духъ и настроеніе эпохи совсѣмъ другіе. Безпорядки папскаго управленія и злоупотребленія папской политики давно уже заставили забыть веѣхъ тѣ услуги, какіе когда то оказывала папская власть Италіи. Итальянцы давно тяготятся правленіемъ папъ. Во всей европейской политикѣ папская власть составляетъ тормазъ, мѣшающій правильному ходу дѣлъ. Какое же право имѣетъ она на существованіе въ настоящее время? Грамоты прежнихъ государей Пипина, Карла, Людовика, Оттона и т. д?... Но не говоря уже о томъ, что подлинность нѣкоторыхъ изъ этихъ грамотъ (напр. грамоты Людовика благочестиваго) подвергаются сомнѣнію, не говоря о томъ, что смыслъ ихъ слишкомъ преувеличенно въ пользу папства толкуется римскими учеными, — какое значеніе могутъ имѣть эти грамоты для настоящаго времени, когда самыя государства этихъ Пипиновъ, Карловъ, Оттоновъ давно уже не существуютъ, когда весь строй европейской жизни совершенно измѣнился. Въ этомъ смыслѣ Наполе-

онъ I-й совершенно справедливо могъ сказать, что онъ имѣетъ такое же право лишить папу его свѣтскихъ владѣній, какое имѣлъ Карлъ великій утвердить ихъ за папой. Точно такое же основаніе для государственныхъ правъ папы могутъ представлять и постановленія Вѣнскаго конгресса. Уже многое изъ того, что было постановлено на Вѣнскомъ конгрессѣ, оказалось несостоятельнымъ. Ничего не было бы противозаконнаго въ томъ, если бы какой нибудь новый конгрессъ постановилъ лишить папу всѣхъ его владѣній точно также, какъ Вѣнскій конгрессъ постановилъ возвратить ихъ ему.

Такимъ образомъ съ исторической стороны всѣ притязанія папъ на свѣтскую власть являются совершенно несостоятельными. (*) Изъ области исто-

(*) Были еще попытки оправдать въ папахъ соединеніе духовной и свѣтской власти примѣрами ветхозавѣтной церкви; но эти примѣры, какъ сказано въ предшествовавшей главѣ, не могутъ имѣть значенія въ христіанскомъ мірѣ. Наконецъ нѣкоторые изъ католическихъ писателей не смущались въ пользу папы указывать даже на то, что и въ древнемъ языческомъ мірѣ бывали примѣры соединенія высшей религіозной власти съ государственною. Но эти примѣры конечно также мало оправдываютъ свѣтскую власть папъ, какъ и тѣ два древнихъ римскихъ императоровъ средневѣковую католическую инквизицію. Эти примѣры указываютъ только на источникъ, изъ котораго возникло въ римской церкви стремленіе къ мірскому преобладанію, и показываютъ, какой духъ живетъ въ этой церкви.

рических фактовъ поднимаемся въ область высшихъ теоритическихъ разсужденій; такъ какъ здѣсь приверженцы напства, особенно въ послѣднее время, чувствуя свою несостоятельность на почвѣ исторіи, стараются приискивать новыя искусственныя основанія для подкрѣпленія своихъ фальшивыхъ предразсудковъ и несправедливыхъ притязаній.

Здѣсь прежде всего намъ предстоитъ разобрать соображеніе весьма глубокаго свойства, отъ правильной постановки котораго должно зависѣть правильное рѣшеніе вопроса не только о свѣтской власти папы, но и вообще объ отношеніи церкви къ государству, религій къ наукѣ, искусству и всякимъ другимъ отправлениямъ человѣческой жизни. Соображеніе это едвали было высказываемо кѣмъ либо изъ католическихъ писателей въ полной ясности; но оно лежитъ какъ бы въ самой основѣ ихъ частныхъ разсужденій, и даетъ имъ кажущуюся убѣдительность. Соображеніе это приблизительно можетъ быть выражено такъ:

„Раздѣленіе, существующее доселѣ въ христіанскомъ мірѣ между духовною и свѣтскою властью, между церковью и государствомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано явленіемъ вполне законнымъ и нормальнымъ (точно также какъ и противорѣчіе между христіанскою наукою и христіанскою вѣрою). Это раздѣленіе служитъ причиною многихъ запутанностей въ историческихъ отношеніяхъ, и отзывается тяжкимъ бременемъ для людей съ искреннею и чистою христіанскою

совѣсти, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы и требованія государства сталкиваются съ интересами и требованіями церкви. Внешній идеалъ христіанской жизни долженъ заключаться не въ раздѣленіи, а въ тѣснѣйшемъ соединеніи церкви съ государствомъ. Соединеніе это должно имѣть самыя благотворныя послѣдствія и для Церкви, и для государства. Церковь, опираясь на внѣшнюю силу—на помощь государства, усиливше можетъ распространить свое вліяніе въ мірѣ. Государство, въ свою очередь, проникаясь высокими идеалами Церкви, будетъ болѣе возмущаться и благоустроиться въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Обязанностей и отправленій жизни общественной и государственной въ строгомъ смыслѣ даже и нельзя вполне отдѣлить отъ жизни религіозной; почвою для той и другой служить одна и таже жизнь человѣческая, одна и таже душа—живая и цѣльная, въ которой нельзя отдѣлить совѣсти религіозной отъ совѣсти государственной или смысла религіознаго отъ смысла государственнаго. Церковь, хотя собственно есть царство не отъ міра сего, но ей предназначено существовать и достигать своихъ цѣлей въ мірѣ; ей предназначено проникать своимъ вліяніемъ во всѣ отношенія людей личныя, семейныя, общественныя, государственныя, и всѣ эти отношенія подчинять себѣ, очищать, возвышать до совершеннѣйшаго христіанскаго идеала. Христіанство, какъ истинная религія, имѣетъ въ себѣ обѣтованія жизни не толь-

ко *грядущей, но и настоящей*, (I Тим. IV. 8). Задача христианства состоит не въ томъ только, чтобы нравственно дѣйствовать на отдѣльныя личности и воспитывать ихъ для жизни будущей, но и въ томъ, чтобы устроить между ними лучшія отношенія въ жизни настоящей — устроить христианскую семью, христианское общество, христианское государство, (точно также христианскую науку, христианское искусство и т. д.). Папство вѣрно поняло эту задачу, когда задумало подчинить вліянію Церкви не только въ собственномъ смыслѣ религіозныя дѣла и отношенія, но и семейныя, общественныя, государственныя, науку, искусство, политику и всю жизнь христианскихъ народовъ. Папская теократія, соединеніе высшей власти религіозной и государственной въ одномъ лицѣ представляетъ не аномалію, не незаконное явленіе въ христианской исторіи, а тотъ высшій идеалъ, къ которому должна стремиться христианская жизнь, и по которому должны были бы преобразоваться не только такъ называемыя христианскія государства, чтобы стать истинно христианскими, не по имени только, но по духу, по всему устройству своему...

Нельзя не согласиться съ основными началами такого разсужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что выводъ изъ нихъ въ пользу папства можетъ быть сдѣланъ только самымъ неувѣрнымъ и недобросовѣстнымъ образомъ. Здѣсь все основано на смѣшаніи понятій между цѣлю и средствами религіознаго воспитанія человечества,

между условіями жизни настоящей и будущей, между свободнымъ внутреннимъ вліяніемъ религіозныхъ началъ на жизнь общественную, и насильственнымъ вліяніемъ преобладаніемъ Церкви (или части ея—іерархіи церковной) надъ государствомъ. Раздѣленіе между церковію и государствомъ, также какъ и противорѣчіе между вѣрою и наукою, между требованіями религіозными и требованіями общественными, дѣйствительно никакъ не могутъ быть признаны нормою и идеаломъ христіанской жизни. Эти раздѣленія и противорѣчія составляютъ предметъ смущенія и тяжелой внутренней борьбы для умовъ искреннихъ и послѣдовательныхъ, для душъ чистыхъ. Тѣмъ не менѣе эти раздѣленія и противорѣчія необходимо вытекаютъ изъ условій земной жизни и естественнаго развитія человѣчества. Жизнь человѣчества находится въ ненормальномъ положеніи. Отношенія между людьми основаны на искаженныхъ началахъ. Христіанство не можетъ войти въ эти отношенія и примириться съ ними въ ихъ настоящемъ statu quo, не искажая тѣмъ достоинства и чистоты своихъ нравственныхъ началъ. Оно поэтому необходимо вноситъ въ міръ противорѣчіе, раздѣленіе, борьбу. Поэтому самъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что онъ пришелъ *принести на землю не миръ, а мечь*. (Матѣ. X, 34) Христіанству предназначено проникнуть во всѣ отношенія людей—личныя, семейныя и общественныя, и всѣ эти отношенія покорить себѣ и преобразовать по высшему христіанскому идеалу. Но это можетъ совершиться

только постепенно, но и и́ръ того, какъ всѣ есте-
 ственныя сферы и отправления жизни человѣче-
 ской—семья, общество, государство, наука—не на-
 силственно будутъ увлекаемы въ подчиненіе внѣш-
 нему церковному авторитету (т. е. церковной іерар-
 хіи), но свободно и естественно различными путями
 непосредственными и посредственными, прямыми и
 окольными, явными и тайными будутъ приближаться
 къ христіанскому идеалу, внутренне проникаться
 имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовываться, очищаться
 совершенствоваться сами собою, а не силою внѣш-
 няго авторитета. Это должно совершаться посте-
 пенно, въ продолженіе всей настоящей жизни, ко-
 торая и предназначена для религіозно—нравствен-
 наго воспитанія людей, свободнослѣдующихъ пу-
 тямъ благодатнаго Промысла, ведущимъ ихъ къ
 совершенству и спасенію. Высшая же окончатель-
 ная цѣль всего этого достигнется, высшій хри-
 стіанскій идеалъ осуществится—въ жизни буду-
 щей. Тогда кончится борьба добра съ зломъ, и
 исчезнутъ всѣ ненормальности въ жизни человѣ-
 ческой. Тогда не будетъ неестественныхъ раз-
 дѣленій и противорѣчій между церковію и госу-
 дарствомъ, между наукою и вѣрою, между требо-
 ваніями религіозными и общественными. Тогда
*все покорится Христу; Богъ будетъ всяческая во-
 астаъ, и настанетъ вѣчное Царство славы, кото-
 рому не будетъ конца* (1 Кор. XV, 28. Лук. 133).
 Настоящая жизнь служить путемъ къ этому со-
 вершенству; она можетъ представлять въ различ-

ныхъ сферахъ своихъ постепенное приближеніе къ высшему христіанскому идеалу, но не можетъ представить полнаго осуществленія идеала. Церковь Христова, въ настоящемъ своемъ состояніи, представляется церковію *воинствующею*, борущеюся, стремящеюся утвердить свои идеалы среди міра, — но еще недостигшею своей цѣли, не покоющеюся, *не торжествующею*. Въ настоящемъ состояніи христіанскаго міра высшія, собственно христіанскія, божественныя начала жизни представляются въ смѣшеніи и борьбѣ съ началами низшими, естественными, человѣческими. Отсюда въ христіанской жизни являються раздѣленія, противорѣчія, ненормальности, тяжелыя для искреннихъ умовъ и чистыхъ душъ, но тѣмъ не менѣе естественныя и неизбѣжныя въ ходѣ нравственнаго развитія и воспитанія человѣчества. Убѣжденія и жизнь христіанъ часто дwoятся между различными, и нерѣдко приходящими въ противорѣчіе одно съ другимъ, началами. Государство заправляетъ естественными отношеніями людей, имѣя свои стремленія, свои идеалы, не соображаясь съ цѣлями и идеалами Церкви, иногда даже вступая въ противорѣчіе съ ними. Церковь, не ^{отъ}вступая въ прямыя соотношенія съ государствомъ, не требуя отъ него внѣшняго подчиненія своему авторитету, и имѣя какъ будто свою, совершенно отдѣльную, область вліянія и дѣйствованія, тѣмъ не менѣе постепенно распространяетъ свое владычество въ умахъ и сердцахъ людей; и эти умы и сердца, когда проникнуты христіанскою

истиной, сами собою, безъ всякихъ непосредственныхъ указаній и руководствъ внѣшняго церковнаго авторитета, провести истину во всѣ свои взаимныя отношенія — семейныя, общественныя и государственныя. Наука человѣческая имѣетъ также свой самостоятельный ходъ, свои цѣли, законы и часто не хочетъ знать о высшей богооткровенной истинѣ, и даже вступаетъ въ противорѣчіе и споръ съ нею. А вѣра, не вторгаясь непосредственно въ область свободныхъ изслѣдованій науки, указываетъ человѣку только тѣ высшія исходныя точки всякаго убѣжденія, отправляясь отъ которыхъ люди, послушные голосу истины, мало по малу могутъ возводить къ высшему жизненному единству, и располагать по идеѣ религіозной всѣ свободныя открытія и пріобрѣтенія естественнаго ума человѣческаго. Такъ совершается на землѣ путь религіозно-нравственнаго воспитанія человѣчества, постепенно приближаясь къ высшей предопредѣленной Промысломъ цѣли, но не нарушая и естественнаго хода человѣческой жизни. Въ концѣ этого пути всѣ разнообразныя окольные дороги должны сойтись вмѣстѣ въ одинъ главный путь, всѣ раздѣленія покончатся, всѣ противорѣчія устранятся. Но пока этотъ путь не конченъ, мы не должны смущаться встрѣчающимися на немъ запутанностями и противорѣчіями, и ожидать полного осуществленія высшаго нравственнаго идеала при такихъ условіяхъ жизни, которыя представляютъ еще много непобѣжденныхъ противорѣчій этому идеалу. ✕

Возможно было бы представить себѣ другой путь религіозно-нравственнаго воспитанія человѣчества. Христіанство могло бы явиться въ мірѣ во всеоружіи самаго могущественнаго, какой только можно представить, внѣшняго земнаго авторитета—и при его посредствѣ распространять свое владычество между людьми. Христосъ могъ бы явиться могущественнѣйшимъ царемъ всего міра и силою правительственнаго закона и внѣшняго принужденія заставлять людей принимать свое ученіе. Евангеліе могло бы явиться въ видѣ самой возвышенной и стройной научной или философской системы, и силою своей научной доказательности нравственно покарять себѣ убѣжденія людей. Но промыслъ Божій не избралъ, не призналъ достойнымъ такого пути: ибо тогда нарушенъ былъ бы свободный ходъ естественнаго развитія человѣческой жизни. Тогда естественныя силы человѣческія, созданныя отъ Бога свободными, были бы насильно увлекаемы въ послушаніе Божественной истинѣ; и самая Божественная истина была бы унижена, находя себѣ силу и опору въ земномъ человѣческомъ авторитетѣ. Господу угодно, чтобы свобода естественныхъ силъ человѣческихъ осталась неприкосновенною, и чтобы истина Божественная привлекала къ себѣ сердца людей сама собою—своею внутреннею силой, не опираясь на внѣшній земной авторитетъ. И потому Христосъ явился на землѣ не на тронѣ, а въ ясляхъ. И проповѣдь Евангелія распространена въ мірѣ не мудрыми философами, а безкниж-

ными галилейскими рыбаками,—дабы увидѣли и убѣдились люди, что не—мудрое Божіе мудрѣе мудраго человѣческаго, и немощное Божіе крѣпче крѣпкаго человѣческаго,—и чтобы никакая плоть, никакая внѣшняя сила не превозносилась предъ силою Божіей истины (1 Кор. I; 25, 29). Такой путь распространенію Царства Божія на землѣ указанъ самимъ Господомъ Спасителемъ рода человѣческаго, — и никто изъ людей, призванныхъ быть служебнымъ орудіемъ въ распространеніи Божія Царства (Церкви), не можетъ измѣнять этого пути, уклоняться отъ него, или находить его не вполне достаточнымъ для своей цѣли, и измышлять какой либо другой путь, какъ бы болѣе твердый, болѣе дѣйствительный.

Если Самъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, явившись въ міръ для спасенія людей, не призналъ нужнымъ, для успѣха своей религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для блага людей, соединить въ своемъ лицѣ высшій религіозный и высшій земной—государственный или научный—авторитетъ; то тѣмъ болѣе нельзя этого сдѣлать кому либо изъ послѣдователей и служителей Церкви Христовой — кому либо изъ ограниченныхъ смертныхъ людей. Не говоря о невыполнимости самой въ себѣ этой задачи—примирить небесное съ земнымъ, соединить Божественное съ человѣческимъ (прежде чѣмъ это послѣднее окончательно преобразуется и очистится), ни у одного человѣка не можетъ быть достаточно умственныхъ и нравственныхъ силъ даже для

того, чтобы умѣть всегда правильно отнестись къ этой задачѣ, ясно различить требованія закона Божественнаго и человѣческаго, и указать тому и другому всегда соотвѣтственную сферу вліянія и дѣйствованія. Существующая въ мірѣ запутанность отношеній между духовнымъ и мірскимъ, столкновенія интересовъ Церковныхъ съ государственными, разногласіе между наукою и вѣрою, должны поставять въ безвыходное противорѣчіе человѣка, который бы захотѣлъ не только служить съ равнымъ и всецѣлымъ усердіемъ одному, другому и третьему, но и заправлять-руководить всѣмъ: дѣлами религіозными, государственными, научными и т. д.. Человѣку, который бы взялъ на себя это несоотвѣтствующее силамъ человѣческимъ дѣло и право могла бы угрожать опасность—не только не принести пользы религіи, государству, наукѣ и т. д.; но и существенно повредить всему: религію исказить, свободу науки стѣснить, отправленіямъ государства дать не-нормальный ходъ, духовное смѣшать съ мірскимъ, человѣческое покрыть авторитетомъ божественнаго; божественное унижить до человѣческаго, — и чрезъ это не только не примирить, и не соединить того, что, по условіямъ настоящей жизни является раздѣленнымъ, но еще болѣе раздѣлить и поставить въ противорѣчіе религію, государство, науку и т. д.

Папство въ средніе вѣка впало именно въ эту ошибку, задумавши воздвигнуть въ Церкви христіанской всемірную теократическую монархію. Пап-

ство уклонилось отъ того пути распространенія истины, какой избралъ и указалъ самъ Христосъ, и избрало другой путь. Оно не довольствовалось вѣрою въ нравственную силу истины—самой въ себѣ, и захотѣло употребить въ пособіе Божественной истинѣ силу внѣшняго авторитета человѣческаго,—захотѣло взять въ свои руки управление всѣми дѣлами не только религіозными, но и государственными, также подчинить себѣ науку, искусство и всякія другія сферы человѣческой жизни, дабы чрезъ всѣ сферы удобнѣе и дѣйствительнѣе проводить на людей христіански-религіозное вліяніе. (Мы беремъ здѣсь идею папской теократіи въ высшемъ смыслѣ, какъ понимали ее самые лучшіе-геніальнѣйшіе и безкорыстнѣйшіе представители папства. Не говоримъ о большинствѣ папъ, поддерживавшихъ теократическій принципъ, даже не ради цѣлей религіозныхъ, а по личнымъ, болѣе или менѣе грубымъ и мелкимъ побужденіямъ и расчетамъ). Папа такимъ образомъ захотѣлъ быть не только образомъ и намѣстникомъ Христа на землѣ, но и представить въ себѣ какъ бы нѣчто болѣе возвышенное и могущественное, нежели самъ Христосъ, явиться царемъ вмѣстѣ духовнымъ и мірскимъ, покорить себѣ всѣ свободныя естественныя стихіи міра, которыя самому Христу должны окончательно покориться только въ будущей жизни, примирить непримиримое, соединить несоединимое и устроить здѣсь на землѣ—въ Римѣ подъ своею автократіей — то вѣчное Божествен-

ное царство славы, котораго христіане ожидаютъ только въ будущей жизни—подъ владычествомъ Царя—Христа. Какія послѣдствія должны были произойти отъ этого, отчасти показала исторія. Къ счастью человѣчества, папству никогда не удавалось вполне осуществить свой теократическій идеалъ, и окончательно подчинить себѣ и религію, и государство, и науку. Но и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ папству удавалось осуществить свои стремленія въ средніе вѣка, оно не только не дѣлало пользы религіи, государству и наукѣ, но и вредило всему: унижало религію, вмѣшивая ее въ нечистый водоворотъ страстей и дѣлъ человѣческихъ, задерживало естественное развитіе науки, стѣсняя ея свободу требованіями внѣшняго для нея церковнаго авторитета, нарушало правильный ходъ политической жизни, злоупотребляя религіознымъ вліяніемъ въ политическихъ дѣлахъ. Отсюда вышли такіа слѣдствія, что папство не только не соединило, не примирило, не поставило въ близкія дружественныя отношенія религію, науку, государство,—но еще болѣе раздѣлило, поставило ихъ во враждебныя отношенія между собою. То крайнее раздѣленіе между Церковію и государствомъ, какое въ послѣдніе вѣка болѣе и болѣе распространяется въ западной Европѣ на дѣлѣ и въ теоріи, и которое отвергаетъ между ними всякую не только внѣшнюю іерархическую, но и внутреннюю нравственную связь, — то глубокое противорѣчіе между религіею и наукою, которое также

отрицаетъ между ними не только единство путей къ достиженію истины, но и всякое согласіе цѣлей и стремленій, которое не знаетъ средняго пути между отверженіемъ искренней вѣры или подавленіемъ свободной мысли, всѣ эти печальныя и ненормальныя явленія въ христіанскомъ мірѣ по справедливости разсматриваются въ исторіи, какъ реакція противъ насильственного объединенія Церкви и государства, религіи и науки, насильственного подчиненія ихъ одному вышнему церковному авторитету въ средневѣковомъ католицизмѣ.

Въ позднѣйшіе вѣка папство силою историческихъ обстоятельствъ вынуждено оставить свои мечты о всемірной теократіи, отказаться отъ притязаній подчинить своему вліянію и всѣ государства, и свободное движеніе науки, и развитіе искусства и т. д. Но и тѣ жалкіе остатки папской теократіи, то соединеніе высшей духовной и мірской власти въ одномъ лицѣ, какое представляетъ до нынѣ римская церковная область, достаточно показываютъ, какое глубокое противорѣчіе заключаетъ въ себѣ это соединеніе несродныхъ духовныхъ и мірскихъ стихій, и какъ оно вредитъ и интересамъ католической Церкви, и интересамъ папскаго государства... Какъ правителю государства папѣ не возможно быть хорошимъ первосвященникомъ, и какъ первосвященнику—хорошимъ государемъ. Его римское государство, не смотря на то, что оно пользуется особеннымъ привилегированнымъ положені-

емъ привлекаетъ къ себѣ сборы и доходы изъ многихъ другихъ государствъ, защищается иностранными войсками, поддерживается всею европейскою политикой, привлекаетъ на служеніе себѣ силы и таланты со всего католическаго міра, представляетъ тѣмъ не менѣе едва ли не самое жалкое явленіе между всѣми другими европейскими государствами. Едва ли гдѣ народъ такъ униженъ, раззоренъ и развращенъ, едва ли гдѣ столько не правосудія, деспотизма, обмановъ, грабежей и другихъ преступленій, едва ли гдѣ въ народѣ столько недовольства, жалобъ и ропота противъ управляющей имъ власти, какъ въ папскомъ государствѣ. И это очень понятно. Во главѣ управленія этимъ государствомъ всегда стоятъ старцы, изъ которыхъ рѣдкій съ молодыхъ лѣтъ приготовлялся къ государственнымъ занятіямъ, и имѣетъ къ нимъ способность. Всѣ главнѣйшія мѣста государственнаго управленія заняты также людьми, воспитавшимися въ келліяхъ, и большею частію имѣющими извращенныя понятія о мірскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Неспособностью и слабостью высшихъ правителей всегда могутъ пользоваться своекорыстіе и интрига низшихъ; и на самомъ дѣлѣ едва ли гдѣ столько бываетъ интригъ и злоупотребленій, какъ при папскомъ дворѣ. И между тѣмъ нигдѣ не можетъ встрѣчаться себѣ столько препятствій всякая правдивая и честная попытка къ обнаруженію злоупотребленій, къ исправленію дурныхъ

лінія. Голоса представителей изъ среды самаго народа здѣсь не могутъ быть слышны, потому что здѣсь, по самой идеѣ теократическаго государства, все должно итти сверху. Здѣсь всякое неудачное распоряженіе можетъ быть прикрито покровомъ непогрѣшимаго церковнаго авторитета, и всякое дурное учрежденіе можетъ быть закрѣплено на цѣлые вѣка во имя непоколебимыхъ религіозныхъ началъ. Осужденіе неудачной правительственной мѣры здѣсь можетъ быть принято за хулу противъ непогрѣшимости главы Церкви, и протестъ, вызванный дурнымъ управленіемъ государства, за ересь противъ догмата *о наслѣдіи Петровомъ*. Нечестивецъ, осмѣливающійся возмутить покой Церкви—государства, подпадаетъ карѣ мірской и духовной, временной и вѣчной. Отлученіе отъ Св. Причащенія и казематъ, анафема и смертная казнь здѣсь могутъ итти вмѣстѣ, и подкрѣпляться одно другимъ. Поэтому здѣсь можно найти самыя дѣйствительныя условія къ разстройству, и самыя сильныя препятствія къ улучшенію, развитію, прогрессу государства. Съ другой стороны государственное положеніе главы Церкви существенно вредитъ ея религіознымъ интересамъ. Правительственныя заботы и соображенія паны и его кардиналовъ—министровъ, монаховъ—секретарей, казначеевъ и т. д. отвлекаютъ ихъ отъ чистой и всецѣлой преданности служенію Церкви, отъ усерднаго исполненія религіозныхъ обязанностей. Го-

щіхся въ нхъ распоряженіи, представляютъ для нихъ сильное искушеніе злоупотреблять мірскою силою въ дѣлахъ духовныхъ, и духовнымъ вліаніемъ въ дѣлахъ мірскихъ. Забота поддержать свое достоинство между другими государями, пышность двора, торжественныя церемоніи папскихъ пріемовъ и выходовъ, и въ связи съ этимъ свѣтская пышность самаго богослуженія папскаго—мало даютъ возможности папѣ и кардиналамъ сосредоточиваться въ настрояніи подобающаго пастырямъ Церкви смиренія. Наконецъ неизбежныя столкновенія идей и интересовъ государственныхъ и религіозныхъ нерѣдко вынуждаютъ папу, какъ государя, позволять себѣ такіа дѣйствія, которыя прямо противорѣчатъ его первосвященническимъ обязанностямъ. Папы угнетаютъ своихъ подданныхъ, обманываютъ друзей, жестоко преслѣдуютъ враговъ, дѣлаютъ подкупы, заводятъ интриги, возбуждаютъ войны, подписываютъ смертныя приговоры, проливаютъ кровь (хотя бы и чужими руками (*)) Между тѣмъ они, если приписываютъ себѣ высокое достоинство главы Церкви, первые должны бы быть проповѣдниками христіанскаго братства, любви, мира, свободы, спра-

(*) По древнимъ правиламъ Церковнымъ всякое противіе крові, всякое насиліе, совершенное служителемъ Церкви, подвергается его лишенію сана. И въ этомъ есть глубокій смыслъ. Ибо хотя Церковь не можетъ сразу искоренить насилій, убійствъ, войнъ, кровопролитій во всемъ мірѣ, но она по крайней мѣрѣ не должна подтверждать и освящать ихъ призывомъ своихъ непосредственныхъ священнослужителей.

ведливости, честности, ^екорыстїи—проводниками этихъ высокихъ началъ во всѣ отношенія людей—личныя, семейныя, государственныя, международныя и т. д. Духъ, господствующій во главѣ Церковнаго управленія, смѣшеніе религіознаго съ политическимъ, духовнаго съ мірскимъ, христіанскаго съ языческимъ отъ главы Церкви распространяется на всю Церковь, управляемую имъ, даетъ особенный характеръ духовенству католической Церкви; всѣмъ ея ученіямъ и учрежденіямъ. И такимъ образомъ унижается святая христіанская вѣра въ глазахъ людей, и разшатываются твердыя основанія Церкви. Папство жалуется на упадокъ религїи, на колебанія умовъ распространяющееся въ мірѣ (вступительная рѣчь Піа IX-го на Римскомъ соборѣ 8-го Декабря 1869 года). Но оно же само было однимъ изъ главныхъ виновниковъ этихъ золъ. И нѣтъ сомнѣнія, чѣмъ долѣе Папа будетъ защищать интересы своей свѣтской власти, и вообще выказывать духъ преобладанія, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться въ Европѣ, и особенно въ ближайшей къ нему Италїи, духъ неувѣрія и вражды противъ Церкви.

Сказаннаго достаточно, чтобы понять несообразность соединенія въ Римской Церкви высшей духовной и мірской власти—въ самомъ его принципѣ. Приверженцы папства приводятъ еще нѣсколько частныхъ соображеній въ пользу такого соединенія. Но всѣ эти соображенія такъ шатки и слабы, и обличаютъ также грубое пониманіе дѣла, что по-

„Свѣтская власть папъ говорить, необходима для поддержанія достоинства и независимости Церкви. Папѣ неприлично быть подданнымъ какого нибудь государя. Это стѣсняло бы въ немъ ту духовную свободу, по которой онъ, ни отъ кого не завися, можетъ безпристрастно обращаться съ со-вѣтомъ, наставленіемъ и обличеніемъ ко всѣмъ государямъ и народамъ. Безъ пособія свѣтской власти не можетъ держаться духовная самостоятельность и супрематія (верховенство, главенство) папы“. Всѣ эти доводы показываютъ только, какъ далеко Римско-католическое пониманіе христіанства отъ истиннаго его пониманія. Тамъ, гдѣ безъ пособія государственной власти не надѣются поддержать достоинство и свободу Церкви, очевидно слишкомъ слаба вѣра во внутренніе основанія Церкви. Но Церковь, по крайней мѣрѣ восемь вѣковъ, ничего не знала о свѣтской власти папъ, и существовала съ полнымъ достоинствомъ и свободою. Уже ли же съ того времени духъ Божій пересталъ подтверждать церковь, замѣнивъ въ ней свою вседѣйствующую благодать внѣшнею опорою свѣтской власти? Христосъ не считалъ для себя униженіемъ съ самыхъ первыхъ дней явленія на землѣ записаться въ число подданныхъ Царя земнаго, и платить ему дань за себя; Апостолы не считали неприличнымъ учить о повиновеніи земнымъ властямъ; знаменитѣйшіе учителя Церкви не въ гражданскомъ подданствѣ царямъ земнымъ не находили прецѣдентъ къ исполненію своихъ пастырскихъ обя-

зависностей, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно было обращаться съ увѣщаніемъ и обличеніемъ къ тѣмъ же царямъ земнымъ. Почему же папа можетъ считать неприличнымъ и унижательнымъ, несовмѣстнымъ съ своими папскими обязанностями быть подданнымъ какого нибудь государя? Не гораздо ли болѣе несовмѣстнаго съ папскими обязанностями представляють тѣ правительственныя заботы и занятія, которыя принимаютъ на себя папы, и вторымъ нерѣдко, по ходу дѣлъ, заставляютъ ихъ прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ, какъ подписываніе смертныхъ приговоровъ, возбужденіе кровопролитныхъ войнъ, веденіе политическихъ интригъ и т. д. Не гораздо ли болѣе унижается достоинство и самостоятельность Церкви тогда, когда сила ея вліянія опирается на вышней государственной опорѣ, на пособіи иностранныхъ войскъ, на тонкостяхъ дипломатическаго искусства, на преслѣдованіяхъ, интригахъ, притѣкахъ, казематахъ и т. д. Истинное достоинство и самостоятельность Церкви, на сколько онѣ еще сохранились въ католическомъ мірѣ, безъ сомнѣнія, и по уничтоженію свѣтской власти папы, будутъ поддерживаться также хорошо и даже гораздо лучше, нежели при существованіи ея. Но если подъ достоинствомъ Церкви разумѣть царскую пышность и богатство папскаго двора, а подъ самостоятельностью ея присвоенное папами право мѣшаться въ политическія дѣла всѣхъ христіанскихъ странъ, ведѣ имѣть своихъ агентовъ и шпио-

новъ, и посредствомъ нихъ производить интриги, — то эти привилегіи папства дѣйствительно могутъ потерять свое значеніе съ уничтоженіемъ его свѣтской власти. Когда папа станетъ подданнымъ какого нибудь государя, то неудивительно, что онъ не только потеряетъ большую часть своего политическаго вліянія въ Европѣ, но и утратитъ ту самую *супрематію*, то духовное главенство въ Церкви, которое даетъ ему особенное положеніе между другими христіанскими пастырями, и которое такъ противорѣчитъ духу истиннаго послѣдователя Христова. Ставши подданнымъ какого нибудь европейскаго государя, папа дѣйствительно скоро можетъ стать только однимъ изъ старѣйшихъ національныхъ епископовъ западной Церкви, его приговоры перестанутъ считаться непорѣшимыми, и всѣ нововведенія, установленныя имъ въ западной Церкви, лишатся догматическаго значенія. Но это нисколько не повредитъ истинному достоинству и самостоятельности Церкви. Напротивъ тогда — то истинное достоинство и самостоятельность будутъ восстановлены въ западной Церкви; и она возвратится къ своему древнему, чистому состоянію, станетъ опять истинно апостольскимъ учрежденіемъ, отвергнувши отъ себя несоотвѣтственныя христіанскому духу привилегіи и преданія стараго языческаго Рима. Къ этому влечетъ Римскую Церковь не только христіанскій долгъ, но и самая сила естественнаго теченія дѣлъ — сила историческихъ обстоятельствъ.

„Государственная власть папы, говорятъ, служить опорой нравъ всѣхъ другихъ государей; существованіемъ ея поддерживаются порядокъ и благосостояніе во всѣхъ странахъ и народахъ; ея охраняется всякій законъ, всякое право. Съ уничтоженіемъ свѣтской власти папы поколеблются всѣ общественныя и государственныя основы, выступятъ во всей силѣ революціонныя стремленія и страсти, рухнетъ порядокъ и законъ, падутъ троны государей, исчезнетъ миръ между народами, уничтожится собственность, семья, падетъ религія и т. д.!! Это послѣдній изъ аргументовъ, особенно часто и въ разнообразныхъ видахъ приводимый въ послѣднее время приверженцами свѣтской власти папъ. И неудивительно. Всѣ старыя, одряблѣвшія, близкія къ паденію общественныя силы обыкновенно стараются защитить послѣдніе остатки своего существованія тѣмъ, что представляютъ, будто съ ихъ паденіемъ должно рушиться все въ мірѣ, и пасть самый міръ. Удивительно то, что этотъ аргументъ находятъ себѣ еще нѣкоторое довѣріе у людей серьезныхъ, даже и не заинтересованныхъ выгодами и привилегіями папства. Многіе западные публицисты и ораторы даже не католики (какъ напр. Гизо), политики и государи западные, совершенно равнодушны къ интересамъ католической Церкви, не рѣшаются произнести окончательнаго приговора объ уничтоженіи свѣтской власти папъ изъ опасенія, какъ бы чрезъ то не поколебался обще-

ственный и государственный строй Европы. Тамъ сохраняется еще доселѣ въ западной Европѣ силу тотъ предразсудокъ, который созданъ и воспитанъ въ средніе вѣка папствомъ; и на этомъ те предразсудкѣ только и держатся доселѣ остатки свѣтской власти папы. Предразсудокъ этотъ отчасти подкрѣпляется, въ послѣднее время тѣмъ, что многіе изъ противниковъ папской власти въ Италіи являются вмѣстѣ съ тѣмъ противниками общественныхъ и государственныхъ порядковъ вообще; національныя итальянскія стремленія къ освобожденію Рима отъ папы смѣшиваются съ революціонными стремленіями. Но это обстоятельство, кажется, правильнѣе должно бы быть истолковываемо противъ свѣтской власти папъ, нежели въ пользу ея. Ненормальное существованіе церковнаго государства въ Римѣ не успокаиваетъ, не сдерживаетъ, а скорѣе возбуждаетъ движеніе революціонныхъ страстей въ Италіи, даетъ имъ пищу, — даетъ благовидный предлогъ, подъ прикрытіемъ законныхъ національныхъ стремленій къ полному объединенію Италіи, волновать народъ незаконными революціонными внушеніями. Опасаться же того, что съ уничтоженіемъ свѣтской власти папы, получатъ больше силы и свободы противуположенные элементы во всей Европѣ; думать, что съ существованіемъ свѣтской власти папы на самомъ дѣлѣ тѣсно связаны права государей и народовъ, — законность, порядокъ, миръ, и благосостояніе, собственность, семья, государство и рели-

гя — рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Всѣ основн государственнаго и общественнаго порядка существовали въ мірѣ задолго до учрежденія свѣтской власти папы; съ усиленіемъ ея въ средніе вѣка, они не только не получили большей крѣпости, но напротивъ были больше запутаны незаконнымъ вмѣшательствомъ духовной силы въ непринадлежащі ей мірскія дѣла. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что съ совершеннымъ уничтоженіемъ этой запутанности, доселѣ по преимуществу олицетворяемой въ Римѣ, разстроится въ мірѣ государственный и общественный порядокъ. Можно быть увѣреннымъ, что на другой день, по уничтоженіи свѣтской власти папы, солнце на небѣ будетъ также сіять, какъ и доселѣ сіяло. А если заблужденія и грѣхи людей часто препятствуютъ солнечному свѣту сіять въ полномъ блескѣ, то можно надѣяться, что этихъ препятствій будетъ менѣе, когда свѣтская власть папы совершенно уничтожится, а духовная войдетъ въ свои законные предѣлы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДѢЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ПАПСТВА.

Стр.

ГЛАВА I. Состояніе западной церкви послѣ ея отдѣленія отъ восточной, со временъ папы Николая I-го до Григорія VII-го (съ половины IX-го до половины XI-го вѣка)	5
II. Эпоха высшаго развитія папской власти съ половины XI-го до XIV-го вѣка. Гильдебрандовская реформа въ западной церкви. Крестовые походы; рыцарскіе ордена; монашество; схоластика. Папы Александръ III и Иннокентій III. Борьба папъ съ императорами Гогенштауфенами и паденіе этой династіи	12
III. Нравственный и политическій упадокъ папства съ XIV-го вѣка. Бонифацій VIII. Пробываніе папъ въ Авиньонѣ. Великій расколъ въ западной церкви въ концѣ XIV-го вѣка.	24
IV. Реформаторскія стремленія въ западной церкви въ XV-мъ вѣкт. Либеральная богословская партія во франціи. Промовѣдъ Гусса въ Чехіи: Пизскій, Констанцскій и Базельскій соборы. Гусситы.	34
V. Состояніе папства и западной церкви въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣковъ—предъ реформаціей	44
VI. Папство послѣ реформаціи въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ. Езуиты. Тридентскій со-	50

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РАЗСМОТРѢНІЕ РИМСКАГО УЧЕНІЯ О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I. Общая характеристика римско-католической вѣроисповѣдной системы, какъ образовались и развились въ римской церкви различныя отступленія отъ древнихъ преданій, и въ какомъ положеніи находятся онѣ въ настоящее время?	77
II. Римско-католическое ученіе о папской власти; его смыслъ и значеніе въ западной церкви	85
III. Разсмотрѣніе ученія о главенствѣ папы на основаніи свидѣтельствъ евангельской и апостольской исторіи	99
IV. Римское ученіе о главенствѣ папы на основаніи свидѣтельствъ христіанской исторіи первыхъ трехъ вѣковъ	112
V. Разсмотрѣніе ученія о папской власти на основаніи свидѣтельствъ церковной исторіи періода вселенскихъ соборовъ	121
VI. Разсмотрѣніе свидѣтельствъ въ пользу папской власти, заимствуемыхъ изъ писаній древнихъ церковныхъ учителей, и изъ богослужебныхъ книгъ православной церкви	141
VII. Справедливо ли говорятъ римскіе богословы, будто папская власть служитъ необходимымъ условіемъ самаго существованія церкви, будто безъ папской власти не можетъ поддерживаться единство и самостоятельность церкви, ни сохраняться въ ней чистота праваго ученія	153
VIII. Справедливо ли, будто папская власть служитъ условіемъ правильнаго и плодотворнаго развитія религіозно—нравственной жизни въ западной церкви	185
IX. Свѣтская власть папы; ея происхожденіе и постепенное развитіе въ западной церкви	203
X. Разборъ основаній, приводимыхъ римскими писателями въ пользу свѣтской власти папы	228

ОПЕЧАТКИ.

Стр. Строка. НАПЕЧАТАНО:

ДОЛЖНО БЫТЬ:

14 — 20	кафедральной.	кафедральной.
18 — 28	Францискацдевъ.	Францискаццель.
25 — 20	схолоствами	схолостиннами.
26 — 11	съ II вѣка.	съ XI вѣка.
27 — 11	крайною.	крайнем.
30 — 30	Марсилий.	Марсилий.
33 — 15	одного.	одного.
35 — 17	устраненія.	устроенія.
38 — 29	увидѣнны.	увидѣнны.
40 — 17	надъ.	надъ.
42 — 8	соборовъ.	сборовъ.
47 — 21	Карлштадтъ.	Карлштадтъ.
49 — 27	viŕotum	viŕotum.
50 — 15	Кемпійскаго.	Кемпійскаго.
55 — 22	Лойоло.	Лойолоу.
58 — 5	непросвященныя.	непросвѣщенныя.
62 — 7	XIV столѣтія.	XVII столѣтія.
63 — 8	Янсеній.	Янсений.
65 — 17	особено.	особенно.
68 — 6	языкъ.	языкъ.
83 — 12	папской.	папской.
84 — 3	очищенные.	очищенныя.
89 — 1	работѣннаго благомысія.	работѣннаго благоговѣнія.
92 — 14 16	Государи, намѣстники папы, какъ папа, намѣстникъ Бога.	Государи — намѣстники папы, какъ папа — намѣстникъ Бога.
100 — 25	необыкновеннымъ.	не обыкновеннымъ.
101 — 2	окончанія.	скончанія.
125 — 6	primus, inter pares.	primus inter pares.
127 — 29	мирской.	Зиновія палмирской.
129 — 21	со временемъ.	со времени.
140 — 17	въ первые вѣка христіанства; высказывалась.	въ первые вѣка христіанства высказывалась.
147 — 22	привѣствія.	привѣтствія.
147 — 24	называется.	называются
154 — 21	кровію своею.	кровію свою.
180 — 25	отъ времени.	отъ времени до времени.
191 — 8	покоренныхъ.	покорныхъ.
191 — 11	какъ.	какъ.

194 — 21	торна	готорне.
206 — 25	подчинились	подчинялись.
207 — 7	находилась, въ непосред-	находилась въ непосред-
	ственной связи	ственной связи.
207 — 20	подраженіемъ	подражаніемъ.
208 — 19	въ VI-мъ столѣтіи	въ IV-мъ столѣтіи.
213 — 3	досѣнникомъ	дѣнникомъ.
217 — 2	наства	наства.
218 — 20	духовнымъ, вліяніемъ . . .	духовнымъ вліяніемъ.
222 — 22	опредѣленія	опредѣленія.
242 — 23	по духу во всему уст-	по духу, во всему уст-
	ройству	ройству.
245 — 24	вступающа	вступающа.
256 — 1	базкорыстія	безкорыстія.

ВЪ ОГЛАВЛЕНІИ:

II — 7	ныстоющее	, ныстоющее.
--------	---------------------	--------------